

Горький

Г. 1

Toll /
VII

7

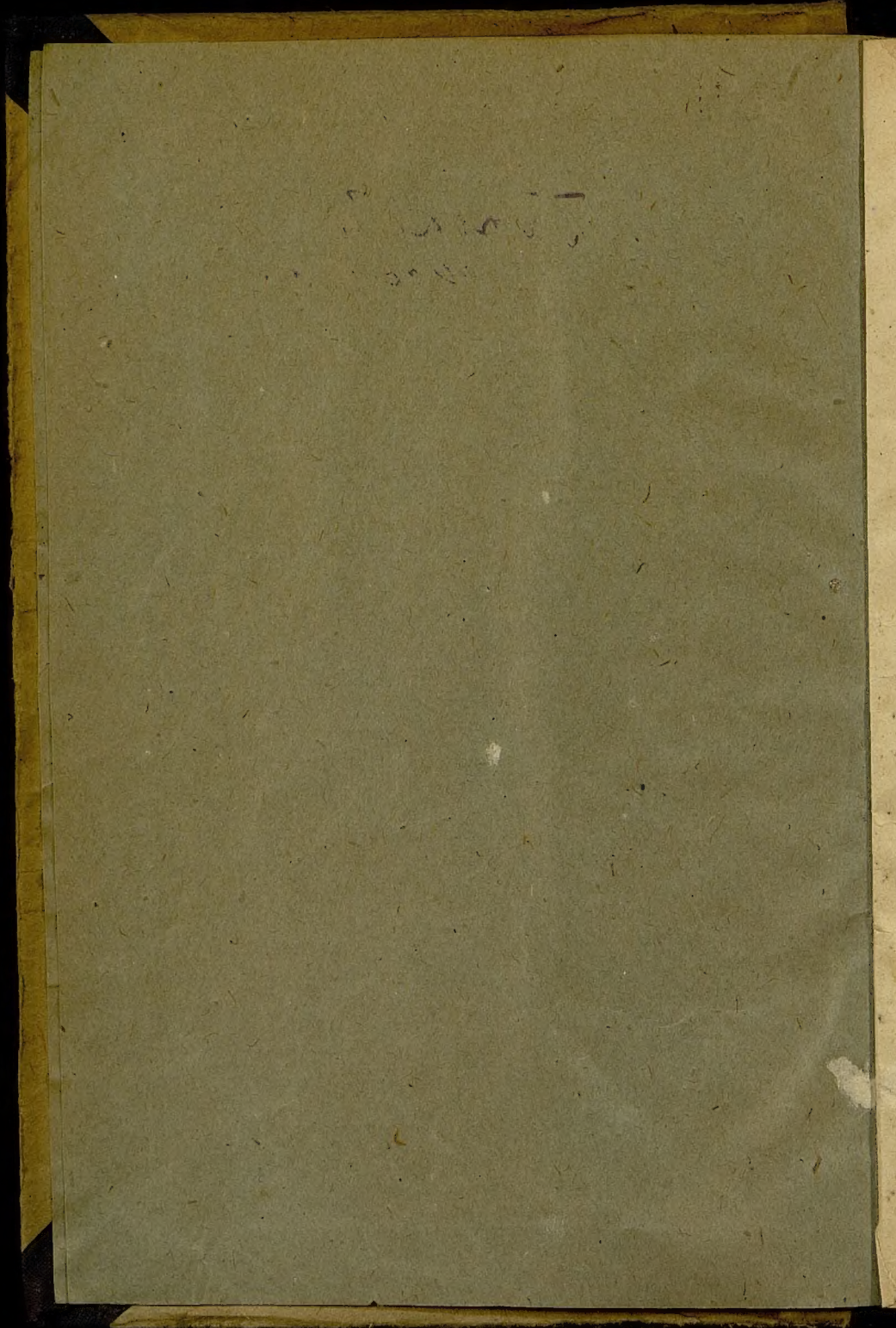
29

+

М. Топкин

I m d m

(расшифр.)

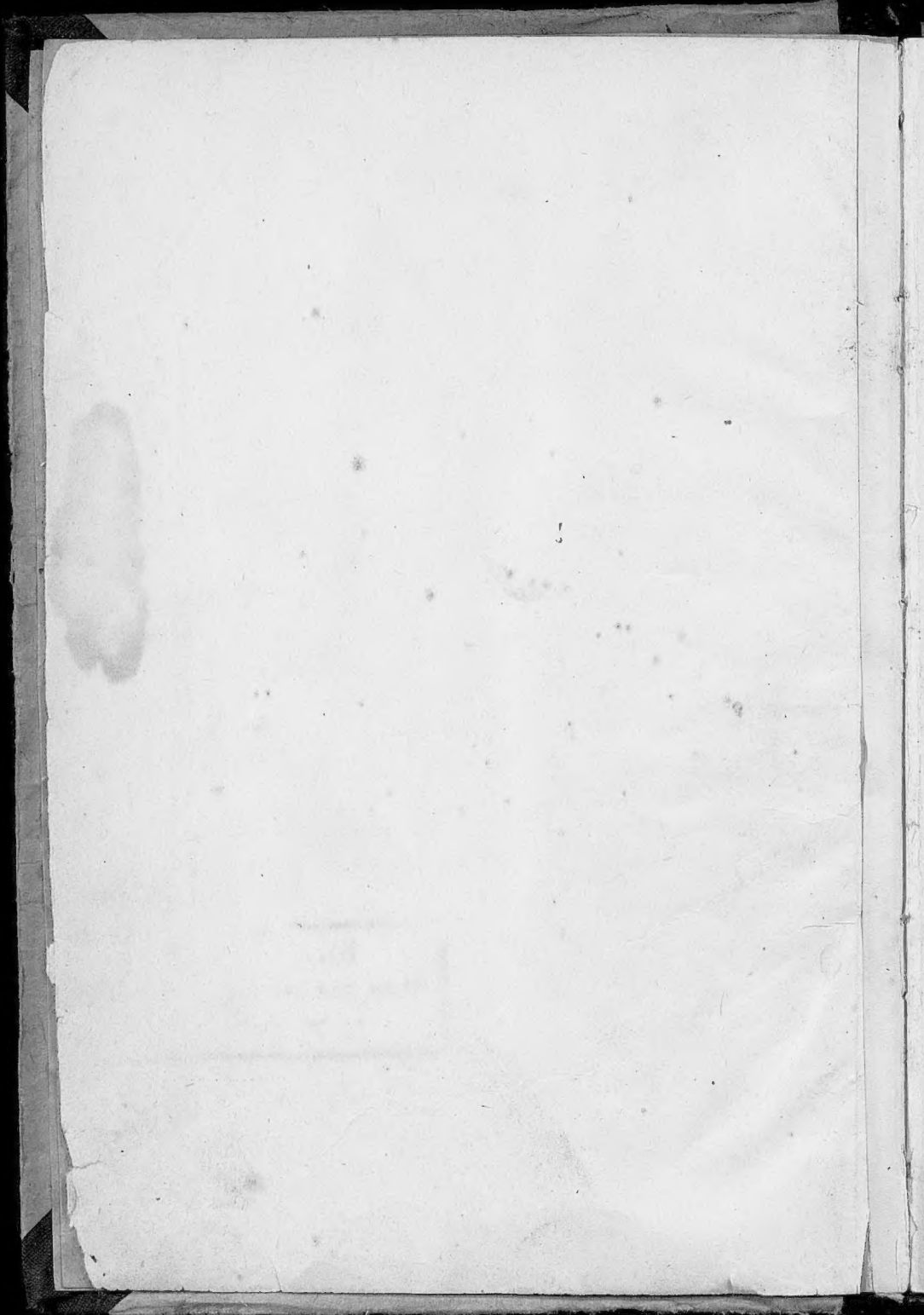
Г-71

М. Горький
рассказы.

Оглавление I тома.

	СТР.	
✓ Макарь Чудра*	1	
✓ Емельянъ Пидий.	17	я
✓ Дѣдъ Архипъ и Ленъка*	33	з-
✓ Челкашъ	63	а
✓ Старуха Изергиль	105	е
✓ Однажды осенью.	133	я
✓ Ошибка*	145	и
✓ Мой спутникъ	179	ь
✓ Дѣло съ застѣжками	219	е
✓ Пѣсня о соколѣ	235	л,
✓ На плотахъ	243	з-
✓ Болесь	259	о-
✓ Тоска	267	о
		е,
		в,
		о-
		л
		ю
		гь
		ія
		по
		ла-

МАКАРЪ ЧУДРА.

(1892.)

2124
Съ моря дулъ влажный и холодный вѣтеръ, разнося по степи задумчивую мелодію плеска набѣгавшей на берегъ волны и шелеста прибрежныхъ кустовъ. Изрѣдка его порывы приносили съ собой иззябіе, сморщенные и желтые листья и бросали ихъ въ костеръ, раздувая пламя, отчего окружавшая насъ мгла осенней ночи вздрагивала и, пугливо отодвигаясь, открывала на мигъ слева—безграничную степь, справа—безконечное море и прямо противъ меня массивную фигуру Макара Чудры, стараго цыгана, сторожившаго коней своего табора, раскинутаго шагахъ въ пятидесяти отъ насъ.

Не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что холодныя волны вѣтра, распахнувъ чекмень, обнажили его волосатую бронзовую грудь и безжалостно бьютъ ее, онъ полулежалъ въ красивой, свободной и сильной позѣ, лицомъ ко мнѣ, методически потягивалъ изъ своей громадной трубки, выпускалъ изо рта и носа густые клубы дыма и, неподвижно уставивъ глаза куда-то черезъ мою голову въ мертво молчавшую темь степи, разговаривалъ со мной, не умолкая и не дѣлая ни одного движенія къ защитѣ отъ рѣзкихъ ударовъ вѣтра.

— Такъ ты ходишь? Это хорошо! Ты славную долю выбралъ себѣ, соколъ. Такъ и надо: ходи и смотри, на-смотрился, лягъ и умирай—вотъ и все!

— Жизнь? Иные люди? — продолжалъ онъ, скептически выслушавъ мое возраженіе на его „такъ и надо“. — Эге! А тебѣ что до того? Развѣ ты самъ не жизнь? А другіе люди живутъ безъ тебя и проживутъ безъ тебя. Развѣ ты думаешь, что ты кому-то нуженъ? Ты не хлѣбъ и не палка, ну и не нужно тебя никому.

— Учиться и учить, говоришь ты? А ты можешь научиться сдѣлать людей счастливыми? Нѣтъ, не можешь. Ты посѣдѣй сначала, да и говори, что надо учить. Чему учить? Всякій знаетъ, что ему нужно. Которые умнѣе, тѣ берутъ что есть, которые поглупѣе — тѣ ничего не получаютъ, и всякій самъ учится...

— Смѣшныя они, тѣ твои люди. Сбирались въ кучу и давятъ другъ друга, а мѣста на землѣ вонъ сколько, — онъ широко повелъ рукой на степь. — И все работаютъ. Затѣмъ? кому? Никто не знаетъ. Видишь, какъ чело-вѣкъ пашетъ, и думаешь: вотъ онъ по каплѣ съ потомъ силы свои источить на землю, а потомъ ляжетъ въ нее и сгніетъ въ ней. Ничего по немъ не останется, ничего онъ не видитъ съ своего поля и умираетъ, какъ родился, дуракомъ.

— Что жъ, онъ родился затѣмъ, что ли, чтобъ поковырять землю, да и умереть, не успѣвъ даже могилы самому себѣ выковырять? Вѣдома ему воля? Ширь степная понятна? Говоръ морской волны веселить ему сердце? Эге! Онъ рабъ — какъ только родился, и во всю жизнь рабъ, да и все тутъ! Что онъ съ собой можетъ сдѣлать? Только удавиться, коли поумнѣетъ немного.

— А я, вотъ, смотри, въ 58 лѣтъ столько видѣлъ, что коли написать все это на бумагѣ, такъ въ тысячу такихъ торбъ, какъ у тебя, не положишь. А ну-ка, скажи, въ какихъ краяхъ я не былъ? И не скажешь. Ты и не знаешь такихъ краевъ, гдѣ я бывалъ. Такъ нужно жить: иди, иди — и все тутъ. Долго не стой на одномъ мѣстѣ — чего въ немъ? Вонъ какъ день и ночь вѣчно бѣгаютъ, гоняясь другъ за другомъ, вокругъ

земли, такъ и ты бѣгай отъ думъ про жизнь, чтобъ не разлюбить ея. А задумаешься — разлюбишь жизнь, это всегда такъ бываетъ. И со мной это было. Эге! Было, соколъ.

— Въ тюрьмѣ я сидѣлъ, въ Галичинѣ. Зачѣмъ я живу на свѣтѣ? — помыслилъ я какъ-то разъ со скуки — скучно въ тюрьмѣ, соколъ, э, какъ скучно! — и взяла меня тоска за сердце, какъ посмотрѣлъ я изъ окна на поле, взяла и сжала его, какъ клещами. Кто скажетъ, зачѣмъ онъ живетъ? Никто не скажетъ, соколъ! И спрашивать себя про это не надо. Живи, и все тутъ. И похаживай да посматривай кругомъ себя, вотъ и тоска не возьметъ никогда. Я тогда чуть не удавился поясомъ, вотъ какъ!

— Хе! Говорилъ я съ однимъ человѣкомъ. Строгій человѣкъ изъ вашихъ, русскихъ. Нужно, говорить онъ, жить не такъ, какъ ты самъ хочешь, а такъ, какъ сказано въ Божьемъ словѣ. Богу покоряйся, и Онъ дастъ тебѣ все, что попросишь у Него. А самъ онъ весь въ дыряхъ, рваный. Я и сказалъ ему, чтобы онъ себѣ новую одежду попросилъ у Бога. Разсердился онъ и прогналъ меня, ругаясь. А до того говорилъ, что надо прощать людей и любить ихъ. Вотъ бы и простилъ мнѣ, коли моя рѣчь обидѣла его милость. Тоже учитель! Учатъ они меньше ѣсть, а сами ѣдятъ по десять разъ въ сутки.

Онъ плюнулъ въ костеръ и замолчалъ, снова набивая трубку. Вѣтеръ вылъ о чемъ-то жалобно и тихо, во тьмѣ ржали кони и изъ табора плыла нѣжная и страстная пѣсня-думка. Это пѣла красавица Нонка, дочь Макара. Я зналъ ея голосъ густого грудного тембра, всегда какъ-то странно недовольно и требовательно звучащій — пѣла ли она пѣсню, говорила ли „здравствуй“. На ея смугломъ матовомъ лицѣ замерла надменность царицы, а въ подернутыхъ какой-то тѣнью темнокарихъ глазахъ сверкало сознаніе обаянія и неотразимости

своей красоты и презрѣнія ко всему, что не она сама.

Макаръ подалъ мнѣ трубку.

— Кури! Хорошо поеть дѣвка? То-то! Хотѣлъ бы, чтобъ такая тебя полюбила? Нѣтъ? Хорошо! Такъ надо— не вѣрь дѣвкамъ и держись отъ нихъ дальше. Дѣвкѣ цѣловаться лучше и пріятнѣй, чѣмъ мнѣ трубку курить, а поцѣловать ее—и умерла воля въ твоёмъ сердцѣ. Привяжетъ она тебя къ себѣ чѣмъ-то, чего не видно и порвать нельзя, и отдашь ты ей всю душу, а тебѣ только остальное. Вѣрно! Берегись дѣвок! Лгутъ всегда, гадюки. Люблю, говорить, больше всего на свѣтѣ, а ну-ка, уколи ее булавкой, и она разорветъ тебѣ сердце. Знаю я! Эге, сколько я знаю! Ну, соколъ, хочешь скажу одну быль? А ты ее запомни и какъ запомнишь, вѣкъ свой будешь свободной птицей...

„Быль на свѣтѣ Зобаръ, молодой цыганъ, Лойко Зобаръ. Вся Венгрія и Чехія, и Славонія, и все, что кругомъ моря, знало его, — удалый былъ малый! Не было по тѣмъ краямъ деревни, въ которой бы пятокъ-другой жителей не давалъ Богу клятвы убить Лойко, а онъ себѣ жилъ, и ужъ коли ему понравился конь, такъ хоть полкъ солдатъ поставъ сторожить того коня—все равно Зобаръ на немъ гарцовать станеть! Эге! развѣ онъ кого боялся? Да приди къ нему сатана со всей своей свитой, такъ онъ бы, коли бъ не пустилъ въ него ножа, то навѣрно бы крѣпко поругался, а что чертямъ подарилъ бы по пинку въ рыла—это ужъ какъ разъ!

„И всѣ таборы его знали или слышали о немъ. Онъ любилъ только коней и ничего больше, и то не долго—поѣздить, да и продать, а деньги, кто хочетъ, тотъ и возьми. У него не было завѣтнаго — нужно тебѣ его сердце, онъ самъ бы вырвалъ его изъ груди да тебѣ и отдать, только бы тебѣ отъ того хорошо было. Вотъ онъ какой былъ, соколъ!

„Нашъ таборъ кочевалъ въ то время по Буковинѣ,—это годовъ 10 назадъ тому. Разъ,—это ночью весенней

я помню было, — сидимъ мы: я вотъ, Данила солдатъ, что съ Кошутомъ воевалъ вмѣстѣ, и Нуръ старшій, и всѣ другіе, и Радда, Данилова дочка.

„Ты Нонку мою знаешь? Царица-дѣвка! Ну, а Радду съ ней равнять нельзя — много чести Нонкѣ! О ней, этой Раддѣ, словами и не скажешь ничего. Можетъ быть ея красоту можно бы на скрипкѣ сыграть, да и то тому, кто эту скрипку какъ свою душу знаетъ.

„Много посушила она сердцецъ молодецкихъ, ого, много! На Моравѣ одинъ магнатъ, старшій, чубатый, увидалъ ее и остолбенѣлъ. Сидитъ на конѣ и смотреть, дрожа, какъ въ огневицѣ. Красивъ онъ былъ, какъ чортъ въ праздникъ, жупанъ шитъ золотомъ, на боку сабля, какъ молнія сверкаетъ, чуть конь ногой топнетъ... вся эта сабля въ камняхъ драгоценныхъ и голубой бархатъ на шапкѣ, точно неба кусокъ, — важный былъ господарь старшій! Смотрѣлъ, смотрѣлъ, да и говоритъ Раддѣ: Гей! Поцѣлуй, кошель денегъ дамъ. — А та отвернулася въ сторону, да и только! — Прости, коли обидѣлъ, взгляни хоть поласковѣй, — сразу сбавилъ спеси старшій магнатъ и бросилъ къ ея ногамъ кошель — большой кошель, братъ! А она его будто невзначай пнула ногой въ грязь, да и все тутъ.

— „Эхъ, дѣвка! — охнулъ онъ, да и плетью по коню — только пыль взвилась тучей.

„А на другой день снова явился. — Кто ея отецъ? — громомъ гремитъ по табору. Данила вышелъ. Продай дочъ, что хочешь возьми! — А Данила и скажи ему: — Это только паны продаютъ все отъ своихъ свиней до своей совѣсти, а я съ Кошутомъ воевалъ и ничѣмъ не торгую! — Взревѣлъ было тотъ, да и за саблю, но кто-то изъ насъ сунулъ зажженный трутъ въ ухо коню, онъ и унесъ молодца. А мы снялись, да и пошли. День идемъ и два, смотримъ — догнать! Гей, вы, говоритъ, передъ Богомъ и вами совѣсть моя чиста, отдайте дѣвку въ жены мнѣ; все подѣлю съ вами, богатъ я сильно! —

Горить весь и, какъ ковыль подъ вѣтромъ, качается въ сѣдлѣ. Мы задумались.

— „А ну-ка, дочь, говори! — сказать себѣ въ усы Данила.

— „Кабы орлица къ ворону въ гнѣздо по своей волѣ вошла, чѣмъ бы она стала?—спросила насъ Радда.

Засмѣялся Данила и всѣ мы съ нимъ.

— „Славно, дочка! Слышаль, господарь? Не идетъ дѣло! Голубокъ ищи—тѣ податливѣй. И пошли мы впередъ.

„А тотъ господарь схватилъ шапку, бросилъ ее оземъ и поскакалъ, поскакалъ такъ, что земля задрожала. Вотъ она какова была Радда, соколъ!

„Да! такъ вотъ разъ ночью сидимъ мы и слышимъ—музыка плыветъ по степи. Хорошая музыка! кровь загоралась въ жилахъ отъ нея и звала она куда-то. Всѣмъ намъ, мы чужаки, отъ той музыки захотѣлось чего-то такого, послѣ чего бы и жить ужъ не нужно было, или, коли жить, такъ царями надъ всей землей,—вотъ какая, соколъ!

„А она все ближе. Вотъ изъ темноты вырѣзается конь, а на немъ человѣкъ сидитъ и играетъ, подвѣзжая къ намъ. Остановился у костра, пересталъ играть и, улыбаясь, смотреть на насъ.

— „Эге, Зобаръ, да это ты!—крикнулъ ему Данила радостно. Такъ вотъ онъ Лойко Зобаръ!

„Усы легли на плечи и смѣшались съ кудрями вороненой стали, очи, какъ ясныя звѣзды, горять, а улыбка—цѣлое солнце, ей-Богу! Точно его ковалѣмъ ковалѣ изъ одного куска желѣза вмѣстѣ съ конемъ. Стоитъ весь, какъ въ крови, въ огнѣ костра и сверкаетъ зубами, смѣясь. Эге, будь я проклятъ, коли я его не любилъ уже, какъ себя, раньше, чѣмъ онъ мнѣ слово сказалъ или просто замѣтилъ, что и я тоже живу на бѣломъ свѣтѣ!

„Вотъ, соколъ, какіе люди бываютъ! Взглянетъ онъ тебѣ въ очи и полонитъ твою душу, и ничуть тебѣ это

не стыдно, а еще и гордо для тебя. Съ такимъ чело-
вѣкомъ ты и самъ лучше становишься сразу же. Мало,
другъ, такихъ людей! Ну, такъ и ладно, коли мало.
Много хорошаго было бы на свѣтѣ, такъ его и за хо-
рошее не считали бѣ. Такъ-то! А слушай-ка дальше.

„Радда и говоритъ:—Хорошо ты, Лойко, играешь!
Кто это дѣлалъ тебѣ скрипку такую звонкую и чут-
кую? А тотъ смѣется:—я самъ дѣлалъ! И сдѣлалъ ее
не изъ дерева, а изъ груди молодой дѣвушки, которую
любилъ крѣпко, а струны изъ ея сердца мной свиты.
Вретъ еще немного скрипка, ну да я умѣю смычокъ
въ рукахъ держать исправно! Видишь?

„Извѣстно, нашъ братъ старается сразу затума-
нить дѣвкѣ очи, чтобъ они не зажгли его сердца, а
сами подернулись бы по тебѣ грустью, вотъ и Лойко
тожъ. Но не на ту попалъ. Радда отвернулась въ сто-
рону и, зѣвнувъ, сказала:—А еще говорили, что Зобаръ
умень и ловокъ—вотъ лгутъ люди, и пошла прочь.

— „Эге, красавица, у тебя остры зубы!—сверкнулъ
очами Лойко и слѣзъ съ коня.—Здравствуйте, братья!
Вотъ и я къ вамъ!

— „Просимъ гостя, орелъ!—сказалъ Данила въ от-
вѣтъ ему. Поцѣловались, поговорили и легли спать...
Крѣпко спали. А на утро, глядимъ, у Зобара голова
повязана тряпкой. Что это? А это конь зашибъ его ко-
пытомъ соннаго.

„Э, э, э! Поняли мы, кто тотъ конь, и улыбнулись
въ усы, и Данила улыбнулся. Что жъ, развѣ Лойко не
стоилъ Радды? Ну, ужъ нѣтъ! Дѣвка какъ ни хороша,
да у ней душа узка и мелка, и хотъ ты пудъ золота
повѣсь ей на шею, все равно, лучше того, какова она
есть, ей не быть. А ну, ладно!

„Живемъ мы, да живемъ на томъ мѣстѣ; дѣла у насъ
о ту пору хорошія были, и Зобаръ съ нами. Это былъ
товарищъ! И мудръ былъ, какъ старикъ, и свѣдушъ во
всемъ, и грамоту русскую и венгерскую понималъ.

Бывало, поидеть говорить—вѣкъ бы не спать, слушалъ его! А играть—убей меня громъ, коли на свѣтъ еще кто-нибудь такъ игралъ, какъ Зобаръ! Проведеть бывало по струнамъ смычкомъ—и вздрогнетъ у тебя сердце, проведетъ еще разъ—и замретъ оно, слушая, а онъ играетъ и улыбается. И плакать, и смѣяться хотѣлось въ одно время, слушая его пѣсни. Вотъ тебѣ сейчасъ кто-то стонетъ горько изъ-подъ смычка, стонетъ, просить помощи и рѣжетъ тебѣ грудь, какъ ножомъ. А вотъ степь говорить небу сказки, тихія, печальныя сказки. Плачетъ дѣвушка, провожая добра-молодца! Добрый молодецъ кличетъ дѣвицу въ степь на свиданіе. И вдругъ—гей! Громомъ, гремитъ вольная, живая пѣсня, и само солнце, того и гляди, затаицуетъ по небу подъ ту пѣсню! Вотъ какъ, соколъ!

„Каждая жила въ твоемъ тѣлѣ понимала ту пѣсню и весь ты становился рабомъ ея. И коли бы тогда крикнулъ Лойко: „въ ножи, товарищи!“—то и пошли бы мы всѣ въ ножи, съ кѣмъ указалъ бы онъ. Все онъ могъ сдѣлать съ человѣкомъ, и всѣ любили его, крѣпко любили, только Радда одна не смотритъ на парня; и ладно, коли бъ только это, а то и подсмѣивается надъ нимъ. Крѣпко она задѣла за сердце Зобара, то-то крѣпко зубами скрипитъ, дергая себя за усь, Лойко, очи темнѣе бездны смотреть, а порой въ нихъ такое сверкнетъ, что за душу страшно становится. Уйдетъ ночью въ степь далеко удалый Лойко и плачетъ до утра тамъ его скрипка, плачетъ, хоронитъ Зобарову волю. А мы лежимъ, да слушаемъ и думаемъ: какъ быть? И знаемъ, что коли два камня другъ на друга катятся, становится межъ ними нельзя—изувѣчать. Такъ и шло дѣло.

„Разъ сидѣли мы всѣ въ сборѣ и говорили о дѣлахъ. Скучно стало. Данила и проситъ Лойко:—„Спой, Зобаръ, пѣсенку, повесели душу!“—Тотъ повелъ окомъ на Радду, что неподалеку отъ него лежала кверху

лицомъ да смотрѣла въ небо, и ударилъ по струнамъ. Такъ и заговорила скрипка, точно это и вправду дѣвичье сердце было! И запѣлъ Лойко:

Гей-гопъ! Въ груди горитъ огонь,
А степь такъ широка!
Какъ вѣтеръ быстръ мой борзый конь,
Тверда моя рука!

„Повернула голову Радда и, привставъ, усмѣхнулась въ очи пѣвуну. Вспыхнулъ, какъ заря, онъ.

Гей, гопп-гей! Ну жъ, товарищъ мой!
Поскачемъ, что ль, впередъ!?
Одѣта степь суровой мглой,
А тамъ разсвѣтъ насъ ждетъ!
Гей-гопъ! Летимъ и встрѣтимъ день.
Взвивайся въ вышину!
Да только гривой не задѣнь
Красавицу луну!

„Вотъ пѣлъ! Никто ужъ такъ не поетъ теперь! А Радда и говоритъ, точно воду цѣдить:

— „Ты бы не залеталъ такъ высоко, Лойко, неравно упадешь, да въ лужу носомъ, усы запачкаешь, смотри. Звѣремъ посмотрѣлъ на нее Лойко, а ничего не сказалъ—стерпѣлъ парень и поетъ себѣ:

Гей-гопъ! Вдругъ день придетъ сюда,
А мы съ тобой спимъ.
Эй, гей! Вѣдь мы съ тобой тогда
Въ огнѣ стыда сгоримъ!

— „Это пѣсня!—сказалъ Данила,—никогда не слыхалъ такой пѣсни; пусть изъ меня сатана себѣ трубку сдѣластъ, коли вру я!—Старый Нуръ и усами поводитъ, и плечами пожималъ, и всѣмъ намъ по душѣ была удалая Зобарова пѣсня! Только Раддѣ не по нраву выпасъ.

— „Вотъ такъ однажды комаръ гудѣлъ, орлиный клекоть передразнивая,—сказала она, точно снѣгомъ въ насъ кинула.

— „Можетъ быть, ты, Радда, кнута хочешь?—потянулся Данила къ ней, а Зобаръ бросилъ наземь шапку, да и говорить, весь черный, какъ земля:

— „Стой, Данила! Горячему коню—стальные удила! Отдай мнѣ дочку въ жены!

— „Вотъ сказалъ рѣчь!—усмѣхнулся Данила, — да возьми, коли можешь, да хочешь!

— „Добро! — молвилъ Лойко, и говорить Раддѣ:

— „Ну, дѣвушка, послушай меня немного, да не ки-чись! Много я вашей сестры видѣлъ, эге много! А ни одна не тронула моего сердца такъ, какъ ты. Эхъ, Радда, полонила ты мою душу! Ну что жъ? Чему быть, такъ то и будетъ, и... эхъ! нѣтъ такого коня, на которомъ отъ самого себя ускакать можно бѣ было!... Беру тебя въ жены передъ Богомъ, своей честью, твоимъ отцомъ и всѣмъ этими людьми. Но смотри, волѣ моей не перечь—я все-таки свободный человѣкъ и буду жить такъ, какъ я хочу!—и онъ подошелъ къ ней, стиснувъ зубы и сверкая глазами. Смотримъ мы, протянулъ онъ ей руку, — вотъ, думаемъ, и надѣла узду на степного коня Радда! Вдругъ видимъ, взмахнулъ онъ руками и оземь затылкомъ грохъ!...

„Что за диво? Точно пуля ударила въ сердце. ма-лаго. А это Радда захлестнула ему ременное кнутовище за ноги, да и дернула къ себѣ, — вотъ отчего упалъ Лойко.

„И снова ужъ лежитъ дѣвка, не шевелясь, да усмѣхается, молча. Мы смотримъ, что будетъ, а Лойко сидитъ на землѣ и сжалъ руками голову, точно бонется, что она у него лопнетъ сейчасъ. А потомъ всталъ тихо, да и пошелъ въ степь, ни на кого не глядя. Нуръ шепнулъ мнѣ:—Смотри за нимъ!—И поползъ я за Зо-баромъ по степи въ темнотѣ ночной. Такъ-то, со-коль“!

Макаръ выколотилъ пепель изъ трубки и снова сталъ набивать ее. Я закутался плотнѣе въ чекмень и, лежа,

смотрѣлъ въ его старое лицо, черное отъ загара и вѣтра. Онъ сурово и строго качалъ головой и что-то шепталъ про-себя; густые сѣдые усы шевелились, и вѣтеръ трепалъ ему волосы на головѣ. Онъ былъ похожъ на старый дубъ, обожженный молніей, но все еще мощный, крѣпкій и гордый силой своей. Море шепталось по-прежнему съ берегомъ, и вѣтеръ все также носилъ его шопотъ по степи. Нонка уже не пѣла, а собравшіяся на небѣ тучи сдѣлали осеннюю ночь еще темнѣй и страшнѣй.

„Шель Лойко нога за ногу, повѣся голову и опустивъ руки, какъ плети, и, придя въ балку къ ручью, сѣлъ на камень и охнулъ. Такъ охнулъ, что у меня сердце кровью облилось отъ жалости, но все жъ не подошелъ къ нему. Словомъ горю не поможешь—вѣрно!? То-то! Часъ онъ сидитъ, другой сидитъ и третій не шелохнется—сидитъ.

„И я лежу неподалеку. Ночь свѣтлая, мѣсяцъ серебромъ всю степь залилъ и далеко все видно.

„Вдругъ вижу: отъ табора спѣшно Радда идетъ.

Весело мнѣ стало, эхъ, важно! — думаю, — удалая дѣвка Радда! Вотъ она подошла къ нему, онъ и не слышитъ. Положила ему руку на плечо; вздрогнулъ Лойко, разжалъ руки и поднялъ голову. И какъ вско-чить, да за ножъ! Ухъ, порѣжетъ дѣвку, вижу я, и ужъ хотѣлъ, крикнувъ до табора, побѣжать къ нимъ, вдругъ слышу:

— „Брось! Голову разобью!—Смотрю: у Радды въ рукѣ пистоль и она въ лобъ Зобару цѣлитъ. Вотъ сатана дѣвка! А ну, думаю, они теперь равны по силѣ, что будетъ дальше?

— „Слушай! — Радда заткнула за поясъ пистоль и говоритъ Зобару:—Я не убить тебя пришла, а мириться, бросай ножъ! Тотъ бросилъ и хмуро смотреть ей въ очи. Дивно это было, брать! Стоять два человѣка и звѣрями смотреть другъ на друга, а оба такіе хорошіе,

удалые люди. Смотрить на нихъ ясный мѣсяцъ, да я—и все тутъ.

— „Ну, слушай меня, Лойко: я тебя люблю!—говорить Радда. Тотъ только плечами повель, точно связанный по рукамъ и ногамъ.

— „Видала я молодцовъ, а ты удалѣй и краше ихъ душой и лицомъ. Каждый изъ нихъ усы себѣ бы сбрилъ—моргни я ему глазомъ, всѣ они пали бы мнѣ въ ноги, захоти я того. Но что толку? Они и такъ не больно-то удалы, а я бы ихъ всѣхъ обабила. Мало осталось на свѣтѣ удалыхъ цыганъ, мало, Лойко. Никогда я никого не любила, Лойко, а тебя люблю. А еще я люблю волю! Волю-то я, Лойко, люблю больше, чѣмъ тебя. А безъ тебя мнѣ не жить, какъ не жить и тебѣ безъ меня. Такъ вотъ я хочу, чтобъ ты былъ моимъ и душой и тѣломъ, слышишь?—Тотъ усмѣхнулся.

— „Слышу! Весело сердцу слушать твою рѣчь! Ну-ка, скажи еще!

— „А еще вотъ что, Лойко: все равно, какъ ты ни вертись, я тебя одолѣю, моимъ будешь. Такъ не теряй же даромъ времени—впереди тебя ждуть мои поцѣлуи да ласки... крѣпко цѣловать я тебя буду, Лойко! Подъ поцѣлуи мой позабудешь ты свою удалую жизнь... и живыя пѣсни твои, что такъ радуютъ молодцовъ цыганъ, не зазвучать по степямъ больше—пѣть ты ужъ будешь любовныя, нѣжныя пѣсни мнѣ, твоей Раддѣ... Такъ не теряй даромъ времени, — сказала я это, значить, ты завтра покоришься мнѣ, какъ старшему товарищу юнаку. Поклонишься мнѣ въ ноги передъ всѣмъ таборомъ и поцѣлуешь правую руку мою—и тогда я буду твоей женой!

„Вотъ чего захотѣла чортова дѣвка! Этого и слыхомъ не слыхано было; только встарину у черногорцевъ такъ было, говорили старики, а у цыганъ — никогда! Побратимство съ дѣвкой! Ну-ка, соколъ, выдумай что ни то посмѣишь? Годъ поломаешь голову, не выдумаешь!

„Прянулъ въ сторону Лойко и крикнуть на всю степь, какъ раненый въ грудь. Дрогнула Радда, но не выдала себя.

— „Ну, такъ прощай до завтра, а завтра ты сдѣлаешь, что я велѣла тебѣ. Слышишь, Лойко!

— „Слышу! Сдѣлаю,—застоналъ Зобаръ и протянулъ къ ней руки. Она и не оглянулася на него, а онъ зашатался, какъ сломанное вѣтромъ дерево, и палъ на землю, рыдая и смѣясь.

„Вотъ какъ замаяла молодца проклятая Радда. Насилу я привелъ его въ себя.

„Эхе! Какому дьяволу нужно, чтобы люди горе горевали? Кто это любитъ слушать, какъ стонетъ, разрываясь отъ горя, человѣческое сердце? Вотъ и думай тутъ!..

„Воротился я въ таборъ и разсказать о всемъ старикамъ. Подумали и рѣшили подождать, да посмотрѣть—что будетъ изъ всего этого. А было вотъ что. Какъ собрались все мы вечеромъ вокругъ костра, пришелъ и Лойко. Былъ онъ смущенъ и похудѣлъ за ночь страшно, глаза ввалились; онъ опустилъ ихъ въ землю и, не подымая, сказалъ намъ:

— „Вотъ какое дѣло, товарищи: смотрѣлъ въ свое сердце этой ночью и не нашелъ мѣста въ немъ старой вольной жизни моей. Радда тамъ живетъ только—и все тутъ! Вотъ она, красавица Радда, улыбается, какъ царица! Она любитъ свою волю больше меня, а я ее люблю больше своей воли, и рѣшилъ я Раддѣ поклониться въ ноги, такъ она велѣла, чтобъ все видѣли, какъ ея красота покорила удалого Лойко Зобара, который до нея игралъ съ дѣвушками, какъ кречетъ съ утками. А потомъ она станетъ моей женой и будетъ ласкать и цѣловать меня, такъ что уже мнѣ и пѣсенъ пѣть вамъ не захочется, и воли моей я не пожалѣю! Такъ ли, Радда?—Онъ поднялъ глаза и сумно посмотрѣлъ на нее. Она молча и строго кивнула головой и рукой указала себѣ на ноги. А мы смотрѣли

и ничего не понимали. Даже уйти куда-то хотѣлось, лишь бы не видать, какъ Лойко Зобаръ упадетъ въ ноги дѣвкѣ— пусть эта дѣвка и сама Радда. Стыдно было чего-то и жалко, и грустно.

— „Ну!—крикнула Радда Зобару.

— „Эге, не торопись, успѣешь, надоѣсть еще...—засмѣялся онъ. Точно сталь зазвенѣла,—засмѣялся.

— „Такъ вотъ и все дѣло, товарищи! Что остается? А остается попробовать, такое ли у Радды моей крѣпкое сердце, какимъ она мнѣ его показывала. Попробую же,— простите меня, братцы!

„Эхъ! мы и догадаться еще не успѣли, что хотеть дѣлать Зобаръ, а ужъ Радда лежала на землѣ и въ груди у нея по рукоятъ торчалъ кривой ножъ Зобара. Оцѣпенѣли мы.

„А Радда вырвала ножъ, бросила его въ сторону и, зажавъ рану прядью своихъ черныхъ волосъ, улыбаясь, сказала громко и внятно:

— „Прощай, Лойко! я знала, что ты такъ сдѣлаешь!...—да и умерла...

„Понялъ ли дѣвку, соколъ?! Вотъ какая, будь я проклять на вѣки вѣчные, дьявольская дѣвка была! Эге!

— „Эхъ! да и поклонюсь же я тебѣ въ ноги, королева гордая!—на всю степь гаркнулъ Лойко, да бросившись наземь, прильнулъ устами къ ногамъ мертвой Радды и замеръ. Мы сняли шапки и стояли молча.

„Что скажешь въ такомъ дѣлѣ, соколъ? То-то! Нуръ сказалъ было: „надо связать его!“ Не поднялись бы руки вязать Лойко Зобара, ни у кого не поднялись бы, и Нуръ зналъ это. Махнулъ онъ рукой, да и отошелъ въ сторону. А Данила поднялъ ножъ, брошенный въ сторону Раддой, и долго смотрѣлъ на него, шевеля сѣдыми усами; на томъ ножѣ еще не застыла кровь Радды и былъ онъ такой кривой и острый. А потомъ подошелъ Данила къ Зобару и сунулъ ему ножъ въ спину какъ разъ противъ сердца. Тоже отцомъ былъ Раддѣ старый солдатъ Данила!

— „Вотъ такъ!—повернувшись къ Данилѣ, ясно сказалъ Лойко и ушелъ догонять Радду.

„А мы смотрѣли. Лежала Радда, прижавъ къ груди руку съ прядью волосъ, и открытые глаза ея были въ голубомъ небѣ, а у ногъ ея раскинулся удалой Лойко Зобарь. На лицо его пали кудри и не видно было его лица.

„Стояли мы и думали. Дрожали усы у стараго Данилы и насупились густыя брови его. Онъ глядѣлъ въ небо и молчалъ, а Нуръ, сѣдой какъ лунь, легъ внизъ лицомъ на землю и заплакалъ такъ, что ходуномъ заходили его стариковскія плечи.

„Было тутъ надъ чѣмъ плакать, соколъ! Такъ-то!...

„Идешь ты, ну и иди твоимъ путемъ, не сворачивая въ сторону. Прямо и иди. Можетъ, и загинешь даромъ. Вотъ и все, соколъ!“

Макаръ замолчалъ и, спрятавъ въ кисеть трубку, запахнулъ на груди чекмень. Накрапывалъ дождь, вѣтеръ сталъ сильнѣе и море рокотало глухо и сердито. Одинъ за другимъ къ угасавшему костру подходили кони и, осмотрѣвъ насъ большими, умными глазами, неподвижно останавливались, окружая насъ плотнымъ кольцомъ.

— Гопъ, гопъ, эгой!—крикнулъ имъ ласково Макаръ и, похлопавъ ладонью шею своего любимаго вороного коня, сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Спать пора!—завернулся съ головой въ чекмень и, могуче вытянувшись наземлѣ, умолкъ. Мнѣ нехотѣлось спать. Я смотрѣлъ въ темъ степи къ морю, и въ воздухѣ передъ моими глазами плавала царственно красивая и гордая фигура Радды. Она прижала руку съ прядью черныхъ волосъ къ ранѣ на груди, и сквозь ея смуглые, тонкіе пальцы сочилась капля по каплѣ кровь, падая на землю огненно-красными звѣздочками.

А за ней по пятамъ плылъ удалой молодецъ Лойко Зобарь; его лицо завѣсили пряди густыхъ черныхъ

кудрей, и изъ-подъ нихъ капали частыя, холодныя и крупныя слезы...

Усиливался дождь, и море расплывало мрачный и торжественный гимнъ гордой парѣ красавцевъ цыганъ — Лойко Зобару и Раддѣ, дочери стараго солдата Данилы.

А они оба кружились во тьмѣ ночи плавно и безмолвно и никакъ не могъ красавецъ-пѣвунъ Лойко поровняться съ гордой Раддой...

ЕМЕЛЬЯНЪ ПИЛЯЙ.

(1893.)

29/49 — Ничего больше не остается дѣлать, какъ идти на соль! Солона эта проклятущая работа, а все жъ таки надо взяться, потому что этакъ-то, неровень часъ, и съ голоду подохнешь.

Проговоривъ это, мой товарищъ Емельянъ Пиляй въ десятый разъ вынулъ изъ кармана кисеть и, убѣдившись, что онъ такъ же пустъ, какъ былъ пустъ и вчера, вздохнулъ, сплюнулъ и, повернувшись на спину, посвистывая, сталъ смотрѣть на безоблачное, дышавшее зноемъ небо. Мы съ нимъ лежали на песчаной косѣ верстахъ въ 3-хъ отъ Одессы, откуда ушли, не найдя работы, и теперь, голодные, обсуждали вопросъ, куда идти. Емельянъ протянулся на песокъ головой въ степь и ногами къ морю, и волны, набѣгая на берегъ и мягко шумя, мыли его голыя и грязныя ноги. Жмурясь отъ солнца, онъ то потягивался какъ котъ, то сдвигался ниже къ морю, и тогда волна окачивала его чуть не до плечъ. Это ему нравилось, настраивая его на лѣнливо-меланхолическій ладъ.

Явзглянулъ въ сторону гавани, гдѣ возвышался сплошной дѣсъ мачтъ, окутанныхъ клубами тяжелаго черного сизаго дыма, и откуда плылъ надъ моремъ нестройный, глухой шумъ якорныхъ цѣпей, свистъ локомотивовъ, по-

дававшихъ грузъ, поживленные голоса рабочихъ, грузившихъ суда. Я не усмотрѣлъ тамъ ничего, что бы возродило нашу угасшую надежду на заработокъ, и, вставая на ноги, сказалъ Емельяну:

— Ну, что жъ, идемъ на соль!

— Такъ... иди!... А ты сладишь?—вопросительно протянулъ онъ, не глядя на меня.

— Тамъ увидимъ.

— Такъ, значитъ, идемъ? — не шевеля ни однимъ членомъ, повторилъ Емельянъ.

— Ну, конечно!

— Ага! Что жъ, это дѣло... пойдемъ! А эта проклятая Одесса—пусть ее черти проглотятъ!—останется тутъ, гдѣ она и есть. Портовый городъ! Чтобъ те провалиться сквозь землю!

— Ладно, вставай и пойдемъ; руганью не поможешь.

— Куда пойдемъ? Это на соль-то?... Такъ. Только вотъ видишь ли, братику, на соли этой тоже толку не будетъ, хоть мы и пойдемъ.

— Да вѣдь ты же говорилъ, что нужно туда идти.

— Это вѣрно, я говорилъ. Что я говорилъ, такъ говорилъ; ужъ я отъ своихъ словъ не откажусь. А только не будетъ толку, это тоже вѣрно.

— Да почему?

— Почему? А ты думаешь, что тамъ насъ ждутъ, дескать, пожалуйте, господа Емельянъ да Максимъ, сдѣлайте милость, ломайте ваши кости, получайте наши гроши!... Ну нѣтъ, такъ-то не бываетъ! Дѣло стоитъ вотъ какъ: теперь ты и я—полные хозяева нашихъ шкуръ...

— Ну ладно, будетъ! Пойдемъ!

— Погоди! Должны мы пойти къ господину завѣдывающему этою самою солью и сказать ему со всѣмъ нашимъ почтеніемъ: милостивый господинъ, многоуважаемый грабитель и кровопийца, вотъ мы пришли предложить вашему живоглотію оныя наши шкуры, не благо-

угодно ли вамъ будетъ содрать ихъ за 60 копеекъ въ сутки! И тогда послѣдуетъ...

— Ну вотъ что, ты вставай и пойдемъ. До вечера придемъ къ рыбацкимъ заводамъ, поможемъ выбрать псеводъ—накормятъ ужинномъ, можетъ быть.

— Ужиномъ? Это справедливо. Они накормятъ; рыбацки народъ хорошій. Пойдемъ, пойдемъ... Но ужъ толку, братецъ ты мой, мы съ тобой не отыщемъ, потому—незадача намъ съ тобой всю недѣлю, да и все тутъ.

Онъ всталъ весь мокрый, потянулся и засунулъ руки въ карманы штановъ, сшитыхъ имъ изъ двухъ мучныхъ мѣшковъ, пошарилъ тамъ и юмористически оглядѣлъ пустыя руки, вынувъ ихъ и поднеся къ лицу.

— Ничего!... Четвертый день ищу и все — ничего! Дѣла, братецъ ты мой!

Мы пошли берегомъ, изрѣдка перекидываясь другъ съ другомъ замѣчаніями. Ноги вязли въ мокромъ пескѣ, перемѣшанномъ съ раковинами, мелодично шуршавшими отъ мягкихъ ударовъ набѣгавшихъ волнъ. Изрѣдка попадались выброшенные волной студенистыя медузы, рыбки, куски дерева странной формы, намокшіе и черные... Съ моря набѣгалъ славный, свѣжій вѣтерокъ, опахивалъ насъ прохладой и летѣлъ въ степь, вздымая маленькіе вихри песчаной пыли.

Емельянъ, всегда веселый, видимо унывалъ, и я, замѣчая это, сталъ пытаться развлечь его.

— Ну-ка, Емеля, расскажи что-нибудь, что ли, изъ твоей жизни!

— Рассказалъ бы я тебѣ, братъ, да говорилка слаба стала, потому—брюхо пустуетъ. Брюхо въ человѣкѣ — главное дѣло, и какого хочешь уroda найди—а безъ брюха не найдешь, дудки! А какъ брюхо покойно, значитъ, и душа жива: всякое дѣяніе человѣческое отъ брюха происходитъ... ну, да ты это и самъ знаешь.

Онъ помолчалъ.

— Эхъ, братъ, коли бы теперь тысячу рублей море

мнѣ швырнуло—бацъ! Сейчасъ открылъ бы кабакъ; тебя въ приказчики, самъ устроилъ бы подъ стойкой постель и прямо изъ боченка въ ротъ себѣ трубку провелъ. Чуть захотѣлось испить отъ источника веселія и радости, сейчасъ я тебѣ команду: Максимъ, отверни кранъ!—и... буль-буль-буль... прямо въ горло! Глотай, Емеля! Хо-орошее дѣло, бѣсъ меня удави! А мужика бы этого, черноземнаго барина—ухъ ты!... грабь... дери шкуру!... выворачивай наизнанку. Придетъ опохмеляться—„Емельянъ Павлычъ! дай въ долгъ стаканчикъ!“ — А?... Что?... Въ долгъ?! Не дамъ въ долгъ!—„Емельянъ Павлычъ, будь милосердъ!“—Изволь, буду: вези телѣгу, шкаликъ дамъ. Ха-ха-ха! Я бы его, чорта тугопузаго, пронзилъ!

— Ну, что ужъ ты такъ жестоко! Смотри-ка—вонъ онъ голодаеть, мужикъ-то.

— Какъ-съ? Голодаеть?... Хорошо-съ! Правильно-съ! А я не голодаю? Я, братецъ ты мой, со дня моего рожденія голодаю, а этого въ законѣ не писано. Нда-съ! Онъ голодаеть... почему? Неурожай? Сомнительно. У него сначала въ башкѣ неурожай, а потомъ ужъ на полѣ, вотъ что! Почему въ другихъ прочихъ имперіяхъ неурожая нѣтъ?! Потому, что тамъ у людей головы не затѣмъ приделаны, чтобъ можно было въ затылкѣ скрести; тамъ думаютъ,—вотъ что-съ! Тамъ, братъ ты мой, дождь можно отложить до завтра, коли онъ сегодня не нуженъ, и солнце можно на задній планъ отодвинуть, коли оно слишкомъ усердствуетъ. А у насъ какія свои мѣры есть? Никакихъ мѣръ, братецъ ты мой... Нѣтъ, это что! Это все шутки. А вотъ кабы дѣйствительно тысячу рублей и кабакъ, это бы дѣло серьезное...

Онъ замолчалъ и по привычкѣ полѣзъ за кисетомъ, вынулъ его, выворотилъ наизнанку, посмотрѣлъ и, зло плюнувъ, бросилъ въ море.

Волна подхватила грязный мѣшечекъ, понесла-было его отъ берега, но, рассмотрѣвъ этотъ даръ, негодующе выбросила снова на берегъ.

— Не берешь? Врешь, возьмешь!—и, схвативъ мокрый кисетъ, Емельянъ сунулъ въ него камень и, размахнувшись, бросилъ далеко въ море.

Я засмѣялся.

— Ну, что ты скалишь зубы-то?... Люди тоже! Читаетъ книжки, съ собой ихъ носить даже, а понимать человѣка не умѣетъ! Кикимора четырехглазая!

Это относилось ко мнѣ, и потому, что Емельянъ называлъ меня четырехглазой кикиморой, я заключилъ, что степень его раздраженія противъ меня очень сильна: онъ только въ моменты острой злобы и ненависти ко всему существующему позволялъ себѣ смѣяться надъ моими очками; вообще же это невольное украшеніе придавало мнѣ въ его глазахъ вѣсу и значенія настолько, что въ первые дни знакомства онъ не могъ обращаться ко мнѣ иначе какъ на „вы“ и тономъ, полнымъ почтенія, несмотря на то, что я въ парѣ съ нимъ грузилъ уголь на какой-то румынскій пароходъ и весь такъ же, какъ и онъ, былъ оборванъ, исцарапанъ и черенъ, какъ сатана.

Я извинился передъ нимъ и, желая его успокоить до нѣкоторой степени, началъ рассказывать о заграничныхъ имперіяхъ, пытаясь доказать ему, что его свѣдѣнія объ управленіи облаками и солнцемъ относятся къ области мифовъ.

— Ишь ты!... Вотъ какъ!... Ну!... Такъ, такъ!...—вставлялъ онъ изрѣдка; но я чувствовалъ, что интересъ его къ заграничнымъ имперіямъ и ходу жизни въ нихъ противъ обыкновенія не великъ и онъ почти не слушаетъ меня, упрямо глядя вдаль передъ собою.

— Все это такъ, братъ милый,—перебилъ онъ меня, неопредѣленно махнувъ рукою.—А вотъ что я тебя спрошу: ежели бы намъ навстрѣчу теперь попался человѣкъ съ деньгами и большими деньгами,—подчеркнулъ онъ, мелькомъ заглянувъ сбоку подъ мои очки,—такъ ты какъ бы, ради пріобрѣтенія шкуръ твоей всякаго атрибуту... уголошилъ бы его?

— Я вздрогнулъ.

— Нѣтъ, конечно,—отвѣчалъ я.—Никто не имѣетъ права покупать своего счастья цѣною жизни другого человѣка.

— Угу! Да... Это въ книжкахъ сказано дѣльно, но только для ради совѣсти, а на самомъ-то дѣлѣ тотъ самый баринъ, что первый такіа слова придумалъ, кабы ему, значить, туго пришлось,—навѣрняка бы при удобномъ случаѣ, для сохранности своей, кого-нибудь обездушилъ. Права! Вотъ они, права!—у моего носа красовался внушительный жилистый кулакъ Емельяна.—И всякъ человѣкъ только разнымъ способомъ всегда этимъ правомъ и руководствуется. Права тоже!...

Емельянъ нахмурился, спрятавъ глаза глубокого подъ брови, длинныя и выцвѣтшія.

Я молчалъ, зная по опыту, что возражать ему, когда онъ золъ, бесполезно.

Онъ швырнулъ въ море попавшійся подъ ногу кусокъ дерева и, вздохнувъ, проговорилъ:

— Покурить бы теперь...

Взглянувъ направо въ степь, я увидѣлъ двухъ чабановъ, лежавшихъ на землѣ и смотрѣвшихъ на насъ.

— Здорово, панове!—окликнулъ ихъ Емельянъ,—а нѣтъ ли у васъ табаку?

Одинъ изъ чабановъ повернулъ голову къ другому, выплюнулъ изо рта изжеванную имъ былинку и лѣниво проговорилъ:

— Табаку просятъ, э, Михаль?

Михайлъ взглянулъ на небо, очевидно спрашивая у него разрѣшенія заговорить съ нами, обернулся къ намъ.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ,—гдѣ жъ вы идете?

— Къ Очакову на соль.

— Эге! Что же, туда васъ приглашали?

Мы молчали, располагаясь около нихъ на землѣ.

— А ну, Никита, подбери кишеню, чтобъ ее галки не склевали.

Никита хитро улынулся въ усь и подобралъ кишеню. Емельянъ скрипѣлъ зубами.

— Такъ вамъ табаку надо?

— Давно не курили,—сказалъ я, смущенный приѣмомъ и не рѣшаясь сказать прямо.

— Что жъ такъ? А вы бы покурили.

— Гей ты, чортовъ хохолъ! Цыцъ! Давай, коли хочешь дать, а не смѣйся! Выродокъ! Аль потерялъ душу-то, шлеясь по степи? Двину вотъ по башкѣ, и не никнешь!—гаркнулъ Емельянъ, вращая бѣлками глазъ.

Чабаны дрогнули и векочили, взявшіеся за свои длинныя палки и ставъ плотно другъ къ другу.

— Эге, братики! вотъ какъ вы просите!... а ну, что жъ, идите!...

Чортовы хохлы хотѣли драться, въ чемъ у меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Емельянъ, судя по его сжатымъ кулакамъ и горѣвшимъ дикимъ огнемъ глазамъ, тоже былъ непрочь отъ драки. Я не имѣлъ ни силъ, ни охоты участвовать въ баталіи и попытался примирить стороны:

— Стойте, братцы! Товарищъ погорячился—не бѣда въѣдь! А вы вотъ что—дайте, коли не жаль, табаку, и мы поидемъ себѣ своей дорогой.

Михаилъ взглянулъ на Никиту, Никита—на Михаила и оба усмѣхнулись.

— Такъ бы сразу и сказать вамъ!

Затѣмъ Михаилъ полѣзъ въ карманъ свиты, выволокъ оттуда объемистый кисетъ и протянулъ мнѣ:

— А ну, забери табаку!

Никита сунулъ руку въ кишеню и затѣмъ протянулъ ее мнѣ съ большимъ хлѣбомъ и кускомъ сала, щедро посыпаннымъ солью. Я взялъ. Михаилъ усмѣхнулся и подсыпалъ мнѣ еще табаку. Никита буркнулъ: „прощайте!“ Я поблагодарилъ.

Емельянъ угрюмо опустился на землю и довольно громко прошипѣлъ: „чортовы свиньи!“

Хохлы пошли въ глубь степи тяжелымъ развалистымъ шагомъ, поминутно оглядываясь на насъ. Мы сѣли на землю и, не обращая болѣе на нихъ вниманія, стали ѣсть вкусный полубѣлый хлѣбъ съ саломъ. Емельянъ громко чавкалъ, сопѣлъ и почему-то старательно избѣгалъ моихъ взглядовъ.

Вечерѣло. Вдали надъ моремъ родился мракъ и плылъ надъ нимъ, покрывая легкимъ голубоватымъ флёромъ мелкую зыбь. Въ той же дали, казалось, со дна моря, поднялась гряда желто-лиловыхъ облаковъ, окаймленныхъ розовымъ золотомъ, и, еще болѣе стущая мракъ, плыла на степь. А въ степи, тамъ, далеко-далеко на краю ея, раскинулся громадный пурпуровый вѣеръ изъ лучей заката и красилъ землю и небо такъ мягко и нѣжно. Волны все бились о берегъ и море—тутъ розоватое, тамъ темно-синее—было дивно красиво и мощно.

— Теперь покуримъ! Чортъ васъ, хохловъ, растаскай! — и, очевидно, покончивъ съ хохлами, Емельянъ свободно вздохнулъ.—Мы дальше пойдемъ или тутъ заночуемъ?

Мнѣ было лѣнь идти дальше.

— Заночуемъ! — рѣшилъ я.

— Ну и заночуемъ! — и онъ растянулся на землѣ, разглядывая небо.

Воцарилось молчаніе. Емельянъ курилъ и поплеывалъ; я смотрѣлъ кругомъ и молча наслаждался дивной картиной вечера. По степи звучно плылъ монотонный плескъ волнъ о берегъ.

— А клюнуть денежнаго человѣка по башкѣ — что ни говори—пріятно; особенно ежели умѣючи дѣло обставить,—неожиданно проговорилъ Емельянъ.

— Будетъ тебѣ болтать,—раздраженно замѣтилъ я.

— Болтать?! Чего тутъ болтать! Это дѣло будетъ сдѣлано, вѣрь моей совѣсти! 47 лѣтъ мнѣ, и лѣтъ двадцать я надъ этой операціей голову ломаю. Какая моя жизнь? Собачья жизнь. Нѣтъ ни конуры, ни куска, —

хуже собачьей! Человѣкъ я развѣ? Нѣтъ, братъ, не человѣкъ, а хуже червя и звѣря! Кто можетъ меня понимать? Никто не можетъ! А ежели я знаю, что люди могутъ хорошо жить, то почему же мнѣ не жить? Э? Чортъ васъ возьми, дьяволы!

Онъ вдругъ повернулся ко мнѣ лицомъ и быстро проговорилъ:

— Знаешь, однажды я чуть-чуть было не того... да не удалось малость... будь я, анаема, проклять, дуракъ былъ, жалѣлъ. Хочешь, расскажу?

Я торопливо изъявилъ свое согласіе, и Емельянь, закуривъ, началъ:

„Было это, братецъ ты мой, въ Полтавѣ... лѣтъ восемь тому назадъ. Жилъ я въ прикащикахъ у одного купца, лѣсомъ онъ торговалъ. Жилъ съ годъ ничего себѣ, гладко; потомъ вдругъ запилъ, пропилъ рублей шестьдесятъ хозяйскихъ. Судили меня за это, законопачили въ арестантскія роты на три мѣсяца и прочее такое — по положенію. Вышелъ я, отсидѣвъ срокъ, — куда теперь? Въ городъ знаютъ; въ другой перебраться не съ чѣмъ и не въ чемъ. Пошелъ къ одному знакомому темному человѣчку; кабакъ онъ держалъ и воровскія дѣла завершалъ, укрывая разныхъ молодчиковъ и ихъ дѣлишки. Малый — хорошей души, честнѣющій на диво и съ умной головой. Книжникъ былъ большой, многое множество читалъ и имѣлъ очень большое понятіе о жизни. Такъ я, значить, къ нему: а ну, молъ, Павелъ Петровъ, вызволи!—Ну что жъ, говорить, можно! Человѣкъ человѣку, коли они одной масти, помогать долженъ. Живи, пей, ѣшь, присматривайся. Умная башка, братецъ ты мой, этотъ Павелъ Петровъ! Я къ нему имѣлъ большое уваженіе и онъ меня тоже очень любилъ. Бывало, днемъ сидитъ онъ за стойкой и читаетъ книгу о французскихъ разбойникахъ... у него всѣ книги были о разбойникахъ; слушаешь, слушаешь... дивные ребята были, дивныя дѣла дѣла-

ли— и непремѣнно проваливались съ трескомъ. Ужъ, кажется, голова и руки—ахъ ты мнѣ! а въ концѣ книги вдругъ—подъ судъ—цапъ! и баста! все прахомъ пошло.

„Снѣжу я у этого Павла Петрова мѣсяцъ и другой, слушаю его чтеніе и разные разговоры. И смотрю—ходятъ темные молодчики, носятъ свѣтлыя вещички: часики, браслеты и прочее такое, и вижу—толку на грошъ нѣтъ во всѣхъ ихъ операціяхъ. Слямзить вещь—Павелъ Петровъ дастъ за нее половину цѣны,—онъ, братъ, честно платить, —сейчасъ гей! давай!... Ппръ, шикъ, крикъ и—ничего не осталось! Плевое дѣло, братецъ ты мой! То одинъ попадетъ подъ судъ, то другой угодить туда же...

„Изъ-за какихъ такихъ важныхъ причинъ? По подозрѣнію въ кражѣ со взломомъ, при чемъ украдено на сто рублей! — Сто рублей! Развѣ человѣческая жизнь сто рублей стоитъ?—Дубье!... Вотъ я и говорю Павлу Петрову:

— Все это, Павелъ Петровъ, глупо и не заслуживаетъ приложенія рукъ.—„Гмъ! какъ тебѣ сказать?“—говорить. „Съ одной,—говорить,—стороны—курочка по зернышку клюетъ, а съ другой—дѣйствительно во всѣхъ дѣлахъ уваженія къ себѣ самому нѣтъ; вотъ въ чемъ суть! Развѣ, говоритъ, человѣкъ, понимающій себѣ цѣну, позволить свою руку пачкать кражею двугривеннаго со взломомъ?! Ни въ какомъ разѣ! Теперь, говорить, хоть бы я, человѣкъ, прикосновенный моимъ умомъ къ образованію Европы, и продамъ себя за сто рублей?“ И начинаетъ онъ мнѣ доказывать на примѣрахъ, какъ долженъ поступать понимающій себя человѣкъ. Долго мы говорили въ такомъ родѣ. Потомъ я говорю ему:—Давно, молъ, у меня, Павелъ Петровъ, есть въ мысляхъ попытать счастья на этой дорогѣ, и вотъ, молъ, вы человѣкъ опытный въ жизни, помогите мнѣ совѣтомъ, какъ, значить, и что.—„Гмъ!—говорить,—это можно! А не оборудовать ли тебѣ какое ни то дѣльце на свой рискъ и по своему разсчету, безъ помочей? Такъ, на-примѣръ... Обогнать-то, — говорить, — съ лѣснаго двора

черезъ Ворсклу въ единственномъ числѣ на бѣговыхъ возвращается; а какъ тебѣ извѣстно, при немъ всегда есть деньжонки, да и на лѣсномъ отъ приказчика онъ получаетъ выручку. Выручка недѣльная; въ день торгуютъ они на три сотни и больше. Что ты можешь на это сказать?“ — Я задумался. Обоммовъ—это тотъ самый купецъ, у котораго я служилъ въ приказчикахъ. Дѣло—дважды хорошее: и отместка ему за поступокъ со мной, и смачный кусокъ урвать можно.—Нужно обмозговать,—говорю. — „Не безъ этого, отвѣчаетъ Павелъ Петровъ.“

Онъ замолчалъ и медленно сталъ вертѣть папирску. Закатъ почти угасъ, только маленькая розовая лента, съ каждой секундой все болѣе блѣднѣя, чуть окрашивала край пухового облака, точно въ какой-то истомѣ неподвижно застывшего въ потемнѣвшемъ небѣ. Въ степи было такъ тихо и грустно, и непрерывно лившійся съ моря ласковый плескъ волнъ какъ-то еще больше оттѣнялъ своимъ монотоннымъ и мягкимъ звукомъ эту грусть и тишь. Со всѣхъ сторонъ вставали странныя длинныя сѣрыя тѣни и беззвучно плыли къ намъ по гладкой, утомленной дневнымъ зноемъ и крѣпко спавшей степи. А надъ моремъ одна за другой ярко вспыхивали звѣздочки, такія чистенькія, новенькія, точно вчера только сдѣланныя для украшенія этого глубокаго бархатнаго южнаго неба.

„Н-да, братокъ, покумекалъ я надъ этимъ дѣломъ и въ ту же ночь въ кусты около Ворсклы залегъ, имѣя съ собой шкворень желѣзный фунтовъ въ двѣнадцать вѣсомъ. Дѣло-то было въ октябрѣ, помню — въ концѣ. Ночь—самая подходящая: темно, какъ въ душѣ чело-вѣческой... Мѣсто — лучше желать не надо. Сейчасъ тутъ мостъ и на самомъ сѣздѣ съ него доски выбиты,—значить, поѣдетъ шагомъ. Лежу, жду. Злобы, братъ ты мой, въ ту пору у меня хватило бы хоть на десять купцовъ. И такъ я себѣ это дѣло просто представилъ, что проще и нельзя: стукъ! — и баста!...“

Емельянтъ всталъ на ноги.

„Н-да!... Такъ вотъ и лежу, знаешь, и все у меня готово. Разъ!—и получи денежки. Такъ-то.—Бацъ! значить, и все тутъ!

„Ты, можетъ, думаешь, что человѣкъ въ себѣ воленъ? Дудки, братокъ! Расскажи-ка мнѣ, что ты завтра сдѣлаешь? Ерунда! никакъ ты не можешь сказать, направо или налѣво пойдешь завтра. Н-да!... Лежалъ я и ждалъ одного, а вышло совсѣмъ не то. Совсѣмъ несообразное дѣло вышло!

„Вижу: отъ города идетъ кто-то... пьяный какъ будто, шатается... въ рукахъ палка. Бормочетъ что-то; нескладно бормочетъ и плачетъ... слышу—всхлипываетъ... Еще ближе подошелъ, смотрю — баба! Тьфу тебѣ, треклятая! намылю шею, думаю, подойди-ка! А она идетъ къ мосту прямо и вдругъ какъ крикнетъ: „милый, за что?!“ Ну, братъ, и крикнула! — Я такъ и вздрогнулъ. Что за притча? думаю. А она претъ прямо на меня. Лежу, прижался къ землѣ, дрожу весь... куда моя злоба дѣвалась! Вотъ-вотъ налѣзетъ, ногой наступитъ сейчасъ! А она опять какъ завопитъ: „за что?! за что?!...“ и бухъ наземь, какъ стояла, почти рядомъ со мной. И заревѣла она тутъ, братецъ ты мой, такъ, что я и сказать тебѣ не могу—сердце рвалось, слушая. Лежу, однако, ни гугу. А она реветъ. Тоска меня взяла. Бѣгу, думаю себѣ, прочь. А тутъ мѣсяцъ вышелъ изъ тучи, да таково ясно и свѣтло, просто страхъ. Приподнялся я на локоть и глянулъ на нее... И тутъ, братъ, все и пошло прахомъ, всѣ мои планы и полетѣли къ чертямъ! Смотрю—такъ сердце и ёкнуло: ма-аленькая дѣвчоночка, дите совсѣмъ... бѣленькая, кудряшки на щечкахъ, глазенки большіе такіе — смотрятъ такъ... и плечики дрожать-дрожать... а изъ глазъ-то слезы крупнущія одна за другой такъ и бѣгутъ, и бѣгутъ.

„Жалость меня, братъ ты мой, забрала. Вотъ я, значить, и давай кашлять: кхе! кхе! кхе!—Какъ она крик-

небось: „Кто это? Кто? Кто тутъ?!“... Испугалась, значить... Ну, я сейчасъ тово... на ноги всталъ и говорю: — Это, молъ, я.— „Кто вы?“—говорить. А глаза-то у самой въ-какіе сдѣлались и вся такъ какъ студень дрожить. „Кто вы?“—говорить.

Онъ засмѣялся.

„Кто я-то, молъ? Вы прежде всего не бойтесь меня, барышня,—я вамъ худа не сдѣлаю. Я—такъ-себѣ чело-вѣкъ, изъ босой команды, молъ, я. Да. Совралъ, значить, ей; не говорить же вѣдь, чудакъ ты, что я, молъ, купца убить залегъ тутъ! А она мнѣ въ отвѣтъ: „Все, говоритъ, мнѣ равно, я топиться пришла сюда“. И такъ это она сказала, что меня ажъ ознобъ взялъ — серьезно ужъ очень, братецъ ты мой. Ну, что тутъ дѣлать?“

Емельянь сокрушенно развелъ руками и смотрѣлъ на меня, широко и добродушно улыбаясь.

„И вдругъ тутъ, братецъ ты мой, заговорилъ я. О чемъ заговорилъ—не знаю; но такъ заговорилъ, что ажъ самъ себя заслушался; больше все насчетъ того, что она молодая и такая красавица. А что она красавица, такъ это ужъ такъ, то-есть—раскрасавица. Эхъ ты, братъ ты мой! Ну, ужъ! А звали Лизой. Такъ вотъ я, значить, и говорю; а что — кто его знаетъ — что? Сердце говорило. Да! А она все смотреть, серьезно такъ и пристально, и вдругъ какъ улыбнется!..“—заоралъ Емельянь на всю степь со слезами въ голосъ и на глазахъ и потрясая въ воздухѣ сжатыми кулаками.

„Какъ улыбнулась, такъ я и растаялъ; хлопъ передъ ней на колѣни: барышня, говорю, барышня!.. и все тутъ! А она, братецъ ты мой, взяла меня за голову руками, глядитъ мнѣ въ лицо и улыбается, какъ на картинѣ; шевелить губами—сказать хочетъ что-то; а потомъ осилилась и говорить: „Милый вы мой, вы тоже несчастный, какъ и я! Да? Скажите, хорошій мой!“ — И-да, другъ ты мой, вотъ оно что! Да не все еще, а и поцѣловала она меня тутъ въ лобъ, братъ... вотъ какъ! Чуешь?!

Ей Богу! Эхъ ты, голубь! Знаешь, лучше этого у меня въ жизни-то за всѣ 47 лѣтъ ничего не было! А?! То-то! А зачѣмъ я пошелъ? Эхъ ты, жизнь!...”

Онъ замолчалъ, кинувъ голову на руки. Подавленный странностью разсказа, я молчалъ и смотрѣлъ на море, чудно колыхавшееся и похожее на чью-то громадную грудь, ровно и глубоко дышавшую въ крѣпкомъ снѣ.

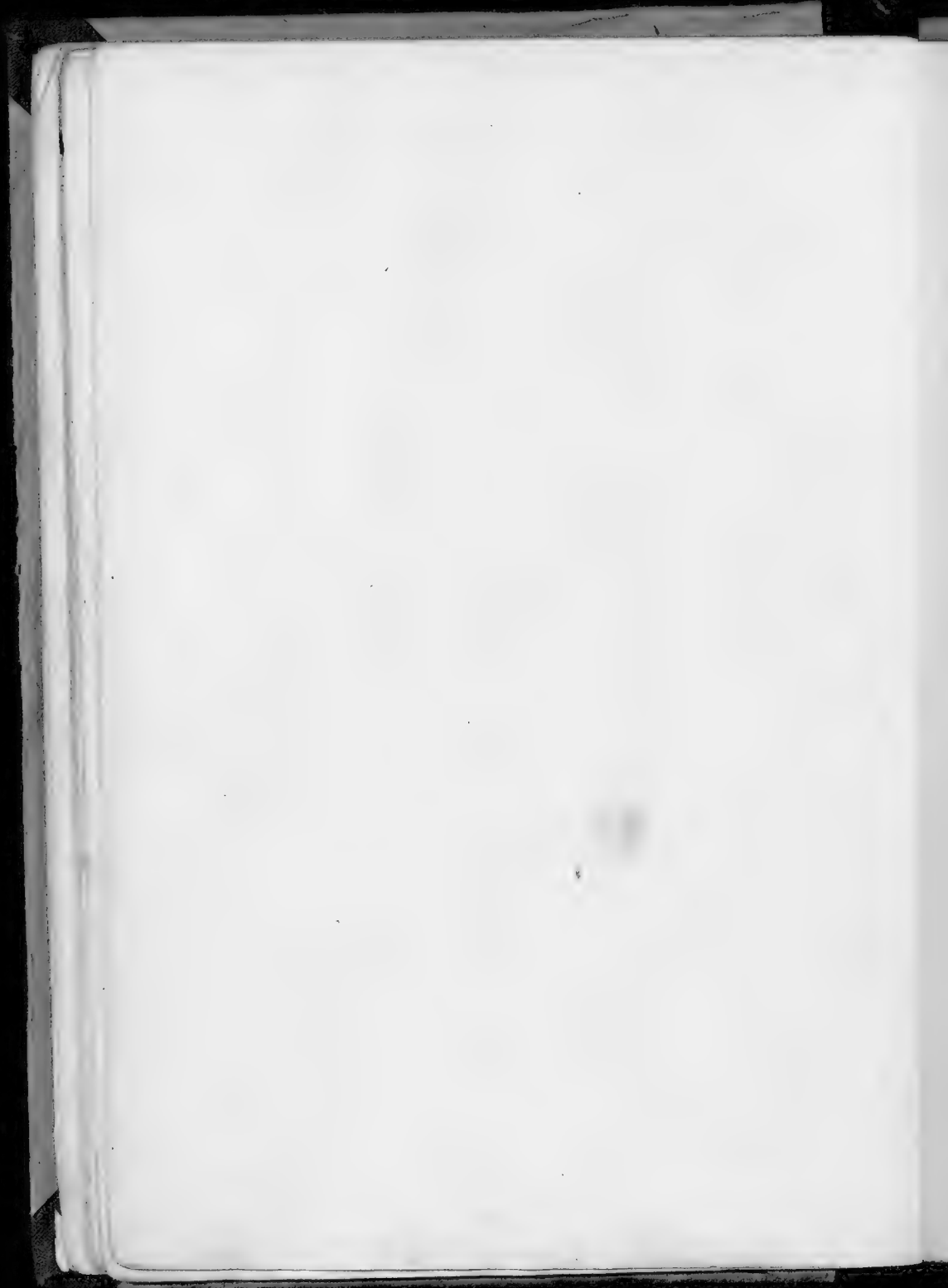
„Ну, а потомъ она встаетъ и говоритъ мнѣ: „Проводите меня домой“. Пошли мы. Я иду—ногъ подъ собою не чую, а она мнѣ все разсказываетъ, какъ и что. Понимаешь ты, она одна дочь была у родителей, купцы же они были, — ну, и того, значить, балованная; а потомъ тутъ студентъ пріѣхалъ и сталъ, значить, ее тамъ учить, и влюбились они другъ въ друга. Онъ потомъ уѣхалъ, а она стала его ждать—какъ, дескать, кончить тамъ свою науку, чтобы пріѣхать вѣнчаться; уговоръ у нихъ такой былъ. А онъ не пріѣхалъ, а прислалъ ей письмо: дескать, ты мнѣ не пара. Дѣвкѣ, конечно, обидно. Вотъ она было и того, значить. Ну, разсказываетъ она это мнѣ, и дошли мы такимъ манеромъ съ ней до дома, гдѣ она жила. „Ну, говоритъ, голубчикъ, прощайте! Завтра я, говоритъ, уѣду отсюда. Вамъ денегъ, можетъ быть, надо? Скажите, не стѣсняйтесь“. Нѣтъ, говорю, барышня, не надо, спасибо вамъ! „Ну, добрый вы мой, не стѣсняйтесь, скажите, возьмите!“—пристаетъ она. А я такой оборванный былъ, однако, говорю: не надо, барышня. Знаешь, братъ, какъ-то не до того было, не до денегъ. Простились мы съ ней. Она такъ ласково говоритъ: „Никогда-де я не забуду тебя; совсѣмъ, дескать, ты чужой человѣкъ, а такой мнѣ...“ Ну, это наплевать,—оборвалъ Емельянь, снова принимаясь закуривать.

„Ушла она. Сѣлъ я на скамью у воротъ. Грустно мнѣ стало. Ночной сторожъ идетъ. Ты, говоритъ, чего тутъ торчишь, али слямзить хочешь чего ни то? —

Крѣпко эти самыя слова взяли меня за сердце! Я его въ морду—рразъ! Крикъ, свистъ... въ часть! Ну, что жъ, въ часть такъ въ часть; вали хоть во всю цѣлую—мнѣ все равно; я какъ двинулъ его снова! Сѣлъ на лавочку и бѣжать не хотѣлъ. Ночевалъ; поутру отпустили. Иду къ Павлу Петрову. „Гдѣ погуливалъ?“ — спрашиваетъ, усмѣхаясь. Поглядѣлъ я на него — человѣкъ какъ и вчера; но какъ будто что-то новое вижу. Ну, конечно, рассказалъ ему все, какъ и что. Слушалъ онъ серьезно таково и потомъ сказалъ мнѣ: „Вы, говоритъ, Емельянъ Никитичъ—дуракъ и болванъ; и не угодно ли, говоритъ, вамъ убраться вонъ!“—Ну, что жъ тутъ?! Али онъ не правъ? Я ушелъ и все тутъ.—Такъ то вотъ было дѣльце, братокъ!“

Онъ замолчалъ и растянулся на землѣ, закинувъ руки подъ голову и глядя на небо—бархатное и звѣздное. И кругомъ все молчало. Шумъ прибоя сталъ еще мягче и тише и долеталъ до насъ слабымъ соннымъ вздохомъ.

ДѢДЪ АРХИПЪ И ЛЕНЬКА.

(1894.)

Ожидая паромъ, оба они легли въ тѣнь отъ берегового обрыва и долго молча смотрѣли на быстрыя и мутныя волны Кубани, плескавшіяся у ихъ ногъ. Ленька задремалъ, а дѣдъ Архипъ, чувствуя тупую, давящую боль въ груди, не могъ уснуть. На темно-коричневомъ фонѣ земли ихъ отрепанные и скорченные фигуры едва выдѣлялись двумя жалкими комками, одинъ—побольше, другой—поменьше; [и ихъ утомленные усталостью и зноемъ, загорѣлыя и пыльныя фizioноміи были совсѣмъ подъ цвѣтъ бурымъ лохмотьямъ, покрывавшимъ ихъ тѣла.

Костлявая и длинная фигура дѣдушки Архипа вытянулась поперекъ узкой полоски песку, что желтой лентой тянулся вдоль берега, между обрывомъ и рѣкой, а задремавшій Ленька, маленькій, хрупкій, въ своихъ лохмотьяхъ казавшійся корявымъ сучкомъ, отломленнымъ отъ дѣда—старого изсохшаго дерева, принесеннаго и выброшеннаго сюда на песокъ холодными и сильными волнами рѣки, — сбоку его свернулся калачикомъ.

Дѣдъ, приподнявъ на локтѣ голову, смотрѣлъ на противоположный берегъ, залитый солнцемъ и бѣдно окаймленный рѣдкими кустами ивняка, изъ котораго въ

одномъ мѣстѣ высывался черный бортъ парома. Тамъ было скучно и пусто. Сѣрая полоса дороги уходила отъ рѣки въ глубь степи; она была какъ-то безпощадно пряма и суха и этимъ наводила на дѣда уныніе.

Его тусклые и воспаленные глаза, съ красными, опухшими вѣками, безпокойно и жалобно моргали, а испещренное морщинами лицо замерло въ выраженіи томительной тоски и боли. Онъ то и дѣло сдержанно кашлялъ и, безпокойно поглядывая на внука, прикрывалъ ротъ рукой. Кашель былъ хриплъ, удушливъ, заставлялъ дѣда приподниматься съ земли и выжималъ на его глазахъ крупныя капли слезъ.

Кромѣ его кашля, да тихаго шороха волнъ о песокъ, въ степи не было никакихъ звуковъ... Она лежала по обѣ стороны рѣки, громадная, бурая, сожженная солнцемъ, и только тамъ, далеко на горизонтѣ, еле видное старческимъ глазамъ, пышно волновалось золотое море пшеницы и прямо въ него падало ослѣпительно яркое небо. На немъ вырисовывались три стройныя фигуры далекихъ тополей; казалось, что они то уменьшаются, то становятся выше, а небо и пшеница, накрытая имъ, колеблются, поднимаясь и опускаясь... или вдругъ все скрывалось за блестящей, серебряной пеленой степного марева...

Эта пелена, струистая, яркая и обманчивая, иногда притекала изъ дали почти къ самому берегу рѣки, и тогда сама она была какъ бы рѣкой, вдругъ излившейся съ неба, такой же чистой и спокойной, какъ оно, и появившейся затѣмъ, чтобы оживить измученную зноемъ степь. Но она пропадала...

Тогда дѣдъ Архипъ, незнакомый съ этимъ явленіемъ, какъ великороссъ, раньше не бывавшій въ степи и вытиснутый въ нее голодомъ, — потиралъ свои глаза и тоскливо думалъ про-себя, что эта жара да степь отнимаютъ у него и зрѣніе, какъ отняли остатки силы въ погахъ, уже не одолѣвавшихъ, какъ прежде, на родинѣ

по 30-ти верстъ въ день и теперь еле способныхъ пройти половину.

Сегодня ему было болѣе плохо и тошно, чѣмъ всегда за послѣднее время. Онъ чувствовалъ, что скоро умереть, и хотя относился къ этому совершенно равнодушно и безъ думъ, какъ къ необходимой повинности, но ему бы хотѣлось умереть далеко, въ своей Орловской губерніи, и еще его сильно смущала мысль о внука... Куда дѣнется Ленъка?...

Онъ ставилъ передъ собой этотъ вопросъ по нѣскольку разъ въ день и всегда при этомъ въ немъ что-то сжималось, холодѣло и становилось такъ тошно, скверно, что ему хотѣлось сейчасъ же воротиться домой, въ Россію...

Но тогда вспоминался Крымъ, голыя степи, грубые и жесткіе чабаны, ихъ громадные, злыя собаки, татары—озорники и жадные, и нѣкоторое происшествіе, случившееся съ нимъ въ Тамани,—происшествіе, за которое ему и Ленъка чуть-чуть не пришлось попасть въ тюрьму...

И потомъ—далеко идти въ Россію... все равно не дойдешь и умрешь же гдѣ-нибудь въ дорогѣ. Здѣсь по Кубани подаютъ милостыню щедро; народъ все зажиточный, хотя тяжелый и насмѣшливый. Не любятъ нищихъ, потому что богаты...

Можно придумать для Ленъки другое что-нибудь. Все равно, онъ сирота и здѣсь, и дома въ Россіи...

И остановивъ на внука увлажненный слезой взглядъ, дѣдъ осторожно погладилъ своей шершавой рукой его голову.

Тотъ зашевелился и поднялъ на него голубые глаза, большіе, глубокіе, не по-дѣтски серьезно-вдумчивые и казавшіеся еще больше на его худомъ, изрытомъ оспой личикѣ, съ тонкими, безкровными губами, потрескавшимися отъ жары и степного вѣтра, и съ острымъ носомъ.

— Идешь? — спросилъ онъ и, приложивъ щиткомъ руку къ глазамъ, посмотрѣлъ на рѣку, холодно отражавшую лучи солнца.

— Нѣтъ еще, не идешь. Стоишь. Чего ему здѣсь? Не зовешь никто, ну и стоишь онъ себѣ...—медленно заговорилъ Архипъ, продолжая гладить внука по головѣ.— Дремалъ ты?

Ленька неопредѣленно покрутилъ головой и вытянулся на песокъ. Они помолчали.

— Кабы я плавать умѣлъ, купаться бы сталъ,—пристально глядя на рѣку, заявилъ Ленька. Голосъ у него былъ странно глухъ и бѣденъ выраженіемъ.

— Быстра больно рѣка-то! Нѣтъ у насъ такихъ рѣкъ. Чего треплеть? Бѣжить, точно опоздать боится...

И Ленька недовольно отвернулся отъ воды.

— А вотъ что,—заговорилъ дѣдъ, подумавъ,—давай распояшемся, пояски-то свяжемъ, я тебя за ногу прикручу, ты и лѣзь, купайся...

— Ну-у!...—резонно протянулъ Ленька.—Чего выдумалъ! Али ты думаешь, не стащить она тебя? И утонемъ оба.

— У бережка... А вѣдь вѣрно! стащить. Ишь, какъ претъ!... Чай, весной-то разольется—ухъ ты!... И покосу тутъ бѣда! Безъ краю покосу!

Ленькѣ не хотѣлось говорить и онъ оставилъ слова дѣда безъ отвѣта, взявъ въ руки комъ сухой глины и разминая его пальцами въ пыль съ серьезнымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ на лицѣ.

Дѣдъ смотрѣлъ на него и о чемъ-то думалъ, щуря глаза.

— Вѣдь вотъ...—тихо и монотонно заговорилъ Ленька, страхивая съ рукъ пыль.—Земля эта теперь... взялъ я ее въ руки, растеръ и стала пыль... крохотные кусочки одни только, чуть глазомъ видно...

— Ну, такъ что жъ?—спросилъ Архипъ и закашлялся, посматривая сквозь выступившія на глазахъ слезы

въ большіе, сухо-блестящіе глаза внука и на его худое и острое лицо.—Ты къ чему это?—добавилъ онъ, когда прокашлялся.

— Такъ...—качнулъ головой Ленька.—Къ тому, что, молъ, вся-то она эвона какая!..—онъ махнулъ рукой за рѣку. — И всего на ней понастроено... Сколько мы съ тобой городовъ прошли! Страсть! А людей вездѣ сколько!

И, не умѣя уловить свою мысль, Ленька снова молча задумался, поглядывая вокругъ себя.

Дѣдъ тоже помолчалъ немного и потомъ, плотно подвинувшись къ внуку, ласково заговорилъ:

— Умница ты моя! Правильно сказать ты — пыль все... и города, и люди, и мы съ тобой — пыль одна. Эхъ, ты, Ленька, Ленька!... кабы грамоту тебѣ!... далеко бы ты пошелъ. Точно ты взрослый человѣкъ, обо всемъ разсуждаешь... Зябликъ ты, птичка Божія!... И что съ тобой только будетъ?...

Дѣдъ прижалъ голову внука къ себѣ и поцѣловалъ ее.

— Погоди!...—высвобождая свои льняные волосы изъ корявыхъ, дрожащихъ пальцевъ дѣда, немного оживляясь, крикнулъ Ленька. — Какъ ты говоришь? Пыль? города и все?

— А такъ ужъ устроено Богомъ, голубъ. Все—земля, а сама земля — пыль. И все умираетъ на ней... Вотъ какъ! И долженъ потому человѣкъ жить въ трудѣ и смиреніи. Вотъ и я тоже умру скоро... — перескочилъ дѣдъ и тоскливо добавилъ: — куда ты тогда пойдешь безъ меня-то?

Ленька часто слышалъ отъ дѣда этотъ вопросъ, и ему уже порядкомъ надоѣло разсуждать на тему о смерти, а потому онъ молча отвернулся въ сторону, сорвалъ былинку, положилъ ее въ ротъ и сталъ медленно жевать.

Но у дѣда это было больное мѣсто.

— Что жъ ты молчишь? Какъ, молъ, ты безъ меня-

то будешь?—тихо спросилъ онъ, наклоняясь къ внуку и снова кашляя.

— Говорилъ ужъ... — разсѣянно и недовольно произнесъ Ленъка, искоса взглядывая на дѣда.

Ему не нравились эти разговоры еще и потому, что зачастую они кончались ссорою. Дѣдъ подолгу распространялся по поводу близости своей смерти. Ленъка сначала слушалъ его сосредоточенно, пугался представлявшейся ему новизны положенія, плакалъ, но постепенно утомлялся—и наступала реакція: онъ не слушалъ дѣда, отдаваясь своимъ мыслямъ, а дѣдъ, замѣчая это, сердился и начиналъ говорить о томъ, что онъ, Ленъка, глупъ, не любитъ дѣда, не цѣнитъ его заботъ, и, наконецъ, доходилъ до того, что упрекалъ Ленъку въ желаніи скорѣйшаго наступленія его, дѣдовой, смерти.

— Что говорилъ? Глупенькій ты еще, не можешь ты понимать своей жизни. Сколько тебѣ отъ роду? Одиннадцатый годъ только. И хилый ты, негодный къ работѣ. Куда жъ ты пойдешь? Добрые люди, думаешь, помогутъ? Кабы у тебя вотъ деньги были, такъ они бы помогли тебѣ прожить ихъ—это такъ. А милостыню-то собирать не сладко и мнѣ старику. Каждому поклонись, каждаго попроси. И ругаютъ тебя, и колотятъ часомъ, и гонять... Рази, ты думаешь, человѣкомъ считаютъ нищаго-то? Никто! Десять лѣтъ по міру хожу—знаю. Кусокъ-то хлѣба въ тыщу рублей цѣнять. Подастъ, да и думаетъ, что ужъ ему сейчасъ же райскія двери открывать. Ты, думаешь, подаютъ зачѣмъ больше? Чтобъ совѣсть свою успокоить; вотъ зачѣмъ, другъ, а не изъ жалости! Ткнетъ тебѣ кусокъ, ну ему и не стыдно самому-то ѣсть. Сытый человѣкъ—звѣрь. И никогда онъ не жалѣетъ голоднаго, потому что не знаетъ его. Враги другъ другу — сытый да голодный, вѣки вѣчные они сучкомъ въ глазу другъ у друга будутъ. Потому и невозможно имъ жалѣть и понимать другъ друга... И для сытаго нищій, какъ грязь.

Дѣдушка воодушевился злобой и тоской. Отъ этого у него тряслись губы и старческіе тусклые глаза быстро шмыгали въ красныхъ рамкахъ рѣсницъ и вѣкъ, а морщины на пергаменномъ лицѣ выступили чаще и рѣзче.

Ленька не любилъ его такимъ и немного боялся чего-то.

— Вотъ я тебя и спрашиваю, что ты станешь дѣлать съ міромъ? Ты — хилый ребеночекъ, а міръ-то — звѣрь. И проглотить онъ тебя сразу. А я не хочу этого... Люблю вѣдь я тебя, дитятко!... Одинъ ты у меня и я у тебя одинъ... Какъ же я буду умирать-то? Невозможно мнѣ умереть, а ты чтобъ остался... На кого?... Господи!... за что Ты не возлюбилъ раба Твоего?!... Жить мнѣ не въ мочь и умирать мнѣ нельзя, потому — дите... оберечь долженъ. Пестовалъ семь годовъ... на рукахъ моихъ... старыхъ... Господи, помоги мнѣ!...

Дѣдушка сѣлъ и заплакалъ, уткнувъ голову въ колѣни дрожащихъ ногъ. И плечи у него вздрагивали отъ рыданій, хриплыхъ и неровно вырывавшихся изъ больной груди.

Рѣка торопливо катилась вдаль и звучно плескалась о берегъ, точно желая заглушить этимъ плескомъ рыданія старика. Ярко улыбалось безоблачное небо, изливая изъ себя жгучій зной, и, улыбаясь, спокойно слушало мятежный шумъ мутныхъ волнъ...

— Будетъ, не плачь, дѣдушка!—глядя въ сторону, почему-то суровымъ тономъ проговорилъ Ленька и, повернувъ къ дѣду лицо, насупленное и мрачное, добавилъ:—говорили обо всемъ ужъ вѣдь. Не пропаду. Поступлю въ трактиръ куда-ни-то...

— Забьютъ...—сквозь слезы простоналъ дѣдъ.

— Можетъ, и не забьютъ. А вотъ, какъ не забьютъ!—съ нѣкоторымъ задоромъ вскричалъ Ленька,—тогда что? Вотъ тогда и выйду на дорогу. Не больно-то я и дамъ каждому!...

Но тутъ Ленъка вдругъ почему-то осѣкся и, задумчиво помолчавъ, тихонько сказать:

— А то въ монастырь уйду...

— Кабы въ монастырь! — вздохнулъ дѣдъ, оживляясь, и снова началъ корчиться въ припадкѣ удушливаго кашля.

Надъ ихъ головами раздался крикъ и скрипъ колесъ...

— Паро-о-омъ!.. Паро-о... гей! — сотрясала воздухъ чья-то могучая глотка.

Собесѣдники вздрогнули и вскочили на ноги, подбирая котомки и палки.

Пронзительно скрипя, на песокъ въѣхала двухколесная арба. Въ ней стоялъ казакъ и, закинувъ голову въ мохнатой, надвинутой на одно ухо шапкѣ, приготовлялся гикнуть, вбирая въ себя широко открытымъ ртомъ воздухъ, отчего его широкая, выпяченная впередъ грудь выпячивалась еще болѣе. Бѣлые зубы ярко сверкали въ шелковой рамѣ черной бороды, начинавшейся отъ глазъ, широко раскрытыхъ и отъ напряженія налитыхъ кровью. Изъ-подъ разстегнутой рубахи и чохы, небрежно наброшенной на плечи, виднѣлось волосатое, загорѣлое на солнцѣ тѣло. И отъ всей его фигуры, прочной и большой, какъ и отъ лошади, мясистой, пѣгой и тоже уродливо большой, отъ колесъ арбы, высокихъ, стянутыхъ толстыми шинами, — разлило сытостью, силой, здоровьемъ и сознаніемъ всего этого.

— Гей!... Гей!...

Дѣдъ и внукъ стащили съ своихъ головъ шапки и низко поклонились.

— Здравствуйте! — гулко отрубили пріѣхавшій и, посмотрѣвъ на тотъ берегъ, гдѣ изъ кустовъ выползала медленно и неуклюже черный паромъ, сталъ пристально оглядывать нищихъ. — Изъ Россіи?

— Изъ нея, милостивецъ! — съ поклономъ отвѣтилъ Архипъ.

— Голодно тамъ у васъ, а?

Онъ спрыгнулъ съ арбы на землю и сталъ что-то подтягивать въ упряжкѣ.

— И тараканы съ голода мрутъ.

— Хо, хо! И тараканы мрутъ? Значить, ажъ крошекъ не осталось, все поѣли? Ловко ѣдите. А вотъ работаете, должно, погано. Потому какъ хорошо работать станешь, не будетъ голоду.

— Тутъ, кормилецъ, главная причина—земля. Упирается, не родить. Высосали землю-то мы.

— Земля?—тряхнулъ казакъ головой.—Земля всегда должна родить, на то она и дана человѣку. Говори: не земля, а руки. Руки плохи. Эге! Отъ хорошихъ рукъ камень не отобьется, родить. Въ Черноморѣ бываль? Тамъ, дѣдъ, и камни пашутъ!

Подѣхалъ паромъ.

Двое здоровыхъ краснорожихъ казаковъ, флегматично упираясь толстыми ногами въ полъ парома, съ трескомъ ткнули его о берегъ, покачнулись, бросили изъ рукъ канатъ и, взглянувъ другъ на друга, стали отдуваться.

— Жарко? — оскалилъ зубы пріѣхавшій, вводя на паромъ свою лошадь и дотрогиваясь рукой до шапки.

— Эге!—отвѣтилъ одинъ изъ паромщиковъ, глубоко засунувъ руки въ карманы шароваръ, и, подойдя къ арбѣ, заглянулъ въ нее и повелъ носомъ, сильно втянувъ въ себя воздухъ.

Другой сѣлъ на полъ и, кряхтя, сталъ снимать сапогъ.

Дѣдъ и Ленѣка вошли на паромъ и прислонились къ борту, посматривая на казаковъ.

— Ну, ѣдемъ!—скомандовалъ хозяинъ арбы.

— А ты не везешь ничего съ собой попить?—спросилъ у него тотъ, что осматривалъ арбу.

Снимавшій сапогъ снялъ его и, зачѣмъ-то прищуривъ глаза, смотрѣлъ въ голенище.

— Ничего. А что? развѣ въ Кубани воды мало?

— Воды!.. я не о водѣ.

— А о горилкѣ? Не везу горилки.

— Какъ же это ты не везешь?—задумался спрашивавшій, уставивъ глаза въ полъ парома.

— Ну-ну, ѣдемъ!

Казакъ сталъ надѣвать сапогъ. Другой поплевалъ на руки и взялся за канатъ. Переѣзжавшій сталъ помогать ему, чтобъ паромъ дрогнулъ и тронулся.

— А ты, дѣдъ, что же не поможешь?—обратился паромщикъ, возившійся съ сапогомъ, къ Архипу.

— Гдѣ мнѣ, родной!—жалобнымъ тономъ и качая головой пропѣлъ тотъ.

— И не надо имъ помогать. Они и одни управятся!

И, какъ бы желая убѣдить дѣда въ истинѣ своихъ словъ, онъ грузно опустился на колѣни и легъ на палубѣ парома.

Его товарищъ лѣниво ругнулъ его и, не получивъ отвѣта, громко затопалъ ногами, упираясь въ палубу.

— Видишь, Ленья, какіе люди!—крупные, сытые. Эта сторона—рай крестьянину!—прошпенталь Архипъ, наклонясь къ Ленькѣ, смотрѣвшему черезъ бортъ въ воду.

Отбиваемый теченіемъ, съ глухимъ шумомъ плескавшимъ о его бока, паромъ вздрагивалъ и качался, медленно подвигаясь впередъ.

— Вонъ онъ какой боровъ! Говорить—„руки... плохо работаете“, а самъ во снѣ не видалъ такой работы!—шпенталь дѣдъ.—За что однимъ Богъ даетъ много, другимъ—мало?...—и помолчавъ, какъ бы ожидая отвѣта отъ Леньки, отвѣтилъ, себѣ самъ:—для испытанія души. Которая душа возропщеть, та и погибнетъ безъ радости и покоя въ жизни...

Глядя на воду, Ленька чувствовалъ, что у него сладко кружится голова и глаза, утомленные быстрымъ бѣгомъ волнъ, дремотно слипаются. Глухой шопотъ дѣда, скрипъ каната и сочный плескъ волнъ убаюкивали

его все болѣе; онъ хотѣлъ опуститься на палубу въ дремотной истомѣ, и вдругъ что-то качнуло его такъ, что онъ упалъ.

Широко раскрывъ глаза, онъ посмотрѣлъ кругомъ. Надъ нимъ смѣялись казаки, причаливая паромъ за обгорѣлый пенъ на берегу.

— Что, заснулъ? Хилый ты. Садись въ арбу, довезу до станицы. И ты, дѣдъ, садись.

Благодаря казака монотоннымъ, гнусавымъ голосомъ, дѣдъ, кряхтя, влѣзъ въ арбу. Ленька тоже прыгнулъ туда, и они поѣхали въ клубахъ мелкой черной пыли, заставлявшей дѣда то и дѣло задыхаться отъ кашля.

Казаки затащили пѣсню. Пѣлъ онъ странными звуками, отрывая ноты въ срединѣ и доканчивая ихъ свистомъ; порой речитативомъ начиналъ фразу и, обрывавъ ее, затачивалъ что-то высокимъ фальцетомъ. Казалось, онъ развиваетъ звуки съ клубка, какъ нитки, и, когда ему встрѣчается узелъ, обрываетъ ихъ.

Пѣсня вполне гармонировала съ безконечной степью, которая была такъ же монотонна и которую кое-гдѣ перерѣзывали полосы миражей, струившихся въ воздухѣ.

Колеса жалобно скрипѣли, вилась пыль; дѣдъ, трясая головой, не переставая кашлять, а Ленька думалъ о томъ, что вотъ сейчасъ приѣдутъ они въ станицу и нужно будетъ гнусавымъ голосомъ пѣть подь окнами: Господи, Иисусе Христе... Снова станичные мальчики будутъ задирать его, а бабы надоѣдать разспросами о Россіи и о многомъ другомъ... Нехорошо въ эту пору смотрѣть и на дѣда, который кашляетъ чаще, горбится ниже, отчего ему самому неловко и больно, и говорить такимъ жалобнымъ голосомъ, то и дѣло всхлипывая и рассказывая о томъ, чего нигдѣ и никогда не было... Говорить, напримѣръ, что въ Россіи на улицахъ мретъ народъ, да такъ и валяется, и убраться некому, потому

что все люди обалдели от голода... Ничего этого они с дядом не видали нигде. А нужно все это для того, чтобы больше подавали. Но куда ее, милостыню, здесь देनेшь? Дома—там можно всегда продать по 40 копеек и даже по полтин за пуд, а здесь никто не покупает. Потом приходится эти куски, иногда очень вкусные, выбрасывать из котомок в степи. И за чьим дядь балуется—ходит из одной станицы в другую?... Хотя бы жить по неделям в станице; а то придется, обходить, собирать и бежать дальше, как вор от погони... Однажды Ленка заговорил с ним об этом, и он ответил, сердясь и тоскливо:

— Глупый ты, молчи, знай! Не можешь ты понимать моих забот о тебе. И чего я хочу, не можешь знать. А я, может, счастья тебе ищу, от крестьянской жизни хочу избавить... Так-то! и молчи, знай, поэтому.

— Сбирать пойдете?—обратился к ним казак, оглядывая их скорченные фигуры через плечо.

— Уже конечно, почтенный человек!—со вздохом ответил ему дядь Архипь.

— Встань на ноги, дядь, покажу, где живу,—ночевать ко мне придете.

Дядь попробовал встать, но упал, ударившись боком о края арбы, и глухо застонал.

— Эх ты, старый!...—буркнул казак, соболевая. —Ну, все равно, не гляди; придет пора на ночлег идти, спроси Черного, Андрея Черного, это я и есть. А теперь спи. Прощайте.

Дядь и внук очутились перед кучкой тополей и осокорей. Из-за их стволов виднелись крыши, заборы, повсюду—направо и налево—к небу вздымались такие же кучки. Их зеленая листва была одета серой пылью, а кора толстых, прямых стволов потрескалась от жары.

Прямо перед ними между двух дощатых за-

Боровъ тянулся узкій проулокъ, въ который скрылся привезшій ихъ казакъ, и они направились въ этотъ проулокъ усталой, развалистой походкой много ходившихъ пѣшкомъ людей.

— Ну, какъ мы, Леня, пойдёмъ—вмѣстѣ или порознь?—спросилъ дѣдъ и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ:—вмѣстѣ бы лучше—мало больно тебѣ подають. Не умѣешь ты просить-то...

— А куда много-то надо? все равно вѣдь не поѣдаешь...—хмуро отвѣтилъ Ленька, оглядываясь вокругъ.

— Куда? Чудашка ты!... А вдругъ подвернется чело-вѣкъ, да и купить? Вотъ-те и куда!... Деньги дасть. А деньги дѣло большое; ты съ ними небось не пропа-дешь, какъ умру-то я.

И, ласково усмѣхаясь, дѣдъ погладилъ внука рукой по головѣ.

— Ты знаешь ли, сколько я за путину-то ско-пилъ? а?

— А сколько?—равнодушно спросилъ Ленька.

— Одиннадцать съ полтиной!... Видишь?!

Но на Леньку не произвели впечатлѣнія эта сумма и ликующій тонъ дѣда.

— Эхъ ты, малышъ, малышъ!—вздохнулъ дѣдъ.—Такъ порознь, что ли, идемъ?

— Порознь...

— Ну... Къ церкви приходи, буде.

— Ладно.

Дѣдъ свернулъ въ проулокъ налѣво, а Ленька по-шелъ дальше. Сдѣлавъ шаговъ десять, онъ услышалъ дребезжащій возгласъ: „Благодѣтели и кормильцы!...“ Этотъ возгласъ былъ похожъ на то, какъ бы по раз-строеннымъ гусямъ провели ладонью съ самой густой до тонкой струны. Ленька вздрогнулъ и прибавилъ шагу. Всегда, когда слышалъ онъ просьбы дѣда, ему становилось непріятно и какъ-то тоскливо, а когда дѣду

отказывали, онъ даже робѣлъ, ожидая, что вотъ сейчасъ разревется дѣдушка.

До слуха его еще долетали дрожащія, жалкія ноты дѣдова голоса, плутавшія въ сонномъ и знойномъ воздухѣ надъ станицей. Кругомъ было все такъ тихо, точно ночью. Ленъка подошелъ къ плетню и сѣлъ въ тѣни отъ свѣсившихся черезъ него на улицу вѣтвей вишни. Гдѣ-то гулко жужжала пчела...

Сбросивъ котомку съ плечъ, Ленъка положилъ на нее голову и, немного посмотрѣвъ въ небо сквозь листву надъ его лицомъ, крѣпко заснулъ, укрытый отъ взглядовъ прохожихъ густымъ бурьяномъ и рѣшетчатой тѣнью плетня...

Проснулся онъ разбуженный странными звуками, колебавшимися въ воздухѣ, уже посвѣжѣвшемъ отъ близости вечера. Кто-то плакалъ неподалеку отъ него. Плакали по-дѣтски—задорно и неугомонно. Звуки рыданій замирали въ тонкой, минорной нотѣ и вдругъ снова и съ новой силой вспыхивали и лились, все приближаясь къ нему. Онъ поднялъ голову и черезъ бурьянъ поглядѣлъ на дорогу.

По ней шла дѣвочка лѣтъ семи, красивая, чисто одѣтая, съ краснымъ и вспухшимъ отъ слезъ лицомъ, которое она то и дѣло вытирала подоломъ бѣлой ситцевой юбки. Шла она медленно, шаркая босыми ногами по дорогѣ, вздымая густую пыль и, очевидно, не зная, куда и зачѣмъ она идетъ. У нея были большіе черные глаза, теперь обиженные, грустные и влажные, и маленькія, розовыя ушки, такъ шаловливо выглядывавшія изъ прядей каштановыхъ волосъ, растрепанныхъ и падавшихъ ей на лобъ, щеки и плечи.

Въ общемъ, она показалась Ленъкѣ очень смѣшной, несмотря на свои слезы,—смѣшной и веселой... И озорница должно быть!...

— Ты чего плачешь?—спросилъ онъ, вставая на ноги, когда она поровнялась съ нимъ.

Она вздрогнула и остановилась, сразу переставъ плакать, но все еще потихоньку всхлипывая. Потомъ, когда она нѣсколько секундъ посмотрѣла на него, у нея снова дрогнули губы, смѣшно сморщилось лицо, грудь колыхнулась, и, снова громко зарыдавъ, она пошла.

Ленька почувствовалъ, какъ у него что-то сжалось внутри, и вдругъ онъ тоже пошелъ за ней.

— А ты не плачь! Большая ужъ... стыдно, чай!...— заговорилъ онъ, еще не поровнявшись съ ней, и потомъ, когда догналъ ее, заглянулъ ей въ лицо и переспросилъ снова, для чего-то пожавъ плечами:—Ну, чего ты разревѣлась?

— Да-а!...—протянула она.—Кабы тебѣ!...—и вдругъ опустила въ пыль на дорогу, закрывъ лицо руками, и отчаянно заревѣла.

— Ну!—пренебрежительно махнулъ рукой Ленька.—Баба!... Какъ есть—баба. Фу ты!...

Но это не помогло ни ей, ни ему. Ленькѣ, глядя, какъ между ея тонкими, розовыми пальцами струились одна за другой слезинки, стало тоже грустно и захотѣлось плакать. Онъ наклонился надъ нею и, осторожно поднявъ руку, чуть дотронулся до ея волосъ; но тотчасъ же, испугавшись своей смѣлости, отдернулъ руку прочь. А она все плакала и ничего не говорила.

— Слышь!...—помолчавъ, началъ Ленька, чувствуя настоящую потребность помочь ей.—Слышь!... чего ты это? Поколотили, что ли?... Такъ вѣдь пройдетъ! А то, можетъ, другое что? Ты скажи! Дѣвочка... а? скажи, ка мнѣ про это—и легче будетъ! Потеряла, что ли, чего? Поискали бы вмѣстѣ...

Дѣвочка, не отнимая рукъ отъ лица, печально качнула головой и, наконецъ, сквозь рыданія медленно отвѣтила ему, поводя плечами:

— Платокъ... потеряла!... Батка съ базара привезъ голубой, съ цвѣтками, а я надѣла... и потеряла И

плакала снова сильнѣе и громче, всхлипывая и стонущимъ голосомъ выкликая странное о-о-о!...

Ленька почувствовалъ себя безсильнымъ помочь ей и, робко отодвинувшись отъ нея, задумчиво и грустно посмотрѣлъ въ потемнѣвшее небо. Ему было тяжело и очень жалко дѣвочку.

— Не плачь!... можетъ, найдется какъ ни то...—тихонько прошептала онъ, но, замѣтивъ, что она не слышитъ его утѣшенія, отодвинулся еще дальше отъ нея и подумалъ, что навѣрное отъ отца достанется ей дома за эту потерю. И тотчасъ же ему представилось, что отецъ, большой и черный казакъ, колотить ее, а она, захлебываясь слезами и вся дрожа отъ страха и боли, валяется у него въ ногахъ...

Онъ всталъ и пошелъ прочь, чувствуя себя убитымъ и обиженнымъ своей неспособностью помочь ей чѣмъ-нибудь; но, отойдя шаговъ пять, снова круто повернулся, остановился противъ нея, прижавшись къ плетню, и старался вспомнить что-нибудь такое ласковое и доброе... Не вспоминалось почему-то никакихъ ласковыхъ словъ.

— Ушла бы ты съ дороги, дѣвочка! Да ужъ перестань, что ли, плакать-то! Пойди домой, да и скажи все, какъ было. Потеряла, молъ... Что ужъ больно?...

Онъ началъ говорить это тихимъ, соболѣзнующимъ голосомъ и, кончивъ возмущеннымъ восклицаніемъ, обрадовался, видя, что она поднимается съ земли.

— Вотъ и ладно!...—улыбаясь и оживленно продолжалъ онъ.—Иди-ка вотъ. Хочешь, я съ тобой пойду и расскажу все? Заступлюсь за тебя, не бойся!

И Ленька гордо повелъ плечами, оглянувшись вокругъ себя.

— Не надо...—прошептала она, медленно отряхая пылъ съ платья и все всхлипывая.

— А то—пойду?—съ полнѣйшей готовностью громко заявилъ Ленька и сдвинулъ себѣ на ухо картузь.

Теперь онъ стоялъ передъ ней, широко разставивъ ноги, отчего надѣтые на немъ лохмотья какъ-то храбро заершились. Онъ твердо постукивалъ палкой о землю и смотрѣлъ на нее упорно, а его большіе и грустные глаза свѣтились такимъ гордымъ и смѣлымъ чувствомъ.

Дѣвочка искоса посмотрѣла на него, размазывая по своему личику слезы, и, снова вздохнувъ, сказала:

— Не надо... не ходи... Мамка не любитъ нищихъ-то.

И пошла отъ него прочь, / раза два оглянувшись назадъ.

Ленькѣ сдѣлалось скучно. Онъ незамѣтно, медленными движеніями измѣнилъ свою рѣшительную, вызывающую позу, снова сгорбился, присмирѣлъ и, закинувъ за спину свою котомку, висѣвшую до этого на рукѣ, крикнулъ вслѣдъ дѣвочкѣ, когда она уже скрылась за поворотомъ проулка:

— Прощай!

Она обернулась къ нему на ходу и исчезла.

Кругомъ стало скучнѣй и темнѣй. Приближался вечеръ и въ воздухѣ стояла та особенная, тяжелая духота, которая предвѣщаетъ грозу. Солнце уже было низко и вершины тополей зардѣлись легкимъ румянцемъ. Но отъ вечернихъ тѣней, окутавшихъ ихъ вѣтви, они, высокіе и неподвижные, стали гуще, выше и казались Ленькѣ задумавшимися о чемъ-то и точно ожидавшими чего-то страшнаго... Небо надъ ними тоже темнѣло, дѣлалось бархатнымъ и точно опускалось ниже къ землѣ. Гдѣ-то далеко говорили люди и еще гдѣ-то дальше, но въ другой сторонѣ—пѣли. Эти звуки, тихіе, но густые и непрерывно колебавшіеся въ воздухѣ, казалось, тоже были пропитаны духотой.

Ленькѣ стало еще скучнѣе и даже боязно чего-то. Онъ захотѣлъ пойти къ дѣду, оглянулся вокругъ себя и быстро пошелъ впередъ по переулку. Просить милостыню ему совсѣмъ не хотѣлось. Онъ шелъ и чувство-

валъ, что у него въ груди сердце бьется такъ часто, часто, и что ему какъ-то особенно лѣнь идти и думать... Но дѣвочка не выходила изъ его памяти, и ему думалось о томъ, что съ ней теперь? Пришла ли она домой? Богатая она?.. Коли она изъ богатаго дома, будутъ ее бить; всѣ богатые—скряги; а коли бѣдная, то, можетъ, и не будутъ... Въ бѣдныхъ домахъ ребятъ-то больше любятъ, потому что отъ нихъ работы ждуть. Одна за другой думы назойливо шевелились въ его головѣ и съ каждой минутой томительное и щемящее чувство тоски, какъ тѣнь сопровождавшее его думы, становилось тяжелѣе и овладѣвало имъ все болѣе.

И тѣни вечера становились удушливѣй и гуще. Навстрѣчу Ленкѣ попадались казаки и казачки и проходили мимо, не обращая на него вниманія, уже успѣвъ привыкнуть къ наплыву голодающихъ изъ Россіи. Онъ тоже лѣнливо скользилъ потускнѣвшимъ взглядомъ по ихъ сытымъ, крупнымъ фигурамъ и быстро шелъ къ церкви, крестъ которой сіялъ за зеленью деревьевъ впереди его.

Навстрѣчу ему несся рѣзвый шумъ возвращавшагося стада. Вотъ и церковь, низенькая и широкая, съ пятью главами, покрашенными голубой краской, обсаженная кругомъ тополями, вершины которыхъ переросли ея кресты, облитые лучами заката и сіявшіе сквозь зелень розоватымъ золотомъ.

Вонъ и дѣдъ трусить къ паперти, согнувшись подъ тяжестью котомки, и озирается по сторонамъ, приставивъ ладонь ко лбу.

За дѣдомъ тяжелой, развалистой походкой шагаетъ станичникъ въ шапкѣ, низко надвинутой на лобъ, и съ палкой въ рукѣ.

— Что, пуста котомка-то?—спросилъ дѣдъ, подходя ко внуку, остановившемуся, ожидая его, у церковной ограды.

— А я вонъ сколько!...—и, кряхтя, онъ свалилъ съ плечъ на землю свой холщевый, туго набитый мѣшокъ.

— Ухъ!... хорошо здѣсь подають! Ахти, хорошо!... Ну, а ты чего такой надутый?

— Голова болить... — тихо молвилъ Ленька, опускаясь на землю рядомъ съ дѣдомъ, прижавшимся спиной къ кучѣ сложенныхъ кирпичей и съ выраженіемъ жадности и удовольствія гладившимъ рукой по собранной милостынѣ.

— Ну?... Усталъ... Сморился!... Вотъ ночевать пойдѣмъ сейчасъ. Какъ казака-то того звать? а?

— Андрей Черный.

— Вѣрно, Черный! Вотъ мы и спросимъ: а гдѣ, молъ, тутъ Черный Андрей? Вотъ къ намъ человѣкъ идетъ... у него и спросимъ., Да... Хорошій народъ, сытый! И все пшеничный хлѣбъ ѣдятъ. Здравствуйте, добрый человѣкъ!

Казакъ подошелъ къ нимъ вплотъ и медленно проговорилъ въ отвѣтъ на привѣтствіе дѣда:

— И вы здравствуйте!

Затѣмъ, широко разставивъ ноги и остановивъ на нищихъ большіе, но ничего не выражавшіе глаза, молча почесался.

Ленька смотрѣлъ на него пыливо, дѣдъ моргалъ своими старческими глазами вопросительно, казакъ все молчалъ и, наконецъ, высунувъ до половины языкъ, сталъ ловить имъ конецъ своего уса. Удачно кончивъ эту операцію, онъ втащилъ усъ въ ротъ, пожевалъ его, снова вытолкнулъ изо рта языкомъ и, наконецъ, прервалъ молчаніе, уже ставшее томительнымъ, лѣниво проговоривъ:

— Ну... пойдѣмте въ сборную.

— Затѣмъ?—встрепенулся дѣдъ.

У Леньки дрогнуло что-то внутри.

— А надо... Велѣно. Ну!

Онъ повернулся къ нимъ спиной и пошелъ было,

но, оглянувшись назадъ и видя, что оба они не трогаются съ мѣста, снова и уже сердито крикнулъ:

— Чего жъ еще?!

Тогда дѣдъ и Ленька быстро встали на ноги и пошли за нимъ.

Ленька упорно смотрѣлъ на дѣда и, видя, что у него трясутся губы и голова и что онъ, боязливо озираясь вокругъ себя, быстро шарить у себя за пазухой, чувствовалъ, что дѣдъ опять нашалилъ чего-то, какъ и тогда въ Тамани. Ему стало боязно и тошно, когда онъ представилъ себѣ ту таманскую исторію. Тамъ дѣдъ стянулъ со двора бѣлье и его поймали съ нимъ. Смѣялись, ругали, били даже и, наконецъ, ночью выгнали вонъ изъ станицы. Ночь была такая темная... Они ночевали съ дѣдомъ гдѣ-то на берегу пролива въ пескѣ, и море всю ночь грозно урчало... Песокъ скрипѣлъ, передвигаемый набѣгавшими на него волнами... А дѣдъ всю ночь стоналъ и шопотомъ молился Богу, называя себя воромъ и прося прощенія.

— Ленька!...

Ленька вздрогнулъ отъ толчка въ бокъ и посмотрѣлъ на дѣда. У того лицо вытянулось, стало суше и сѣрѣе и все дрожало.

Казакъ шелъ впереди шаговъ на пять, курилъ трубку, обивалъ палкой головки репейника и не оборачивался на нихъ.

— На вотъ, возьми... брось... въ бурьянъ... да замѣть, гдѣ бросишь!... чтобы взять послѣ... можно... — чуть слышно прошепталъ дѣдъ и, плотно прижавшись на ходу ко внуку, сунулъ ему въ руки какую-то тряпицу, свернутую въ комокъ.

Ленька отстранился, дрогнувъ отъ страха, сразу наполнившаго холодомъ все его существо, и подошелъ ближе къ забору, около котораго густо разросся бурьянъ. Напряженно глядя въ широкую спину казака-конвоира, онъ протянулъ въ сторону руку и, посмотрѣвъ на нее,

бросилъ тряпку въ бурьянъ... Бросилъ и сталъ, пораженный.

Падая, тряпка развернулась, и въ глазахъ Леньки промелькнулъ голубой съ цвѣтами платокъ, моментально заслоненный образомъ маленькой плачущей дѣвочки. Она встала передъ нимъ, какъ живая, заслонивъ собою и казача, и дѣда, и все окружающее... Звукъ ея рыданій снова ясно раздались въ ушахъ Леньки и ему показалось, что передъ нимъ на землю падаютъ свѣтлыя капельки слезъ, закрывая отъ него весь міръ и наполняя его грудь то-скливымъ холодомъ...

Въ этомъ, почти невмѣняемомъ состояніи онъ пришелъ позади дѣда въ сборную, слышалъ глухое гудѣніе, разобрать которое не могъ и не хотѣлъ, точно сквозь туманъ видѣлъ, какъ изъ котомки дѣда высыпали куски на большой столъ, и эти куски, падая глухо и мягко, стучали о столъ... Затѣмъ надъ ними склонилось много головъ въ высокихъ шапкахъ; головы и шапки были хмуры и мрачны и сквозь туманъ, облекавшій ихъ, качаясь, грозилъ чѣмъ-то страшнымъ... Потомъ вдругъ дѣдъ, хрипло бормоча что-то, какъ волчокъ завертѣлся въ рукахъ двухъ дюжихъ молодцовъ...

— Напрасно, православные!... Невиненъ, видитъ Господь!...—пронзительно взвизгнувъ дѣдъ.

Ленька, заплакавъ, опустился на полъ.

Тогда подошли и къ нему. Подняли, посадили на лавку и обшарили всѣ лохмотья, покрывавшіе его маленькое тѣльце. А потомъ вдругъ все остановилось.

Въ горлѣ Леньки остановились слезы, точно онѣ скипѣлись въ большой шаръ, затруднявшій ему дыханіе, остановилось невнятное бормотаніе дѣда и возбужденный гулъ голосовъ порвался сразу, точно его кто-то выбросилъ изъ комнаты.

— Брешетъ Даниловна, чортова баба! — громыхнулъ кто-то, точно ударивъ по ушамъ Леньки своимъ густымъ и раздраженнымъ голосомъ.

— А можетъ, они спрятали гдѣ?—крикнули въ отвѣтъ еще громче.

И снова загудѣли густыя басовыя ноты.

Ленька чувствовалъ, что всѣ эти звуки точно бьютъ его по головѣ, и ему стало такъ больно, что онъ потерялъ сознаніе, вдругъ точно нырнувъ въ какую-то черную яму, раскрывшую передъ нимъ бездонный звѣвъ.

А когда онъ очнулся, то почувствовалъ, что его голова лежитъ на колѣняхъ дѣда, и увидѣлъ, что прямо надъ лицомъ его наклонилось дѣдово лицо, жалкое и сморщенное болѣе, чѣмъ всегда, и изъ дѣдовыхъ глазъ, испуганно моргавшихъ, капаятъ на его, Ленькинъ, лобъ маленькія мутныя слезы и очень щекотятъ, скатываясь по щекамъ на шею...

— Оклемался ли, родной?!... Пойдемъ-ка отсюда. Пойдемъ,—отпустили проклятые!

Ленька поднялся съ колѣнъ дѣда и сѣлъ рядомъ съ нимъ, чувствуя, что въ его головѣ налитъ что-то тяжелое и что она вотъ-вотъ упадетъ съ плечъ... Онъ взялъ ее руками и закачался изъ стороны въ сторону, тихо стоная.

— Болитъ головонька-то? Родненькій ты мой!... Измутили они насъ съ тобой... Звѣри! Кинжалъ пропалъ, вишь ты, да платокъ дѣвчонка потеряла, ну они и навалились на насъ. Мы, дескать, нищіе, ну, значить; и воры!... Охъ, Господи Боже!... за что наказуешь?!...

Скрипучій голосъ дѣда какъ-то царапалъ Леньку, и онъ чувствовалъ, что внутри его разгорается такая острая искорка, которая заставляетъ его отодвинуться отъ дѣда дальше.

Онъ отодвинулся и хмуро посмотрѣлъ въ его лицо, изъ морщинъ котораго на Леньку, казалось ему, смотрятъ маленькія, поганья, лживыя змѣйки... Онъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ вокругъ...

Они съ дѣдомъ сидѣли у выхода изъ станицы, подъ густой тѣнью вѣтвей коряваго осокоря. Уже настала ночь, взошла луна и ея молочно-серебристый свѣтъ,

обливая ровное и широкое степное пространство, сдѣлалъ его какъ бы уже, чѣмъ оно было днемъ, уже и еще пустынный и грустный. Пыдалека, со степи, слитой съ небомъ, вздымались лиловатыя тучки и тихо-плыли надъ ней, закрывая луну и бросая на землю густыя тѣни. Тѣни плотно ложились на землю, медленно, задумчиво ползли по ней и вдругъ пропадали, точно уходя въ землю черезъ трещины отъ жгучихъ ударовъ солнечныхъ лучей... Изъ станицы доносились голоса и кое-гдѣ въ ней вспыхивали огоньки, точно перемигиваясь съ ярко-золотыми звѣздами въ небѣ.

— Пойдемъ, милый!... идти надо,—сказалъ дѣдъ.

— Посидимъ—еще!... тихо сказалъ Ленька.

Ему нравилась степь. Днемъ, идя по ней, онъ любилъ смотрѣть впередъ, туда, гдѣ сводъ неба, казалось, опирается на ея широкую грудь... И тамъ онъ представлялъ себѣ большіе чудные города, населенные такими невиданными имъ добрыми людьми, у которыхъ не нужно будетъ просить хлѣба—сами дадутъ безъ просьбъ... И когда она, все шире развертываясь передъ его глазами, вдругъ выдвигала изъ себя станицу, уже знакомую ему и похожую строеніями и людьми на всѣ тѣ, которыя онъ видѣлъ прежде, ему дѣлалось грустно и обидно за этотъ обманъ...

Но степь на другой день снова развертывалась передъ нимъ широко и свободно и снова заставляла его рисовать себѣ невиданные города, тамъ далеко, на краю, скрытые ею...

И теперь онъ задумчиво смотрѣлъ вдаль, откуда выползали медленно тучи. Онѣ казались ему дымомъ тысячъ трубъ того города, который такъ ему хотѣлось видѣть... Его созерцаніе прервалъ глухой кашель дѣда.

Ленька пристально взглянулъ въ смоченное слезами лицо дѣда, жадно глотавшаго воздухъ.

Освѣщенное луной и перекрытое странными тѣнями, падавшими на него отъ лохмотьевъ шапки, отъ бровей

и бороды, это лицо, съ судорожно двигавшимся ртомъ и широко раскрытыми глазами, свѣтившимися какимъ-то затаеннымъ восторгомъ—было и страшно, и жалко, и возбуждало въ Ленъкѣ то новое для него чувство, что заставляло его отодвигаться отъ дѣда подальше...

— Ну, посидимъ, посидимъ!... — бормоталъ онъ и, глупо ухмыляясь, шарилъ за пазухой.

Ленька отвернулся и снова сталъ смотрѣть вдаль.

— Ленъка! Леночка!... Погляди-ка!...—вдругъ всхлинулъ дѣдъ восторженно и, весь корчась отъ удушливаго кашля, протянулъ внуку что-то длинное и блестящее.— Въ серебрѣ!... серебро вѣдь!... полсотни стоитъ!... шепталъ онъ.

Руки и губы у него дрожали отъ жадности и боли и все лицо передергивалось.

Ленька вздрогнулъ и оттолкнулъ его руку.

— Спрячь скорѣй!... ахъ, дѣдушка, спрячь!...—умоляюще прошепталъ онъ, быстро оглядываясь кругомъ.

— Ну... чего ты, дурашка? боишься, милый?... заглянулъ я въ окно, а онъ виситъ... я его цапъ, да и подъ полу... а потомъ спрятали въ кустахъ. Шли вонъ изъ станицы, я будто шапку уронилъ, наклонился и взялъ его... Дураки они!... И платокъ взялъ... вотъ онъ гдѣ!...

И выхвативъ изъ своихъ лохмотьевъ дрожащими руками платокъ, дѣдъ потрясъ имъ передъ лицомъ Ленъки.

Передъ глазами Ленъки разорвалась какая-то туманная завѣса и встала такая картина:—Онъ и дѣдъ быстро, насколько могутъ, идутъ по улицѣ станицы, избѣгая взглядовъ встрѣчныхъ людей, идутъ пугливо, и Ленъкѣ кажется, что каждый, кто хочетъ, въ правѣ бить ихъ обоихъ, плевать на нихъ, ругаться... Все окружающее—заборы, дома, деревья—въ какомъ-то странномъ туманѣ и колеблется точно отъ вѣтра... и гудятъ чьи-то суровые, сердитые голоса... Этотъ тяжелый путь безконечно долгъ и выходъ изъ станицы въ поле не виденъ за плотной массой шатающихся домовъ, которые то придви-

гаются къ нимъ, точно желая задавить ихъ, то уходятъ куда-то, смѣясь имъ, въ лицо темными пятнами своихъ оконъ... И вдругъ изъ одного окна звонко раздается: „Воришки! Воришки! Воришка, воренокъ!...“ Ленъка украдкой бросаетъ взглядъ въ сторону и видитъ въ окнѣ ту дѣвочку, которую давеча онъ видѣлъ плачущей и хотѣлъ защищать... Она поймала его взглядъ и высунула ему языкъ, а ея синіе глазки сверкали зло и остро и кололи Ленъку, какъ иглы...

Эта картина воскресла въ памяти мальчика и моментально исчезла, оставивъ по себѣ злую улыбку, которую онъ бросилъ въ лицо дѣду.

Дѣдъ все говорилъ что-то, говорилъ, прерывая себя каплемъ, махалъ руками, радостно улыбался чему-то, трясъ головой и отиралъ потъ, крупными каплями выступавшій въ морщинахъ его лица.

Тяжелая, изорванная и лохматая туча закрыла луну и Ленъкѣ почти не видно было лица дѣда... Но онъ поставилъ рядомъ съ нимъ плачущую дѣвочку, вызвавъ ея образъ передъ собой, и мысленно какъ бы измѣрялъ ихъ обоихъ... Немоцный, скрипучій, жадный и рваный дѣдъ рядомъ съ ней, обиженной имъ, плачущей, но здоровой, свѣжей, красивой, показался ему ненужнымъ и почти такимъ же злымъ и дряннымъ, какъ Кощей въ сказкѣ. Какъ это можно? За что онъ обидѣлъ ее? Онъ не родной ей...

А дѣдъ скрипѣлъ:

— Кабы сто рублей... скопить!... Умеръ бы я тогда покойно...

— Ну!...—вдругъ вспыхнуло что-то въ Ленъкѣ.—Молчи ужъ ты! Умеръ бы, умеръ бы... А не умираешь вотъ... Воруешь!...—взвизгнулъ Ленъка и вдругъ, весь дрожа, вскочилъ на погн.—Воръ ты старый!... У—у!—и сжавъ маленькій, сухой кулачокъ, онъ потрясъ имъ передъ носомъ внезапно замолкшаго дѣда и снова грузно опустился на землю, продолжая сквозь зубы:—У дити

украсть... Ахъ, хорошо!... Старый, а туда же... Не будетъ тебѣ на томъ свѣтѣ прощенья за это!...

Вдругъ вся степь всколыхнулась и, охваченная ослѣпительно голубымъ свѣтомъ, расширилась... Одѣвавшая ее мгла дрогнула и исчезла на моментъ... Грянулъ ударъ грома и, рокоча, покатился надъ степью, сотрясая и ее, и небо, по которому теперь быстро летѣла густая толпа черныхъ тучъ, утопившая въ себѣ луну.

Стало темно. Далеко гдѣ-то еще, молча, но грозно, сверкнула молнія и спустя секунду снова слабо рыкнулъ громъ... Потомъ наступила тишина, которой, казалось, не будетъ конца.

Ленька крестился. Дѣдъ сидѣлъ неподвижно и молча, точно онъ сросся съ стволомъ дерева, къ которому прислонился спиной.

— Дѣдушка!...—прошепталъ Ленька, въ мучительномъ страхѣ ожидая новаго удара грома.—Идемъ въ станицу!

Небо снова дрогнуло и, снова вспыхнувъ голубымъ пламенемъ, бросило на землю могучій металлическій ударъ. Какъ будто тысячи листовъ желѣза сыпались на землю, ударяясь другъ о друга...

— Дѣдушка!...—крикнулъ Ленька.

Крикъ его, заглушаемый отзвукомъ грома, прозвучалъ какъ ударъ въ маленькій, разбитый колоколь.

— Что ты... внучекъ мой... Боишься... а!...—хрипло проговорилъ дѣдъ, не шевелясь.

Въ его словахъ звучали горечь и боль, и насмѣшка. Ленькѣ они показались произнесенными чужимъ.

Стали падать крупныя капли дождя и ихъ шорохъ звучалъ такъ таинственно, точно предупреждалъ о чемъ-то... Вдали онъ уже выросъ въ сплошную, широкій звукъ, похожій на треніе громадной щеткой по сухой землѣ,—а тутъ, около дѣда и внука, каждая капля, падая на землю, звучала коротко и отрывисто и умирала безъ эха. Удары грома все приближались и небо вспыхивало чаще.

— Не пойду я въ станицу! Пусть меня, старого пса

и вора... здѣсь дождь потопить... и громъ убьетъ!...—зады-
хаясь заговорилъ дѣдъ.—Не пойду!... Иди одинъ... Вотъ
она, станица... Иди!... Не хочу я, чтобъ ты сидѣлъ тутъ...
пошелъ!... Иди, иди!... Иди!...

Дѣдъ уже кричалъ глухо и слышно.

— Дѣдушка!... прости!... придвигаясь къ нему, возмо-
лился Ленъка.

— А!... Не пойду... Не прощу... Семь лѣтъ я тебя
нянѣчилъ!... Все для тебя... и жить... для тебя. Рази мнѣ
надо что?... Умираю вѣдь я... Умираю... а ты говоришь—
воръ... Для чего воръ? для тебя... вѣдь для тебя это все...
Вотъ возьми... возьми... бери... На жизнь твою... на всю...
копилъ... ну и воровалъ... Богъ видитъ все... Онъ знаетъ...
что воровалъ... знаетъ... Онъ меня накажетъ. О-онъ не
помилуетъ меня, стараго пса... за воровство. И наказалъ
ужь... Господи! наказалъ Ты меня!... а? наказалъ?... Рукой
ребенка убилъ Ты меня!... Вѣрно, Господи!... Правильно!...
Справедливъ Ты, Господи!... Иду на судъ Твой... Пошли
по душу мою... Охъ!... вотъ и... все!...

Голосъ дѣда поднялся до пронзительнаго визга, все-
лившаго въ грудь Ленъки холодный ужасъ.

Удары грома, сотрясая степь и небо, рокотали теперь
такъ гулко и торопливо, точно каждый изъ нихъ хотѣлъ
сказать землѣ что-то необходимо нужное для нея, и всѣ
они, перегоняя одинъ другого, ревѣли почти безъ паузъ.
Раздираемое молніями небо дрожало, дрожала и степь, то
вся вспыхивая синимъ огнемъ, то погружаясь въ холод-
ный, тяжелый и тѣсный мракъ, странно суживавшій ее.
Иногда молнія освѣщала даль. Эта даль, казалось, торо-
пливо убѣгаетъ отъ шума и рева...

Полный дождь, и его капли, блестя, какъ сталь при
блескѣ молніи, скрыли собой привѣтно мигавшіе огоньки
станіцы.

Ленъка замиралъ отъ ужаса, холода и какого-то тоскли-
ваго чувства вины, рожденнаго крикомъ дѣда. Онъ уста-
вить передъ собою широко раскрытые глаза и, боясь

моргнуть ими даже и тогда, когда капли воды, стекая съ его вымоченной дождемъ головы, попадали въ нихъ, прислушивался къ голосу дѣда, тонувшему въ морѣ могучихъ звуковъ.

Ленька чувствовалъ, что дѣдъ сидитъ неподвижно, но ему казалось, что онъ долженъ пропасть, уйти куда-то и оставить его тутъ одного. Онъ, незамѣтно для себя, понемногу придвигался къ дѣду и, когда коснулся его локтемъ, вздрогнулъ, ожидая чего-то страшнаго...

Разорвавъ небо, молнія освѣтила ихъ обоихъ, рядомъ другъ съ другомъ, скорченныхъ, маленькихъ, обливаемыхъ потоками воды съ вѣтвей дерева...

Дѣдъ махалъ рукой въ воздухъ и все бормоталъ что-то, уже уставая и задыхаясь.

Взглянувъ ему въ лицо, Ленька крикнулъ отъ страха... При синемъ блескѣ молніи оно казалось мертвымъ, а вращавшіеся на немъ тусклые глаза были безумны.

— Дѣдушка!... Пойдемъ!... взвизгнувъ онъ, ткнувъ свою голову въ колѣни дѣда.

Дѣдъ склонился надъ нимъ, обнявъ его своими руками, тонкими и костлявыми, крѣпко прижалъ къ себѣ и, тиская его, вдругъ взвылъ сильно и пронзительно, какъ волкъ, схваченный капканомъ.

Доведенный этимъ воемъ чуть не до сумасшествія, Ленька вырвался отъ него, вскочилъ на ноги и стрѣлой помчался куда-то впередъ, широко раскрывъ глаза, ослѣпленный молніями, падая, вставая и уходя все глубже въ тьму, которая то исчезала отъ синяго блеска молніи, то снова плотно охватывала обезумѣвшаго отъ страха мальчика.

Громъ ревѣлъ и молніи блистали все чаще и грознѣй. А дождь, падая, шумѣлъ такъ холодно, монотонно, то-скливо... и, наконецъ, казалось, что въ степи ничего и никогда не было, кромѣ шума дождя, блеска молніи и раздраженного грохота грома.

Путру другого дня, выбѣжавъ за околицу, станичные мальчики тотчасъ же воротились назадъ и сдѣлали въ станицѣ тревогу, объявивъ, что видѣли подь осокорью вчерашняго нищаго и что онъ, должно быть, зарѣзанъ, такъ какъ около него брошенъ кинжалъ.

Но когда старшіе казаки пришли смотрѣть, такъ ли это, то оказалось, что не такъ. Старикъ былъ живъ еще. Когда къ нему подошли, онъ попытался подняться съ земли, но не могъ. У него отнялся языкъ, какъ оказалось, и онъ спрашивалъ всѣхъ о чемъ-то слезящимися глазами и все искалъ ими въ толпѣ, но ничего не находилъ и не получалъ никакого отвѣта.

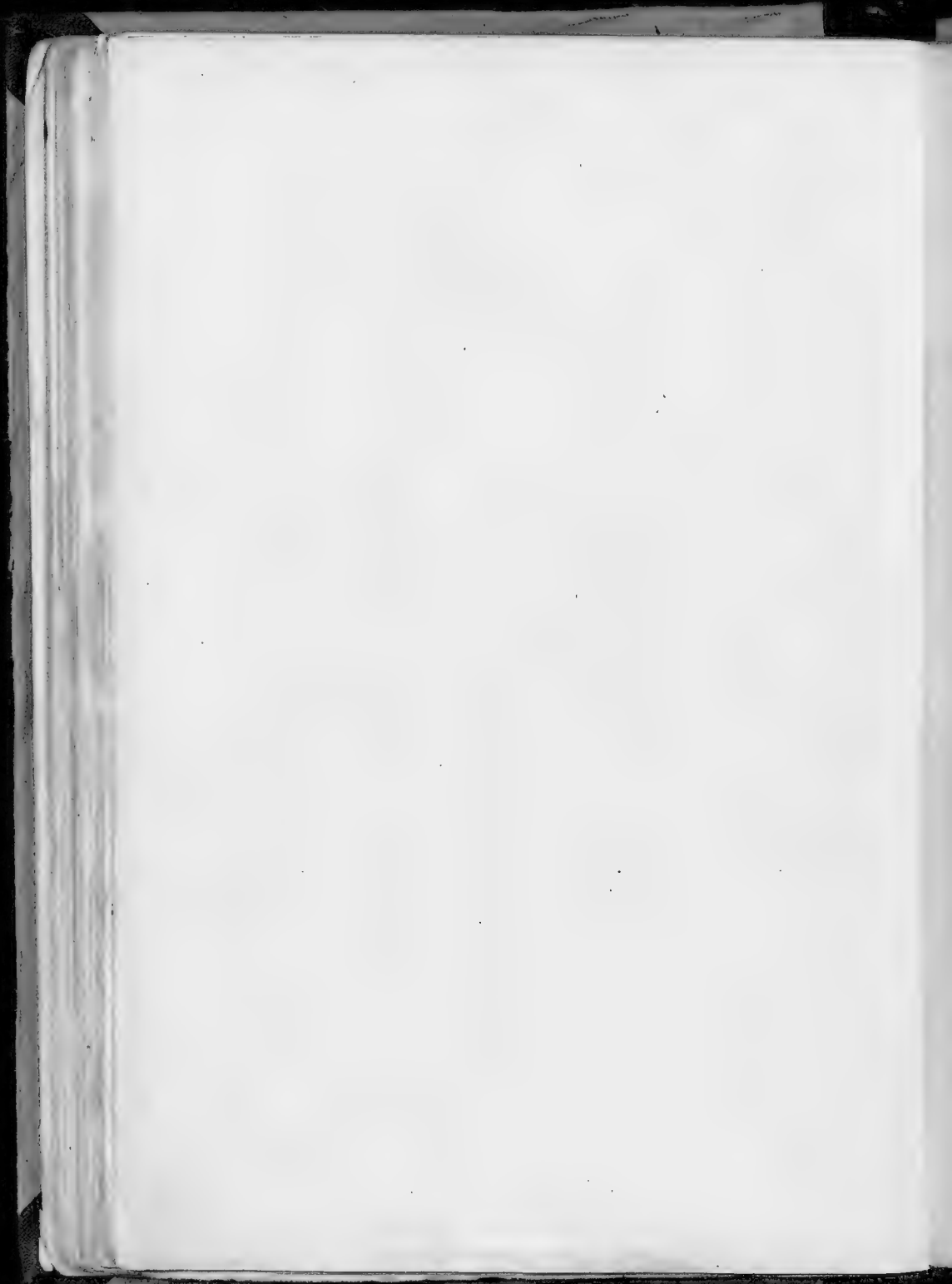
Къ вечеру онъ умеръ, и зарыли его тамъ же, гдѣ взяли, подь осокорью, находя, что на погостѣ его хоронить не слѣдуетъ: во-первыхъ—онъ чужой, во-вторыхъ—воръ, а въ-третьихъ—умеръ безъ покаянія. Около него въ грязи нашли кинжалъ и платокъ.

А черезъ два или три дня нашелся Ленъка.

Надъ одной степной балкой, недалеко отъ станицы, стали кружиться стаи воронъ, и когда пошли посмотрѣть туда, нашли мальчика, который лежалъ, раскинувъ руки и лицомъ внизъ, въ жидкой грязи, оставшейся послѣ дождя на днѣ балки.

Сначала рѣшили похоронить его на погостѣ, потому что онъ еще ребенокъ, но, подумавъ, положили рядомъ съ дѣдомъ подь той же осокорью. Насыпали холмъ земли и на немъ поставили грубый каменный крестъ.

ЧЕЛКАШЪ.

(1894—1895.)

Потемнѣвшее отъ поднятой въ гавани пыли голубое южное небо мутно; жаркое солнце тускло смотритъ въ зеленоватое море точно сквозь тонкую сѣрую вуаль. Оно не можетъ отразиться въ водѣ, то и дѣло разсѣкаемой ударами весель, паровыхъ винтовъ, острыми килемъ турецкихъ фелогъ и другихъ парусныхъ судовъ, бороздящихъ по всеѣмъ направленіямъ тѣсную гавань, въ которой закованныя въ гранитъ свободныя волны моря, подавленные громадными тяжестями, скользящими по ихъ хребтамъ, бьются о борта судовъ, о берега, бьются и ропщутъ, вспѣнныя ударами, загрязненныя разнымъ хламомъ.

Звонъ якорныхъ цѣпей, грохотъ сцѣпленій у вагоновъ, подвозящихъ грузъ, металлическій вопль желѣзныхъ листовъ, откуда-то падающихъ на камень мостовой, глухой стукъ дерева, дребезжаніе извозчичьихъ телѣгъ, свистки пароводовъ, то пронзительно рѣзкіе, то глухо ревущіе, крики грузчиковъ, матросовъ и таможенныхъ солдатъ,— все эти звуки сливаются въ оглушительную симфонію трудового дня и, мятежно колыхаясь, стоятъ въ небѣ надъ гаванью, какъ бы боясь всплыть выше и исчезнуть въ немъ. А къ нимъ вздымаются съ земли все новыя и новыя волны—то глухія, рокошующія, онѣ сурово сотрясаютъ все кругомъ, то рѣзкія, гремящія, рвутъ пыльный, знойный воздухъ.

Гранитъ, желѣзо, дерево, мостовая гавани, суда и люди—все дышетъ мощными звуками бѣшено-страстнаго гимна Меркурію. Но голоса людей, еле слышныя въ немъ, слабы и смѣшны. И сами люди, первоначально родившіе этотъ шумъ, смѣшны и жалки: ихъ фигурки, пыльныя, оборванныя, юркія, согнутыя подъ тяжестью товаровъ, лежащихъ на ихъ спинахъ, суетливо бѣгаютъ то туда, то сюда въ тучахъ пыли, въ морѣ зноя и звуковъ, и такъ они ничтожны, малы по сравненію съ окружающими ихъ желѣзными колоссами, грудями товаровъ, гремящими вагонами и всѣмъ, что они создали. Созданное ими поработило и обезличило ихъ.

Стоя подъ парами, тяжелые гиганты-пароходы то свистѣли, то шипѣли, то какъ-то глубоко вздыхали, и въ каждомъ рожденномъ ими звукѣ чудилась насмѣшливая нота ироническаго презрѣнія къ сѣрымъ, пыльнымъ фигурамъ людей, ползавшихъ по ихъ палубамъ и наполнявшихъ ихъ глубокіе трюмы продуктами своего рабскаго труда. До слезъ смѣшны были длинныя вереницы грузчиковъ, носившихъ на плечахъ своихъ тысячи пудовъ хлѣба въ желѣзные животы судовъ для того, чтобы заработать нѣсколько фунтовъ того же хлѣба для своего желудка. Рваные, потные, оупѣвшіе отъ усталости, шума и зноя люди и могучія, блестящія на солнцѣ дородствомъ и безмятежностью машины, созданныя этими людьми,—машины, которыя въ концѣ концовъ приводились въ движеніе все-таки не паромъ, а мускулами и кровью своихъ творцовъ... въ этомъ сопоставленіи была цѣлая поэма жестокой и холодной проны.

Шумъ—подавлялъ, пыль, раздражая ноздри,—слѣпила глаза, зной—пекъ тѣло и изнурялъ его, и все кругомъ—казалось напряженнымъ, назрѣвшимъ, теряющимъ терпѣніе, готовымъ разразиться какой-то грандіозной катастрофой, взрывомъ, за которымъ въ освѣженномъ имъ воздухѣ будетъ дышаться свободно и легко, на землѣ воцарится

тишина, а этот пыльный шумъ, оглушительный, раздражающій, доводящій до тоскливаго бѣшенства, исчезнетъ, и въ городѣ, на морѣ, въ небѣ станетъ тихо, ясно, славно... Но это только казалось. Это казалось потому, что человекъ еще не усталъ надѣяться на лучшее и желаніе чувствовать себя свободнымъ не умерло въ немъ...

Раздалось двѣнадцать мѣрныхъ извонкихъ ударовъ въ колоколь. Когда послѣдній мѣдный звукъ замеръ, дикая музыка труда уже звучала тише почти на половину. Черезъ минуту еще она превратилась въ глухой недовольный ропотъ. Теперь голоса людей и плескъ моря стали слышнѣй. Это—наступило время обѣда.

I.

Когда грузчики, бросивъ работать, рассыпались по всей гавани шумными группами, покупая себѣ у торговъ разную снѣдь и усаживаясь обѣдать тутъ же на мостовой, въ тѣнистыхъ уголкахъ, среди нихъ появился Гришка Челкашъ, старый травленный волкъ, хорошо знакомый гаванскому люду, какъ заядлый пьяница и ловкій, смѣлый воръ. Онъ былъ босъ, въ старыхъ, вытертыхъ плисовыхъ штанахъ, безъ шапки, въ грязной ситцевой рубахѣ съ разорваннымъ воротомъ, открывавшимъ его подвижныя, сухія и угловатая кости, обтянутыя коричневой кожей. По всклокоченнымъ чернымъ съ просѣдью волосамъ и смятому, острому, хищному лицу было видно, что онъ только-что проснулся. Въ одномъ буромъ усѣ у него торчала соломинна, другая соломина запуталась въ щетинѣ лѣвой бритой щеки, а за ухо онъ заткнулъ себѣ маленькую, только-что сорванную, вѣтку липы. Длинный, костлявый, немного сутулый, онъ медленно шагаль по камнямъ и, поводя своимъ горбатымъ, хищнымъ носомъ, кидалъ вокругъ себя острые взгляды, поблескивая холодными сѣрыми глазами и высматривая кого-то среди грузчиковъ. Его бурые усы, густые и длинные, то и дѣло

вздрагивали, какъ у кота, а золоженные за спину руки потирали одна другую, нервно перекручиваясь длинными, кривыми и цѣпкими пальцами. Даже и здѣсь, среди сотенъ такихъ же, какъ онъ, рваныхъ и рѣзкихъ босяцкихъ фигуръ, онъ сразу обращалъ на себя вниманіе своимъ сходствомъ съ степнымъ ястребомъ своей хищной худобой и этой прицѣпливающейся походкой, плавной и покойной съ виду, но внутренне возбужденной и зоркой, какъ летъ той хищной птицы, которую онъ напоминалъ.

Когда онъ поровнялся съ одной изъ группъ босяковъ-грузчиковъ, расположившихся въ тѣни подъ грудой корзины съ углемъ, ему навстрѣчу всталъ коренастый малый съ глупымъ, въ багровыхъ пятнахъ лицомъ и поцарапанной шеей, очевидно, недавно сильно избитый. Онъ всталъ и пошелъ рядомъ съ Челкашемъ, вполголоса говоря:

— Флотскіе двухъ мѣстъ мануфактуры хватились... Ищутъ. Слышь, Гришка?

— Ну?—спросилъ Челкашъ, спокойно смѣривъ его глазами.

— Чего—ну? Ищутъ, молъ. Больше ничего.

— Меня, что ли, спрашивали, чтобъ помогъ поискать?

И Челкашъ съ острой улыбкой посмотрѣлъ туда, гдѣ возвышался пакгаузъ Добровольнаго флота.

— Пошелъ инъ къ чорту!

Товарищъ повернулъ назадъ.

— Эй, погоди! Кто это тебя изукрасилъ? Ишь какъ испортили вывѣску-то... Мишку не видалъ здѣсь?

— Давно не видалъ!—крикнулъ тотъ, уходя къ своимъ товарищамъ.

Челкашъ пошелъ дальше, встрѣчаемый всѣми, какъ человѣкъ хорошо знакомый. Но онъ, всегда веселый и ѣдкій, былъ сегодня, очевидно, не въ духѣ и отвѣчалъ на разпросы отрывисто и рѣзко.

Откуда-то изъ-за бунта товара вывернулся таможенный сторожъ, темно-зеленый, пыльный и воинственно-

прямой. Онъ загородилъ дорогу Челкашу, вставъ передъ нимъ въ вызывающей позѣ, схватившись лѣвой рукой за ручку кортика, а правой пытаюсь взять Челкаша за воротъ.

— Стой! Куда идешь?

Челкашъ отступилъ шагъ назадъ, поднялъ глаза на сторожа и сухо улыбнулся.

Красное, добродушно-хитрое лицо служиваго пыталось изобразить грозную мину, для чего надулось, стало круглымъ, багровымъ, двигало бровями, таращило глаза и было очень смѣшно.

— Сказано тебѣ—въ гавань не смѣй ходить, ребра изломаю! А ты опять?—грозно кричалъ сторожъ.

— Здравствуй, Семенычъ! мы съ тобой давно не видались,—спокойно поздоровался Челкашъ и протянулъ ему руку.

— Хотя бы вѣкъ тебя не видать! Иди, иди!...

Но Семенычъ все-таки пожалъ протянутую руку.

— Вотъ что скажи,—продолжалъ Челкашъ, не выпуская изъ своихъ цѣпкихъ пальцевъ руки Семеныча и пріятельски-фамиллярно потряхивая ее,—ты Мишку не видалъ?

— Какого еще Мишку? Никакого Мишки не знаю! Пошелъ, братъ, вонъ! а то пакгаузный увидитъ, онъ те...

— Рыжаго, съ которымъ я прошлый разъ работалъ на „Костромѣ“?—стоялъ на своемъ Челкашъ.

— Съ которымъ воруетъ вмѣстѣ, вотъ какъ скажи! Въ больницу его свезли, Мишку твоего, ногу отдало чугунной штыкой. Поди, братъ, пока честью просятъ, поди, а то въ шею провожу!...

— Ага, ишь ты! а ты говоришь—не знаю Мишки... Знаешь вотъ. Ты чего же такой сердитый, Семенычъ?..

— Вотъ что, Гришка, ты мнѣ зубы не заговаривай, а иди!...

Сторожъ началъ сердиться и, оглядываясь по сторонамъ, пытался вырвать свою руку изъ крѣпкой руки

Челкаша. Челкашъ спокойно посматривалъ на него изъ-подъ своихъ густыхъ бровей, улыбался себѣ въ усы и, не отпуская его руки, продолжалъ разговаривать:

— Ты не торопи меня. Я вотъ наговорюсь съ тобой вдосталь и уйду. Ну, рассказывай, какъ живешь?... жена, дѣтки—здоровы?—И зловѣще сверкая глазами, онъ, оскаливъ зубы насмѣшливой улыбкой, добавилъ: — въ гости къ тебѣ собираюсь, да все времени нѣтъ—пью все вотъ...

— Ну... ну... ты это брось!... Ты... не шути, дьяволъ костлявый! Я, братъ, въ самомъ дѣлѣ... Али ты ужъ по домамъ, по улицамъ грабить собираешься?

— Зачѣмъ? И здѣсь на нашъ съ тобой вѣкъ добра хватить. Ей Богу хватить, Семенычъ! Ты, слышь, опять два мѣста мануфактуры слямзилъ?... Смотри, Семенычъ, осторожнѣй! не попадись какъ-нибудь!...

Возмущенный нахальствомъ Челкаша, Семенычъ весь затрясся, брызгая слюной и пытаясь что-то сказать. Челкашъ отпустилъ его руку и спокойно зашагалъ длинными ногами назадъ, къ воротамъ гавани. Сторожъ, неистово ругаясь, двинулся за нимъ.

Челкашъ повеселѣлъ; онъ тихо посвистывалъ сквозъ зубы и, засунувъ руки въ карманы штановъ, шелъ медленной походкой свободного человѣка, отпуская направо и налево колкіе смѣшки и шутки. Вслѣдъ ему платили тѣмъ же.

— Ишь ты, Гришка, начальство-то какъ тебя оберегаетъ! — крикнулъ кто-то изъ толпы грузчиковъ, уже пообѣдавшихъ и валявшихся на землѣ, отдыхая.

— Я—босый, ну такъ вотъ Семенычъ слѣдитъ, какъ бы мнѣ ногу не напортить на что,—отвѣтилъ Челкашъ.

Подошли къ воротамъ. Два солдата ошупали Челкаша и легонько вытолкнули его на улицу.

— Не пускайте вы его!—крикнулъ Семенычъ, оставшійся во дворѣ гавани.

Челкашъ перешелъ черезъ дорогу и сѣлъ на тумбочку

противъ дверей кабака. Изъ воротъ гавани съ грохотомъ выѣзжала безконечная вереница нагруженныхъ телѣгъ. Навстрѣчу имъ неслись порожнія телѣги съ извозчиками, подирыгивавшими на нихъ. Гавань изрыгала воющій громъ, ѣдкую пыль и сотрясала землю.

Привыкшій къ этой бѣшеной сутолокѣ, Челкашъ, возбужденный сценой съ Семенычемъ, чувствовалъ себя прекрасно. Впереди ему улыбался солидный заработокъ, требовавшій немного труда и много ловкости. Онъ былъ увѣренъ, что ея хватитъ у него и, щуря глаза, мечталъ о томъ, какъ загуляетъ завтра поутру, когда все будетъ справлено и въ его карманъ явятся кредитныя бумажки... Затѣмъ ему вспомнился товарищъ Мишка, который очень пригодился бы сегодня ночью, если бы не сломалъ себѣ ногу. Челкашъ про-себя обругался, думая, что одному ему, безъ Мишки, пожалуй, и не справиться со всѣмъ этимъ. Какова-то будетъ ночь?... Онъ посмотрѣлъ на небо и вдоль по улицѣ.

Шагахъ въ шести отъ него, у троттуара, на мостовой, прислонясь спиной къ тумбочкѣ, сидѣлъ молодой парень въ синей пестрядиной рубахѣ, въ такихъ же штанахъ, въ лаптяхъ и въ оборванномъ рыжемъ картузѣ. Около него лежала маленькая котомка и коса безъ черенка, обернутая въ жгутъ изъ сѣна, аккуратно перекрученный веревочкой. Парень былъ широкоплечъ, коренастъ, русъ, съ загорѣлымъ и обвѣтреннымъ лицомъ и съ большими голубыми глазами, смотрѣвшими на Челкаша довѣрчиво и добродушно.

Челкашъ оскалилъ зубы, высунулъ языкъ и, сдѣлавъ страшную рожу, упорно уставился на него вытаращенными глазами.

Парень, сначала недоумѣвая, смигнулъ, но потомъ вдругъ расхохотался, крикнулъ сквозь смѣхъ: ахъ, чудакъ! и, почти не вставая съ земли, неуклюже перевалился отъ своей тумбочки къ тумбочкѣ Челкаша, волоча свою котомку по пыли и постукивая пяткой косы о камни.

— Что, братъ, погулялъ, видно, здорово!... — обратился онъ къ Челкашу, дернувъ его штанину.

— Было дѣло, сосунокъ, было этакое дѣло!—открыто сознался Челкашъ. Ему сразу понравился этотъ здоровый, добродушный парень съ ребячьими свѣтлыми глазами.—Съ косовицы, что ли?

— Какъ же!... Косили версту—выкосили грошъ. Плохи дѣла-то! Нар-роду—уйма! Голодающій этотъ самый приплелся... цѣну сбили, хоть не берись. Шесть гривенъ въ Кубани платили. Дѣла!... А раньше-то, говорятъ, три цѣлковыхъ цѣна, четыре, пять!...

— Раньше!... Раньше-то за одно поглядѣнье на русскаго человѣка тамъ трешню платили. Я вотъ годовъ десять тому назадъ этимъ самымъ и промыслялъ. Придешь въ станицу—русскій, молъ, я!—Сейчасъ тебя поглядятъ, пощупаютъ, подивуются и—получи три рубля! Да напоятъ, накормятъ. И живи, сколько хочешь!

Парень, слушая Челкаша, сначала широко открывалъ ротъ, выражая на круглой физиономіи недоумѣвающее восхищеніе, но потомъ, понявъ, что этотъ оборванецъ вретъ, шлепнулъ губами и захохоталъ. Челкашъ сохранялъ серьезную мину, скрывая улыбку въ своихъ усахъ.

— Чудакъ, говоришь будто правду, а я слушаю да вѣрю... Нѣтъ, ей Богу, раньше тамъ...

— Ну, а я про что? Вѣдь и я говорю, что, молъ, тамъ раньше...

— Поди ты!...—махнулъ рукой парень.—Сапожникъ, что ли? Али портной?... ты-то?

— Я-то?—переспросилъ Челкашъ и, подумавъ, сказалъ:—Рыбакъ я...

— Рыба-акъ! Ишь ты! Что же, ловишь рыбу?...

— Зачѣмъ рыбу? Здѣшніе рыбаки не одну рыбу ловятъ. Больше утопленниковъ, старые якорья, потонувшія суда—все! Удочки такія есть для этого...

— Ври, ври!... Изъ тѣхъ, можетъ, рыбаковъ, которые про себя поютъ:

Мы закидываемъ сѣти
По сухимъ берегамъ,
Да по амбарамъ, по клѣтямъ!...

— А ты видалъ такихъ? — спроситъ Челкашъ, съ усмѣшкой поглядывая на него и думая, что этотъ славный парень очень глупъ.

— Нѣтъ, видать гдѣ же! Слыхивать...

— Нравятся?

— Они-то? Какъ же!... Ничего ребята, вольные... свободные...

— А что тебѣ... свобода?... Ты развѣ любишь свободу?

— Да вѣдь какъ же? Самъ себѣ хозяинъ, пошелъ—куда хошь, дѣлай—что хошь... Еще бы! Коли сумѣешь себя въ порядкѣ держать, да на шеѣ у тебя камней нѣтъ,—первое дѣло! Гуляй знай, какъ хошь, Бога только помни...

Челкашъ презрительно сплюнулъ и прервалъ свои вопросы, отвернувшись отъ парня.

— Сейчасъ вотъ мое дѣло... — вдругъ вдохновился тотъ.—Какъ отецъ у меня умеръ, хозяйство малое, мать старуха, земля вся высосана, что я долженъ дѣлать? Жить надо. А какъ? Неизвѣстно. Пойду я въ зятя въ хорошій домъ. Ладно. Кабы выдѣлили дочь-то!... Нѣтъ вѣдь—тесть-дьяволъ не выдѣлитъ. Ну, и буду я ломить на него... долго... года. Вишь какія дѣла-то! А кабы мнѣ рублей ста полтора заработать, сейчасъ бы я это на ноги всталъ и Антипу-то на-ко-ся, выкуси! Хошь выдѣлить Марѳу? Нѣтъ? не надо! Слава Богу, дѣвокъ въ деревнѣ не одна она. И былъ бы я, значить, совсѣмъ свободенъ, самъ по себѣ... Н-да!—Парень вздохнулъ.—А теперь ничего не подѣлаешь иначе, какъ въ зятя идти. Думалъ было я: вотъ, молъ, на Кубань-то пойду, рублей два ста тяпну,—шабанъ! баринъ!... Анъ оно и тю-тю!... не выгорѣло. Ну, и пойдешь въ зятя! Въ батраки... Потому своимъ хозяйствомъ не справлюсь я... ни въ какомъ разѣ! Эхе-хе!...

Парню сильно не хотѣлось идти въ зятя. У него даже лицо потускнѣло и сдѣлалось печальнымъ. Онъ тяжело заерзалъ на землѣ и вывелъ Челкаша изъ раздумья, въ которое тотъ погрузился подъ его рѣчи.

Челкашъ почувствовалъ, что ему уже не хочется разговаривать, но почему-то все-таки спросилъ еще:

— Теперь куда жъ ты?

— Да вѣдь куда? Извѣстно домой.

— Ну, братъ, мнѣ это неизвѣстно... можетъ, ты въ Турцію собрался...

— Въ Ту-урцію!...—протянулъ парень. — Кто жъ это туда ходитъ изъ православныхъ? Сказалъ тоже!...

— Экой ты дуракъ!—вздыхнулъ Челкашъ и снова отворотился отъ собесѣдника, на этотъ разъ почувствовавъ полное нежеланіе кинуть ему хотя бы слово. Въ немъ этотъ здоровый деревенскій парень что-то будилъ...

Смутное, медленно назрѣвавшее, досадливое чувство копошилось гдѣ-то глубоко и мѣшало ему сосредоточиться и обдумать все то, что нужно было сдѣлать въ эту ночь.

Обруганный парень бормоталъ что-то вполголоса, изрѣдка бросая на босяка косые взгляды. У него смѣшно надулись щеки, оттопырились губы и суженные глаза какъ-то черезчуръ часто и смѣшно помаргивали. Онъ, очевидно, не ожидалъ, что его разговоръ съ этимъ усаатымъ оборванцемъ кончится такъ быстро и обидно.

Оборванецъ не обращалъ больше на него вниманія. Онъ задумчиво посвистывалъ, сидя на тумбочкѣ и отбивая по ней тактъ голой, грязной пяткой.

Парню хотѣлось поквитаться съ нимъ.

— Эй ты, рыбакъ! Часто это ты запиваешь-то?—началъ было онъ, но въ тотъ же моментъ рыбакъ быстро обернулъ къ нему лицо, спросивъ его:

— Слушай, сосунъ! Хочешь сегодня ночью работать со мной? а? Говори скорѣй!

— Чего работать?—недовѣрчиво спросилъ парень.

— Ну, чего!... чего заставляю... Рыбу ловить поѣдемъ. Грести будешь...

— Такъ... Что же? Ничего. Работать можно. Только вотъ... не влетѣть бы во что съ тобой. Больно ты закомуристь... темень ты...

Челкашъ почувствовалъ нѣчто вродѣ ожога въ груди и съ холодной злобой вполголоса проговорилъ:

— А ты не болтай, чего не смыслишь. Я те вотъ долбану по башкѣ-то, такъ тогда у тебя въ ней про-свѣтитъ...

Онъ соскочилъ съ тумбочки, дернулъ лѣвой рукой свой усъ, а правую сжалъ въ желѣзный жилистый кулакъ и заблестѣлъ глазами.

Парень испугался. Онъ быстро оглянулся вокругъ и, робко моргая, тоже вскочилъ съ земли. Мѣря другъ друга глазами, они помолчали.

— Ну? — сурово спросилъ Челкашъ. Онъ кипѣлъ и вздрагивалъ отъ оскорбленія, нанесеннаго ему этимъ молоденькимъ теленкомъ, котораго онъ во все время разговора съ нимъ презиралъ, а теперь сразу возненавидѣлъ за то, что у него такіе чистые голубые глаза, здоровое, загорѣлое лицо, короткія, крѣпкія руки, за то, что онъ имѣетъ гдѣ-то тамъ деревню, домъ въ ней, за то, что его приглашаетъ въ зятя зажиточный мужикъ, за всю его жизнь прошлую и будущую, а больше всего за то, что онъ, этотъ ребенокъ по сравненію съ нимъ, Челкашомъ, смѣетъ любить свободу, которой не знаетъ цѣны и которая ему не нужна. Всегда непріятно видѣть, что человѣкъ, котораго ты считаешь хуже и ниже себя, любить или ненавидитъ то же, что и ты, и такимъ образомъ становится похожимъ на тебя.

Парень смотрѣлъ на Челкаша и чувствовалъ въ немъ хозяина.

— Вѣдь я...—заговорилъ онъ, — непрочъ... Я радъ. Работы вѣдь и ищу. Мнѣ все равно у кого работать, у тебя или у другого. Я только къ тому сказалъ, что не

похожъ ты на рабочаго человѣка... больно ужъ тово... драный. Ну, я вѣдь знаю, что это со всякимъ можетъ быть. Господи, рази я не видалъ пьяницъ! Эхъ, сколько!... да еще и не такихъ, какъ ты.

— Ну, ладно, ладно! Такъ согласенъ? — уже мягче переспросилъ Челкашъ.

— Я-то? Айда!... съ монимъ удовольствіемъ! Говори цѣну.

— Цѣна у меня по работѣ. Какая работа будетъ. Какой уловъ, значить... Пятитку можешь получить. Понялъ?

Но теперь дѣло касалось денегъ, а тутъ крестьянинъ хотѣлъ быть точнымъ и требовалъ той же точности отъ своего нанимателя. У парня вновь вспыхнуло недовѣріе и подозрительность.

— Это мнѣ не рука, братъ! Мнѣ бы синицу въ руки...

Челкашъ вошелъ въ роль:

— Не толкуй, погоди! Идемъ въ трактиръ!

И они пошли по улицѣ рядомъ другъ съ другомъ, Челкашъ—съ важной миной хозяина, покручивая усы, парень—съ выраженіемъ полной готовности подчиниться, но все-таки полный недовѣрія и боязни.

— А какъ тебя звать?—спросилъ Челкашъ.

— Гавриломъ!—отвѣтилъ парень.

Когда они пришли въ грязный и закоптѣлый трактиръ, Челкашъ, подойдя къ буфету, фамиллярнымъ тономъ завсегдатая заказалъ бутылку водки, щей, поджарку изъ мяса, чаю, и, перечисливъ требуемое, коротко бросилъ буфетчику: „въ долгъ все!“, на что буфетчикъ молча кивнулъ головой. Тутъ Гаврила сразу преисполнился уваженіемъ къ своему хозяину, который, несмотря на свой видъ жулика, пользуется такой извѣстностью и довѣріемъ.

— Ну, вотъ мы теперь закусимъ и поговоримъ толкомъ. Пока ты посиди, а я схожу кое-куда.

Онъ ушелъ. Гаврила осмотрѣлся кругомъ. Трактиръ помѣщался въ подвалѣ; въ немъ было сыро, темно и весь онъ былъ полонъ удушливымъ запахомъ перегорѣлой водки, табачнаго дыма, смолы и еще чего-то остраго. Противъ Гаврилы, за другимъ столомъ, сидѣлъ пьяный человѣкъ въ матросскомъ костюмѣ, съ рыжей бородой, весь въ угольной пыли и смолѣ. Онъ урчалъ, поминутно икая, пѣсню, всю изъ какихъ-то перерванныхъ и изломанныхъ словъ, то страшно шипящихъ, то гортанныхъ. Онъ былъ, очевидно, не русскій.

Сзади его помѣстились двѣ молдаванки, оборванныя, черноволосыя, загорѣлыя и тоже скрипѣвшія какую-то пѣсню пьяными голосами.

Потомъ изъ тѣмы выступали еще какія-то фигуры, всѣ странно растрепанныя, всѣ полупьяныя, крикливыя, безпокойныя...

Гаврилъ стало жутко тутъ одному. Ему захотѣлось, чтобы хозяинъ воротился скорѣе. А шумъ въ трактирѣ сливался въ одну ноту, и казалось, что это рычитъ какое-то огромное животное. Оно обладаетъ сотней разнообразныхъ голосовъ, раздражено, слѣпо рвется вонъ изъ этой каменной ямы и не находитъ выхода на волю... Гаврила чувствовалъ, какъ въ его тѣло всасывается что-то опьяняющее и тягостное, отъ чего у него кружилась голова и туманились глаза, любопытно и со страхомъ бѣгавшіе по трактиру...

Пришелъ Челкашъ, и они стали ѣсть и пить, разговаривая. Съ третьей рюмки Гаврила опьянѣлъ. Ему стало весело и хотѣлось сказать что-нибудь пріятное своему хозяину, который, — славный парень! — ничего не видя, такъ вкусно угостилъ его. Но слова, цѣлыми волнами подливавшіяся ему къ горлу, почему-то не сходили съ языка, вдругъ отяжелѣвшаго.

Челкашъ смотрѣлъ на него и, насмѣшливо улыбаясь, говорилъ:

— Наклюкался!... Э-эхъ, тюря!... съ пяти рюмокъ!... какъ работать-то будешь?...

— Другъ!... — лепеталъ Гаврила. — Не бойсь! Я тебѣ уважу!... т.-е. вотъ какъ!... Дай погѣлую тебя!... а?...

— Ну, ну!... На, еще клюкни!

Гаврила пилъ и дошелъ, наконецъ, до того, что у него въ глазахъ все стало колебаться ровными, волнообразными движеніями. Это было непріятно и отъ этого тошнило. Лицо у него сдѣлалось глупо-восторженное. Пытаясь сказать что-нибудь, онъ смѣшно шлепалъ губами и мычалъ. Челкашъ, пристально поглядывая на него, точно вспоминалъ что-то, крутилъ свои усы и все улыбался, теперь уже хмуро и зло.

А трактиръ ревѣлъ пьянымъ шумомъ. Рыжій матросъ спалъ, облокотясь на столъ.

— Ну-ка, идемъ! — сказалъ Челкашъ, вставая.

Гаврила попробовалъ подняться, но не смогъ и, крѣпко обругавшись, засмѣялся бессмысленнымъ смѣхомъ пьянаго.

— Развезло! — молвилъ Челкашъ, снова усаживаясь противъ него на стулъ.

Гаврила все хохоталъ, тупыми глазами поглядывая на хозяина. И тотъ смотрѣлъ на него пристально, зорко и задумчиво. Онъ видѣлъ предъ собой человѣка, жизнь котораго попала въ его волчьи лапы. Онъ, Челкашъ, чувствовалъ себя въ силѣ повернуть ее и такъ, и этакъ. Онъ могъ разломать ее, какъ карту, и могъ помочь ей установиться въ прочныя крестьянскія рамки. Чувствуя себя господиномъ другого, онъ наслаждался и думалъ о томъ, что этотъ парень никогда не испьетъ такой чаши, какую судьба дала испытать ему, Челкашу... И онъ завидовалъ и сожалѣлъ объ этой молодой жизни, подсмѣивался надъ ней и даже огорчался за нее, представляя, что она можетъ еще разъ попасть въ такія руки, какъ его... И всѣ чувства въ концѣ концовъ слились у Челкаша въ одно — нѣчто

отеческое и хозяйственное. Малаго было жалко и малый быть нуженъ. Тогда Челкашъ взялъ Гаврилу подъ мышки и, легонько толкая его сзади колѣномъ, вывелъ на дворъ трактира, гдѣ сложилъ на землю въ тѣнь отъ полѣнницы дровъ, а самъ сѣлъ около него и закурилъ трубку. Гаврила немного повозился, помычалъ и заснулъ.

II.

— Ну, готовъ? — вполголоса спросилъ Челкашъ у Гаврилы, возившагося съ веслами.

— Сейчасъ! Уключина вотъ шатается, — можно разокъ вдарить весломъ?

— Ни-ни! Никакого шуму! Надави ее руками крѣпче, она и войдетъ себѣ на мѣсто.

Оба они тихо возились съ лодкой, привязанной къ кормѣ одной изъ цѣлой флотиліи парусныхъ барокъ, нагруженныхъ дубовой кленкой, и большихъ турецкихъ фелогъ, на половину разгруженныхъ, на половину еще занятыхъ пальмой, сандаломъ и толстыми кряжами кипариса.

Ночь была темная, по небу двигались толстые пласты лохматыхъ тучъ и море было покойно, черно и густо, какъ масло. Оно дышало влажнымъ соленнымъ ароматомъ и ласково звучало, плескаясь о борта судовъ, о берегъ и чуть-чуть покачивая лодку Челкаша. На далекое пространство отъ берега съ моря подымались темные остовы судовъ, вонзая въ небо острия мачты съ разноцвѣтными фонарями на вершинахъ. Море отражало огни фонарей и было усыяно массой желтыхъ пятенъ. Они красиво трепетали на его бархатной груди, мягкой, матово-черной и такъ ровно, могуче вздымавшейся. Море спало здоровымъ, крѣпкимъ сномъ работника, который сильно усталъ за день.

— Вдемъ! — сказалъ Гаврила, спуская весла въ воду.

— Есть! — Челкашъ сильнымъ ударомъ руля выгналъ лодку въ полосу воды между барками, она быстро поплыла по скользкой водѣ, и вода подъ ударами весель загоралась голубоватымъ фосфорическимъ сіяніемъ. Длинная лента такого сіянія, мягко сверкая, вилась за кормой лодки.

— Ну, что голова? болить? — ласково спросилъ Челкашъ.

— Страсть!... какъ чугуны гудить... Намочу ее водой сейчасъ.

— Зачѣмъ? Ты на-ко вотъ нутро помочи, можетъ, скорѣ очухаешься, — и онъ протянулъ Гаврилъ бутылку.

— Ой ли? Господи благослови!...

Послышалось тихое бульканье.

— Эй ты! радъ?... будетъ! — остановилъ его Челкашъ.

Лодка помчалась снова, безшумно и легко вертась среди судовъ... Вдругъ она вырвалась изъ ихъ толпы, и море — безконечное, могучее, блестящее — развернулось передъ ними, уходя въ синюю даль, гдѣ изъ водъ его вздымались въ небо горы тучъ — лилово-синихъ, съ желтыми пуховыми каймами по краямъ, зеленыхъ, цвѣта морской воды и тѣхъ скучныхъ, свинцовыхъ тучъ, что бросаютъ отъ себя такія тоскливыя, тяжелыя тѣни, угнетающія умъ и душу. Онѣ ползли такъ медленно одна на другую и, то сливаясь, то обгоняя другъ друга, мѣшали свои цвѣта и формы, поглощая сами себя и вновь возникая въ новыхъ очертаніяхъ, величественныя и угрюмыя... И что-то роковое было въ этомъ медленномъ движеніи бездушныхъ массъ. Казалось, что тамъ, на краю моря, ихъ безконечно много и что они всегда будутъ такъ равнодушно вползать на небо, задавшись тупо злой цѣлью не позволять ему никогда больше блеснуть надъ соннымъ моремъ миллионами своихъ золотыхъ очей — разноцвѣтныхъ звѣздъ, живыхъ и мечтательно сіяющихъ, воз-

буждающихъ высокія желанія въ людяхъ, которымъ дорого ихъ святой и чистый блескъ.

— Хорошо море? — спросилъ Челкашъ.

— Ничего! Только боязно въ немъ, — отвѣтилъ Гаврила, ровно и сильно ударяя веслами по водѣ. Вода чуть слышно звенѣла и плескалась подъ ударами длинныхъ веселъ, плескалась и все блестяла этимъ теплымъ голубымъ свѣтомъ фосфора.

— Боязно! Экая дура!... — насмѣшливо проворчалъ Челкашъ.

Онъ, воръ и циникъ, любилъ море. Его кипучая, нервная натура, жадная на впечатлѣнія, никогда не пресыщалась созерцаніемъ этой темной широты, безкрайной, свободной и мощной. И ему было обидно слышать такой отвѣтъ на свой вопросъ о красотѣ того, что онъ любилъ. Сидя на кормѣ, онъ рѣзалъ своимъ весломъ воду и смотрѣлъ впередъ спокойно, полный желанія ѣхать долго и далеко по этой бархатной глади.

На морѣ въ немъ всегда поднималось широкое, теплое чувство, охватывавшее всю его душу и немного очищавшее ее отъ житейской скверны. Онъ цѣнилъ это и любилъ видѣть себя лучшимъ тутъ, среди воды и воздуха, гдѣ думы о жизни и сама жизнь всегда тебѣ — первая — остроту, вторая — цѣну. По ночамъ надъ моремъ плавно носится мягкій шумъ его соннаго дыханія, этотъ необъятный звукъ вливаетъ въ душу человѣка спокойствіе и ласково укрощая ея злые порывы, рождаетъ въ ней могучія мечты...

— А снасть-то гдѣ? Э! — вдругъ спросилъ Гаврила, безпокойно оглядывая лодку.

Челкашъ вздрогнулъ.

— Снасть? Она у меня въ кормѣ.

— Какая же это снасть? — снова съ подозрѣніемъ въ голосѣ освѣдомился Гаврила.

— Какая?.. подпуска п...

Но Челкашу стало стыдно врать предъ этимъ маль-

чишкой, скрывая истинныя свои задачи, и ему было жаль тѣхъ думъ и чувствъ, которыя уничтожилъ этотъ парень своимъ вопросомъ. Онъ разсердился. Знакомое ему острое жженіе въ груди и у горла передернуло его, и онъ внушительно и жестко сказалъ Гаврилъ:

— Ты вотъ что, сидишь, ну и сиди! А не въ свое дѣло носа не суй. Наняли тебя грести, ты и греби. А коли будешь языкомъ трепать, будетъ плохо. Понялъ?...

На минуту лодка дрогнула и остановилась. Весла остались въ водѣ, вспѣнивая ее, и Гаврила безпокойно завозился на скамьѣ.

— Греби!

Рѣзкое ругательство потрясло воздухъ. Гаврила взмахнулъ веслами. Лодка точно испугалась и пошла быстрыми, нервными толчками, съ шумомъ разрѣзая воду.

— Ровнѣй!...

Челкашъ привсталъ съ кормы, не выпуская весла изъ рукъ и воткнувъ свои холодные глаза въ блѣдное, съ трясущимися губами лицо Гаврилы. Изогнувшись, наклоняясь впередъ, онъ походилъ на кошку, готовую прыгнуть. Слышно было злое скрипѣніе зубовъ и робкое пощелкиваніе какими-то костяшками.

— Кто кричитъ?—раздался съ моря суровый окрикъ.

— Ну, дьяволь, греби же!... тише веслами!... убью, собаку!... Ну же, греби!... Разъ, два! Ну! Пикни только!... Рразорву!... — шипѣлъ Челкашъ.

— Богородице... дѣво... — шепталъ Гаврила, дрожа и изнемогая отъ страха и усилій.

Лодка плавно повернулась и пошла назадъ къ гавани, гдѣ огни фонарей столпились въ разноцвѣтную группу и видны были стволы мачтъ.

— Эй! кто оретъ? — донеслось снова.

Теперь голосъ былъ дальше, чѣмъ въ первый разъ. Челкашъ успокоился.

— Самъ ты, другъ, и орешь! — сказалъ онъ по на-

правленію криковъ и затѣмъ обратился къ Гаврилѣ, все еще шептавшему молитву: — Ну, братъ, счастье твое! Кабы эти дьяволы погнались за нами — конецъ тебѣ. Чуешь? Я бы тебя сразу... къ рыбакамъ!...

Теперь, когда Челкашъ говорилъ спокойно и даже добродушно, Гаврила, все еще дрожащій отъ страха, взмолился:

— Слушай, отпусти ты меня! Христомъ прошу, отпусти! Высади куда-нибудь! Ай-ай-ай!... Про-опалъ я совсѣмъ!... Ну, вспомни Бога, отпусти! Что я тебѣ? Не могу я этого!... Не бывалъ я въ такихъ дѣлахъ... Первый разъ... Господи! Пропаду вѣдь я! Какъ ты это братъ, обошелъ меня? а? Грѣшно тебѣ!... Душу вѣдь губишь!... Ну, дѣла-а...

— Какія дѣла?—сурово спросилъ Челкашъ.—А? Ну, какія дѣла?

Его забавлялъ страхъ парня, и онъ наслаждался и страхомъ Гаврилы, и тѣмъ, что вотъ какой онъ, Челкашъ, грозный человѣкъ.

— Темныя дѣла, братъ... Пустя для Бога!... Что я тебѣ?... а? Милый!...

— Ну, молчи! Не нуженъ былъ бы ты, такъ я тебя не бралъ бы. Понялъ? — ну и молчи!

— Господи! — рыдая, вздохнулъ Гаврила.

— Ну-ну!... кукснсь у меня!—оборвалъ его Челкашъ.

Но Гаврила теперь уже не могъ удержаться и, тихо всхлипывая, плакалъ, сморкался, ерзалъ по лавкѣ, по гребь сильно, отчаянно. Лодка мчалась стрѣлой. Опять на дорогѣ встали темныя корпуса судовъ и лодка опять потерялась въ нихъ, волчкомъ вертясь въ узкихъ полосахъ воды между бортами.

— Эй ты! слушай! Буде спросить кто о чемъ — молчи, коли живъ быть хочешь! Понялъ?

— Эхма!... — безнадежно вздохнулъ Гаврила въ отвѣтъ на суровое приказаніе и горько добавилъ:—Судьбина моя пропащая!...

— Не вой!—внушительно шепнул Челкашъ.

Гаврила отъ этого шопота потерялъ всякую способность соображать что-либо и помертвѣлъ, охваченный холоднымъ предчувствіемъ бѣды. Онъ машинально опускалъ весла въ воду, откидывался назадъ, вынималъ ихъ, бросалъ снова и все время упорно смотрѣлъ на свои лапти.

Сонный шумъ волнъ гудѣлъ угрюмо и былъ страшенъ. Вотъ гавань... За ея гранитной стѣной слышались людскіе голоса, плескъ воды, пѣсня и тонкіе свистки...

— Стой! — шепнул Челкашъ. —Бросай весла! Упирайся руками въ стѣну! Тише, чортъ!...

Гаврила, цѣпляясь руками за скользкій камень, повелъ лодку вдоль стѣны. Лодка двигалась безъ шороха, скользя бортомъ по наросшей на камнѣ слизи.

— Стой!... Дай весла! дай сюда! А паспортъ у тебя гдѣ? въ котомкѣ? Дай котомку! Ну, давай скорѣй! Это, милъ другъ, для того, чтобы ты не удралъ... Теперь не удерешь. Безъ вѣсель-то ты бы кое-какъ могъ удрать, а безъ паспорта побойшься. Жди! Да смотри, коли ты пикнешь—на днѣ моря найду!...

И вдругъ, уцѣпившись за что-то руками, Челкашъ поднялся на воздухъ и исчезъ на стѣнѣ.

Гаврила вздрогнулъ... Это вышло такъ быстро. Онъ почувствовалъ, какъ съ него сваливается, сползаетъ та проклятая тяжесть и страхъ, который онъ чувствовалъ при этомъ усатомъ худомъ ворѣ... Бѣжать теперь!... И онъ, свободно вздохнувъ, оглянулся кругомъ. Слева отъ него возвышался черный корпусъ безъ мачтъ, какой-то огромный гробъ, безлюдный и пустой... Каждый ударъ волны въ его бока рождаетъ въ немъ глухое, гулкое эхо, похожее на тяжелый вздохъ. Справа надъ водой тянулась сырая каменная стѣна мола, какъ холодная и тяжелая змѣя. Сзади виднѣлись тоже какіе-то черные остовы, а спереди, въ отверстіе между стѣной и

бортомъ этого гроба, видно было море, молчаливое, пустынное, съ черными надъ нимъ тучами. И онѣ медленно двигались, огромныя, тяжелыя, источая изъ тьмы своей ужасъ и готовыя раздавить человѣка тяжестью своей. Все было холодно, черно, зловѣще. Гаврилъ стало страшно. Этотъ страхъ былъ хуже страха, навѣянаго на него Челкашемъ; онъ охватилъ грудь Гаврилы крѣпкимъ объятіемъ, сжалъ его въ робкій комокъ и приковалъ къ скамьѣ лодки...

А кругомъ все молчало. Ни звука, кромѣ вздоховъ моря, и казалось, что это молчаніе вотъ-вотъ разразится чѣмъ-то страшнымъ, бѣшено-громкимъ, чѣмъ-то такимъ, что потрясетъ все море до дна, разорветъ тяжелыя стаи тучъ на небѣ и раскидаетъ по пустынѣ моря всѣ эти черныя суда. Тучи ползли по небу такъ же медленно и скучно, какъ и раньше, но ихъ все больше вздымалось изъ моря, и можно было, глядя на небо, думать, что и оно—тоже море, только море взволнованное и опрокинутое надъ другимъ, соннымъ, покойнымъ и гладкимъ. Тучи походили на волны, ринувшіяся на землю внизъ кудрявыми сѣдыми хребтами, и на пропасти, изъ которыхъ вырваны эти волны вѣтромъ, и на зарождавшіеся валы, еще не покрытые зеленоватою пѣной бѣшенства и гнѣва.

Гаврила чувствовалъ себя раздавленнымъ этой мрачной тишиной и красотой и чувствовалъ, что онъ хочетъ видѣть скорѣе хозяина. А какъ онъ тамъ останется?... Время шло медленно, медленнѣе, чѣмъ ползли тѣ тучи по небу... И тишина отъ времени становилась все зловѣщѣй... Но вотъ за стѣной мола послышался плескъ, шорохъ и что-то похожее на шопотъ. Гаврилъ показалось, что онъ сейчасъ умереть...

— Эй! Спишь? Держи!... осторожно!...—раздался глухой голосъ Челкаша.

Со стѣны спускалось что-то кубическое и тяжелое. Гаврила принялъ это въ лодку. Спустилось еще одно

такое же. Затѣмъ поперекъ стѣны вытянулась длинная фигура Челкаша, откуда-то явились весла, къ ногамъ Гаврилы упала его котомка, и тяжело дышавшій Челкашъ усѣлся на кормѣ.

Гаврила радостно и робко улыбался, глядя на него.

— Усталъ? — спросилъ онъ.

— Не безъ того, теля! Ну-ка, гребни добре! Дуй во всю силу!... Хорошо ты, братъ, заработалъ! Поль-дѣла сдѣлалъ. Теперь только у чертей между глазъ проплыть, а тамъ — получай денежки и ступай къ своей Машкѣ. Машка-то есть у тебя? Эй, дитятко?

— Н...нѣту! — Гаврила старался во всю силу, работая грудью, какъ мѣхами, и руками, какъ стальными пружинами. Вода подъ лодкой рокотала и голубая полоса за кормой теперь была шире. Гаврила сразу весь облился потомъ, но продолжалъ гребсти во всю силу. Переживъ дважды въ эту ночь такой страхъ, онъ теперь боялся пережить его въ третій разъ и желалъ одного: скорѣе кончить эту проклятую работу, сойти на землю и бѣжать отъ этого человѣка, пока онъ въ самомъ дѣлѣ не убилъ или не завелъ его въ тюрьму. Онъ рѣшилъ не говорить съ нимъ ни о чемъ, не противорѣчить ему, дѣлать все, что онъ велитъ, и, коли удастся благополучно развязаться съ нимъ, завтра же отслужить молебень Николаю Чудотворцу... Изъ его груди готова была вылиться страстная молитва... Но онъ сдерживался, пыхтѣлъ, какъ паровикъ, и молчалъ, исподлобья кидая взгляды на Челкаша.

А тотъ, сухой, длинный, нагнувшійся впередъ и похожій на птицу, готовую летѣть куда-то, смотрѣлъ во тьму впередъ лодки своими ястребиными очами и, поводя хищнымъ, горбатымъ носомъ, одной рукой цѣпко держалъ ручку руля, а другой теребилъ свой усъ, вздрагивавшій отъ улыбокъ, то и дѣло кривившихъ его тонкія губы. Челкашъ былъ доволенъ своей удачей, собой и этимъ парнемъ, такъ сильно запуганнымъ имъ

и превратившимся въ его раба. Онъ предвкушалъ широкій кутежъ завтра, а теперь наслаждался своей силой и порабощеніемъ этого молодого, свѣжаго парня. Онъ смотрѣлъ, какъ тотъ старался, и ему стало жалко, захотѣлось ободрить его.

— Эй! — усмѣхаясь, тихо заговорилъ онъ. — Что, здорово ты перепугался? а?

— Н...ничего!... — выдохнулъ Гаврила и крикнулъ.

— Да ужъ теперь ты не очень наваливайся на весла. Теперь шабашъ. Вотъ еще только одно бы мѣсто пройти... Отдохни-ка...

Гаврила послушно пріостановился, вытеръ рукавомъ рубахи потъ съ лица и снова опустилъ весла въ воду.

— Ну, гребн тише. Чтобы вода не разговаривала. Воротца одни надо миновать. Тише, тише... А то, братъ, тутъ народы серьезные... Какъ разъ изъ ружья пошालить могутъ. Такую шишку на лбу набьютъ, что и не охнешь.

Лодка теперь кралась по водѣ почти совершенно беззвучно. Только съ весель капали голубыя капли, и когда онѣ падали въ море, на мѣстѣ ихъ паденія вспыхивало не надолго тоже голубое пятнышко. Ночь становилась все темнѣе и молчаливѣй. Теперь небо уже не походило на взволнованное море — тучи расплылись по немъ и покрыли его ровнымъ, тяжелымъ пологомъ, низко опустившимся надъ водой и неподвижнымъ. А море стало еще спокойнѣй, чернѣй и сильнѣе пахло теплымъ, соленымъ запахомъ и ужъ не казалось такимъ широкимъ, какъ раньше.

— Эхъ, кабы дождь пошелъ! — прошепталъ Челкашъ. — Такъ бы мы и проѣхали, какъ за занавѣской.

Слѣва и справа отъ лодки изъ черной воды поднялись какія-то зданія—баржи, неподвижныя, мрачныя и тоже черныя. На одной изъ нихъ двигался огонь, кто-то ходилъ съ фонаремъ. Море, глядя ихъ бока, звучало просительно и глухо, а они отвѣчали ему эхомъ, гул-

кимъ и холоднымъ, точно спорили, не желая уступить ему въ чемъ-то.

— Кордоны!...—чуть слышно шепнулъ Челкашъ.

Съ момента, когда онъ велѣлъ Гаврилѣ грести тише, Гаврилу снова охватило острое выжидательное напряженіе. Онъ весь подался впередъ, во тьму, и ему казалось, что онъ растетъ,—кости и жилы вытягивались въ немъ съ тупой болью, голова, заполненная одной мыслью, болѣла, кожа на спинѣ вздрагивала, а въ ноги вонзались маленькія, острые и холодныя иглы. Глаза ломило отъ напряженного разсматриванья тьмы, изъ которой онъ ждалъ—вотъ-вотъ встанетъ нѣчто и гаркнетъ на нихъ: „Стой, воры!...“

Теперь, когда Челкашъ шепнулъ: „кордоны!“, Гаврила дрогнулъ: острая, жгучая мысль прошла сквозь него, прошла и задѣла по туго натянутымъ нервамъ, — онъ хотѣлъ крикнуть, позвать людей на помощь къ себѣ... Онъ уже открылъ ротъ и привсталъ немного на лавкѣ, выпятилъ грудь, выбралъ въ нее много воздуха и открылъ ротъ... но вдругъ, пораженный ужасомъ, ударившимъ его, какъ плетью, закрылъ глаза и свалился съ лавки.

...Впереди лодки, далеко на горизонтѣ изъ черной воды моря поднялся огромный огненно-голубой мечъ, поднялся, разсѣкъ тьму ночи, скользнулъ своимъ остриемъ по тучамъ въ небѣ и легъ на грудь моря широкой голубой полосой. Онъ легъ, и въ полосу его сіянія изъ мрака выплыли невидимыя до той поры суда, черныя, молчаливыя, обвѣшанныя пышной ночной мглой. Казалось, они долго были на днѣ моря, увлеченныя туда могучей силой бури, и вотъ теперь поднялись оттуда по велѣнію огненного меча, рожденного моремъ,—поднялись, чтобъ посмотрѣть на небо и на все, что поверхъ воды... Ихъ такелажъ обнималъ собой мачты и казался цѣпкими водорослями, поднявшимися со дна вмѣстѣ съ этими черными гигантами, опутанными ихъ

сѣтью. И онъ опять поднялся кверху съ моря, этотъ странный голубой мечъ, поднялся, сверкая, снова разсѣкъ ночь и снова легъ уже въ другомъ направленіи. И опять тамъ, гдѣ онъ легъ, всплыли изъ мрака остовы судовъ, невидимыхъ до его появленія.

Лодка Челкаша остановилась и колебалась на водѣ, какъ бы недоумѣвая. Гаврила лежалъ на днѣ, закрывъ лицо руками, а Челкашъ толкалъ его весломъ и шипѣлъ бѣшено, но тихо:

— Дуракъ, это крейсеръ таможенный!... Это фонарь электрическій!... Вставай, дубина! Вѣдь на насъ свѣтъ бросать сейчасъ!... Погубишь, чортъ, и себя, и меня! Ну!...

И наконецъ, когда одинъ изъ ударовъ острымъ концомъ весла сильнѣе другихъ опустился на спину Гаврилы, онъ вскопчилъ, все еще боясь открыть глаза, сѣлъ на лавку и, ощупью схвативъ весла, двинулъ лодку.

— Тише! Убью вѣдь! Ну, тише!... Эка дуракъ, чортъ тебя возьми!... Чего ты испугался? Ну? харя!... Фонарь да зеркало—только и всего. Тише веслами!... кислый чортъ!... Наклоняютъ зеркало такъ и этакъ и освѣщаютъ море, чтобъ видѣть—не плывутъ ли гдѣ такіе, какъ мы съ тобой. За контрабандой это слѣдятъ. Насъ не задѣнутъ—далеко отплыли они. Не бойсь, парень, не задѣнутъ. Теперь мы... Челкашъ торжествующе оглянулся кругомъ.—Кончено, выплыли!... Фу-у!... Н-ну, счастливъ ты, дубина стоеросовая!...

Гаврила молчалъ, гребъ и, тяжело дыша, искоса смотрѣлъ туда, гдѣ все поднимался и опускался этотъ огненный мечъ. Онъ никакъ не могъ повѣрить Челкашу, что это только фонарь съ рефлекторомъ. Холодное голубое сіяніе, разрубавшее тьму, заставляя море свѣтиться серебрянымъ блескомъ, имѣло въ себѣ нѣчто необъяснимое, и Гаврила опять впалъ въ гипнозъ то-скливаго страха. И вновь предчувствіе тяготило ему грудь. Онъ гребъ, какъ машина, и все сжимался, точно

ожидалъ удара сверху, и ничего, никакого желанія не было уже въ немъ—онъ былъ пусть и обездушенъ. Волненія этой ночи выглодали, наконецъ, изъ него все человѣческое въ немъ.

А Челкашъ снова торжествовалъ: полная удача!... Его привычныя къ потрясеніямъ нервы уже успокоились. У него сладострастно вздрагивали усы и въ глазахъ разгорался жадный огонекъ. Онъ чувствовалъ себя великолѣпно, посвистывалъ сквозъ зубы, глубоко вдыхалъ въ себя влажный воздухъ моря, оглядывался кругомъ и добродушно улыбался, когда его глаза останавливались на Гаврилѣ.

Вѣтеръ пронесся и разбудилъ море, вдругъ заигравшее частой, зыбью. Тучи сдѣлались какъ бы тоньше и прозрачнѣй, но все небо было обложено ими. Несмотря на то, что вѣтеръ, хотя еще легкій, свободно носился надъ моремъ, тучи были неподвижны и точно думали какую-то сѣрую, скучную думу.

— Ну, ты, братъ, очухайся! пора ужъ! Ишь, тебя какъ—точно изъ кожи-то твоей весь духъ выдавили, одинъ мѣшокъ костей остался! Другъ милый!... Конечъ ужъ всему. Эй!...

Гаврилъ все-таки было пріятно слышать человѣческій голосъ, хотя это и говорилъ Челкашъ.

— Я слышу,—тихо сказалъ онъ.

— То-то!—Мякишъ... Ну-ка, садись на руль, а я въ весла, усталъ вѣдь, поди!

Гаврила машинально перемѣнилъ мѣсто. Когда Челкашъ, мѣняясь съ нимъ мѣстами, взглянулъ ему въ лицо и замѣтилъ, что онъ шатается на дрожащихъ ногахъ, ему стало еще больше жаль парня. Онъ хлопнулъ его по плечу.

— Ну, ну, не робь! Заработалъ зато хорошо. Я те, братъ, награжу богато. Четвертной билетъ хочешь получить? а?

— Мнѣ... ничего не надо. Только на берегъ бы...

Челкашъ махнулъ рукой, плюнулъ и принялся гребти, далеко назадъ забрасывая весла своими длинными руками.

Море проснулось. Оно играло маленькими волнами, рождая ихъ, украшая бахромой пѣны, сталкивая другъ съ другомъ и разбивая въ мелкую пыль. Пѣна, тая, шипѣла и вздыхала,—и все кругомъ было заполнено музыкальнымъ шумомъ и плескомъ. Тѣма какъ бы стала живѣй.

— Ну, скажи мнѣ...—заговорилъ Челкашъ, — при-
дешь ты въ деревню, женишься, начнешь землю копать,
хлѣбъ сѣять, жена дѣтей народить, кормовъ не будетъ
хватать; ну, будешь ты всю жизнь изъ кожи лѣзть...
Ну, и что? Много въ этомъ смаку?

— Какой ужъ смакъ!—робко и вздрагивая отвѣ-
тилъ Гаврила,—чего тутъ...

Кое-гдѣ вѣтеръ прорывалъ тучи и изъ разрывовъ смо-
трѣли голубые кусочки неба съ одной—двумя звѣздоч-
ками на нихъ. Отраженные играющимъ моремъ, эти звѣз-
дочки прыгали по волнамъ, то исчезая, то вновь блестя.

— Правѣ держи!—сказалъ Челкашъ.—Скоро ужъ,
чай, приѣдемъ. Н-да!... Кончили. Работка важная! Вотъ
видишь какъ?... Ночь одна—и полтысячи я тяпнулъ!
а? какъ это?

— Полтысячи?!—недовѣрчиво протянулъ Гаврила,
но сейчасъ же испугался и быстро спросилъ, толкая
ногой тюки въ лодкѣ:—А это что же будетъ за вещь?

— Это—шелкъ. Дорогая вещь. Все-то, коли по цѣнѣ
продать, такъ и за тысячу хватить. Ну, я не дорожусь...
Ловко это?...

— Н-да-а?...—вопросительно протянулъ Гаврила.—
Кабы мнѣ такъ-то вотъ!—вздыхнулъ онъ, сразу вспо-
минъ деревню, свое убогое хозяйство, его пужды, свою
мать и все то далекое, родное, ради чего онъ ходилъ
на работу, ради чего измучился такъ въ эту ночь. Его
охватила волна воспоминаній о своей деревенькѣ, сбѣ-

гавшей по крутой горѣ внизъ, къ рѣчкѣ, скрытой въ лѣсу березъ, ветель, рябинъ, черемухи... Эти воспоминанія вдохнули въ него нѣчто теплое и немного ободрили его.—Эхъ, важно бы!... грустно вздохнулъ онъ.

— Н-да!... Я думаю, ты бы сейчасъ по чугункѣ домой... Ужъ и полюбили бы тебя дѣвки дома, а-ахъ какъ!... Любую бери! Домъ бы себѣ сгрозалъ... ну, для дома денегъ, положимъ, маловато...

— Это вѣрно... для дому нехватка. У насъ дорогъ лѣсъ-то.

— Ну-къ, что жъ? Старый бы поправилъ. Лошадь какъ? есть?

— Лошадь? Она и есть, да больно стара... чортъ.

— Ну, значитъ, лошадь. Ха-арошую лошадь! корову... Овецъ... Птицы разной... А?

— Не говори!... Кабы этакъ-то! Охъ ты, Господи! вотъ ужъ пожилъ бы!...

— Н-да, братъ, житышко было бы ничего себѣ... Я тоже понимаю толкъ въ этомъ дѣлѣ. Было когда-то свое гнѣздо... Отецъ-то былъ изъ первыхъ богатѣевъ въ селѣ...

Челкашъ гребъ медленно. Лодка колыбалась на волнахъ, шаловливо плескавшихся о ея борта, еле двигалась по темному морю, а оно играло все рѣзвѣй и рѣзвѣй. Двое людей мечтали, покачиваясь на водѣ и задумчиво поглядывая вокругъ себя. Челкашъ началъ наводить Гаврилу на мысль о деревнѣ, желая немного ободрить и успокоить его. Сначала онъ говорилъ, скептически посмѣиваясь себѣ въ усы, но потомъ, подавая реплики собесѣднику и напоминая ему о радостяхъ крестьянской жизни, въ которыхъ самъ онъ давно разочаровался, забыть о нихъ и вспоминать только те перъ,—онъ постепенно увлекся, и вмѣсто того, чтобы спрашивать парня о деревнѣ и ея дѣлахъ, незамѣтно для себя сталъ самъ рассказывать ему:

— Главное въ крестьянской жизни—это, братъ, сво-

бода! Хозяинъ ты есть самъ себѣ. У тебя твой домъ— грошъ ему цѣна—да онъ твой. У тебя земля своя— всего итого ея горсть—да она твоя! Курица у тебя своя, яйцо свое, яблоко свое! Король ты на своей землѣ!... И потомъ порядокъ... Утромъ всталъ—работа... весной одна, лѣтомъ другая, осенью, зимой опять иная. Куда ни пойдѣ, воротись въ свой домъ. Тепло!... Покой!... Король вѣдь? Такъ ли?—воодушевленно закончилъ Челкашъ длинный перечень крестьянскихъ преимуществъ и правъ и почему-то запамятовавъ объ обязанностяхъ.

Гаврила глядѣлъ на него съ любопытствомъ и тоже воодушевлялся. Онъ во время этого разговора успѣлъ уже забыть, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и видѣлъ предъ собой такого же крестьянина, какъ и самъ онъ, прилѣпленнаго навѣки къ землѣ потомъ многихъ поколѣній, связаннаго съ ней воспоминаніями дѣтства, самовольно отлучившагося отъ нея и отъ заботъ о ней и понесшаго за эту отлучку должное наказаніе.

— Это, братъ родимый, вѣрно! Ахъ, какъ вѣрно! Вотъ гляди-ка на себя, что ты теперь такое безъ земли? ага!... Землю, братъ, какъ мать, не забудешь надолго.

Челкашъ одумался... Онъ почувствовалъ это раздражающее жженіе въ груди, являвшееся всегда, чуть только его самолюбіе—самолюбіе безшабашнаго удалца—бывало задѣто кѣмъ-либо, и особенно тѣмъ, кто не имѣлъ цѣны въ его глазахъ.

— Замололъ!...—сказалъ онъ свирѣпо;—ты, можетъ! думалъ, что я все это въ серьезъ... Держи карманъ шире

— Да, чудакъ-человѣкъ!...—снова оробѣлъ Гаврила.—Развѣ я про тебя говорю? Чаѣ, такихъ-то, какъ ты—много! Эхъ, сколько несчастнаго народа на свѣтѣ!... Шатающихся...

— Садись, тюлень, въ весла!—кратко скомандовалъ Челкашъ, почему-то сдержавъ въ себѣ цѣлый потокъ горячѣй ругани, хлынувшей ему къ горлу.

Они опять перемѣнились мѣстами, при чемъ Челкашъ,

перелѣзая на корму черезъ тюки, ощутилъ въ себѣ острое желаніе дать Гаврилѣ пинка, чтобы онъ слѣлѣ въ воду, и въ то же время не нашелъ силы взглянуть ему въ лицо.

Короткій разговоръ смолкъ, но теперь даже отъ молчанія Гаврилы на Челкаша вѣяло деревней... Онъ вспоминалъ прошлое, забывая править лодкой, повернутой волненіемъ и плывшей куда-то въ море. Волны точно понимали, что эта лодка потеряла цѣль, и, все выше подбрасывая ее, легко играли ею, вспыхивая подъ веслами своимъ ласковымъ голубымъ огнемъ. А передъ Челкашемъ быстро неслись картинки прошлаго, далекаго прошлаго, отдѣленнаго отъ настоящаго цѣлой стѣной изъ одиннадцати лѣтъ босяцкой жизни. Опъ успѣлъ посмотрѣть себя ребенкомъ, свою деревню, свою мать, краснощекую, пухлую женщину, съ добрыми сѣрыми глазами, отца — рыжебородаго гиганта, съ суровымъ лицомъ; видѣлъ себя женихомъ и видѣлъ жену, черноглазую Анѣису, съ длинной косой, полную, мягкую, веселую... снова себя красавцемъ, гвардейскимъ солдатомъ; снова отца, уже сѣдого и согнутаго работою, и мать, морщинистую, осѣвшую къ землѣ; посмотрѣлъ и картину встрѣчи его деревней, когда онъ возвратился со службы; видѣлъ и то, какъ гордился передъ всей деревней отецъ своимъ Григоріемъ, усатымъ, здоровымъ солдатомъ, ловкимъ красавцемъ... Память, этотъ бичъ несчастныхъ, оживляетъ даже камни прошлаго и даже въ выпитый нѣкогда ядъ подливаетъ капли меда... и это все затѣмъ только, чтобы добить человѣка сознаніемъ ошибокъ и, заставивъ его полюбить это прошлое, лишить надеждъ на будущее.

Челкашъ чувствовалъ себя овѣяннымъ примиряющей, ласковой струей родного воздуха, донесшаго съ собой до его слуха и ласковыя слова матери, и солидныя рѣчи истоваго крестьянина-отца, много забытыхъ звуковъ и много сочнаго запаха матушки-земли, только-что оттаяв-

шей, только-что вспаханной и только-что покрытой изумрудным шелком озими... И онъ чувствовалъ себя сбитымъ, упавшимъ, жалкимъ и одинокимъ, вырваннымъ и выброшеннымъ навсегда изъ того порядка жизни, въ которомъ выработалась та кровь, что течетъ въ его жилахъ.

— Эй! а куда же мы ѣдемъ? — спросилъ вдругъ Гаврила.

Челкашъ дрогнулъ и оглянулся тревожнымъ взоромъ хищника.

— Ишь, чортъ занесъ!... Ничего... Гребни-ка погуще... Сейчасъ прѣдемъ.

— Задумался? — улыбаясь спросилъ Гаврила.

Челкашъ зорко посмотрѣлъ на него. Малый совсѣмъ пришелъ въ себя; онъ былъ покоенъ, веселъ и даже какъ будто торжествовалъ. Молодъ онъ былъ очень, вся жизнь у него въ рукахъ. И ничего онъ не знаетъ. Это плохо! Развѣ вотъ земля удержитъ его... Челкашу, когда въ его головѣ мелькнули эти мысли, стало еще грустнѣе, и на вопросъ Гаврилы онъ угрюмо буркнулъ:

— Усталъ я... Да и качаетъ...

— Покачивается, это вѣрно... Такъ теперь мы, значитъ, ужъ не понадемся съ этимъ? — Гаврила ткнул ногой въ тюки.

— Нѣтъ... Будь покоенъ. Сейчасъ вотъ сдамъ и денежки получу... Н-да!...

— Пять сотенъ?

— Не меньше, чай...

— Это тово... деньга! Кабы мнѣ, горюну!... Эхъ, и сыграть бы я пѣсенку съ ними!..

— По крестьянству?

— Никакъ больше! Сейчасъ бы...

И Гаврила понесся на крыльяхъ мечты. Челкашъ казался пришибленнымъ. Усы у него обвисли, правый бокъ, захлестанный волнами, былъ мокръ, глаза ввалились и потеряли блескъ. Онъ былъ очень жалокъ и тя-

желъ. Все хищное въ его фигурѣ какъ-то стушевалось приниженной задумчивостью, смотрѣвшей даже изъ складокъ его грязной рубахи.

— А усталъ и я здорово... Сморился.

— Вотъ сейчасъ прѣдемъ... Вонъ гдѣ...

Челкашъ круто повернулъ лодку и направилъ ее къ чему-то черному, высовывавшемуся изъ воды.

Небо снова все покрылось тучами и посыпался дождь, мелкій, теплый, весело звякавшій, падая на хребты волнъ.

— Стой! тише!—скомандовалъ Челкашъ.

Лодка стукнулась носомъ о корпусъ барки.

— Спать, что ли, черти?...—ворчалъ Челкашъ, цѣпляясь багромъ за какія-то веревки, спускавшіяся съ борта. — Трапъ не спущенъ... Дождь пошелъ еще... не могъ раньше-то! Эй вы, губки!... Эй-Эй!...

— Селкашъ это? — раздалось сверху ласковое мурлыканье.

— Ну, спускай трапъ!

— Калимера, Селкашъ!

— Спускай трапъ, копченый дьяволъ! — взревѣлъ Челкашъ.

— О, сердый! пришелъ сегодня... Элоу!

— Лѣзь, Гаврила! — обратился Челкашъ къ товарищу.

Въ минуту они были на палубѣ, гдѣ три темныхъ бородатыхъ фигуры, оживленно болтая другъ съ другомъ на страшномъ колючемъ языкѣ, смотрѣли за бортъ въ лодку Челкаша. Четвертый, завернутый въ длинную хламиду, подошелъ къ нему и молча пожалъ ему руку, потомъ подозрительно оглянулъ Гаврилу.

— Припаси къ утру деньги, — коротко сказать ему Челкашъ. — А теперь я спать иду. Гаврила, идемъ! Бѣшь хочешь?

— Спать бы...—отвѣтилъ Гаврила, и черезъ пять минутъ храпѣлъ въ грязномъ трюмѣ барки, а Челкашъ

сидя рядомъ съ нимъ, примѣрять себѣ на ногу чей-то сапогъ и, задумчиво сплевывая въ сторону, злобно и грустно свистѣлъ сквозь зубы. Потомъ онъ вытянулся рядомъ съ Гаврилой и, не снимая съ ноги надѣтый сапогъ, заложивъ руки подъ голову, сталъ сосредоточенно смотрѣть въ палубу, поводя усами.

Барка тихо покачивалась на игравшей водѣ, гдѣ-то поскрипывало дерево жалобнымъ звукомъ, дождь мягко сыпался на палубу и плескались волны о борта... Все это было грустно и звучало, какъ колыбельная пѣснь матери, не имѣющей надежды на счастье своего сына...

Челкашъ, оскаливъ зубы, приподнялъ голову, оглядѣлся вокругъ... и, прошептавъ что-то, снова улегся... Раскинувъ ноги, онъ сталъ похожъ на большія ножницы.

III.

Онъ проснулся первымъ, тревожно оглянулся вокругъ, сразу успокоился и посмотрѣлъ на Гаврилу, еще спавшаго. Тотъ сладко всхрапывалъ и во снѣ улыбался чему-то всѣмъ своимъ дѣтскимъ, здоровымъ, загорѣлымъ лицомъ. Челкашъ вздохнулъ и полѣзъ вверхъ по узкой веревочной лѣстницѣ. Въ отверстіе трюма смотрѣлъ свинцовый кусокъ неба. Было свѣтло, но по осеннему скучно и сѣро.

Челкашъ вѣрнулся часа черезъ два. Лицо у него было красно, усы лихо закручены кверху, на губахъ сіяла добродушно-веселая улыбка. Онъ былъ одѣтъ въ длинные крѣпкіе сапоги, въ куртку, въ кожаные штаны и походилъ на охотника. Весь его костюмъ былъ потертъ, но крѣпокъ и очень шелъ къ нему, дѣлая его фигуру шире, скрадывая его костлявость и придавая ему воинственный видъ.

— Эй, теленокъ, вставай!.. — толкнулъ онъ ногой Гаврилу.

Тотъ вскочилъ и, не узнавая его со сна, испуганно уставился на него мутными глазами. Челкашъ захоталъ.

— Ишь ты какой!... — широко улыбнулся, наконецъ, Гаврила. — Варпномъ, сталъ!

— У насъ это скоро. Ну, и пугливъ же ты! ай-ай! Сколько разъ умирать-то вчера ночью собирался? а? скажи-ка!

— Да вишь ты, самъ посуди, впервой я на такое дѣло! Вѣдь можно было душу загубить на всю жизнь!

— Ну, а еще разъ поѣхалъ бы? а?

— Еще?... Да вѣдь... это... какъ тебѣ... сказать? Изъ-за какой корысти?... вотъ что!

— Ну, ежели бы двѣ радужныхъ?

— Два ста рублей, значить? Ничего... Это можно...

— Стой! А какъ душу-то загубишь?...

— Да вѣдь, можетъ... и не загубишь! — улыбнулся Гаврила. — Не загубишь, а человѣкомъ на всю жизнь сдѣлаешься.

Челкашъ весело хохоталъ.

— Ну, ладно! будетъ, шутки шутить. Ыдемъ на берегъ... Собирайся!

— Да мнѣ чего же? Я готовъ...

И вотъ они снова въ лодкѣ. Челкашъ на рулѣ, Гаврила на веслахъ. Надъ ними небо, сѣрое, ровно затянутое тучами, и ихъ лодкой играетъ мутно-зеленое море, шумно подбрасывая ее на волнахъ, пока еще мелкихъ, весело бросающихъ въ нее свѣтлыя, соленыя брызги. Далеко по носу лодки видна желтая полоса песчанаго берега, а за кормой уходитъ вдаль свободное, игривое море, все изрытое бѣгающими стаями волнъ, кое-гдѣ уже убранныхъ пышной и бѣлой бахромой пѣны. Тамъ же, вдали, видно много судовъ, качающихся на груди моря, далеко влѣво — цѣлый лѣсъ мачтъ и бѣлыя груды домовъ города. Оттуда по морю льется глухой гулъ, рокочущій и вмѣстѣ съ плескомъ волнъ

создающей хорошую, сильную музыку... И на все наброшена тонкая пелена пепельного тумана, отдаляющего предметы другъ отъ друга...

— Эхъ, разыграется къ вечеру-то добре! — кивнулъ Челкашъ головой на море.

— Буря?—спросилъ Гаврила, мощно бороздя волны веслами. Онъ былъ уже мокръ съ головы до ногъ отъ этихъ брызгъ, разбрасываемыхъ по морю вѣтромъ.

— Эге!..—подтвердилъ Челкашъ.

Гаврила пытливо посмотрѣлъ на него...

— Ну, сколько жъ тебѣ дали?—спросилъ онъ, наконецъ, видя, что Челкашъ не собирается начать разговора.

— Вотъ! — сказала Челкашъ, протягивая Гаврилѣ что-то вынутое изъ кармана.

Гаврила увидаль радужныя бумажки, и все въ его глазахъ приняло яркіе, радужные оттѣнки.

— Эхъ ты!... А я вѣдь думалъ: вралъ ты мнѣ!... Это... сколько?

— Пятъсотъ сорокъ! Ловко!

— Л-ловко!...—прошепталъ Гаврила, жадными глазами провожая пятъсотъ сорокъ, снова спрятанные въ карманъ.—Э-эхъ-ма!... Кабы такія деньги!...—и онъ угнетенно вздохнулъ.

— Гульнемъ мы съ тобой, парнюга! — съ восхищеніемъ вскрикнулъ Челкашъ.—Эхъ, хватимъ!... Не думай, я тебѣ, братъ, отдѣлю... Сорокъ отдѣлю! а? Доволенъ? Хочешь, сейчасъ дамъ?

— Коли... не обидно тебѣ... что же? Я приму!

Гаврила весь трепеталъ отъ ожиданія и еще отъ чего-то остраго и сосавшаго ему грудь.

— Ха-ха-ха!... Ахъ ты, чортова кукла! Приму! Прими, братъ, пожалуйста! Очень я тебя прошу, прими! Не знаю я, куда мнѣ такую кучу денегъ дѣвать! Избавь ты меня, прими-ка, на!...

Челкашъ протянулъ Гаврилѣ нѣсколько красныхъ

бумажекъ. Тотъ взялъ ихъ дрожащей рукой, бросилъ весла и сталъ прятать куда-то за пазуху, жадно сощуривъ глаза и шумно втягивая въ себя воздухъ, точно онъ пилъ что-то жгучее. Челкашъ съ насмѣшливой улыбкой поглядывалъ на него. А Гаврила уже снова схватилъ весла и гребъ нервно, торопливо, точно пугаясь чего-то и опустивъ глаза внизъ. У него вздрагивали плечи и уши.

— А жаденъ ты!... Не хорошо... Впрочемъ, что же?... Крестьянинъ...—задумчиво сказалъ Челкашъ.

— Да вѣдь съ деньгами-то что можно сдѣлать!...—воскликнулъ Гаврила, вдругъ весь вспыхивая страстнымъ возбужденіемъ. И онъ отрывисто, торопясь, точно догоняя свои мысли и съ летучею хватая слова, заговорилъ о жизни въ деревнѣ съ деньгами и безъ денегъ. Почетъ, довольство, свобода, веселье!...

Челкашъ слушалъ его внимательно, съ серьезнымъ лицомъ и съ глазами, сощуренными какой-то думой. По временамъ онъ улыбался довольной улыбкой.

— Приѣхали! — прервалъ, наконецъ, Челкашъ рѣчь Гаврилы.

Волна подхватила лодку и ловко ткнула ее въ песокъ.

— Ну, братъ, теперь кончено. Лодку нужно вытащить подальше, чтобы не смыло. Придутъ за ней. А мы съ тобой—прощай!... Отсюда до города верстъ восемь. Ты что, опять въ городъ вернешься? а?

На лицѣ Челкаша все сіяла добродушно-хитрая улыбка и весь онъ имѣлъ видъ человѣка, задумавшаго нѣчто весьма пріятное для себя и неожиданное для Гаврилы. Засунувъ руку въ карманъ, онъ шелестѣлъ тамъ бумажками.

— Нѣтъ... я... не пойду... Я...—Гаврила задыхался и давился чѣмъ-то. Въ немъ бурлила цѣлая тьма желаній, словъ, чувствъ, взаимно поглощавшихъ другъ друга и палившихъ его, какъ огнемъ.

Челкашъ посмотрѣлъ на него, недоумѣвая.

— Что это тебя корчитъ?—спросилъ онъ.

— Такъ это...—Но лицо Гаврилы то краснѣло, то дѣлалось сѣрымъ, и онъ мялся на мѣстѣ, не то желая броситься на Челкаша, не то разрываемый инымъ желаніемъ, исполнить которое ему было трудно.

Челкашу сдѣлалось не по себѣ при видѣ такого возбужденія въ этомъ парнѣ. Онъ ждалъ, чѣмъ оно разразится.

Гаврила началъ какъ-то странно смѣяться смѣхомъ, похожимъ на рыданіе. Голова его была опущена, выраженія его лица Челкашъ не видалъ, смутно видны были уши Гаврилы, то краснѣвшія, то блѣднѣвшія.

— Ну ты къ чорту!—махнулъ рукой Челкашъ.—Влюбился ты въ меня, что ли? Мнется, какъ дѣвка!... Али разставанье со мной тошно? Эй, сосунъ! Говори, что ты? А то уйду я!...

— Уходишь!?—звонко крикнулъ Гаврила.

Песчаный и пустынный берегъ дрогнулъ отъ его крика и намытая волнами моря желтая волна песку точно всколыхнувшись. Дрогнулъ и Челкашъ. Вдругъ Гаврила сорвался съ своего мѣста, бросился къ ногамъ Челкаша, обнялъ ихъ своими руками и дернулъ къ себѣ. Челкашъ пошатнулся, грузно сѣлъ на песокъ и, скрипнувъ зубами, рѣзко взмахнулъ въ воздухъ своей длинной рукой, сжатой въ кулакъ. Но онъ не успѣлъ ударить, остановленный стыдливымъ и просительнымъ шопотомъ Гаврилы:

— Голубчикъ!.. Дай ты мнѣ... эти деньги! Дай, Христа ради!... Что онѣ тебѣ?... Вѣдь въ одну ночь... только въ ночь... А мнѣ года нужны... Дай... молиться за тебя буду! Вѣчно... въ трехъ церквахъ... о спасеніи души твоей!... Вѣдь ты ихъ на вѣтеръ... а я бы въ землю... Эхъ, дай мнѣ ихъ! Вѣдь что въ нихъ тебѣ?... Али тебѣ дорого? Ночь одна... и богатъ! Сдѣлай доброе дѣло! Пропавшій вѣдь ты... Нѣтъ тебѣ пути... А я бы... охъ, дай ты ихъ мнѣ!

Челкашъ, испуганный, изумленный и озлобленный, сидѣлъ на пескѣ, откинувшись назадъ и упираясь въ него руками, сидѣлъ, молчалъ и страшно таращилъ глаза на парня, уткнувшагося головой въ его колѣни и шептавшаго, задыхаясь, свои молибы. Онъ оттолкнулъ его, наконецъ, вскочилъ на ноги и, сунувъ руки въ карманъ, бросилъ въ Гаврилу радужныя бумажки.

— На, собака! Жри!...—крикнулъ онъ, дрожа отъ возбужденія, острой жалости и ненависти къ этому жадному рабу. И, бросивъ деньги, онъ почувствовалъ себя героемъ. Удаливость свѣтилось въ его глазахъ, во всей фигурѣ.

— Самъ я хотѣлъ тебѣ больше дать. Разжалобился вчера я... вспомнилъ деревню... Подумалъ: дай, помогу парню. Ждалъ я, что ты сдѣлаешь, попросишь—нѣтъ? А ты... Эхъ, войлокъ! Нищій!... Развѣ изъ-за денегъ можно такъ... истязать себя? Дуракъ! Жадные черти!... Себя не помнятъ... За пятакъ себя-то продаете!... а?...

— Голубчикъ!... Спаси Христосъ тебя! Вѣдь это теперь у меня что?... тысячи!... я теперь... богачъ!...—визжалъ Гаврила въ восторгъ, весь вздрагивая и пряча деньги за пазуху.—Эхъ ты, милый!... Вовѣкъ не забуду!... Никогда!... И женѣ, и дѣтямъ закажу... молись!

Челкашъ слушалъ его радостныя вопли, смотрѣлъ на сіявшее, искаженное восторгомъ жадности лицо и чувствовалъ, что онъ — воръ, гуляка, оторванный отъ всего родного — никогда не будетъ такимъ жаднымъ, низкимъ, не помнящимъ себя. Никогда не станетъ такимъ!... И эта мысль и ощущение, наполняя его сознаниемъ своей свободы и удала, удерживали его около Гаврилы на пустынномъ морскомъ берегу.

— Осчастливилъ ты меня!—кричалъ Гаврила и, схвативъ руку Челкаша, тыкалъ ею себѣ въ лицо.

Челкашъ молчалъ и по-волчьи скалилъ зубы. Гаврила все изливался:

— Вѣдь я что думалъ? Ыдемъ мы сюда... я деньги..

видѣлъ... думаю... хвачу я его... тебя... весломъ... рразъ! денежки себѣ, его въ море... тебя-то... а? Кто, молъ, его хватится? И найдутъ, не станутъ допытываться—какъ, да кто его это... убилъ-то! Не такой, молъ, онъ чело-вѣкъ, чтобъ изъ-за него шумъ подымать!... Ненужный онъ на землѣ! Кому за него встать? Ишь какъ!... а?...

— Дай сюда деньги!...—рявкнулъ Челкашъ, хватая Гаврилу за горло.

Гаврила рванулся разъ, два... другая рука Челкаша змѣей обвилась вокругъ него... трескъ разрываемоі рубахи—и Гаврила лежалъ на пескѣ съ безумно вытаращенными глазами, цапаясь пальцами рукъ за воздухъ и взмахивая ногами. Челкашъ, прямой, сухой, хищный, зло оскаливъ зубы, смѣялся дробнымъ, ѣдкимъ смѣхомъ и его усы нервно прыгали на угловатомъ, остромъ лицѣ. Никогда, за всю жизнь его не били такъ больно и никогда онъ не былъ такъ озлобленъ.

— Что, счастливъ ты?—сквозь смѣхъ спросилъ онъ Гаврилу и, повернувшись къ нему спиной, пошелъ прочь, по направленію къ городу. Но онъ не сдѣлалъ двухъ шаговъ, какъ Гаврила кошкой изогнулся, сталъ на одно колѣно и, широко размахнувшись въ воздухъ, бросилъ въ него круглый камень, злобно крикнувъ:

— Рразъ!...

Челкашъ крикнулъ, схватился руками за затылокъ, качнулся впередъ, повернулся къ Гаврилѣ и упалъ лицомъ въ песокъ. Гаврила замеръ, глядя на него. Вотъ онъ шевельнулъ ногой, попробовалъ поднять голову и вытянулся, вздрогнувъ, какъ струна. Тогда Гаврила бросился бѣжать вдаль, гдѣ надъ туманной степью висѣла мохнатая черная туча и было темно. Волны шуршали, взбѣгая на песокъ, сливаясь съ нимъ и снова взбѣгая. Пѣна шипѣла и брызги воды летали по воздуху.

Посыпался дождь. Сначала рѣдкій, онъ быстро перешелъ въ плотный, крупный, ливнійся съ неба тон-

кими струйками. Онъ сплетали цѣлую сѣть изъ нитокъ воды—сѣть, сразу закрывшую собой даль степи и даль моря. Гаврила исчезъ за ней. Долго ничего не было видно, кромѣ дождя и длиннаго человѣка, лежавшаго на пескѣ у моря. Но вотъ изъ дождя снова появился бѣгушій Гаврила; онъ летѣлъ птицей и, подбѣжавъ къ Челкашу, упалъ передъ нимъ и сталъ ворочать его на землѣ. Его рука окунулась въ теплую красную слизь... Онъ дрогнулъ и отшатнулся съ безумнымъ, блѣднымъ лицомъ.

— Братъ, встань-кось! — шепталъ онъ подъ шумъ дождя въ ухо Челкашу.

Челкашъ очнулся и толкнулъ Гаврилу отъ себя, хрипло сказавъ:

— Поди... прочь!...

— Братъ! Прости... дьяволъ это меня... — дрожа шепталъ Гаврила, цѣлуя руку Челкаша.

— Иди... Ступай... — хрипѣлъ тотъ.

— Сними грѣхъ съ души!... Родной! Прости!...

— Про... уйди ты!... Уйди къ дьяволу! — вдругъ крикнулъ Челкашъ и сѣлъ на пескѣ. Лицо у него было блѣдное, злое, глаза мутны и закрывались, точно онъ сильно хотѣлъ спать.—Чего тебѣ... еще? Сдѣлалъ... свое дѣло... и иди! Пошелъ! — и онъ хотѣлъ толкнуть убитаго горемъ Гаврилу ногой, но не смогъ, и снова свалился бы, если бъ Гаврила не удержалъ его, обнявъ за плечи. Лицо Челкаша было теперь въ уровень съ лицомъ Гаврилы. Оба были блѣдны, жалки и страшны.

— Тѣфу! — цлонулъ Челкашъ въ широко открытые глаза своего работника.

Тотъ смиренно вытерся рукавомъ и прошепталъ:

— Что хошь дѣлай!... Не отвѣчу словомъ. Прости для Христа!

— Гнусь!... И блудить-то не умѣешь!...—презрительно крикнулъ Челкашъ, сорвалъ изъ-подъ своей куртки рубаху и молча, изрѣдка поскрипывая зубами, сталъ

обязывать себя голову. — Деньги взять? — сквозь зубы процѣдилъ онъ.

— Не брать я ихъ, братъ! Не надо мнѣ!... бѣда отъ нихъ!...

Челкашъ сунулъ руку въ карманъ своей куртки, вытащилъ пачку денегъ, одну радужную бумажку положилъ обратно въ карманъ, а все остальное кинулъ Гаврилѣ.

— Возьми и ступай!

— Не возьму, братъ... Не могу! Прости!

— Берри, говорю!...—взревѣлъ Челкашъ, страшно вращая глазами.

— Прости!... Тогда возьму...—робко сказалъ Гаврила и палъ въ ноги Челкаша на сырой песокъ, щедро поливаемый дождемъ.

— Врешь, возьмешь, гнусь! — увѣренно сказалъ Челкашъ, и, съ усиленіемъ поднимая его голову за волосы, онъ сунулъ ему деньги въ лицо.

— Бери! бери! Не даромъ работай, чай. Бери, не бойсь! Не стыдись, что человекъ чуть не убилъ! За такихъ людей, какъ я, никто не взыщетъ. Еще спасибо скажутъ, какъ узнаютъ. На, бери! Никто ничего не узнаетъ о твоёмъ дѣлѣ, а награды оно стоитъ. Ну, вотъ!...

Гаврила видѣлъ, что Челкашъ смѣется, и ему стало легче. Онъ крѣпко сжалъ деньги въ рукѣ.

— Братъ! а простишь меня? Не хошь? а?—слезливо спросилъ онъ.

— Родимой!...—въ тонъ ему отвѣтилъ Челкашъ, подымаясь на ноги и покачиваясь. — За что? Не за что! Сегодня ты меня, завтра я тебя...

— Эхъ, братъ, братъ!... — скорбно вздохнулъ Гаврила, качая головой.

Челкашъ стоялъ передъ нимъ и странно улыбался, а тряпка на его головѣ, понемногу краснѣя, становилась похожей на турецкую феску.

Дождь лиль, какъ изъ ведра. Море глухо роптало и волны бились о берегъ теперь уже бѣшено и гнѣвно.

Два человѣка помолчали.

— Ну, прощай! — насмѣшливо и холодно сказалъ Челкашъ, пускаясь въ путь.

Онъ шатался, у него дрожали ноги и онъ такъ странно держалъ голову, точно боялся потерять ее.

— Прости, братъ!...—еще разъ попросилъ Гаврила.

— Ничего! — холодно отвѣтилъ Челкашъ, пускаясь въ путь.

Онъ пошелъ, пошатываясь и все поддерживая голову ладонью лѣвой руки, а правой тихо держа свой бурый усъ.

Гаврила долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока онъ не исчезъ въ дождѣ, все гуще лившемъ изъ тучъ тонкими, безконечными струйками и окутывавшемъ степь непроницаемой стальной цвѣта мглой.

Потомъ Гаврила снялъ свой мокрый картузь, перекрестился, посмотрѣлъ на деньги, зажатые въ ладони, свободно и глубоко вздохнулъ, спрятавъ ихъ за пазуху и широкими, твердыми шагами пошелъ берегомъ въ сторону, противоположную той, гдѣ скрылся Челкашъ.

Море выло, швыряло большія тяжелыя волны на прибрежный песокъ, разбивая ихъ въ брызги и пѣну. Дождь ретиво сѣкъ воду и землю... вѣтеръ ревѣлъ... Все кругомъ наполнялось воемъ, ревомъ, гуломъ... За дождемъ не видно было ни моря, ни неба.

Скоро дождь и брызги волнъ смыли красное пятно на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ Челкашъ, смыли слѣды Челкаша и слѣды молодого парня на прибрежномъ пескѣ... И на пустынномъ берегу моря не осталось ничего въ воспоминаніе о маленькой драмѣ, разыгравшейся между двумя людьми.

СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ.

(1895.)

I.

Я слышалъ эти рассказы подъ Аккерманомъ, въ Бессарабѣ, на морскомъ берегу.

Однажды вечеромъ, кончивъ дневной сборъ винограда, партія молдаванъ, съ которой я работалъ, вся ушла на берегъ моря, а я и старуха Изергиль остались подъ густой тѣнью виноградныхъ лозъ и, лежа на землѣ, молчали, глядя, какъ таютъ въ глубокой мглѣ ночи и темной зелени листвы силуэты тѣхъ людей, что пошли къ морю.

Они шли, пѣли и смѣялись; мужчины—бронзовые, съ пышными, черными усами и густыми кудрями до плечъ, въ короткихъ курткахъ и широкихъ шароварахъ; женщины и дѣвушки—веселыя, гибкія, какъ лозы, съ темносиними глазами,—тоже бронзовыя. Ихъ волосы, шелковые и черные, были распущены, и вѣтеръ, теплый и легкій, играя ими, звякалъ монетами, вплетенными въ нихъ. Вѣтеръ текъ широкой, ровной волной, но иногда онъ точно прыгалъ черезъ что-то невидимое и, рождая сильный порывъ, развѣвалъ волосы женщинъ въ фантастическія гривы, вздымавшіяся вокругъ ихъ головъ. Это дѣлало женщинъ странными и сказочными. Онѣ уходили все дальше отъ насъ, а ночь и фантазія одѣвали ихъ все прекраснѣе.

Кто-то игралъ на скрипкѣ... дѣвушка пѣла мягкимъ контральто, слышался смѣхъ... и воображеніе рисовало всѣ звуки гирляндой разноцвѣтныхъ лентъ, рѣявшихъ

въ воздухѣ надъ темными фигурами людей, поглощаемыхъ мглой.

Воздухъ былъ пропитанъ острымъ запахомъ моря и жирными испареніями земли, незадолго до вечера обильно смоченной дождемъ. Еще и теперь по небу бродили обрывки тучъ, пышные, странныхъ очертаній и красокъ, тутъ—мягкіе, какъ клубы дыма, сизые и пепельно-голубые, тамъ—рѣзкіе, какъ обломки скалъ, матово-черные или коричневые. Между ними ласково блестяли темно-голубые клочки неба, украшенные золотыми крапинками звѣздъ. И все это—звуки и запахи, тучи и люди—было волшебнo красиво, но грустно, казалось началомъ чудной сказки. Все было дивно и гармонично, но казалось остановившимся въ своемъ ростѣ и умиравшимъ, такъ какъ мало было шума, живого, нервнаго шума, пылающаго отъ времени все ярче; шумъ же, который былъ—былъ слабъ, часто прерывался и все гасъ, удаляясь и перерождаясь въ печальные вздохи сожалѣнія о чемъ-то, можетъ быть, о счастіи, которое такъ неуловимо и случайно.

Я созерцалъ все это, и во мнѣ рождались фантастическія желанія: хотѣлось превратиться въ пыль и быть разнесеннымъ повсюду вѣтромъ; хотѣлось разлиться теплою рѣкой по степи, вливаться въ море и дышать въ небо опаловымъ туманомъ; хотѣлось наполнить собой весь этотъ чарующе-печальный вечеръ... и было грустно почему-то.)

— Что ты не пошелъ съ ними?—кинувъ мнѣ головой, спросила по-русски старуха Изергиль.

Время согнуло ее пополамъ, черные когда-то глаза были тусклы и слезились. Ея сухой голосъ звучалъ безъ вибраціи, онъ хрустѣлъ, точно старуха говорила костями. Какъ еще она могла говорить!...

— Не хочу,—отвѣтилъ я ей на вопросъ.

— У!... стариками родитесь вы, русскіе. Мрачные всѣ, какъ демоны... Боятся тебя наши дѣвушки... А вѣдь ты молодой и сильный...

Луна взошла. Ея дискъ былъ великъ, кроваво-красенъ, и она казалась вышедшей изъ нѣдръ этой степи, которая на своемъ вѣку такъ много поглотила человѣческаго мяса и выпила крови, отчего, навѣрное, и стала такой жирной и щедрой. На насъ упали кружевные тѣни отъ листвы, я и старуха покрылись ими, какъ сѣтью, и онѣ дрожали. И по степи, влѣво отъ насъ, поплыли тѣни отъ облаковъ, пропитанныхъ голубымъ сіяніемъ луны и ставшихъ прозрачнѣй и свѣтлѣй. Чуть-чуть долетали до насъ звуки съ моря: то плакала скрипка, то смѣялась дѣвушка, то парень пѣлъ гибкимъ баритономъ, и все это мѣшалось съ ритмическимъ плескомъ волнъ о берегъ.

— Смотри, вонъ идетъ Ларра!

Я смотрѣлъ туда, куда старуха указывала своей дрожащей рукой съ кривыми пальцами, и видѣлъ: тамъ плыли тѣни, ихъ было много, и одна изъ нихъ, темнѣй и гуще, чѣмъ другія, плыла быстрѣй и ниже сестеръ, потому что она падала отъ клочка облака, которое было ниже къ землѣ, чѣмъ другія, и несло съ скорѣе, чѣмъ они.

— Никого нѣтъ тамъ!—сказалъ я.

— Ты слѣпъ больше меня, старухи. Смотри—вонъ онъ, темный, бѣжитъ степью.

Я посмотрѣлъ еще и снова не видѣлъ ничего, кромѣ тѣни.

— Это тѣнь! Почему ты зовешь ее Ларра?

— Потому что это онъ. Онъ уже сталъ теперь какъ тѣнь,—пора! Онъ живетъ тысячи лѣтъ, солнце высушило его тѣло, кровь и кости, и вѣтеръ распылилъ ихъ. Вотъ что можетъ сдѣлать Богъ съ человѣкомъ за гордость!...

— Расскажи мнѣ, какъ это было!—попросилъ я старуху, чувствуя впереди одну изъ славныхъ сказокъ сложенныхъ въ степяхъ.

И она рассказала мнѣ эту сказку.

„Многія тысячи лѣтъ прошли съ той поры, какъ случилось это. Далеко за моремъ, на восходѣ солнца, есть страна большой рѣки, и въ той странѣ каждый древесный листъ и стебель травы даетъ столько тѣни, сколько нужно человѣку, чтобъ свободно укрыться въ ней отъ солнца, которое жестоко жарко тамъ.

„Вотъ какая щедрая земля въ той странѣ.

„На ней жило могучее племя людей, имѣвшихъ стада и на охоту за звѣрями тратившихъ свою силу и мужество. Они пировали послѣ охоты, пѣли пѣсни и играли съ дѣвушками, которыя тамъ хороши, какъ огонь.

„Однажды, во время пира, одну изъ нихъ, черноволосую и нѣжную, какъ ночь, унесъ орелъ, спустившись съ неба. Стрѣлы, пущенныя въ него мужчинами племени, упали, жалкія, обратно на землю. Тогда пошли искать дѣвушку, но не нашли ея. И забыли о ней, какъ забываютъ обо всемъ на землѣ“.

Старуха вздохнула и замолчала. Ея скрипучій голосъ звучалъ такъ, какъ будто это роптали всѣ забытые вѣка, воплотившись въ ея груди тѣнями воспоминаній. И море тихо сопровождало начало одной изъ тѣхъ древнихъ легендъ, которыя, можетъ быть, создались на его берегахъ.

„Но черезъ 20 лѣтъ она сама пришла, измученная и изсохшая, а съ ней былъ юноша, красивый и сильный, какъ сама она двадцать лѣтъ назадъ. И когда ее спросили, гдѣ была она, она рассказала, что орелъ унесъ ее въ горы и жилъ съ нею тамъ какъ съ женой. Вотъ его сынъ, а отца нѣтъ ужъ больше, ибо когда онъ сталъ слабѣть, то поднялся въ послѣдній разъ высоко въ небо и, сложивъ крылья, тяжело упалъ оттуда на острые уступы горы, упалъ и на смерть разбился о нихъ...

„Всѣ смотрѣли съ удивленіемъ на сына орла и видѣли, что онъ ничѣмъ не лучше ихъ, только глаза его были холодны и горды, какъ у царя птицъ. И разговаривали съ нимъ, а онъ отвѣчалъ, если хотѣлъ, или

молчалъ, и когда пришли старѣйшіе мужи племени, онъ говорилъ съ ними, какъ съ равными себѣ. Это оскорбило ихъ, и они, назвавъ его неоперенной стрѣлой съ неотточеннымъ наконечникомъ, сказали ему, что ихъ чтутъ и имъ повинуются тысячи такихъ, какъ онъ, и тысячи вдвое старше его. А онъ, смѣло глядя на нихъ, отвѣчалъ, что такихъ, какъ онъ, нѣтъ больше; если всѣ чтутъ ихъ—онъ не хочетъ дѣлать этого. О!... тогда ужъ совсѣмъ разсердились они. Разсердились и сказали:

— „Ему нѣтъ мѣста среди насъ! Пусть идетъ, куда хочетъ.“

„Онъ засмѣялся и пошелъ, куда захотѣлось ему,—къ одной красивой дѣвушкѣ, которая пристально смотрѣла на него; пошелъ къ ней и, подойдя, обнялъ ее. А она была дочь одного изъ старѣйшинъ, осудившихъ его. И хотя онъ былъ красивъ, она оттолкнула его, потому что боялась отца. Она оттолкнула его да и пошла прочь отъ него, а онъ ударилъ ее и, когда она упала, всталъ ногой на ея грудь, всталъ такъ, что изъ ея устъ кровь брызнула къ небу и она вздохнула тяжело. Извилась змѣей и умерла.“

„Всѣхъ, кто видѣлъ это, сковаль страхъ, такъ какъ первый разъ еще на глазахъ ихъ такъ убивали женщину. И долго всѣ молчали, глядя на нее, лежавшую съ открытыми глазами и съ окровавленнымъ ртомъ, безмолвно просившими мести, и на него, который стоялъ одинъ противъ всѣхъ, рядомъ съ ней, и былъ такъ холоденъ и гордъ, что не опустил своей головы и какъ бы вызывалъ на нее кару. Потомъ, когда одумались, то схватили, связали и такъ оставили, находя, что убить его сейчасъ же—слишкомъ просто, не унижительно для него и не удовлетворить ихъ“.

Ночь росла и крѣпла и, наполняясь странными, тихими звуками, принимала все болѣе фантастическій колоритъ. Въ степи печально посвистывали суслики, въ листвѣ винограда дрожаль стекляный стрекотъ кузнечиковъ, лист-

ва вздыхала и шепталась, и полный дискъ луны, раньше кроваво-красный, блѣднѣлъ, удаляясь отъ земли, блѣднѣлъ и все обильнѣе лилъ на степь голубоватую мглу...

„И вотъ они собрались, чтобы придумать эту казнь, достойную его преступленія... Предполагали разорвать его лошадыми—и это казалось имъ мало; предлагали пустить въ него всѣмъ по стрѣлѣ, но отвергли и это; предлагали сжечь его, но дымъ костра не позволилъ бы видѣть его мученій; предлагали многое—и не пахнули ничего настолько хорошаго, чтобы поправилось всѣмъ и удовлетворило ихъ. А его мать стояла передъ ними на колѣняхъ и молчала, не находя слезъ и словъ, чтобы умолять ихъ о пощадѣ. Долго говорили они, и вотъ одинъ мудрецъ сказалъ, подумавъ долго:

— „Спросимъ его, почему онъ сдѣлалъ это?

„И они спросили его объ этомъ. Онъ сказалъ:

— „Развяжите меня! Я не буду говорить съ вами связанный.

„А когда развязали его, онъ спросилъ: — „Что вамъ нужно?“—Спросилъ такъ, точно они были рабы...

— „Ты слышалъ...—сказалъ мудрецъ.

— „Зачѣмъ я буду объяснять вамъ мои поступки?

— „Чтобъ быть понятымъ нами. Ты, гордый, слушай! Все равно, ты умрешь вѣдь... Дай же намъ понять то, что ты сдѣлалъ. Мы остаемся жить и намъ полезно знать больше, чѣмъ мы знаемъ...

— „Хорошо, я скажу, хотя я, можетъ быть, самъ не вѣрно понимаю то, что случилось. Я убилъ ее потому, мнѣ кажется, что меня оттолкнула она... А мнѣ было нужно ее.

— „Но вѣдь она не твоя!—сказали ему.

— „Развѣ вы пользуетесь только своимъ? Я вижу, что каждый человѣкъ имѣетъ своею только рѣчь, руки и ноги... а владѣетъ онъ животными, женщинами, землей... и многимъ еще...

„Ему сказали на это, что за все, что человѣкъ бе-

реть, онъ платитъ собою: своимъ умомъ и силой, своей свободой и жизнью. А онъ отвѣчалъ, что онъ хочетъ сохранить себя цѣлымъ.

„Долго говорили съ нимъ и, наконецъ, изъ его отвѣтовъ увидали, что онъ считаетъ себя первымъ на землѣ и что, кромѣ себя, онъ не видитъ ничего. Всѣмъ даже страшно стало, когда поняли, на какое одиночество онъ обрекалъ себя. У него не было ни племени, ни матери, ни подвиговъ, ни скота, ни жены, и онъ не хотѣлъ ничего этого“.

На берегу смѣялась дѣвушка славнымъ, веселымъ смѣхомъ и пѣлъ кто-то высокимъ теноромъ. Иногда ему подтягивали нѣсколько человѣкъ сразу. Стая звуковъ вылетала на воздухъ и вдругъ пропадала, точно ее схватывалъ кто-то всю сразу, схватывалъ и пряталъ...

„Когда всѣ тѣ люди увидали, что не будетъ ему ничего свѣше, они снова принялись судить о томъ, какъ наказать его. Но теперь не долго они говорили, ибо тотъ мудрый, не мѣшавшій пока имъ говорить, заговорилъ самъ:

— „Стойте! Наказаніе есть. Это страшное наказаніе; вы не выдумаете такого въ тысячу лѣтъ! Наказаніе ему въ немъ самомъ! Пустите его, пусть онъ будетъ свободенъ. Вотъ его наказаніе.

„И тутъ произошло великое. Грянулъ громъ съ неба, на которомъ не было тучъ. Это силы подтверждали рѣчь мудраго. Всѣ поклонились и разошлись. А онъ, этотъ юноша, который теперь уже имѣлъ имя Ларра, что значить: отверженный, выкинутый вонъ,—этотъ юноша громко смѣялся вслѣдъ людямъ, которые бросили его, смѣялся и оставался одинъ свободный, какъ отецъ его. Но его отецъ не былъ человѣкомъ... А этотъ—былъ человѣкъ. И вотъ онъ сталъ жить, вольный, какъ птица. Онъ приходилъ въ племя и похищалъ скотъ, дѣвушекъ,—все, что хотѣлъ. Въ него стрѣляли, но стрѣлы не могли пронизать его тѣла, обвитаго невидимымъ

человѣку покрываломъ высшей кары. Онъ былъ ловокъ, хищенъ, силенъ, жестокъ и не встрѣчался съ людьми лицомъ къ лицу. Издали видѣли только его. И всякій, кто видѣлъ, всегда пускалъ въ него столько стрѣлъ, сколько желалъ. И долго онъ, одинокій, такъ вился около людей, долго, не одинъ десятокъ длинныхъ годовъ. Но человѣкъ не можетъ всю жизнь дѣлать одно и то же. Нельзя всегда наслаждаться—потеряешь цѣну наслажденію и захочется страдать... И вотъ однажды онъ подошелъ близко къ людямъ, и когда они бросились на него, онъ не тронулся съ мѣста и ничѣмъ не показалъ, что будетъ защищаться. Тогда одинъ изъ людей догадался и крикнуть быстро и громко:

— „Не троньте его! Онъ хочетъ умереть!“

„И всѣ остановились, не желая облегчить участь того, кто дѣлалъ имъ зло, не желая убивать его. Остановились и смѣялись надъ нимъ. А онъ дрожалъ, слыша этотъ смѣхъ, и все искалъ чего-то на своей груди, хватаясь за нее руками. И вдругъ онъ бросился на людей, поднявъ камень. Но они, уклоняясь отъ его ударовъ, не нанесли ему ни одного, и когда онъ, утомленный, съ тоскливымъ крикомъ упалъ на землю, то отошли въ сторону и наблюдали за нимъ. И вотъ онъ всталъ и, поднявъ потерянный кѣмъ-то въ борьбѣ съ нимъ ножъ, ударилъ имъ себя въ грудь. Но сломался ножъ, точно въ камень ударили имъ. И снова онъ упалъ на землю и долго бился головой объ нее. Но земля отстранялась отъ него, углубляясь отъ ударовъ его головы.“

— „Онъ не можетъ умереть,—съ радостью сказали тѣ, что видѣли все это.“

„И они ушли, оставивъ его одного. Онъ лежалъверху лицомъ и видѣлъ—высоко въ небѣ черными точками плавали могучіе орлы. Онъ лежалъ, и въ его глазахъ было столько тоски, что можно было бы отравить ею всѣхъ людей міра. И такъ, съ той поры остался

онъ одинъ свободный и ищущій смерти. И вотъ онъ ходитъ, ходитъ повсюду... Видишь, онъ сталъ ужъ какъ тѣнь и такимъ онъ будетъ вѣчно. Онъ не понимаетъ ни рѣчи людей, ни ихъ поступковъ,—ничего. И все ищетъ, ходитъ, ходитъ... Ему нѣтъ жизни и смерть не улыбается ему. И нѣтъ ему мѣста среди людей... Вотъ какъ былъ пораженъ человѣкъ за гордость!»

Старуха вздохнула, замолчала, и ея голова, опустившись на грудь, нѣсколько разъ странно качнулась.

Я посмотрѣлъ на нее. Старуху одолѣвалъ сонъ, показалось мнѣ. Мнѣ стало почему-то вдругъ страшно жалко ее. Конецъ разсказа она вела такимъ возвышеннымъ, чему-то угрожающимъ тономъ, а все-таки въ этомъ тонѣ звучала боязливая, рабская нота.

На берегу запѣли,—странно запѣли. Сначала раздался контральто—онъ пропѣлъ двѣ-три ноты, и раздался другой голосъ, начавшій пѣсню сначала, а первый все лился впереди его...—третій, четвертый, пятый вступили въ пѣсню въ томъ же порядкѣ. И вдругъ ту же пѣсню, опять-таки сначала, запѣлъ хоръ мужскихъ голосовъ.

Получилось что-то удивительно оригинальное. Каждый голосъ женщинъ звучалъ совершенно отдѣльно, всѣ они казались разноцвѣтными ручьями и, точно скатываясь откуда-то сверху по уступамъ, прыгая и звеня, вливаясь въ густую волну мужскихъ голосовъ, плавно ливущуюся кверху, потонули въ ней, вырывались изъ нея, заглушали ее и снова одинъ за другимъ взвивались, чистые и сильные, высоко вверхъ. И мелодія была оригинальна: мужчины пѣли безъ вибрацій, и могучіе звуки ихъ голосовъ гудѣли глухо, какъ бы разсказывая о чемъ-то печальномъ, а голоса женщинъ, догоняя другъ друга, точно торопились разсказать то же самое прежде мужчинъ и звенѣли колокольчиками весело, живо, съ массой смѣющихся трелей.

Шума волнъ не слышно было за голосами...

II.

— Слышала ли ты, чтобъ гдѣ-нибудь еще такъ пѣли?—спросила Изергиль, поднимая голову и улыбаясь своимъ беззубымъ ртомъ.

— Не слыхала. Никогда не слыхала... — шепнуть ей.

— Ага!... и не услышишь. Мы любимъ пѣть. И красивы мы всѣ. Только красавцы могутъ хорошо пѣть,—красавцы, которые любятъ жить. Мы любимъ жить. Смотри-ка, развѣ не устали за день тѣ, которые поютъ тамъ? Съ восхода по закатъ работали, взошла луна, и уже поютъ. Тѣ, которые не умѣютъ жить, легли бы спать уже. Тѣ, которымъ жизнь мила и которые дорожатъ ею, вотъ—поютъ.

— Но здоровье...—начала было я.

— Здравья всегда хватитъ на жизнь. Здравье! Развѣ ты, имѣя деньги, не тратилъ бы ихъ? Здравье то же золото. Знаешь ты, что я дѣлала, когда была молодой? Я ткала ковры съ восхода по закатъ, не вставая почти. Я, какъ солнечный лучъ, живая была и вотъ должна была сидѣть неподвижно, какъ камень. И сидѣла до того, что, бывало, всѣ кости у меня трещать. А какъ придетъ ночь, я бѣжала къ тому, кого любила, цѣловаться съ нимъ. Девять верстъ было до него. И обратно, значитъ—девять же. Знаешь, сколько это выходитъ?... Итакъ вотъ я бѣгала три мѣсяца, пока была любовь; всѣ ночи этого времени бывала у него. И вотъ до какой поры дожила—хватило крови! А сколько любила! Сколько поцѣлуевъ взяла и дала!...

Я посмотрѣлъ ей въ лицо. Ея черные глаза были все-таки тусклы, ихъ не оживило воспоминаніе. Луна ясно освѣщала ея черное, сморщенное лицо, и я видѣлъ сухія, потрескавшіяся губы, провалившіяся внутрь за-

остренный подбородокъ съ сѣдыми волосами на немъ и сморщенный носъ, загнутый, какъ клювъ совы. На мѣстѣ щекъ были черныя ямы, и въ одной изъ нихъ лежала прядь пепельно-сѣдыхъ волосъ, выбившихся изъ-подъ красной тряпки, которою была обмотана ея голова. Кожа на лицѣ, шеѣ и рукахъ была тонка, вся изрѣзана морщинами, и при каждомъ движеніи старой Изергиль можно было ждать, что сухая кожа разорвется вся, развалится кусками и предо мной явится голый скелетъ съ тусклыми черными глазами.

— Расскажи мнѣ, какъ ты любила! — попросилъ я ее.

Тогда она снова начала рассказывать своимъ хрустящимъ голосомъ:

„Я жила съ матерью подъ Фальми, на самомъ берегу Бырлата; и мнѣ было пятнадцать лѣтъ, когда онъ явился къ нашему хутору въ лодкѣ. Былъ онъ такой: высокій, гибкій, черноусый, веселый. Сидитъ въ лодкѣ и такъ звонко кричитъ онъ намъ въ окна: „Эй, нѣтъ ли у васъ вина... и поѣсть мнѣ?“ Я посмотрѣла въ окно сквозь вѣтви ясеней и вижу: рѣка вся голубая отъ луны, а онъ, въ бѣлой рубахѣ и въ широкомъ кушакѣ съ распущенными на боку концами, стоитъ себѣ одной ногой въ лодкѣ, а другой на берегу. И покачивается, и что-то поетъ. Увидалъ меня, говоритъ: „Вотъ какая красавица живетъ тутъ!... А я и не зналъ про это!“ Точно онъ ужъ зналъ всѣхъ красавицъ до меня! Я дала ему вина и вареной свинины... А черезъ четыре дня дала уже и всю себя... Мы все катались съ нимъ въ лодкѣ по ночамъ. Онъ пріѣдетъ и посвиститъ тихо, какъ сусликъ, а я и выпрыгну, какъ рыба, въ окно на рѣку къ нему. И ѣдемъ... Онъ былъ рыбакомъ съ Прута, и потомъ, когда мать узнала про все и побила меня, уговаривалъ все меня уйти съ нимъ въ Добруджу и дальше, въ дунайскія гирла. Но мнѣ ужъ не нравился онъ тогда — только поетъ да цѣлуется,

ничего больше. Скучно это было уже. Въ то время гуцулы шайкой ходили по тѣмъ мѣстамъ, и у нихъ были любезныя тутъ... Такъ вотъ тѣмъ весело было. Иная ждетъ, ждетъ своего карпатскаго молодца, думаетъ, что онъ уже въ тюрьмѣ или убить гдѣ-нибудь въ дракѣ, — и вдругъ онъ одинъ, а то съ двумя-тремя товарищами, какъ съ неба упадетъ къ ней. Подарки подносили богатые — легко же вѣдь доставалось все ему! — и пируетъ у нея, и хвалится ею передъ своими товарищами. А ей любо это. Я и попросила одну подругу, у которой былъ гуцулъ, показать мнѣ ихъ... Какъ ее звали? Забыла какъ... Все стала забывать теперь. Лѣтъ семь десятковъ прошло съ той поры, все забудешь! Она меня познакомила съ молодцомъ. Былъ хорошъ... Рыжий былъ, весь рыжий — и усы и кудри. Огненная голова была у него... И былъ онъ такой печальный, ласковый иногда, а иногда какъ звѣрь ревѣлъ и дрался. Разъ ударилъ меня въ лицо... А я, какъ кошка, вскочила ему на грудь, да и впилась зубами въ щеку... Съ той поры у него на щекѣ стала ямка, и онъ любилъ, когда я цѣловала ее..."

— А рыбакъ куда дѣвался? — спросилъ я.

— Рыбакъ? — А онъ... тутъ... Онъ присталъ къ нимъ, къ гуцуламъ. Сначала все уговаривалъ меня и грозилъ бросить въ воду, а потомъ — ничего, присталъ къ нимъ и другую завелъ... Ихъ обоихъ и повѣсили вмѣстѣ — и рыбака, и этого гуцула. Гуцула звали „Клестъ“ за его рыжіе волосы. Я ходила смотрѣть, какъ ихъ вѣшали. Въ Добруджѣ это было. Рыбакъ шелъ на казнь блѣдный и плакалъ, а гуцулъ трубку курилъ. Идетъ себѣ и курить, руки въ карманахъ, одинъ усъ на плечѣ лежитъ, а другой на грудь свѣсился. Увидаль меня, вынулъ трубку и кричить: „прощай!“... Я цѣлый годъ жалѣла его. Эхъ!... Это ужъ тогда съ ними было, какъ они хотѣли уйти въ Карпаты къ себѣ. На прощанье пошли къ одному румыну въ гости, тамъ ахъ и поймали. Двоихъ только, а нѣсколькихъ убили, а осталь-

ные ушли... Все-таки румыну заплатили послѣ... Хуторъ сожгли и мельницу, и хлѣбъ весь. Нищимъ стать.

— Это ты сдѣлала?—наудачу спросилъ я.

— Много было друзей у гуцуловъ, не одна я... Кто былъ ихъ лучшимъ другомъ, тотъ и справилъ имъ поминки...

Пѣсня на берегу моря уже умолкла, и старухѣ сопровождалъ теперь шумъ морскихъ волнъ; задумчивый, мятежный шумъ былъ славнымъ аккомпаниментомъ разсказу о мятежной жизни. Чуть слышнымъ доносился съ морского берега смутный говоръ и смѣхъ людей. Все мягче становилась ночь, и все больше разрождались въ ней голубого сіянія луны, а неопредѣленные звуки хлопотливой жизни ея невидимыхъ обитателей становились тише, заглушаемые возрастающимъ шорохомъ волнъ... ибо усиливался вѣтеръ.

„А то еще турка любила я. Въ гаремѣ у него была, въ Скутари. Цѣлую недѣлю жила,—ничего... Но скучно стало...—все женщины, женщины... Восемь было ихъ у него... Цѣлый день ѣдятъ и спятъ и болтаютъ глупыя рѣчи... Или ругаются, квохчутъ, какъ курицы... Онъ былъ ужъ немолодой, этотъ турокъ. Съдой почти и такой важный, богатый. Говорилъ—какъ владыка.. Глаза были черные... Прямые глаза... Смотрятъ прямо въ душу. Очень онъ любилъ молиться. Я его въ Букурешти увидала... Ходить по рынку, какъ царь, и смотреть такъ важно, важно. Я ему улыбнулась. Въ тотъ же вечеръ меня схватили на улицѣ и привезли къ нему. Онъ кипарисъ и пальму продавалъ, а въ Букурешти пріѣхалъ купить что-то. „Ѣдешь ко мнѣ?“ говорить.—О, да, поѣду! „Хорошо!“ И я поѣхала. Богатый онъ былъ, этотъ турокъ. И сынъ у него уже былъ—черненькій мальчикъ, гибкій такой... Ему лѣтъ шестнадцать было. Съ нимъ я и убѣжала отъ турка... Убѣжала въ Болгарію, въ Ломъ-Паланку... Тамъ меня одна болгарка пожомъ ударила въ грудь за жениха или за мужа своего—ужъ не помню.

Хворала я долго въ монастырѣ одномъ. Женскій это былъ монастырь. Ухаживала за мной одна дѣвушка, полька... и къ ней изъ монастыря другого,—около Арцерь-Паланки, помню,—ходилъ братъ, тоже монашекъ... Такой... какъ червякъ, все извивался предо мной... И когда я выздоровѣла, то ушла съ нимъ... въ Польшу его.“

— Погоди!... А гдѣ маленькій турокъ?

— Мальчикъ? Онъ умеръ, мальчикъ. Отъ тоски по дому или отъ любви... но сталъ сохнуть онъ такъ, какъ неокрѣпшее деревцо, которому слишкомъ много перепало солнца... такъ и сохъ все... Помню, лежитъ, весь уже прозрачный и голубоватый, какъ льдинка, а все еще въ немъ горитъ любовь... И все проситъ наклониться и цѣловать его... Я любила его и, помню, много цѣловала... Потомъ ужъ онъ совсѣмъ сталъ плохъ—не двигался почти. Лежитъ и такъ жалобно, какъ нищій милостыни, проситъ меня лечь съ нимъ рядомъ и грѣть его. Я ложилась. Ляжешь съ нимъ... онъ сразу загорится весь. Однажды я проснулась, а онъ ужъ холодный... мертвый... Я плакала надъ нимъ. Кто скажетъ? Можетъ, вѣдь, это я и убила его. Вдвое старше его я была тогда ужъ. И была такая сильная, сочная... а онъ что же?... мальчикъ!...

Она вздохнула и—первый разъ я видѣлъ это у нея—перекрестилась трижды, шепча что-то сухими губами.

— Ну,—подсказалъ я ей, видя, что она молчитъ,—отправилась ты въ Польшу...

— Да... съ тѣмъ маленькимъ полячкомъ. Онъ былъ смѣшной и подлый. Когда ему нужна была женщина, онъ ластился ко мнѣ, какъ котъ, и съ его языка горячій медъ текъ, а когда онъ меня не хотѣлъ, то щелкалъ меня словами, какъ кнутомъ. Разъ какъ-то шли мы по берегу рѣки, и вотъ онъ сказалъ мнѣ свое гордое, обидное слово. О! О!... я разсердилась! Я закипѣла, какъ смола! Я взяла его на руки и, какъ ребенка,—онъ вѣдь былъ маленькій,—подняла вверхъ, сдавивъ ему бока такъ, что онъ посинѣлъ весь. И вотъ я размахнулась и бро-

сила его съ берега въ рѣку. Онъ кричалъ все... Смѣшно такъ кричалъ. Я смотрѣла на него сверху, а онъ барахтался тамъ, въ водѣ. Я ушла тогда. И больше не встрѣчалась съ нимъ. Я была счастлива на это: никогда не встрѣчалась послѣ съ тѣми, которыхъ когда-то любила. Это нехорошія встрѣчи, все равно какъ бы съ покойниками.

Старуха замолчала, вздыхая. Я представлялъ себѣ воскрешаемыхъ ею людей. Вотъ онъ, огненно-рыжій, усатый гуцулъ, который идетъ умирать, спокойно покуривая трубку, сильный, рѣшительный малый... У него навѣрное были холодные голубые глаза, которые на все смотрѣли сосредоточенно и твердо. Вотъ рядомъ съ нимъ черноусый рыбакъ съ Прута; онъ плачетъ, не желая умирать, и на его лицѣ, блѣдномъ отъ предсмертной тоски, потускнѣли веселые глаза, и усы, смоченные слезами, печально обвисли по угламъ искривленнаго рта. Вотъ онъ, старый важный турокъ, навѣрное фаталистъ и деспотъ, и рядомъ съ нимъ его сынъ, блѣдный и хрупкій цвѣтокъ востока, отравленный поцѣлуями. А вотъ тщеславный полякъ, галантный и жестокий, краснорѣчивый и голодный... И все они только блѣдныя тѣни, а та, которую они цѣловали, сидитъ рядомъ со мной живая, но изсушенная временемъ, безъ тѣла и безъ крови, съ сердцемъ безъ желаній, съ глазами безъ огня... тоже почти тѣнь.

А она продолжала говорить:

„Въ Польшѣ стало трудно мнѣ. Тамъ живутъ холодные и лживые люди. Я не знала ихъ змѣйнаго языка. Все шипять... Что шипять? Это Богъ далъ имъ такой змѣиный языкъ за то, что они лживы. Шла я тогда, не зная куда, и видѣла, какъ они собирались бунтовать съ вами, русскими. И наконецъ, я дошла до города Бохніи. Жидъ одинъ купилъ меня; не для себя купить, а чтобы торговать мною. Я согласилась на это. Чтобы жить, надо умѣть что-нибудь дѣлать. Я ничего не умѣла и

вотъ за это платила собой. Но я подумала тогда, что вѣдь если я достану немного денегъ, чтобы воротиться къ себѣ на Бырлатъ, я порву цѣпи, какъ бы онѣ крѣпки ни были. И жила я тамъ. Ходили ко мнѣ богатые паны и пировали со мной и у меня. Это имъ дорого стоило. Дрались изъ-за меня они, разорялись. Одинъ добивался меня долго и разъ вотъ что сдѣлалъ: пришелъ, а слуга за нимъ идетъ съ мѣшкомъ. Вотъ панъ взялъ въ руки тотъ мѣшокъ и опрокинулъ его надъ моей головой. Золотыя монеты стучали меня по головѣ, и мнѣ весело было слушать ихъ звонъ, когда онѣ падали на полъ. Но я все-таки выгнала пана. У него было такое толстое, сырое лицо, и животъ—какъ большая подушка. Онъ смотрѣлъ, какъ сытая свинья. Да, выгнала я его, хотя онъ и говорилъ, что продалъ всѣ земли свои и дома, и коней, чтобы осыпать меня золотомъ. Я тогда любила одного достойнаго пана съ изрубленнымъ лицомъ. Все лицо было у него изрублено крестъ-на-крестъ саблями турокъ, съ которыми онъ незадолго передъ тѣмъ воевалъ за грековъ. Вотъ человѣкъ!... Что ему греки, если онъ полякъ? А онъ пошелъ, бился рядомъ съ ними противъ ихъ враговъ. Изрубили его, у него вытекъ одинъ глазъ отъ удара, и два пальца на лѣвой рукѣ были тоже отрублены... Что ему греки, если онъ полякъ? А вотъ что: онъ любилъ подвиги. А когда человѣкъ любитъ подвиги, онъ всегда сумѣетъ ихъ сдѣлать и найдеть, гдѣ это можно. Въ жизни, знаешь ли ты, всегда есть мѣсто подвигамъ. И тѣ, которые не находятъ ихъ для себя, тѣ просто лѣнтяи или просто трусы, или не понимаютъ жизни, потому что, кабы люди понимали жизнь, каждый захотѣлъ бы оставить послѣ себя свою тѣнь въ ней. И тогда она не пожирала бы людей безслѣдно... О, этотъ рубленный былъ хорошій человѣкъ! Онъ готовъ былъ идти на край свѣта, чтобы дѣлать что-нибудь. Навѣрное, ваши убили его во время бунта. А зачѣмъ вы ходили бить венгровъ? Ну-ну, молчи!..."

И, приказывая мнѣ молчать, старая Изергиль вдругъ замолчала сама и задумалась.

„Знала также я и венгра одного. Онъ однажды ушелъ отъ меня,—зимой это было, — и только весной, когда стаялъ снѣгъ, нашли его въ полѣ съ прострѣленной головой. Вотъ какъ! Видишь—не меньше чумы губить любовь людей; коли посчитать—не меньше... Что я говорила? О Польшѣ... Да, тамъ я сыграла свою послѣднюю игру. Встрѣтила одного шляхтича... Вотъ былъ красивъ! Какъ чортъ. Я же стара ужъ была, эхъ, стара! Было ли мнѣ четыре десятка лѣтъ? Пожалуй, что и было... А онъ былъ еще и гордъ, и избалованъ нами, женщинами. Дорого онъ мнѣ всталъ... да. Онъ хотѣлъ сразу такъ себѣ взять меня, но я не далась. Я не была никогда рабой ничьей. А съ жидомъ я уже кончила, много денегъ дала ему... И уже въ Краковѣ жила. Тогда у меня все было, и лошади, и золото, и слуги... Онъ ходилъ ко мнѣ, гордый демонъ, и все хотѣлъ, чтобъ я сама кинулась ему въ руки. Мы поспорили съ нимъ... вотъ какъ!... Я даже,—помню,—дурнѣла отъ этого. Долго это тянулось... Я взяла свое: онъ на колѣняхъ упрашивалъ меня... Но только взялъ, какъ ужъ и бросилъ. Тогда поняла я, что стала стара... Охъ, это было мнѣ не сладко! вотъ ужъ не сладко!... Я вѣдь любила его, этого чорта... а онъ, встрѣчаясь со мной, смѣялся мнѣ... подлѣ онъ былъ! И другимъ онъ смѣялся надо мной, а я все это знала. Ну, ужъ горько было мнѣ, скажу. Но онъ былъ тутъ, близко, и я все-таки любовалась имъ. А какъ вотъ ушелъ онъ биться съ вами, русскими, тошно стало мнѣ. Ломала я себя, но не могла сломать... И рѣшила поѣхать за нимъ. Онъ около Варшавы былъ, въ лѣсу.

„Но когда я приѣхала, то узнала, что ужъ побили ихъ ваши... и что онъ въ плѣну, недалеко въ деревнѣ.

„Значить,—подумала я,—не увижу уже его больше.

А видѣть хотѣлось. Ну, я стала стараться увидать... Нищей одѣлась, хромой, и пошла, завязавъ лицо, въ ту деревню, гдѣ былъ онъ. Вездѣ казаки и солдаты... дорого мнѣ стоило быть тамъ! Узнала я, гдѣ они, поляки, сидятъ, и вижу, что трудно попасть туда. А нужно мнѣ это было. И вотъ ночью подползла я къ тому мѣсту, гдѣ они были. Ползу по огороду между грядъ и вижу: часовой стоитъ на моей дорогѣ... А ужъ слышно мнѣ — поютъ поляки и говорятъ громко. Поютъ пѣсню одну... къ Матери Бога... И тотъ тамъ же поетъ... Аркадѣкъ мой. Мнѣ горько стало, какъ подумала я, что раньше за мной ползали... а вотъ оно пришло время — и я за человѣкомъ поползла змѣей по землѣ и, можетъ, на смерть свою ползу. А этотъ часовой уже слушаетъ, выгнулся впередъ. Ну, что же мнѣ? встала я съ земли и пошла на него. Ни ножа у меня нѣтъ, ничего, кромѣ рукъ да языка. Жалѣю, что не взяла ножа. Шепчу... „погоди!“... А онъ, солдатъ этотъ, уже приставилъ къ горлу мнѣ штыкъ. Я говорю ему шопотомъ: „не коли, погоди, послушай, коли у тебя душа есть! Не могу тебѣ ничего дать, а прошу тебя“... Онъ опустилъ ружье и также шопотомъ говоритъ мнѣ: „пошла прочь, баба! пошла! Чего тебѣ?“ Я сказала ему, что сынъ у меня тутъ запертъ... „Ты понимаешь, солдатъ, — сынъ! Ты вѣдь тоже чей-нибудь сынъ, да? Такъ вонъ посмотри на меня—у меня есть такой же, какъ ты, и вонъ онъ гдѣ! Дай мнѣ посмотрѣть на него, можетъ, онъ умретъ скоро... и можетъ, тебя завтра убьютъ... будетъ плакать твоя мать о тебѣ? И вѣдь тяжело будетъ тебѣ умереть, не взглянувъ на нее, твою мать? И моему сыну тяжело же. Пожалѣй же себя и его, и меня—мать!“...

„Охъ, какъ долго говорила я ему! Шелъ дождь и мочилъ насъ. Вѣтеръ вылъ и ревелъ, и толкалъ меня то въ спину, то въ грудь. Я стояла и качалась передъ этимъ каменнымъ солдатомъ... А онъ все говорилъ: „нѣтъ!“ И каждый разъ, какъ я слышала его холодное

слово, еще жарче во мнѣ вспыхивало желаніе видѣть того Аркадѣка... Я говорила и мѣрила глазами солдата— онъ былъ маленькій, сухой и все кашлялъ. И вотъ я упала на землю передъ нимъ и, охвативъ его колѣни, все упрашивая его горячими словами, свалила солдата на землю. Онъ упалъ въ грязь. Тогда я быстро повернула его лицомъ къ землѣ и придавила его голову въ лужу, чтобъ онъ не кричалъ. Онъ не кричалъ, а только все барахтался, стараясь сбросить меня со своей спины. Я же обѣими руками втискивала его голову глубже въ грязь. Онъ и задохнулся... Тогда я бросилась къ амбару, гдѣ пѣли поляки. „Аркадѣкъ!“... шептала я въ щели стѣнъ. Они догадливые, эти поляки,—и, услыхавъ меня, перестали пѣть. Вотъ его глаза противъ моихъ. „Можешь ты выйти отсюда?“—„Да, черезъ полъ!“ сказалъ онъ.—„Ну, иди же“. И вотъ четверо ихъ вылѣзло изъ-подъ этого амбара: трое и Аркадѣкъ мой. „Гдѣ часовые?“ спросилъ Аркадѣкъ.—„Вонъ лежить!“... И они пошли тихо-тихо, согнувшись къ землѣ, прямо къ мѣсту, гдѣ лежалъ тотъ солдатъ, и когда проходили мимо, то ругали его, а Аркадѣкъ, поднявъ ружье, прокололъ спину солдата штыкомъ. Дождь все сильнѣе шелъ, а вѣтеръ былъ такъ громко. Мы ушли изъ деревни и долго молча шли лѣсомъ. Быстро такъ шли. Аркадѣкъ держалъ меня за руку, и его рука была горяча и дрожала. О!... мнѣ такъ хорошо было съ нимъ, пока онъ молчалъ. Последнія это были минуты—хорошія минуты моей жадной жизни. Но вотъ мы вышли на лугъ и остановились. Они благодарили меня всѣ четверо. Охъ, какъ они долго и много говорили мнѣ что-то! Я все слушала и смотрѣла на своего пана. Что же онъ сдѣлаетъ мнѣ? И вотъ онъ обнялъ меня и сказалъ, такъ важно... Не помню, что онъ сказалъ, но такъ выходило, что теперь онъ въ благодарность за то, что я увела его, будетъ любить меня... И всталъ онъ на колѣни предо мной, улыбаясь, и сказалъ мнѣ: „моя королева!“ Вотъ какая лживая собака была

это!... Ну, тогда я дала ему пинка ногой и ударила бы его въ лицо, да онъ отшатнулся и вскочилъ. Грозный и блѣдный стоитъ онъ предо мной... Стоять и тѣ трое, хмурые всѣ. И всѣ молчатъ. Я посмотрѣла на нихъ... Мнѣ тогда стало—помню—только скучно очень, и такая лѣнь напала на меня... Холодная лѣнь. Я сказала имъ: „идите!“ Они, псы, спросили меня: „Ты воротись туда указать нашъ путь?“ Вотъ какіе подлые! Ну, все-таки ушли они. Тогда и я пошла... А на другой день взяли меня ваши, но скоро отпустили. Тогда увидала я, что пора мнѣ завести гнѣздо, будетъ жить кукушкой! Ужъ тяжела стала я, и ослабѣли крылья, и перья потускнѣли... Пора, пора! Тогда я уѣхала въ Галицію, а оттуда въ Добруджу. И вотъ уже около трехъ десятковъ лѣтъ живу здѣсь. Былъ у меня мужъ, молдаванинъ; умеръ съ годъ тому времени. И живу я вотъ. Одна живу... Нѣтъ, не одна, а вонъ съ тѣми.

Старуха махнула рукой къ морю. Тамъ все было тихо. Иногда рождался какой-то краткій, обманчивый звукъ и умиралъ тотчасъ же.

— Любятъ они меня. Много я рассказываю имъ разнаго. Имъ это надо. Еще молодые все... И мнѣ хорошо съ ними. Смотрю и думаю: вотъ и я, было время, такой же была... Только тогда, въ мое время, больше было въ человѣкѣ силы и огня, и оттого жилось веселѣе и лучше... Да!...

И она замолчала. Я смотрѣлъ на нее пристально и долго. Мнѣ грустно было рядомъ съ ней. Она же дремала, качая головой, и тихо, тихо шептала что-то... можетъ быть, молилась.

Съ моря поднималась туча—черная, тяжелая, суровыхъ очертаній, похожая на горный хребетъ. Она ползла въ степь. Съ ея вершины срывались клочья облаковъ, неслись впередъ ея и гасили звѣзды одну за другой. Море шумѣло. Недалеко отъ насъ, въ лозахъ винограда, цѣловались, шептали и вздыхали. Глубоко въ степи выла собака... Воздухъ становился душнымъ.

вымъ и раздражалъ нервы страннымъ запахомъ, щеко-
тавшимъ поздри. Отъ облаковъ падали на землю густыя
стаи тѣней и ползли по ней, ползли, исчезали, явля-
лись снова... Луна погасла, на ея мѣстѣ осталось толь-
ко мутное опаловое пятно, и оно иногда совсѣмъ за-
крывалось сизымъ клочкомъ облака. И въ степной дали,
теперь уже черной и страшной, какъ бы притаившейся
и скрывшей въ себѣ что-то, вспыхивали маленькіе го-
лубые огоньки. То тамъ, то тутъ они на мигъ являлись
и гасли, точно нѣсколько людей, рассыпавшихся по
степи далеко другъ отъ друга, искали въ ней что-то,
зажигая спички, которыя вѣтеръ тотчасъ же гасилъ.
Это были очень странные голубые языки огня, наме-
кавшіе на что-то сказочное.

— Видишь ты искры?—спросила меня Изергиль.

— Вонъ тѣ, голубыя?—указывая ей на степь, ска-
залъ я.

— Голубыя? Да, это онѣ... Значить, летаютъ все-
таки! Ну-ну... Я уже вотъ не вижу ихъ больше. Не мо-
гу я теперь многого видѣть.

— Откуда это искры?—спросилъ я старуху.

Я слышалъ кое-что раньше о происхожденіи ихъ,
этихъ искръ, но мнѣ хотѣлось послушать, какъ расска-
жетъ о томъ же старая Изергиль.

— Эти искры отъ горящаго сердца Данко. Было на
свѣтѣ сердце, которое однажды вспыхнуло огнемъ... И
вотъ отъ него эти искры. Я расскажу тебѣ про все
это... Тоже старая сказка... Старое все, старое! Видишь
ты, сколько въ старинѣ всего?... А теперь вотъ нѣтъ
ничего такого—ни дѣлъ, ни людей, ни сказокъ такихъ,
какъ встарину... Почему? Ну-ка, скажи! Не скажешь...
Что ты знаешь? Что вы знаете, всѣ молодые? Эхе-хе!...
Смотрѣли бы въ старину зорко—тамъ всѣ отгадки най-
дутся... А вотъ вы не смотрите и не умѣете жить от-
того... Я не вижу развѣ жизнь? Охъ, все вижу, хоть и
плехи мои глаза! И вижу я, что не живутъ люди, а все

примѣряются, примѣряются и кладутъ на это всю свою жизнь. И когда обворуютъ сами себя, истративъ время, то начнутъ плакаться на судьбу. Что же тутъ судьба? Каждый самъ себя судьба! Всякихъ людей я нынче вижу, а вотъ сильныхъ нѣтъ! Гдѣ жъ они?... И красавцевъ становится все меньше...

Старуха задумалась о томъ, куда дѣвались изъ жизни сильные и красивые люди и, думая, осматривала темную степь, какъ бы ища въ ней отвѣта.

Я ждалъ ея разказа и молчалъ, боясь, что если спрошу ее о чемъ-либо, она опять отвлечется въ сторону. Я зналъ, что когда она отправляется въ бурное море своихъ воспоминаній, оно вѣетъ на нее философией, и часто случалось, что конецъ той или иной легенды гибъ подъ гнетомъ этой философіи, свободной и простой, но въ изложеніи старой Изергиль представлявшей изъ себя какой-то странный клубокъ разноцвѣтныхъ нитокъ, хитро перепутанныхъ временемъ.

III.

И вотъ она начала рассказывать:

„Жили на землѣ встарину одни люди, гдѣ — не знаю. Знаю, что большіе непроходимые лѣса окружали съ трехъ сторонъ таборы этихъ людей, а съ четвертой — была степь. Были это веселые, сильные и смѣлые люди, не желавшіе многого... Должно быть, цыгане. И вотъ пришла однажды такая смутная пора: явились откуда-то нныя племена и прогнали прежнихъ въ глубь лѣса. Тамъ были болота и тьма, потому что лѣсъ былъ старый, и такъ густо переплелись его вѣтви, что сквозь нихъ не видать было неба, и лучи солнца еле могли пробить себя дорогу до болотъ сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болотъ, то подымался смрадъ, и отъ него люди гибли одинъ за другимъ. Тогда стали плакать жены и дѣти этого племени, а

отцы задумались и впади въ тоску. Нужно было уйти изъ этого лѣса, и для того были двѣ дороги: одна—пазадъ,—тамъ были сильные и злые враги, другая—впередъ,—тамъ стояли великаны-деревья, плотно обнявши другъ друга могучими вѣтвями и опустивъ свои узловатые корни глубоко въ цѣпкій илъ болота. Эти деревья стояли молчаливо и неподвижно, какъ каменные, днемъ въ сѣромъ сумракѣ и еще плотнѣе сдвигались вокругъ тѣхъ людей по вечерамъ, когда загорались костры. И всегда, днемъ и ночью, вокругъ тѣхъ людей было кольцо, которое точно собиралось раздавить ихъ, привыкшихъ къ степному простору. А еще страшнѣе было тогда, когда вѣтеръ билъ по вершинамъ деревьевъ и весь лѣсъ глухо гудѣлъ, точно грозилъ и пѣлъ похоронную пѣсню тѣмъ людямъ, что укрылись въ немъ отъ враговъ. Это были все-таки сильные люди и могли бы они пойти биться насмерть съ тѣми, что однажды побѣдили ихъ, но они не могли умереть въ бояхъ, потому что у нихъ были завѣты, и коли бъ умерли они, то пропали бъ съ ними изъ жизни и завѣты тѣ. И потому они сидѣли и думали въ длинныя ночи, подъ глухой шумъ лѣса, въ ядовитомъ смрадѣ болота. Они сидѣли, и тѣни отъ костровъ прыгали вокругъ нихъ въ безмолвной пляскѣ, и всемъ казалось, что это не тѣни пляшутъ, а торжествуютъ злые духи лѣса и болота... Люди все сидѣли и думали. Но ничто—ни работа, ни женщины—не изнуряютъ тѣла и души людей такъ, какъ изнуряютъ тоскливыя думы, что сосутъ сердце, какъ змѣи. И ослабли отъ думъ тѣ люди... Страхъ родился среди нихъ и сковалъ имъ крѣпкія руки, ужасъ родили женщины своимъ плачемъ надъ трупами умершихъ отъ смрада и надъ судьбой скованныхъ страхомъ живыхъ,—и трусливыя слова стали слышны въ лѣсу, сначала робкія и тихія, а потомъ все громче и громче... Уже хотѣли идти къ врагу и принести ему въ даръ себя и волю свою, и никто ужъ, испуганный

смертью, не боялся рабской жизни... Но тутъ явился Данко и спасъ всѣхъ одинъ“.

Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящемъ сердцѣ Данко: фразы являлись длинными и гладкими лентами. Она говорила пѣвуче, и голосъ ея, скрипучій и глухой, ясно рисовалъ предо мной шумъ того лѣса, среди котораго умирали отъ ядовитаго дыханія болота несчастные, загнанные люди...

„Данко—это одинъ изъ тѣхъ людей, молодой красавецъ. Красивые всегда смѣлы. И вотъ онъ говоритъ имъ, своимъ товарищамъ:

— „Не своротить камня съ пути думаю. Кто ничего не дѣлаетъ, съ тѣмъ ничего не станется. Что мы тратимъ силы на думу да тоску? Вставайте, пойдемъ въ лѣсъ и пройдемъ его сквозь, вѣдь имѣетъ же онъ конецъ—все на свѣтѣ имѣетъ конецъ! Идемте! Ну! Гей!...“

„Посмотрѣли на него и увидали, что онъ лучший изъ всѣхъ, потому что въ очахъ его свѣтилось много силы и живого огня.

— „Веди ты насъ!“—сказали они.

„Тогда онъ повелъ ихъ...“

Старуха помолчала и посмотрѣла въ степь, гдѣ все густѣла тьма. Искорки горящаго сердца Данко вспыхивали гдѣ-то далеко и казались голубыми воздушными цвѣтами, распцѣтавшими только на мигъ.

„Повелъ ихъ Данко. Дружно всѣ пошли за нимъ, вѣрили въ него. Трудный путь это былъ! Темно было, и на каждомъ шагу болото разѣвало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стѣной. Переплелись ихъ вѣтки между собой, какъ змѣи, протянулись всюду корни, и каждый шагъ много стоилъ пота и крови тѣмъ людямъ. Долго шли они... Все гуще становился лѣсъ, все меньше было силъ! И вотъ они стали роптать на Данко, говоря, что напрасно онъ, молодой и неопытный, повелъ ихъ куда-то. А онъ шелъ впереди ихъ и былъ бодръ и ясенъ.

„Но однажды гроза грянула надъ лѣсомъ, и зашептали деревья глухо и грозно. И стало тогда въ лѣсу такъ темно, точно въ немъ собрались сразу все ночи, сколько ихъ было на свѣтѣ съ той поры, какъ онъ родился. Шли маленькіе люди, между большихъ деревьевъ и въ грозномъ шумѣ молній шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипѣли и гудѣли: сердитыя пѣсни, а молніи, летая надъ вершинами лѣса, освѣщали его на минутку синимъ холоднымъ огнемъ и исчезали такъ же быстро, какъ и являлись, пугая и дразня людей. И деревья, освѣщенные холоднымъ огнемъ молній, казались живыми, простирающими вокругъ людей, уходившихъ изъ плѣна тьмы, корявые, длинныя руки, сплетая ихъ въ густую сѣть и пытаясь остановить тѣхъ людей. А изъ тьмы вѣтвей смотрѣло на идущихъ что-то страшное, темное и холодное. Это былъ трудный путь, и люди, утомленные имъ, пали духомъ. Но имъ стыдно было сознаться себѣ въ безсиліи, и вотъ они въ злобѣ и гнѣвѣ обрушились на Данко, человѣка, который шелъ впереди ихъ. И стали они упрекать его въ неумѣніи управлять ими,—вотъ какъ!

„Остановились они и подъ торжествующій шумъ лѣса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко:

— „Ты,—сказали они,—ничтожный и вредный человекъ для насъ! Ты повелъ насъ и утомилъ, и за это ты погибнешь!

„И молніи и громъ подтвердили ихъ приговоръ.

— „Вы сказали: „веди!“—и я повелъ!—крикнулъ Данко, становясь противъ нихъ грудью.—Во мнѣ есть мужество вести, вотъ почему я повелъ васъ! А вы? Что сдѣлали вы въ помощь себѣ? Вы только шли и не умѣли сохранить мужество на путь болѣе долгій! Вы только шли, шли себѣ, какъ стадо овецъ!

„Но эти слова разъярили ихъ еще болѣе.

— „Ты умрешь! Ты умрешь!—ревѣли они.

„А лѣсъ все гудѣлъ и гудѣлъ, вторя ихъ крикамъ и молніи разрывали тѣму въ клочья. Данко смотрѣлъ на тѣхъ, ради которыхъ онъ понесъ трудъ, и видѣлъ, что они какъ звѣри. Много людей стояло вокругъ него, но не было на лицахъ ихъ благородства и нельзя было ему ждать пощады отъ нихъ. Тогда и въ его сердцѣ вскипѣло негодованіе, но отъ жалости къ людямъ оно погасло. Онъ любилъ людей тѣхъ и думалъ, что, можетъ быть, безъ него они погибнутъ. И вотъ его сердце вспыхнуло яркимъ огнемъ желанія спасти ихъ и вывести на легкій путь, и тогда въ его очахъ засверкали лучи того могучаго огня... А они, увидавъ это, подумали, что онъ разсвирѣпѣлъ, отчего такъ ярко и разгорѣлись очи его, и они насторожились, какъ волки, ожидая, что онъ будетъ бороться съ ними, и стали плотнѣе окружать его, чтобы легче имъ было схватить и убить Данко. А онъ уже понялъ ихъ душу, оттого еще ярче загорѣлось въ немъ сердце, ибо эта ихъ дума родила въ немъ тоску.

„А лѣсъ все пѣлъ свою мрачную пѣсню, и громъ все гремѣлъ, и лилъ дождь...

— „Что сдѣлаю я для людей?!—сильнѣе грома крикнулъ Данко.

„И вдругъ онъ разорвалъ руками себѣ грудь и вырвалъ изъ нея свое сердце и высоко поднялъ его надъ головой.

„Оно же пылало такъ ярко, какъ солнце, и ярче солнца, и весь лѣсъ замолчалъ, освѣщенный этимъ факеломъ великой любви къ людямъ, а тѣма разлетѣлась отъ свѣта его и тамъ, глубоко въ лѣсу, дрожащая, пала въ гнилой зѣвъ болота. Люди же, изумленные, стали какъ камни.

— „Идемъ!—крикнулъ Данко, и бросился впередъ на свое мѣсто, высоко держа горящее сердце и освѣщая имъ путь людямъ.

„Они бросились за нимъ, любопытные и очаро-

ванные. Тогда лѣсъ снова зашумѣлъ, удивленно качая вершинами, но его шумъ былъ заглушенъ топотомъ бѣгущихъ людей. Всѣ бѣжали быстро и смѣло; увлекаемые чудеснымъ зрѣлищемъ горящаго сердца. И теперь гибли, но гибли безъ жалобъ и слезъ. А Данко все былъ впереди и сердце его все пылало, пылало!

„И вотъ вдругъ лѣсъ разступился передъ нимъ, разступился и остался сзади, плотный и нѣмой, а Данко и всѣ тѣ люди сразу окунулись въ цѣлое море солнечнаго свѣта и чистаго воздуха, промытаго дождемъ. Гроза была тамъ, сзади ихъ, надъ лѣсомъ, а тутъ сіяло солнце, вздыхала степь, блестя трава въ брильянтахъ дождя и золотомъ сверкала рѣка... Былъ вечеръ, и отъ лучей заката рѣка казалась красной, какъ та кровь, что была горячей струей изъ разорванной груди Данко.

„Кинулъ взоръ впередъ себя на ширь степи гордый умирающій смѣльчакъ Данко,—кинулъ онъ радостный взоръ на развернувшуюся передъ нимъ свободную землю и засмѣялся гордо. А потомъ упалъ и умеръ.

„Тихо шептали удивленные деревья, оставшіяся позади, и трава, смоченная кровью Данко, вторила имъ.

„Люди же, радостные и полные надеждъ, не замѣтили смерти его и не видали, что еще пылаетъ рядомъ съ трупомъ Данко его смѣлое сердце. Только одинъ осторожный человѣкъ замѣтилъ это и, боясь чего-то, наступилъ на гордое сердце ногой... И вотъ оно, рассыпавшійся въ искры, угасло...”

— Вотъ откуда онѣ, голубыя искры степи, что являются передъ грозой!

Теперь, когда старуха кончила свою красивую сказку, въ степи стало страшно тихо, точно и она была поражена силой смѣльчака Данко, который сжегъ для людей свое сердце и умеръ, не прося у нихъ ничего въ награду себѣ. Прислонясь спиной къ корзинамъ съ виномъ, старуха дремала, изрѣдка вздрагивая. Я смотрю

рѣлъ на нее и думалъ: сколько еще сказокъ и воспоминаній осталось въ ея памяти? И думалъ о великомъ горящемъ сердцѣ Данко, о человѣческой фантазіи, создавшей столько красивыхъ и сильныхъ легендъ, о старинѣ, въ которой были герои и подвиги, и о печальномъ времени, бѣдномъ сильными людьми и крупными событіями, богатомъ холоднымъ недоверіемъ, смѣющимся надо всѣмъ, — жалкомъ времени мизерныхъ людей съ мертворожденными сердцами...

Дунулъ вѣтеръ и обнажилъ изъ-подъ лохмотьевъ сухую грудь старухи Изергиль, засыпавшей все крѣпче. Я прикрылъ ея старое тѣло и самъ легъ на землю около нея. Въ степи было тихо и темно. По небу все ползли тучи, медленно, скучно... Море шумѣло такъ глухо и печально. Старуха Изергиль крѣпко спала... Она могла не проснуться никогда больше.

ОДНАЖДЫ ОСЕНЬЮ...

РАЗСКАЗЪ БЫВАЛАГО ЧЕЛОВѢКА.

(1895.)

...Однажды осенью мнѣ привелось встать въ очень непріятное и неудобное положеніе: въ городѣ, куда я только-что пріѣхалъ и гдѣ у меня не было ни одного знакомаго человѣка,—я очутился безъ гроша въ карманѣ и безъ квартиры.

Продавъ въ первые дни все то изъ костюма, безъ чего возможно было обойтись, я ушелъ изъ города въ мѣстность, называемую „Устье“, гдѣ были пароходныя пристани и въ навигаціонное время кипѣла бойкая трудовая жизнь, а теперь было пустынно и тихо, ибо дѣло происходило въ послѣднихъ числахъ октября.

Шлепая ногами по сырому песку и упорно разглядывая его съ желаніемъ открыть въ немъ какіе ни суть остатки питательныхъ веществъ, я бродилъ одиноко среди пустыхъ зданій и торговыхъ ларей и думалъ о томъ, какъ хорошо быть сытымъ...

При данномъ состояніи культуры голодь души можно удовлетворить скорѣе, чѣмъ голодь тѣла. Вы бродите по улицамъ, васъ окружаютъ зданія, недурныя по внѣшности и—можно безошибочно сказать — недурно

обставленные изнутри—это можетъ возбудить у васъ отрадныя мысли объ архитектурѣ, о гигиенѣ и еще о многомъ другомъ мудромъ и высокомъ; вамъ встрѣчаются удобно и тепло одѣтые люди, — они вѣжливы, всегда сторонятся отъ васъ, деликатно не желая замѣчать печальнаго факта вашего существованія. Ей Богу, душа голоднаго человѣка всегда питается лучше и здоровѣе души сытаго,—вотъ положеніе, изъ котораго можно сдѣлать очень остроумный выводъ въ пользу сытыхъ!...

...Наступалъ вечеръ, шелъ дождь и съ сѣвера порывисто дулъ вѣтеръ. Онъ свистѣлъ въ пустыхъ ларяхъ и лавчонкахъ, билъ въ заколоченныя досками окна гостиницъ, и волны рѣки отъ его ударовъ пѣнились, шумно плескали на песокъ берега, высоко взметывая свои бѣлые хребты, и неслись одна за другой въ мутную даль, стремительно прыгая другъ черезъ друга... Казалось, что рѣка чувствовала близость зимы и въ страхъ бѣжала куда-то отъ оковъ льда, который могъ въ эту же ночь набросить на нее сѣверный вѣтеръ. Небо было тяжело и мрачно, съ него неустанно сыпались еле видныя глазомъ капельки дождя, и печальную элегію въ природѣ вокругъ меня подчеркивали двѣ обломанныя и уродливыя ветлы и опрокинутая вверхъ дномъ лодка у ихъ корней.

Опрокинутый чолнъ съ проломленнымъ дномъ и ограбленный холоднымъ вѣтромъ деревья, жалкія и старыя... Все кругомъ разрушено, безлюдно и мертво, а небо точить неизсякаемыя слезы. Пустынно и мрачно было вокругъ — казалось, все умираетъ, скоро останусь въ живыхъ я одинъ, и меня тоже ждетъ холодная смерть.

А мнѣ тогда было восемнадцать лѣтъ — хорошая пора!

Я ходилъ, ходилъ по холодному и сырому песку, выбивая зубами трели въ честь голода и холода, и вдругъ, въ тщетныхъ поискахъ съѣстнаго, зайдя за одинъ изъ

ларей,—увидать за нимъ скорченную на землѣ фигуру въ женскомъ платьѣ, мокромъ отъ дождя и плотно при- ставшемъ къ склоненнымъ плечамъ. Остановившись надъ ней, я всмотрѣлся въ то, что она дѣлала. Оказа- лось, она роетъ руками яму въ песокъ, подкапываясь подъ одинъ изъ ларей.

— Это зачѣмъ тебѣ?—спросилъ я, присаживаясь на корточки около нея.

Она тихо вскрикнула и быстро вскочила на ноги. Теперь, когда она стояла и смотрѣла на меня широ- ко раскрытыми сѣрыми глазами, полными боязни,—я ви- дѣлъ, что это дѣвушка моихъ лѣтъ, съ очень миловид- нымъ личикомъ, къ сожалѣнію, украшеннымъ тремя большими синяками. Это его портило, хотя синяки были расположены съ замѣчательной пропорціональностью— по одному, равной величины, подъ глазами и одинъ по- больше на лбу, какъ разъ надъ переносицей. Въ этой симметріи была видна работа артиста, очень изощри- вагося въ дѣлѣ порчи человѣческихъ фізіономій.

Дѣвушка смотрѣла на меня, и боязнъ въ ея глазахъ постепенно гасла... Вотъ она отряхнула руки отъ песка поправила ситцевый платокъ на головѣ, поежилась и сказала:

— Ты, чай, тоже ѣсть хочешь?... Ну-ка, рой... у меня руки устали. Тамъ,—она кивнула головой на ларь,— навѣрно хлѣбъ есть... а то и колбаса. Этотъ ларь тор- гуетъ еще...

Я сталъ рыть. Она же, немного подождавъ и посмот- рѣвъ на меня, присѣла рядомъ и стала помогать мнѣ...

Мы работали молча. Я не могу сказать теперь, по- мнилъ ли я въ тотъ моментъ объ уголовномъ кодексѣ, о морали и о собственности и прочихъ вещахъ, о ко- торыхъ, по мнѣнію многихъ свѣдущихъ людей, слѣ- дуетъ помнить во всѣ моменты жизни. Желая быть воз- можно ближе къ истинѣ, я долженъ признаться,—ка- жется, я былъ настолько углубленъ въ дѣло подкопа

подъ ларь, что совершенно позабылъ о всемъ прочемъ, кромѣ того, что могло оказаться въ этомъ ларѣ...

Вечерѣло. Тьма — сырая, мозглая, холодная — все болѣе сгущалась вокругъ насъ. Волны шумѣли какъ бы глуше, чѣмъ ранѣе, а дождь барабанилъ о доски ларя все звучнѣе и чаще... Гдѣ-то уже продребезжала трещотка ночного сторожа...

— Есть у него полъ или нѣтъ?—тихо спросила моя помощница. Я не понялъ, о чемъ она говоритъ, и промолчалъ...

— Я говорю—есть полъ у ларя? Коли есть, такъ мы напрасно ломаемся. Подроемъ яму,—а тамъ, можетъ, толстыя доски еще... Какъ ихъ отдерешь? Лучше замокъ сломать... замокъ-то плохонькій...

Хорошія идеи рѣдко посѣщаютъ головы женщинъ;—но, какъ вы видите, онѣ все-таки посѣщаютъ ихъ... Я всегда цѣнилъ хорошія идеи и всегда старался пользоваться ими по мѣрѣ возможности.

Найдя замокъ, я дернулъ его и вырвалъ вмѣстѣ съ кольцами... Моя соучастница мгновенно изогнулась и змѣей вильнула въ открывшееся четырехугольное отверстіе ларя. Оттуда раздался ея одобрительный возгласъ:

— Молодецъ!

Одна маленькая похвала женщины для меня дороже цѣлаго диаманта со стороны мужчины, будь онъ краснорѣчивъ, какъ всѣ древніе и новые ораторы, взятые вмѣстѣ. Но тогда я былъ настроенъ менѣе любезно, чѣмъ теперь, и, не обративъ вниманія на комплиментъ моей подруги, кратко и со страхомъ спросилъ ее:

— Есть что-нибудь?

Она монотонно принялась перечислять мнѣ свои открытія.

— Корзина съ бутылками... Мѣшки пустые... Зонтище... Ведро желѣзное.

Все это было не съѣдобно. Я чувствовалъ, что мои надежды гаснуть... Но вдругъ она оживленно крикнула:

— Ага! вотъ онъ...

— Кто?

— Хлѣбъ... Коровай... Только мокрый... Держи!

Къ ногамъ моимъ выкатился коровай и за нимъ она, моя доблестная подруга. Я уже отломилъ кусочекъ, засунулъ его въ ротъ и жеваль...

— Ну-ка, дай мнѣ... Да тоже отсюда надо и уходить. Куда бы намъ идти?—Она пытливо посмотрѣла во тьму на всѣ четыре стороны... Было темно, мокро, шумно...

— Вонъ тамъ лодка опрокинута... айда-ка туда?

— Идемъ!—И мы пошли, обламывая на ходу нашу добычу и набивая ею рты... Дождь усиливался, рѣка ревѣла, откуда-то доносился протяжный насмѣшливый свистокъ, — точно это нѣкто большой и никого не боящійся освистывалъ всѣ земные порядки, и этотъ скверный осенній вечеръ, и насъ, двухъ его героев... Сердце болѣзненно ныло отъ этого свиста; тѣмъ не менѣе я жадно ѣлъ, въ чемъ мнѣ не уступала и дѣвушка, шедшая съ лѣвой стороны отъ меня.

— Какъ тебя зовутъ?—зачѣмъ-то спросилъ я ее.

— Наташа!—кратко отвѣчала она, звучно чавкая.

Я посмотрѣлъ на нее—у меня больно сжалось сердце, я посмотрѣлъ во тьму впередъ меня и — мнѣ показалось, что проищеская рожа моей судьбы улыбается мнѣ загадочно и холодно...

...По дереву лодки неугомонно стучалъ дождь, и мягкій шумъ его наводилъ на грустные мысли, и вѣтеръ свистѣлъ, влетая въ проломленное дно — въ щель, гдѣ билась какая-то щепочка, билась и трещала безпокойнымъ и жалобнымъ звукомъ. Волны рѣки плескались о берегъ и звучали такъ монотонно и безнадежно, точно рассказывали о чемъ-то, невыносимо скучномъ и тяжеломъ, надѣвшемъ имъ до отвращенія, о

чемъ-то такомъ, отъ чего имъ хотѣлось бы убѣжать и о чемъ имъ все-таки необходимо говорить. Шумъ дождя сливался съ ихъ плескомъ, и надъ опрокинутой лодкой плавать какъ бы вздохъ — протяжный, безконечный, тяжелый вздохъ земли, обиженной и утомленной этими вѣчными смѣнами яркаго и теплаго лѣта—осенью холодной, туманной и сырой. И вѣтеръ все носился надъ пустыннымъ берегомъ и вспѣнной рѣкой, носился и пѣлъ унылыя пѣсни...

Помѣщеніе подъ лодкой было лишено какого-либо комфорта: въ немъ было тѣсно, сыро, въ пробитое дно сыпались мелкія, холодныя капли дождя... врывались струи вѣтра... Мы сидѣли молча и дрожали отъ холода. Мнѣ хотѣлось спать, помню. Наташа прислонилась спиной къ борту лодки, скорчившись въ маленькій комокъ. Обнявъ руками колѣни и положивъ на нихъ подбородокъ, она упорно смотрѣла на рѣку, широко раскрывъ свои глаза... на бѣломъ пятнѣ ея лица они казались громадными отъ спяяковъ подъ ними. Она не двигалась, и эта неподвижность и молчаніе — я чувствовалъ—постепенно родить во мнѣ страхъ предъ моею сосѣдкой... Мнѣ хотѣлось заговорить съ ней, но я не зналъ, съ чего начать.

Она заговорила сама.

— Экая окаянная жизнь!... — внятно, раздѣльно, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ тонѣ произнесла она.

Но это не была жалоба. Въ этихъ словахъ было слишкомъ много равнодушія для жалобы. Просто человекъ подумалъ, какъ умѣлъ, подумалъ и пришелъ къ извѣстному выводу, который и высказалъ вслухъ и на который я не могъ возразить, не противорѣча себѣ. Поэтому я молчалъ. А она, какъ бы не замѣчая меня, продолжала сидѣть неподвижно.

— Хотъ бы сдохнуть, что ли... — снова проговорила Наташа, на этотъ разъ тихо и задумчиво. И снова въ ея словахъ не звучало ни одной ноты жалобы. Видно было,

что человекъ, подумавъ про жизнь, посмотрѣлъ на себя и спокойно пришелъ къ убѣжденію, что для охраненія себя отъ издѣвательствъ жизни онъ не въ состояніи сдѣлать что-либо другое, кромѣ того, какъ именно „сдохнуть“.

Мнѣ стало невыразимо тошно и больно отъ такой ясности мышленія, и я чувствовалъ, что если буду молчать еще, то навѣрное заплачу... А это было бы стыдно предъ женщиной, тѣмъ болѣе, что вотъ она не плакала же. Я рѣшилъ заговорить съ ней.

— Кто это тебя избилъ?—спросилъ я, не придумавъ ничего умнѣе и деликатнѣе.

— Да все Пашка же... — ровно и громко отвѣтила она.

— А онъ кто?...

— Любовникъ... Булочникъ одинъ...

— Часто онъ тебя бьетъ?...

— Да какъ напьется, такъ и бьетъ... Часто!

И вдругъ, придвинувшись ко мнѣ, она начала рассказывать о себѣ, Пашкѣ и существующихъ между ними отношеніяхъ. Она—„дѣвица изъ гуляющихъ, которая“... — а онъ булочникъ съ рыжими усами и очень хорошо играетъ на гармоникѣ. Ходилъ онъ къ ней въ „заведеніе“, и ей очень понравился, потому что человекъ онъ веселый и одѣвается чисто. Поддевка въ пятнадцать рублей, и сапоги съ „наборомъ“ у него... По этимъ причинамъ она въ него влюбилась, и онъ сталъ ея „кредитнымъ“. А когда онъ сталъ ея „кредитнымъ“, то занялся тѣмъ, что отбиралъ у нея тѣ деньги, которыя ей давали другіе гости на конфекты, и напиваясь на эти деньги, сталъ бить ее, — это бы еще ничего, — а сталъ „путаться“ съ другими дѣвками на ея глазахъ...

— Али это мнѣ не обидно? Я не хуже другихъ прочихъ... Значить, это онъ издѣвается надо мной, подлецъ. Третьяго дня я вотъ отпросилась у хозяйки гулять,

пришла къ нему, а у него Дунька пьяная сидитъ. И онъ тоже подъ шефе. Я говорю ему: „подлецъ ты, подлецъ! Жуликъ ты!“ Онъ избилъ меня всю. И пинками, и за волосы — всячески.. Это бы еще ничего! А вотъ порвалъ всю... это какъ теперь? Какъ я къ хозяйкѣ явлюсь? Все порвалъ: и платье и кофточку—новенькая еще совсѣмъ... пятишницу дали за нее!... и платокъ сдернулъ съ головы... Господи! Какъ мнѣ теперь быть?—вдругъ взвыла она тоскующимъ, надорваннымъ голосомъ.

И вѣтеръ вылъ, становясь все крѣпче и холоднѣе... У меня снова зубы принялись танцевать. А она тоже ежилась отъ холода, придвинувшись настолько близко ко мнѣ, что я уже видѣлъ сквозь тьму блескъ ея глазъ...

— Какіе всѣ вы мерзавцы, мужчины. Растоптала бы я васъ всѣхъ, изувѣчила. Издыхай который изъ васъ... плюнула бы въ морду ему, а не пожалѣла! Подлая хари!... Канючите, канючите, виляете хвостомъ, какъ подлая собаки, а поддастся вамъ дура, и готово дѣло! Сейчасъ вы ее и подъ ноги себѣ... Шематоны паршивые...

Ругалась она очень разнообразно, но въ ругательствахъ ея не было силы: ни злобы, ни ненависти къ „паршивымъ шематонамъ“ не слышалъ я въ нихъ. Вообще тонъ ея рѣчи былъ несоответственно содержанию спокоенъ и голосъ грустно бѣденъ нотами.

Но все это дѣйствовало на меня сильнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ пессимистическихъ книгъ и рѣчей, которыхъ я слышалъ немало и раньше, и позднѣе, и по сей день слышу и читаю. И это потому, видите ли, что агонія умирающаго всегда гораздо естественнѣе и сильнѣе самыхъ точныхъ и художественныхъ описаній смерти.

Мнѣ было скверно,—навѣрное, больше отъ холода, чѣмъ отъ рѣчей моей сосѣдки по квартирѣ. Я тихонько застоналъ и заскрипѣлъ зубами.

И почти въ то же мгновеніе ощутилъ на себѣ двѣ холодныя маленькія руки,—одна изъ нихъ коснулась моей шеи, другая легла мнѣ на лицо и вмѣстѣ съ тѣмъ прозвучалъ тревожный, тихій, ласковый вопросъ:

— Ты что?

Я готовъ былъ подумать, что это спрашиваетъ меня кто-то другой, а не Наташа, только-что заявившая, что всѣ мужчины мерзавцы и желавшая всѣмъ имъ гибели. Но она заговорила уже быстро и торопливо...

— Что ты? а? Холодно что ли? Смерзаешь? Ахъ ты какой! Сидить и молчить... какъ сычъ! Да ты бы давно сказалъ мнѣ, что холодно, молъ... Ну... ложись на землю... протягивайся... и я лягу... вотъ! Теперь обнимай меня руками... крѣпче... Ну вотъ, и должно быть тебѣ тепло теперь... А потомъ—спинами другъ къ другу ляжемъ... Какъ-нибудь скоротаемъ ночь-то... Ты что, запилъ что ли? Съ мѣста прогнали?... Ничего!...

Она меня утѣшала... Она меня ободряла...

Будь я трижды проклятъ! — Сколько было провіи надо мной въ этомъ фактѣ! Подумайте!—Вѣдь я въ то время былъ серьезно озабоченъ судьбами человѣчества, мечталъ о реорганизациіи соціального строя, о политическихъ переворотахъ, читалъ разныя дьявольски-мудрыя книги, глубина мысли которыхъ, навѣрное, недосягаема была даже для авторовъ ихъ,—я въ то время всячески старался приготовить изъ себя „крупную общественно-активную силу“. Мнѣ казалось даже, что отчасти я уже выполнилъ мою задачу; во всякомъ случаѣ въ то время я въ представленіяхъ о себѣ самомъ уже доходилъ до признанія за собой исключительнаго права на существованіе, какъ за величиной для жизни необходимой и вполне способной сыграть въ ней крупную историческую роль! И меня-то согрѣвала своимъ тѣломъ продажная женщина, несчастное, избитое, загнанное существо, которому нѣтъ мѣста въ жизни и нѣтъ цѣны, и которому я не догадался помочь раньше,

чѣмъ она мнѣ помогла сама, а если бъ и догадался, то едва ли бы сумѣлъ дѣйствительно помочь ей чѣмъ-либо.

Ахъ, я готовъ былъ думать, что все это происходитъ со мной во снѣ, въ неслѣпомъ снѣ, въ тяжеломъ снѣ...

Но, увы! мнѣ нельзя было этого подумать, ибо на меня сыпались холодныя капли дождя, крѣпко къ моей груди прижималась теплая грудь женщины, въ лицо мнѣ вѣяло ея теплое дыханіе, хотя и съ легонькимъ букетомъ водки... но—такое живительное... Вылъ и стоналъ вѣтеръ, стучалъ дождь о лодку, плескались волны, и оба мы, крѣпко сжимая другъ друга, все-таки дрожали отъ холода. Все это было вполнѣ реально, и я увѣренъ, никто не видалъ такого тяжелого и сквернаго сна, какъ эта дѣйствительность.

А Наташа все говорила о чемъ-то, говорила такъ ласково и участливо, какъ только женщины могутъ говорить. Подъ вліяніемъ ея рѣчей, наивныхъ и ласковыхъ, внутри меня тихо затеплился нѣкій огонекъ, и отъ него что-то растаяло въ моемъ сердцѣ.

Тогда изъ моихъ глазъ градомъ полились слезы, смывшія съ сердца моего много злобы, тоски, глупости и грязи, накупѣвшей на немъ предъ этой ночью... Наташа же уговаривала меня:

— Ну, полно, миленькій, не реви! Полно! Богъ дастъ, поправишься, опять на мѣсто поступишь... и все такое...

И все цѣловала меня... много, безъ счета, горячо...

Эти были первые женскіе поцѣлуи, преподнесенные мнѣ жизнью, и это были лучшіе поцѣлуи, ибо всѣ послѣдующіе страшно дорого стоили и рѣшительно ничего не давали мнѣ.

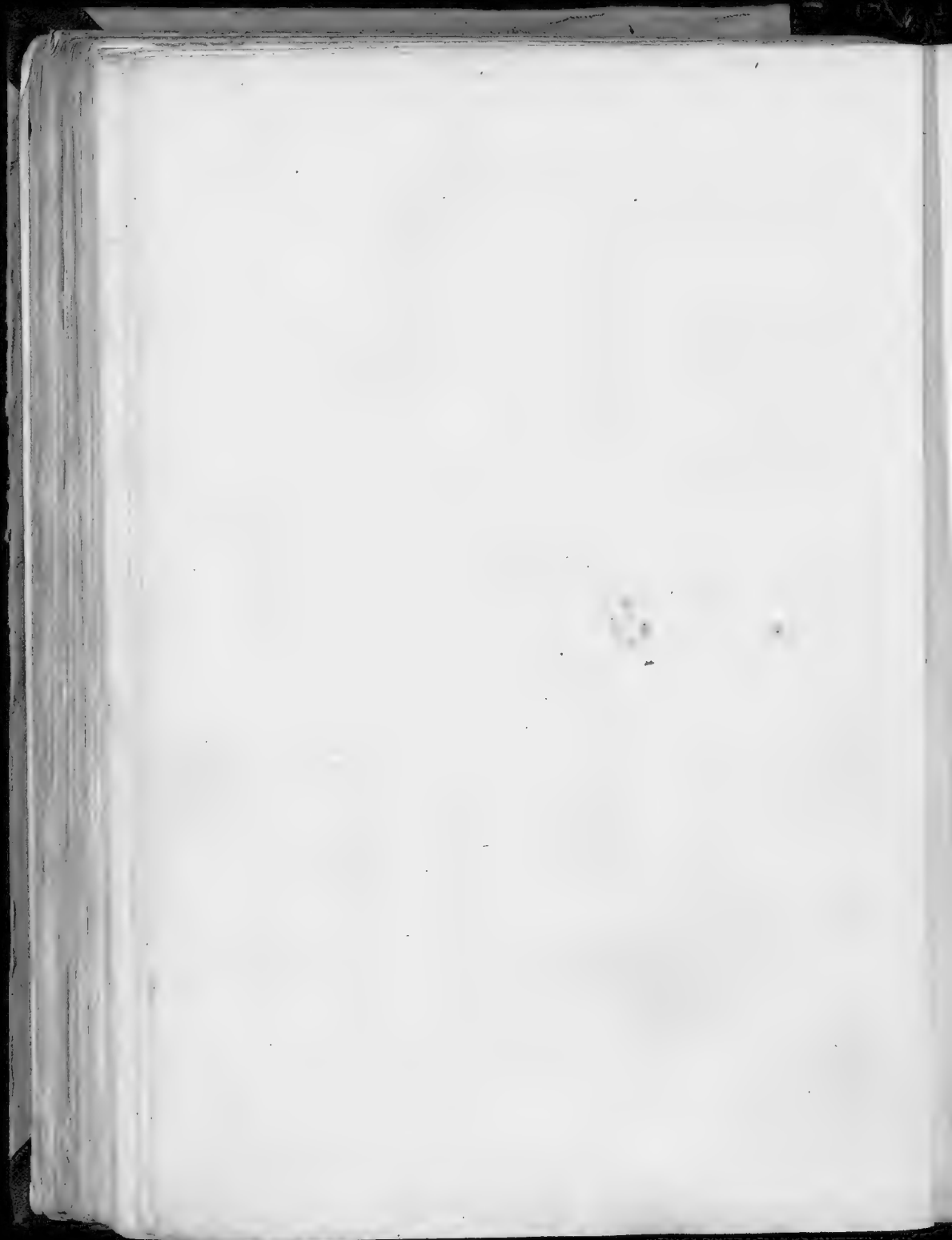
— Ну, не реви же, чудакъ! Я тебя завтра устрою, коли тебѣ некуда дѣваться...—какъ сквозь сонъ слышалъ я тихій, убѣдительный шопоть...

...До разсвѣта мы лежали въ объятіяхъ другъ друга...

А когда разсвѣло, вытѣзли изъ-подъ лодки и пошли въ городъ... Потомъ дружески простились и болѣе не встрѣчались никогда, хотя я съ полгода разыскивалъ по всѣмъ трущобамъ эту милую Наташу, съ которой провелъ описанную мною ночь однажды осенью...

Если она уже умерла—какъ это хорошо для нея!—въ мирѣ да почиетъ! А если жива—миръ душѣ ея! И да не проснется въ душѣ ея сознаніе паденія... ибо это было бы страданіемъ излишнимъ и безплоднымъ для жизни...

О Ш И Б К А.

(эпизодъ).

(1895.)

Сельскій учитель не у дѣлъ, Кирилль Ивановичъ Ярославцевъ, опершись локтями о столъ и туго сжавъ виски ладонями, смотрѣлъ тупыми глазами на разсыпанныя передъ нимъ статистическія карточки и пытался выдать изъ своихъ утомленныхъ работой мозговъ представленіе о томъ, что же надлежитъ теперь дѣлать съ этими четырехугольными листами бумаги?

Это никакъ не удавалось ему. Въ головѣ глухо шумѣло, и ему казалось, что она налита чѣмъ-то густымъ и тяжелымъ, что больно давитъ изнутри на глаза, стремясь излиться наружу. Цифры съ карточекъ то вдругъ исчезали, то появлялись и снова холодно и сухо свѣдѣтельствовали о чемъ-то; то уменьшались до крохотныхъ, неясныхъ каракулекъ; то вдругъ вырастали въ крупныя, странныя и поджарыя фигуры. Кирилль Ивановичъ слѣдилъ за ихъ игрой и чувствовалъ, что въ немъ, гдѣ-то глубоко, вырастаетъ и формируется тяжелая и беспокойная мысль. Она еще была неясна ему, но она непременно появится, и тогда ему будетъ еще хуже и больнѣе, чѣмъ теперь.

Послѣднее время его стали все чаще и чаще преслѣдовать эти мысли, гнетущія душу, окрашивающія

все въ темный цвѣтъ — нѣчто вродѣ осеннихъ тучъ, такія же сырыя и холодныя, оставлявшія за собой на душѣ ржавчину тоски и тупого равнодушія ко всему. Было что-то роковое въ этой медленности, съ которой онѣ формировались въ сознаніи, и никогда и ничѣмъ ему не удавалось задержать ихъ ростъ и развитіе. Онѣ дѣлалъ такія попытки: вставалъ изъ-за стола, ходилъ по комнатѣ и пѣлъ или шелъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, но онѣ заглушали пѣсню и всюду ползли за нимъ, не оставляя его и внѣ дома.

Сначала онѣ упорно боролся съ ними, но потомъ увидалъ, что эта борьба не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій, кромѣ утомленія души, и всегда ведетъ къ тому, что онѣ давятъ его сильнѣе, становясь сами образиѣе и ярче отъ его сопротивленія имъ. Тогда онѣ уступалъ, и ужъ если чувствовалъ, что вотъ онѣ идутъ, то прямо ложился на диванъ и, заложивъ руки подъ голову, безъ борьбы отдавалъ себя во власть имъ.

Такъ оставался онѣ часа по два, по три, а иногда и по цѣлымъ ночамъ, какъ бы расколотый на двѣ части, при чемъ одна, отъ времени становившаяся все меньше, жалобно и беспомощно слѣдила за другой, которую овладѣли эти тяжелыя думы, перетиравшія, подобно жерновамъ, все хорошее и свѣтлое, что есть въ жизни, и все, чѣмъ надѣляется ее мечта, въ сухую, безцвѣтную пыль.

Онѣ лежалъ, упорно глядя въ потолокъ да слушая бѣненіе своего сердца и звукъ маятника часовъ въ комнатѣ квартирной хозяйки. Такъ-такъ! такъ-такъ! — мѣрно билъ маятникъ и точно подтверждалъ своимъ увѣреннымъ и твердымъ звукомъ справедливость того, что навязывали думы сознанію Кирилла Ивановича. Наконецъ, онѣ привыкъ къ нимъ, какъ больной къ своимъ припадкамъ, зналъ, что онѣ неотвратимы, и только чувствовалъ смутный страхъ, когда онѣ давали знать о

томъ, что идти на него. Потомъ этотъ страхъ временно исчезалъ, подавленный ихъ работой, и вдругъ черезъ нѣкоторое время являлся снова.

Но онъ являлся уже въ новой формѣ—въ формѣ тоскливой, чего-то ожидающей, неотвязной боязни, которая все возрастала и все напряженнѣе ждала какого-то страшнаго факта. Кириллу Ивановичу казалось, что вотъ появится нѣчто суровое и торжествующее, появится, встанетъ у дивана и, грозя, ехидно скажетъ:

— А вѣдь я вижу, о чемъ вы это думаете. Вижу. Я все вижу; самодѣйствительнѣйшій изгибъ вашего мозга мнѣ ясенъ. Какъ же вы рѣшаетесь думать о томъ, что не подлежитъ вѣдѣнію вашему,—вѣдѣнію человека, къ жизни непрічастнаго и отъ нея отторгнутаго, а? Какъ же это вы, государь мой? А вы знаете, что за это васъ можно...—и онъ покажетъ, что за „это“ можно сдѣлать съ человекомъ.

Представляя себѣ такую картину, Кириллъ Ивановичъ вздрагивалъ и жалобно смотрѣлъ на дверь.

Дверь была тоненькая и хлипкая, а крючокъ проводочный. Отъ посѣщенія этого всезнающаго существа она не оградитъ и ничто не оградитъ отъ его посѣщенія. Кириллу Ивановичу казалось, что оно проникло бы и сквозь каменные стѣны. И въ ожиданіи его онъ страдалъ, вздрагивая при каждомъ шумѣ и подозрительно присматриваясь къ каждому незнакомому человеку,—страдалъ и чувствовалъ, что эта тоскливая боязнь съ каждымъ своимъ возрожденіемъ становится все сильнѣе и охватываетъ его все крѣпче, и вотъ-вотъ она возрастетъ, поглотитъ его... и тутъ ужъ воображеніе останавливалось передъ чѣмъ-то темнымъ и полнымъ леденящаго душу ужаса.

— Какъ избавиться отъ всего этого?—думалъ Кириллъ Ивановичъ въ болѣе свѣтлые моменты, и отвѣчалъ себѣ:—Подчиниться. Пусть оно совершенно охватитъ меня, и тогда я перестану его чувствовать...

И въ этотъ разъ онъ тоже хотѣлъ было лечь на диванъ, но вдругъ услыхалъ торопливый скрипъ двери за своею спиной, быстрые шаги и утомленный голосъ:

— Вы дома? Ну, наконецъ, нашелъ одного!.. Ф-фу!

Кирилль Ивановичъ обернулся на стулѣ и увидалъ одного изъ знакомыхъ статистиковъ, котораго въ бюро прозвали Минорнымъ. Онъ сѣлъ на стулѣ и, держа въ одной рукѣ бѣлую фуражку, другою вытиралъ со лба крупный потъ. Лицо у него было блѣдно и измято, глаза воспалены и весь онъ производилъ впечатлѣніе человѣка крайне уставшаго.

Кирилль Ивановичъ подошелъ къ нему и крѣпко молча, съ удовольствіемъ пожалъ ему руку. Этотъ человѣкъ своимъ появленіемъ отдалялъ приступъ думъ.

— Бѣгать по жарѣ, какъ сумасшедшій,—никого!— говорилъ Минорный, иначе—Петръ Васильевичъ Бабкинъ, съ неудовольствіемъ поджимая губы и, зажавъ глаза, первно провелъ по нимъ пальцемъ, какъ бы смахивая съ рѣсницъ что-то.

— А кого вамъ нужно?—хотѣлъ спросить Кирилль Ивановичъ, но не успѣлъ.

— Вотъ видите что... вы только, пожалуйста, не отказывайтесь... потому что я больше не могу ужъ. Двѣ ночи напролетъ возился, будетъ! Это свинство со стороны Ляхова и всѣхъ другихъ... Да, вѣдь я не сказать вамъ, въ чемъ дѣло... Этотъ... какъ его?... Кравцовъ! Сошеть съ ума... да. Третій день вотъ... Все, знаете, говорить, говорить, чортъ не разберетъ, что такое! Впрочемъ, иногда очень сознательныя и умныя вещи. Ну, такъ вотъ... я былъ при немъ кряду два дня и больше не могу... Страшно усталъ. Онъ буетъ, если ему противорѣчить, лѣзетъ драться, а давать ему волю нельзя. Ерундить страшно! Началъ мазать стѣны ваксой... Раздѣлся до-нага и давай себѣ чистить щеткой голую грудь. Воображаетъ себя гениемъ добра и дерется. Смѣшно и жалко... И утомительно. Бываетъ докторъ. Хлопочуть о

помѣщеніи въ больницу, но все такъ медленно. А главное, возмутительно формальны и черствы мы всѣ! Приходятъ, знаете, посмотреть на него въ дверную щель, посочувствуютъ и удержатъ. Всѣмъ некогда, у всѣхъ какія-то дѣла явились. Я больше не могу, увѣряю васъ! Пойдите вы, голубчикъ, а? Тамъ теперь Лыжинъ... Вы, я знаю, мало знакомы были съ этимъ несчастнымъ; но развѣ это теперь не все равно? Не такъ ли? Вы пойдете?

— Да, я... конечно. Я могу... хоть сейчасъ!—медленно протянулъ Кириллъ Ивановичъ.

— Именно сейчасъ!—внушительно и торопливо воскликнулъ Минорный и пояснилъ:—Этотъ Лыжинъ и остался тамъ только на условіи, что его часа черезъ два смѣнять... Вотъ и прекрасно... идите-ка! Вы сильный, вамъ это будетъ не трудно. И какъ это я не догадался давеча прямо къ вамъ махнуть?... Не измаялся бы такъ... Ну, такъ вы идете?

— Хорошо... идемте.

Минорный поднялся со стула, быстрымъ жестомъ бросилъ себѣ на голову фуражку, поправилъ ее и, отворивъ дверь, оглянулся на Кирилла Ивановича.

Послѣдній задумчиво и медленно натягивалъ на себя пальто, закусивъ нижнюю губу и упорно глядя на ноги Минорнаго.

— Знаете что, Ярославцевъ?—живо заговорилъ тотъ.—Вѣдь вамъ извѣстна его квартира? Такъ идите, милый, одинъ, а я домой прямо, а? Хорошо? Ну, и спасибо! Не повѣрите, ну, чортъ знаетъ, до чего я...

Но заключительныхъ словъ его фразы Кириллъ Ивановичъ уже не слыхалъ—Минорный унесъ ихъ съ собою въ глубь сѣней, и тамъ они были заглушены тонкимъ, возбуждавшимъ нервы Кирилла Ивановича визгомъ двери. Отъ этого визга онъ вздрогнулъ, скорчилъ болѣзненную гримасу и опустился на стулъ, побужденный къ этому гнетущею тяжестью, упавшею на него изъ сообщенія Минорнаго о печальномъ фактѣ.

Какъ только Минорный сказалъ фамилію Кравцова, Кирилль Ивановичъ воспроизвелъ передъ собой фигуру человѣка средняго роста, сухого, угловатаго, нервнаго, съ черными, всегда вздрагивавшими усами и съ горящимъ, блуждающимъ взглядомъ миндалевидныхъ черныхъ же глазъ. По морщинистому бѣлому лбу этого человѣка странно двигались густыя брови, то вползая къ жесткимъ, ершистымъ волосамъ, то вдругъ спрыгивая внизъ и совершенно закрывая впадины глазъ. Въ разговорѣ онъ иногда удерживалъ одну бровь—лѣвую, прижимая ее длиннымъ пальцемъ лѣвой же руки; это не мѣшало другой брови вползать къ волосамъ, и тогда все лицо говорившаго перекашивалось и принимало мучительно-острое выраженіе напряженнаго желанія проникнуть куда-то недосыгаемо для другихъ, глубоко, и постичь что-то непостижимое никому. Глаза же въ это время метали искры, и въ нихъ было цѣлое море не то тоски, не то мучительнаго восторга.

Давно уже всѣ считали его человѣкомъ ненормальнымъ, и онъ каждый день подтверждалъ такой взглядъ на себя, высказывая сегодня желаніе учиться математикѣ, чтобы постичь тонкости астрономіи; завтра—уйти въ деревню, чтобы обрести тамъ равновѣсіе души; уѣхать въ Америку и бродить тамъ въ степяхъ, конвоируя гурты скота; поступить на фабрику, чтобы развивать среди рабочихъ теоріи социализма; учиться музыкѣ, ремеслу, рисованію. Необходимость для себя всего этого онъ доказывалъ всегда увѣренно и ясно, а если его оспаривали—съ бѣшеною горячностью. Главнымъ источникомъ своихъ желаній онъ выставлялъ чувство само-сохраненія.

— „Ничего не дѣлая, погибнешь черезчуръ глупо для человѣка. Всѣ скоты дѣлаютъ нѣчто, я же человѣкъ и долженъ творить!“—вспомнилъ Кирилль Ивановичъ двѣ его фразы. Принято было называть его „метафизикомъ“ за такія и другія въ этомъ же родѣ рѣчи. Онъ никогда

не умѣлъ привести строго-логическихъ доводовъ въ пользу того или другого изъ своихъ воззрѣній, поступковъ, желаній и всегда отдѣлывался краткими афоризмами въ догматическомъ тонѣ, и за пристрастіе къ такимъ афоризмамъ считался человѣкомъ, живущимъ, прежде всего, для громкаго слова. Къ нему привыкли и не обращали на него особеннаго вниманія. Ляховъ—очень образованный и умный человѣкъ, крупный чиновникъ въ акцизѣ—говорять, любилъ его и считалъ за талантливаго человѣка, но безъ почвы и равновѣсія психическихъ ресурсовъ съ желаніями. Кирилль Ивановичъ тоже не обращалъ на него вниманія и, встрѣчаясь съ нимъ, никогда не пытался ясно представить себѣ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, вполне полагаясь на чуткость и вѣрность взгляда тѣхъ людей, которые дали Кравцову эпитетъ ненормальнаго и психопата.

Но теперь этотъ Кравцовъ вдругъ сталъ мучительно интересенъ. Дней пять тому назадъ Кирилль Ивановичъ вмѣстѣ съ нимъ катался въ лодкѣ, говорилъ и ничего особеннаго не замѣтилъ за нимъ. Кажется, онъ былъ даже меньше возбужденъ, чѣмъ обыкновенно. И вотъ этотъ-то самый человѣкъ сошелъ съ ума. А тогда они сидѣли въ лодкѣ рядомъ, и онъ своимъ отрывистымъ стилемъ, но вѣско и вполне ясно для него, Кирилла Ивановича, доказывалъ, что демонизмъ, символизмъ и инныя болѣзненные формы мысли есть бѣшеная, но необходимая реакція противъ распространенія матеріализма, и что кредитъ матеріализма скоро и непременно будетъ подорванъ въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей. Кирилль Ивановичъ снова вспомнилъ металлически-звенѣвшія фразы:

— „Причина современнаго шатанія мысли—въ оскудѣніи идеализма. Тѣ, что изгнали изъ жизни весь романтизмъ, раздѣли насъ до-нага; вотъ отчего мы стали другъ къ другу сухи, другъ другу гадки. Еще мы не настолько психически окрѣпли, чтобъ безъ вреда для себя до конца

выслушивать правду. Кто знает, может быть, высшая истина не только невыгодна, но и прямо-таки вредна нам?

— „А что же теперь говорить этот человек,—теперь, когда он сумасшедший? И что такое быть сумасшедшим?“

Кирилль Ивановичъ вспомнилъ, что кто-то опредѣлилъ сумасшествіе, какъ преобладаніе дѣятельности какого-нибудь одного изъ свойствъ психики надъ всѣми другими, а еще кто-то—какъ пораженіе памяти какимъ-либо однимъ фактомъ или мыслью.

Ему представилась внутренность какого-то пружиннаго механизма: массы спиральныхъ пружинъ сокращаются и расширяются, взаимно сообщая другъ другу силу и движеніе, и изъ этого движенія рождается мысль. Вдругъ одна изъ пружинъ почему-то начинаетъ сокращаться сильнѣе другихъ—полная путаница среди остальныхъ, пока онѣ не возьмутъ новаго такта или пока она не возьметъ стараго такта. Или вдругъ въ ихъ систему вторгается извнѣ нѣчто тяжелое, поражающее, и падаетъ какъ разъ на ту пружину, что записываетъ прошедшее, и вотъ она, пораженная ударомъ, не можетъ ужъ больше отмѣтить чего-либо иного и вѣчно пишетъ одну и ту же мысль, воспроизводитъ одно и то же явленіе.

— „Все это очень просто и очень жалко. Зачѣмъ нужно, чтобъ человекъ сходилъ съ ума? Развѣ на его долю мало всѣхъ иныхъ болѣзней и несчастій?“ — подумалъ Кирилль Ивановичъ, и вспомнилъ, что вѣдь ему нужно идти туда, къ больному.

Но онъ не всталъ и не пошелъ, а продолжалъ думать, сидя на стулѣ, въ пальто и фуражкѣ.

— „Да... такъ вотъ я пойду къ нему. Приду. Нужно будетъ что-нибудь сказать ему. Что же? Сказать ему такъ: „Ахъ, братъ, какъ ты дурно поступилъ, сойдя съ ума!“—это будетъ очень глупо. И потому я не знаю, насколько это дурно, что человекъ сошелъ съ ума.

Можетъ быть, это даже хорошо. Если это—полное подчиненіе идеѣ, то это не можетъ быть дурно. А вдругъ онъ сталъ теперь гениемъ?... Вѣдь было доказано, что гении—сумасшедшіе. Никто не разсказалъ, какъ создаются гении. Можетъ быть, сходя съ ума, т.-е. отдаваясь въ рабство идеѣ или порабощая идею...

Кириллъ Ивановичъ ощущалъ въ себѣ желаніе повторять каждое слово по нѣскольку разъ, но почему-то боялся дѣлать это. Слова казались ему разноцвѣтными пятнами, вродѣ легкихъ облаковъ, разсѣянныхъ въ безграничномъ пространствѣ. Онъ летаетъ за ними, ловить ихъ и сталкиваетъ другъ съ другомъ; отъ этого получается радужная полоса, которая и есть мысль. Если ее вобрать въ себя вмѣстѣ съ воздухомъ и затѣмъ выдохнуть, то она зазвучитъ и отъ этого получается рѣчь.

— „Однако, какъ это все просто!“—и онъ довольно засмѣялся.—„Декаденты — тонкіе люди. Тонкіе и острые, какъ иглы, — они глубоко вонзаются въ неизвѣстное“, — съ удовольствіемъ, щелкнувъ пальцами, произнесъ онъ.

Дверь отворилась и въ отверстіе просунулась голова квартирной хозяйки.

— Сидитъ одѣтый и смѣется, и разговариваетъ самъ съ собой... Тоже занятіе! Самоваръ подавать, али уходите куда?

Хозяйка говорила ворчливо, а смотрѣла ласково. Глаза у нея были маленькіе, но живые; отъ нихъ къ вискамъ легли складки тонкихъ морщинокъ, и это придавало имъ улыбающійся блескъ.

Отъ ея рѣчи Кириллъ Ивановичъ почувствовалъ себя какъ бы только- что возвратившимся откуда-то и очень утомленнымъ.

— Самоваръ? Нѣтъ... не надо!—и онъ махнулъ рукой.— Я уйду... можетъ быть, до утра. Знаете, одинъ мой знакомый сошелъ съ ума. Какъ вы полагаете, это что такое?

— Чтой-то, Господи! Одинъ недавно пристрѣлился, другой сошелъ съ ума... ну, дружки у васъ!... ай-ай!... Что такое—говорите? Извѣстно что—Божья воля.

— Божья воля? — задумчиво произнесъ Кирилль Ивановичъ и зачѣмъ-то снялъ съ головы фуражку. — Это странно, знаете... очень странно... да!

— Который это сошелъ, русый, трепанный, въ сѣрыхъ штанахъ, или тотъ—веселый, въ золотомъ песнѣ?—спросила хозяйка.

На ея толстомъ, морщинистомъ лицѣ и въ тонѣ ея вопроса звучало много жалости, отчего Кириллу Ивановичу стало грустно.

— Нѣтъ, не эти, а знаете — черный, въ крылаткѣ, съ тростью и съ прыгающими бровями, — серьезно и тихо отвѣчалъ Кирилль Ивановичъ и почувствовалъ, что у него щекочетъ въ горлѣ и на глазахъ навертываются слезы.

— Не примѣтила такого. Видно, рѣдко бывалъ, не встрѣчала. Идите-инъ. Да долго-то не надо тамъ торчать... Самъ-то вонъ какой желтый сталъ! — сурово говорила хозяйка.

Кирилль Ивановичъ снова надѣлъ фуражку, всталъ и молча пошелъ изъ комнаты, полный грустнаго чувства и утомленія.

— Дверь-то заprite!—крикнула вслѣдъ ему хозяйка.

— Не надо! — печально кивнулъ онъ головой.

Было уже около шести часовъ вечера, но июльскій зной еще не спалъ—имъ дышали и камни мостовой, и стѣны зданій, и безоблачное небо. Пыльные листья деревьевъ, перевѣшиваясь черезъ заборы, не шелестѣли; все было неподвижно и казалось напряженнымъ и ожидающимъ какого-то толчка.

Изъ открытыхъ оконъ бѣлаго дома на Кирилла Ивановича хлынула волна растрепанныхъ и негармоничныхъ звуковъ рояля; они безтолково запрыгали въ воздухѣ надъ его головой; онъ вздрогнулъ, остановился

и оглянулся вокругъ, какъ бы желая посмотрѣть, что сдѣлается съ улицей отъ этого шума. Но все оставалось неподвижнымъ, а звуки уже исчезли такъ же бессмысленно, какъ и явились. Точно это рояль самъ встряхнулъ всѣми своими струнами изъ желанія нарушить знойную тишину, встряхнулъ и разслабленно умолкъ.

— „Какъ кратко и печально бытіе звука!“—мелькнула у Кирилла Ивановича посторонняя мысль, и, какъ бы въ видѣ эха ея, въ немъ разлилось острое желаніе взять высокимъ фальцетомъ нѣсколько переливчатыхъ нотъ а-о-э-о-а! — какъ это дѣлаютъ пѣвцы изъ народа. Но онъ подавилъ въ себѣ это желаніе и пошелъ дальше, наклонивъ голову подъ наплывомъ стаи новыхъ мыслей и стараясь формировать ихъ въ слова, сообразно съ тактомъ шаговъ. Отъ этого каждое слово раздавалось гдѣ-то внутри его, какъ ударъ въ большой барабанъ. Эти думы въ тактъ шаговъ вызывали за собой ощущеніе пріятной легкости и пустоты въ груди, въ животѣ, во всемъ тѣлѣ. Казалось, что мускулы растаяли отъ жары и остались только тонкіе, упругіе нервы, настроенные меланхолически-спокойно, но выжидательно, какъ и все кругомъ.

— „О чемъ онъ теперь говоритъ и какъ думаетъ?—размышлялъ Кириллъ Ивановичъ о Кравцовѣ.—И что я съ нимъ буду дѣлать? Понимать его, навѣрно, нельзя... Зачѣмъ же я при немъ буду?... И съ какими моральными фондами? Съ любопытствомъ? Или мнѣ его жалко, или такъ, по обязанности?... Сумасшествіе—это почти смерть. Если онъ еще не совсѣмъ сошелъ съ ума, то я буду присутствовать при его агоніи. Замѣчательно, почему человѣкъ возбуждаетъ къ себѣ больше вниманія, когда онъ погибаетъ, а не тогда, когда онъ здоровъ и въ безопасности? Иногда мы при жизни совершенно не замѣчаемъ человѣка, нимало не интересуемся имъ, и вдругъ, услыхавъ, что онъ при смерти или померъ уже, жалѣемъ,

говоримъ о немъ... Точно смерть или ея приближеніе сближаютъ и насъ другъ съ другомъ. Тутъ, навѣрное, есть глубокий смыслъ... Если только тутъ нѣтъ крушiной лжи, изстари привычной намъ и поэтому незамѣтной для насъ. А можетъ, наблюдая чужую гибель, мы вспоминаемъ о необходимости погибнуть и самимъ намъ и вотъ жалѣемъ себя въ лицѣ другого. Въ этомъ есть нѣчто хитрое и, пожалуй, постыдное... А впрочемъ, и все обыденное въ этой жизни—хитрое и постыдное... А вотъ сожалѣніе—жестоко... Жалость и жестокость!... Да вѣдь это два совершенно однородныя слова!... Удивительно, какъ это до сей поры никто не замѣчалъ, что это—синонимы по смыслу! Надо написать объ этомъ статью... Пусть одною ошибкой будетъ меньше“.

√Параллельно съ своимъ открытіемъ, Кирилль Ивановичъ возстановилъ въ памяти нѣкоторый случай изъ своей жизни въ деревнѣ. Какъ-то разъ у одного изъ крестьянъ упала въ оврагъ тѣлка и сломала себѣ обѣ переднія ноги. Чуть не вся деревня сбѣжалась смотрѣть на нее... А она, такая жалкая, лежала на днѣ оврага и, жалобно мыча, смотрѣла на всѣхъ большими влажными глазами и все пыталась встать, но снова падала. Толпа стояла вокругъ нея и больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ состраданіемъ, наблюдала за ея движеніями и слушала ея стоны. И онъ тоже смотрѣлъ, хотя это было не интересно и очень грустно. Вдругъ откуда-то появился кузнецъ Матвѣй, высокій, черный, суровый и выпачканный углями. Рукава у него были засучены и въ одной рукѣ онъ держалъ тяжелую полосу желѣза. Вотъ онъ обвелъ всѣхъ строгимъ, тяжело укоряющимъ взглядомъ черныхъ глазъ, посмотрѣлъ и на него, Кирилля Ивановича, и, нахмуривъ брови и вдругъ качнувъ головой, громко сказалъ:

— Дураки! чѣмъ любуетесь?

А потомъ взмахнулъ своею желѣзиной и ударилъ тѣдку по головѣ. Ударъ прозвучалъ глухо и мягко, но

черепъ все-таки раскололся, и это было очень страшно. Тёлка больше не мычала и не жаловалась на боль своими большими и влажными глазами... А Матвѣй вытеръ кровь со своего оружія о землю и спокойно ушелъ.

— „Вотъ онъ какъ жалѣлъ, этотъ Матвѣй! Можетъ быть, онъ такъ же бы поступилъ и съ человѣкомъ безнадёжно больнымъ. Морально это или не морально? Во всякомъ случаѣ это сильно, прежде всего сильно, и потому оно морально и хорошо. Я люблю хорошее, и это—морально; я слабъ—и, значитъ, я хорошъ! Вотъ какъ!...“

— Ярославцевъ! Стойте, вы куда?—раздался звучный окрикъ.

Кирилль Ивановичъ вздрогнулъ и оглянулся. На крыльцѣ хорошенькаго домика стоялъ Лыжинъ, засунувъ руки въ карманы, и улыбался. Тогда Кирилль Ивановичъ сообразилъ, что вѣдь тутъ именно и живетъ Кравцовъ.

— Я къ вамъ... то-есть къ нему...

— Ага! Ну, вотъ спасибо, что поторопились, а то у меня, знаете, работищи безъ конца, и все спѣшно. Нигда не выхожу даже. Это вотъ Минорный вытаскиваетъ меня, соскучившись слушать премудрости Кравцова. Все, знаете, говорить! Только сейчасъ задремалъ. Докторъ опредѣлилъ, что пока все это не опасно, просто сильное нервное возбужденіе—только; по-моему—тоже. Говоритъ онъ, право, не безсмысленнѣе, чѣмъ всегда говорилъ, но вотъ много черезчуръ—это такъ. Ну, такъ вы мнѣ позвольте улетучиться. Прилетъ, навѣрное, Ляховъ; скажите ему: докторъ былъ и рекомендовалъ кали, кали и кали... До свиданія.

Онъ протянулъ Ярославцеву руку, тотъ молча стиснулъ ее и, задержавъ въ своей рукѣ, шопотомъ спросилъ:

— Отчего это онъ, по-вашему?

— Отчего? Гмъ... Какъ это скажешь? Знаете, всегда вѣдь онъ былъ съ зайцемъ въ головѣ... Навѣрное, дацъ

рѣшительный толчокъ... Какой? Кто знаетъ? Развѣ Ляховъ...

Кириллъ Ивановичъ во время рѣчи Лыжина упорно разсматривалъ его лицо, здоровое, широкое, обросшее рыжеватою бородой,—лицо, которое было бы добродушно и красиво, если бъ его не портили маленькіе, живые сѣрые глазки, блуждавшіе по сторонамъ, никогда не останавливаясь на лицѣ собесѣдника. Этотъ господинъ, по мнѣнію Кирилла Ивановича, въ глубинѣ души былъ строго равнодушенъ ко всему, крайне эгоистиченъ и ловко скрывалъ все это за дѣланною живостью и быстрою рѣчью. Кириллъ Ивановичъ никогда не любилъ его, но теперь почему-то не хотѣлъ, чтобъ онъ уходилъ.

Ему очень нравилось умѣнье Лыжина ловко скрывать себя. Кириллъ Ивановичъ захотѣлъ спросить его, какъ это онъ дѣлаетъ, и нельзя ли и ему, Кириллу Ивановичу, тоже скрыть себя? Это было бы хорошо. Являются думы, а Кирилла Ивановича нѣтъ! Является грозное „нѣчто“, а Кириллъ Ивановичъ скрытъ! Тогда обманутыя думы надуются, какъ пузыри, лопнуть и разлетятся въ пыль, а грозное „нѣчто“ сгрызетъ само себя въ мятежной злобѣ на исчезнувшаго Кирилла Ивановича, который послѣ этого все-таки и не откроетъ себя, ибо лучше быть скрытымъ отъ всего, безопаснѣе, спокойнѣе—никто не тронетъ... Богъ знаетъ, о чемъ думаютъ люди, когда встрѣчаются и говорятъ другъ съ другомъ!...

И онъ смотрѣлъ въ лицо Лыжина ласкающе и мягко, желая попросить его остаться еще не надолго здѣсь съ нимъ и поговорить.

— Захочетъ пить—давайте изъ бутылки на окнѣ, это тоже какая-то умировворяющая спеція, вродѣ кали. Ну-съ, иду! Addio!

Онъ перекинулъ на руку пальто и пошелъ. Кириллу Ивановичу хотѣлось крикнуть вслѣдъ ему: „Погодите!“—

но Лыжинъ въ это время самъ обернулся на ходу и почему-то съ улыбкой произнесъ:

— Завтра, навѣрное, все оформится и его отправятъ.

И снова перекинувъ пальто съ руки на руку, быстро зашагалъ по улицѣ.

Ярославцевъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сталъ соображать, что ему теперь дѣлать: идти въ комнату, гдѣ лежитъ тотъ, или ожидать здѣсь, когда онъ проснется и заговорить? Ему представлялось, что какъ только Кравцовъ проснется, такъ сейчасъ же выкрикнетъ высокую, звонкую ноту, вслѣдъ за ней начнетъ говорить быстро и громко, такъ, какъ говорятъ бойкія бабы-торговки, и такъ, что это будетъ походить на барабанную дробь.

Онъ думалъ и шелъ, наклонивъ голову, не отдавая себѣ отчета въ томъ, куда идетъ, вдругъ объятый какимъ-то фаталистическимъ спокойствіемъ. Всѣ его думы вдругъ какъ бы сгорѣли и на душу ему осыпался ихъ пепелъ,—осыпался и покрылъ ее теплымъ пластомъ тихой печали о чемъ-то...

Скверный аптечный запахъ заставилъ его очнуться въ то время, когда онъ стоялъ передъ дверью въ маленькую комнату, въ которой царилъ хаотическій беспорядокъ: стулья были сдвинуты на средину и стояли неправильнымъ полукругомъ передъ койкой; на полу валялись рваныя бумажки, книги, грязные черепки тарелки, красный вязаный шарфъ и кожаная сумка. Передъ койкой стоялъ круглый столъ съ аптечными бутылками и стаканомъ жидкаго чая. Изъ-за доски этого стола не видно было головы человѣка, спокойно вытянувшагося, вверхъ грудью, на койкѣ. Одно изъ двухъ оконъ комнаты было завѣшено синею тряпкой, другое заставлено банками цвѣтовъ, и сквозь нихъ видны были кусты шиповника, акаціи и сирени въ палисадникѣ.

Быстро осмотрѣвъ все это, Кирилль Ивановичъ поднялся на цыпочки, поднялъ кверху указательный

палецъ правой руки, какъ бы предостерегая отъ чего-то самъ себя, и двинулся къ койкѣ, плавно взмахивая въ тактъ своихъ движеній лѣвой рукой. Подойдя къ столу, онъ нагнулся черезъ него и, удерживая дыханіе, заглянулъ въ лицо больного.

Оно очень похудѣло съ той поры, какъ Кириллъ Ивановичъ видѣлъ его въ послѣдній, разъ, но и только. Вообще же оно было спокойно, какъ у всѣхъ спящихъ людей. Кириллъ Ивановичъ облегченно вздохнулъ. Онъ представлялъ себѣ, что эта болѣзнь наложила на лицо Кравцова какой-нибудь уродливый отпечатокъ, искривила, изломала его. И онъ отошелъ прочь, улыбаясь, въ высшей степени довольный своей ошибкой. Ему нравилось, что все это такъ просто.

Но вдругъ, обернувшись въ сторону, онъ увидалъ, что со стѣны на него смотритъ чье-то искривленное странной улыбкой лицо, блѣдное, съ прищуренными глазами и все дрожащее отъ сдерживаемаго возбужденія. Въ уровень съ этимъ лицомъ была поднята рука съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ, — она какъ бы грозила Кириллу Ивановичу и вмѣстѣ съ лицомъ была полна схиднаго торжества надъ нимъ.

По жиламъ Кирилла Ивановича вмѣстѣ съ кровью пролилась холодная тоска, сжавшая ему сердце предчувствіемъ чего-то неотразимаго и рокового, и подавленный ею, онъ тихо опустился на стулъ. Потомъ онъ почувствовалъ, что подъ кожей лѣваго бока у него вздуваются и тотчасъ же лопаются какіе-то пузырьки, отчего ему стало холодно и такъ тоскливо непріятно. Онъ снова всталъ, стараясь не смотрѣть на ту стѣну, съ которой ему грозили, и съ гнетущимъ ужасомъ вспоминая, гдѣ онъ видѣлъ раньше это исковерканное лицо, въ которомъ есть черты, очень близко знакомыя ему?

„Неужели это оно... то существо, которому все извѣстно?..“

Передъ Кирилломъ Ивановичемъ вдругъ распахну-

лась темная пропасть безъ дна и края, полная безформеннаго, гнетущаго мрака. Онъ заглянулъ въ нее и отшатнулся въ ужасъ, крѣпко зажмуривъ глаза. Его тянуло внизъ, и онъ почувствовалъ, что если не откроетъ глазъ, то сейчасъ же полетитъ туда и будетъ летѣть безъ конца, замирая отъ страха и съ каждою секундой все сильнѣе ощущая его.

Онъ дрогнулъ, быстро взглянулъ передъ собой и вдохнулъ свободно и легко: онъ былъ тутъ въ комнатѣ Кравцова, и подъ ногами у него былъ полъ, твердый полъ, въ чемъ Кирилль Ивановичъ и убѣдился, сильно надавивъ его ногой. Тогда ему снова страстно захотѣлось еще разъ взглянуть туда, на стѣну... Осторожно приподнимаясь со стула и въ то же время поворачиваясь назадъ, онъ увидалъ его, это лицо; но теперь оно было только жалко и, выражая напряженное и боязливое ожиданіе чего-то, замерло въ этой минѣ. Тутъ онъ узналъ себя, ибо это онъ былъ весь исполненъ ожиданія и боязни.

— „Это зеркало... Д-да-а!“—догадался онъ и увидѣлъ, что рама зеркала была сверху, справа и слѣва закрыта повѣшеннымъ на него бѣлымъ полотенцемъ, а снизу ее скрывали рамки карточекъ; обои комнаты были тоже бѣлые—вотъ почему зеркало было незамѣтно и такъ напугало его. Но это открытіе не убило въ немъ тоскливаго предчувствія, даже еще принесло съ собою нѣчто, подчеркивающее это предчувствіе. Кирилль Ивановичъ, глядя на свое отраженіе, задумался.

— „А вѣдь это я самъ схожу съ ума!“—вдругъ проникся онъ весь острою мыслью, вызвавшею во всемъ его существѣ холодную дрожь и тихую, ноющую боль, точно всѣ его мускулы сразу напнулись промозглою и влажною сыростью погреба. Ему захотѣлось кричать, звать себѣ на помощь, и онъ почувствовалъ, что уже оторвался отъ земли и падаетъ куда-то сквозь палящія зноимъ и замораживающіе кровь слои воздуха. Въ

его груди нестерпимо непріятно заняло; онъ схватился за нее руками и сталъ крѣпко растирать ее. А въ головѣ билась уничтожающая мысль и, не затемняя ея, кружились еще какіе-то обрывки мыслей, воспоминаній, цѣлый вихрь, точно въ его мозгахъ все было разорвано, разбито, исковеркано и въ ужасѣ разбѣгалось передъ нею, передъ этою мыслью о сумасшествіи, деспотически поработившей все, что было до нея. Онъ открылъ ротъ, глубоко вздохнулъ и, вообразъ въ себя страшно много пахучаго воздуха комнаты, напрягъ грудь, чтобы крикнуть.

— Дуракъ! Противная рожа! — раздался презрительный и насмѣшливый голосъ. — Что ты строишь себѣ гримасы, когда ты самъ есть не болѣе, какъ гнусная гримаса природы? Шпіонъ! Что можетъ быть пакостиѣ? Ф-фа!...

Кирилль Ивановичъ быстро обернулся съ выпяченной впередъ грудью. Съ койки, упершись локтями въ подушку и подпирая подбородокъ ладонями, смотрѣлъ на него Кравцовъ воспаленными глазами, полными ядовитой ироніи и лихорадочнаго блеска. Усы его ехидно вздрагивали и брови медленно всползали кверху, къ щетинистымъ волосамъ, стоявшимъ на головѣ ершомъ. Губы были искривлены въ сардоническую улыбку; онъ поводитъ поздырями; все лицо его неустанно содрогалось, образуя тутъ и тамъ кривые узоры морщинъ, и онъ былъ уродливъ и страшенъ.

— „Вотъ кто сумасшедшій!“ — вспыхнулъ новою мыслью Кирилль Ивановичъ, и эта новая мысль уничтожила ту, которая угнетала его до этого момента.

Онъ выдохнулъ изъ себя цѣлый столбъ воздуха и почувствовалъ, что весь холодъ и ужасъ, сковавшіе его мозгъ, исчезли. Ему было невыразимо пріятно смотрѣть на искаженное лицо Кравцова, и чѣмъ больше онъ смотрѣлъ, тѣмъ ярче сознавалъ себя, тѣмъ теплѣе и легче становилось въ его груди.

— „Вотъ что значить—сумасшедшій!“ — воскликнулъ онъ внутренно, съ усиленнымъ и радостнымъ біеніемъ

сердца.—На кого онъ похожъ?... На того дьявола, котораго одинъ святой поймалъ въ своемъ рукояйникѣ и запечаталъ его тамъ на мученія своимъ крестнымъ знаменіемъ!“

Это сравненіе еще болѣе подняло Кирилла Ивановича въ своихъ глазахъ, и онъ сейчасъ же, вслѣдъ за нимъ, съ глубокою вѣрою въ себя и съ восхищеніемъ подумалъ:

— „Развѣ это не вѣрно? Развѣ человѣкъ съ мыслью, затемненной безуміемъ, способенъ на такой широкій шагъ въ прошлое за образомъ, нужнымъ его мысли?“

А Кравцовъ все говорилъ ѣдкія слова, не сводя пылающихъ глазъ съ Кирилла Ивановича.

— Слушай, ты, безобразіе во образѣ! Ты—шпіонъ!

Кириллъ Ивановичъ взялъ стулъ, подвинулъ его къ койкѣ и съ пріятною улыбкой сѣлъ на него, протягивая руку Кравцову и говоря:

— Маркъ Даниловичъ, что съ вами? Это же я!

— Ну, да, это ты! Я знаю, ты—это ты шпіонъ и пришелъ наблюдать, какъ я думаю. Ха-ха! Ты не узнаешь, не откроешь ни одной моей мысли. А я спасу ихъ всѣхъ, ибо знаю, что имъ нужно... Я понялъ!

— Маркъ Даниловичъ!—убѣдительно, ласково и радостно говорилъ Ярославцевъ.—Развѣ вы меня забыли?

— Тебя? Забыть? Нѣтъ, васъ нельзя забыть, вы всюду... Вы—это мухи, вы—это тараканы, клопы, блохи, пыль, камни стѣнъ! Вамъ прикажутъ—и вы принимаете на себя всѣ формы, воплощаетесь во все, изслѣдуете все... и слѣдите, какъ, о чемъ и зачѣмъ люди думаютъ. Но вы все-таки слабы! Я же—могучъ! Во мнѣ пылаетъ безсмертный огонь желанія подвига! И вотъ я, какъ Моисей изъ Египта, выведу васъ изъ жизни, помойной ямы, гдѣ вамъ такъ хорошо дышется. Выведу, и придемъ мы въ обѣтованную страну, гдѣ воздухъ слишкомъ чистъ для васъ и гдѣ поэтому вы не можете жить. Тамъ я напою моихъ братій изъ кастальскаго

источника свободы и возбужу души ихъ къ жизни творчества... къ жизни подвиговъ... къ жизни всепрощенія и возсозданія человѣка! А вы, какъ египтяне, погонитесь за нами и исчезнете, потонете, захлебнетесь въ морѣ собственной гнусности и найдете смерть! Ибо вы въ себѣ носите смерть!

— „Это онъ о чемъ?“—думалъ Кирилль Ивановичъ, понемногу теряя свою радость подъ торжественныя и громкія рѣчи Кравцова, глаза котораго выпускали острые, свѣтлые лучи, коловшіе Кирилла Ивановича въ лицо и грудь тонкими, палящими уколами.

— „А! Онъ вѣдь читалъ отцовъ церкви... зачѣмъ-то... Августина и Оригена... и Златоуста... и искалъ все Назіанзина... да... Зачѣмъ онъ это читалъ? Развѣ нечего читать кромѣ? Значить, онъ давно ужъ... того... Очень смѣшной человѣкъ!... О чемъ онъ говоритъ? Ба!—внезапно просіялъ Кирилль Ивановичъ.—Онъ меня называетъ шпіономъ—значить, у него манія преслѣдованія! Онъ говоритъ про себя: „Я, какъ Моисей!“—значить, у него манія величія! Господи, какъ все это просто! Наука! Вотъ наука! Она всегда, какъ факель. Бѣдный человѣкъ!“

И Кирилль Ивановичъ почувствовалъ, что онъ сейчасъ заплачетъ отъ жалости къ Кравцову, снова охваченный теплымъ и радостнымъ сознаніемъ правильности своей мысли.

А съ его бѣдною мыслью творилось что-то странное: то она опускалась въ какой-то мрачный ухабъ, теряя горизонты; то вдругъ поднималась куда-то высоко и свободно охватывала собой огромное пространство; то текла медленно и лѣнливо, какъ бы изнемогая; то быстро стремилась къ чему-то, задѣвая по дорогѣ массу разнородныхъ предметовъ; то снова точно падала внизъ и исчезала. Тогда Кирилль Ивановичъ чувствовалъ только тревожное біеніе своего сердца и больше ничего.

Кравцовъ вдругъ весь извился змѣей и сѣлъ на

койкъ, въ одномъ бѣльѣ, съ раскрытою грудью, возбужденный и мрачно-торжественный.

— Ты, слушай! Ты меня непустишь на подвигъ? Пусти! Я пойду и созову всѣхъ ихъ въ поле. Тамъ соберемся всѣ мы, нищіе духомъ, и грустно уйдемъ отъ жизни нищіе духомъ! Но не радуйся! И всѣ твои— пусть они не радуются нашему поражению, хотя мы и признаемъ его, ибо уходимъ изъ жизни нищіе духомъ и съ разбитыми щитами надеждъ въ рукахъ, и безъ брони вѣры, потерянной нами въ битвахъ. Мы воротимся богатые силой творить и вооруженные крѣпкою вѣрой въ себя, ея же нѣтъ крѣпче оружія! Ты понялъ? И мы укроемся свѣжими цвѣтами мечты о счастіи. Тыпустишь меня на этотъ подвигъ? Зато я, по возвращеніи въ жизнь, прощу тебя перваго и первому тебѣ въ гнусное сердце дуну духомъ возрожденія. Эй, ты, камень! Пусти меня!

— „Кого онъ хочетъ спасать и обновлять?“—медленно вертѣлись мысли въ головѣ Кирилла Ивановича.

Ему уже снова не жалко было Кравцова, онъ даже немного злился на него за то, что онъ, не переставая, говорилъ свои торжественныя слова и они, звеня въ головѣ Кирилла Ивановича, мѣшаютъ ему уловить нѣкоторую важную мысль. Дѣло въ томъ, что въ головѣ Кирилла Ивановича все вдругъ окрасилось въ разные цвѣта, онъ ясно почувствовалъ и видѣлъ это: передъ его глазами плавали и кружились круглыя пятна—желтыя, синія, красныя. Ихъ было много, всѣ они быстро вертѣлись и изъ нихъ выпивалось и никакъ не могло выбиться одно, ярко-зеленое и многообѣщающее. Это непременно что-нибудь о вѣрѣ. Но голосъ Кравцова сотрясать воздухъ и все дрожало, сливалось, путалось между собой.

— „Ахъ, какъ онъ громко!—съ тоской воскликнулъ про-себя Кириллъ Ивановичъ. — Чего онъ хочетъ? Э, уродъ! Думы! Изъ нихъ порой рождаются идеи яркія,

идей, окрашивающія жизнь бойкими красками. Чего же онъ хочетъ? Чего можно хотѣть, кромѣ свободы думать?“

Ему вспомнилось чье-то опредѣленіе русской разночинной интеллигенціи: „дилетантична, нежизнеспособна и болѣзненно-честолюбива“. „Вотъ и этотъ тоже болѣзненно-честолюбивъ. Сидѣлъ бы спокойно, молчалъ и думалъ. Кто знаетъ, что изъ этого можетъ выйти? А его вотъ тянетъ куда-то въ поле, кого-то вести изъ жизни вонъ!—Что такое—вонъ изъ жизни?“

Кирилль Ивановичъ вспомнилъ какую-то картинку, на ней былъ изображенъ человѣкъ съ дудочкой во рту. Онъ стоялъ на берегу рѣки и игралъ на своей дудочкѣ, а къ нему со всѣхъ сторонъ бѣжали крысы и мыши. Въ этомъ человѣкѣ было что-то общее съ Маркомъ Кравцовымъ. Смѣшно! И Кирилль Ивановичъ вдругъ расхохотался, качаясь на стулѣ изъ стороны въ сторону.

Кравцовъ откинулся назадъ, оперся спиной о стѣну и замолчалъ, наклонивъ на грудь голову.

— Вотъ... торжествуетъ Иуда! — громко прошепталъ онъ, исподлобья глядя на Кирилла Ивановича.

Тотъ дрогнулъ и испуганно уставился на Кравцова. Они долго молча разсматривали другъ друга—Кирилль Ивановичъ выжидательно и робко, а Кравцовъ—пытливо и угрюмо. Кирилль Ивановичъ почувствовалъ, что лучистые глаза больного притягиваютъ его къ себѣ, и, наклонясь на стулѣ, облокотился у ногъ Кравцова о койку.

Стало внушительно тихо. На улицѣ уже стемнѣло, и отъ кустовъ палисадника на стекла оконъ и подоконники легли вечернія тѣни. Наконецъ, Кравцовъ вдругъ улыбнулся и тихо сказалъ:

— А, вѣдь, я васъ знаю!

— Конечно! — утвердительно кивнулъ головой Кирилль Ивановичъ и добавилъ почти шопотомъ:—Вы бы говорили. А то такъ очень страшно... уже ночь.

— Говорить? Съ вами? Вѣдь, я васъ знаю! — Вы — Ярославцевъ, статистикъ? Вамъ теперь стыдно?

— Мнѣ? Нѣтъ, ничего. Но страшно.

— Да! Это такъ! Страшно! Бойтесь будущаго! Въ немъ вашъ итогъ!

Они оба теперь говорили шопотомъ и оба старались сказать каждую новую фразу еще тише, чѣмъ предыдущую. Несмотря на сумракъ въ комнатѣ, Кирилль Ивановичъ еще видѣлъ лицо Кравцова и сардоническую улыбку на немъ. Его все сильнѣе тянуло къ этому человѣку съ лучистыми глазами.

— Итогъ, вы говорите? — спросилъ онъ помолчавъ. — Это что же?

— Это подсчетъ всѣмъ мерзостямъ вашей жизни. Безпристрастный подсчетъ, — внушительно прошепталъ Кравцовъ. — Вы думаете, что вашею статистикой и ограничивается все, да? — Нѣтъ, вы ошиблись, человѣкъ! Есть еще статистика совѣсти, ею управляю я! Я не даю пощады... и знаю цѣну факта! Я васъ уже подсчиталъ!

— Не надо пугать человѣка! — жалобно попросилъ Кирилль Ивановичъ собесѣдника.

— Человѣка — да, но шпиона — надо! Зачѣмъ вы шпионъ? Зачѣмъ вы слѣдите, какъ я думаю? Боже мой, вѣдь я только думаю! Отъ этого вредно мнѣ и только мнѣ! Думать — это даже благонамѣренно, потому что отъ думъ человѣкъ погибаетъ самъ, и вы не тратите своихъ копѣекъ на то, чтобы погубить его!

Шопотъ Кравцова вдругъ порвался, и металлически звякнуло громкое слово:

— День-ги! А, да... вы хотите денегъ за мою свободу думать? Вы продаетесь? Сколько?

— Послушай! — сказалъ убѣдительно, но все-таки шопотомъ Кирилль Ивановичъ. — Не кричи, услышать! Они всегда близко!

— Услышать?... А ты тоже боишься? Почему же? Вѣдь ты мерзавецъ, и тебѣ можно говорить громко, а?...

Слушай,пусти меня! Я иду дѣлать простое и полезное дѣло. Оно легально,увѣряю тебя. Я хочу вывести вонъ изъ жизни всѣхъ тѣхъ людей, которые, несмотря на свои пятна, есть все-таки самые свѣтлые люди въ жизни... Они погибають отъ тоски одиночества и вашего гоненія на нихъ. Они, видишь ли, задыхаются въ смрадѣ жизни, которымъ ты дышешь легко. Это твоя стихія... но они... Дай мнѣ спасти ихъ! — крикнулъ онъ громко.

Кирилла Ивановича охватила волна ѣдкой злобы. Онъ всталъ передъ койкой и тихо, оскорбительно-ясно зашипѣлъ въ лицо Кравцову:

— Ты не кричи! Я тебѣ скажу... Ты—сумасшедшій, вотъ что! Понимаешь? Ты со-шелъ съ ума! Да... Спаси!... кого? Я—Ярославцевъ, Кириллъ Ярославцевъ, а ты—сошелъ съ ума!.. Лягъ! Понялъ?! Ну?!... и все...

Онъ снова опустился на стулъ, тяжело дыша и часто моргая глазами. Кравцовъ схватилъ себя за голову и страшно закачался изъ стороны въ сторону.

Снова стало внушительно и пугающе-тихо. Взошла луна, и въ душный сумракъ комнаты черезъ окно влился голубой свѣтъ и легъ полосой на полу.

Вспышка злобы совершенно уже ослабила Кирилла Ивановича, а страхъ передъ будущей минутой все росъ въ немъ. Въ тишинѣ и глубокомъ полумракѣ комнаты безмолвно совершалось нѣчто таинственное и стройное—происходила какая-то разрушительная работа.

На голубую полосу луннаго свѣта, лежавшую на полу, пали узоры тѣней отъ цвѣтовъ на окнѣ, и вмѣстѣ это походило на нѣкоторую хартію, исчерченную мрачными гіероглифами, говорившими о глубокихъ тайнахъ жизни и о безсиліи ума передъ ними. Кириллъ Ивановичъ взглянулъ на это и быстро отвернулся, ощущая въ груди какіе-то толчки.

— „Все кончается!“—тихо прошепталъ онъ, и ему стало невыразимо грустно.

Кравцовъ поднялъ голову и молча посмотрѣлъ на него, двинувъ бровями. Кирилль Ивановичъ вдругъ за-
птакалъ, обнялъ его ноги, крѣпко сжалъ ихъ и ткнулъ
въ нихъ своею головою, всхлипывая, какъ ребенокъ.

— Мнѣ... страшно...

— Будущаго?—тихимъ и торжествующимъ восклицаніемъ спросилъ Кравцовъ, нагибаясь надъ нимъ и весь вздрагивая мелкою дрожью.

— Говорите все сначала... говорите!—шепталъ Кирилль Ивановичъ.

— Ага! Я побѣдилъ еще одного! — тоже шепталъ Кравцовъ, отдирая его голову отъ своихъ ногъ.—Это хорошо... Побѣда... съ перваго шага!... Ты каешься, да?... Садись... иди сюда, я расскажу тебѣ все.

Онъ пытался отнять руки Кирилла Ивановича отъ своихъ ногъ, стиснутыхъ ими, и поднять его голову, но Кирилль Ивановичъ не уступалъ ему, все крѣпче прижимаясь и что-то бормоча сквозь рыданія.

Наконецъ, Кравцовъ оставилъ его въ покоѣ; наклонясь надъ нимъ, онъ уперся руками въ койку и заговорилъ тихо, но торжественно и важно:

— Ты знаешь людей въ плѣну у жизни? Это тѣ люди, которые хотѣли быть героями, а стали статистиками и учителями. Они пѣкогда боролись съ жизнью, но были побѣждены ею и взяты въ плѣнъ ея мелочами... Вотъ о нихъ-то говорю я и это ихъ хочу спасти... Ты понялъ? Они погибаютъ, ибо гонимы, ибо всѣ смотрятъ на нихъ, какъ на враговъ, а сами они враги себѣ. Разсѣянные повсюду, они погибаютъ отъ сомнѣнія и тоски... и отъ невозможности свободно ходить, говорить и думать... И вотъ ихъ я соберу воедино и выведу вонъ изъ жизни въ пустыню и тамъ устрою имъ будку всеобщаго спасенія. Ты видишь—будка, а не коммуна, не фаланстеръ—это легально, не правда ли? А я одинъ стану надъ всѣми ими и научу ихъ всему, что знаю. Я знаю много, больше, чѣмъ есть предметовъ для

знанія, ибо я знаю всё ихъ плюсъ—мое знаніе!... Мы источимъ по каплѣ соки наши на песокъ пустыни и оживимъ ее, застроимъ зданіями счастья! Среди насъ будетъ возвышаться надъ всѣми будка всеобщаго спасенія и на вершинѣ ея, подъ стекляннымъ колпакомъ, буду вѣчно вращаться я самъ и смотрѣть за порядкомъ среди тѣхъ, что вручены мнѣ судьбой. Я буду строгъ, но не по-человѣчески справедливъ. Я знаю высшую справедливость. Я наложу на всѣхъ одну обязанность—творить. Твори, ибо ты человѣкъ!—прикажу я каждому. Это будетъ грандіозно! И когда мы создадимъ свое царство, въ которомъ все будетъ гармонія, то созовемъ всѣхъ шпіоновъ и всѣхъ сильныхъ земли и всѣ глупые народы созовемъ и скажемъ имъ: „Вотъ вы гнали насъ, а мы создали вамъ вѣчный образецъ жизни! Вотъ вамъ онъ, слѣдуйте ему! Мы же, возрожденные изъ пепла, идемъ творить, вѣчно творить... Вотъ наша задача“. И мы, бывшіе бѣдняки, уйдемъ, обогативъ бывшихъ крезовъ богатствомъ духа и силы жить. Побѣда!... Тогда я скажу всему міру: „Люди, одѣньтесь въ свѣтлое, ибо ночь исчезла и не придетъ больше“. Вотъ какую идею родилъ я изъ несчастій и мукъ моей жизни, я, гонимый и затравленный, я, измученный собой и уязвленный язвой желанія быть творцомъ жизни. Ты хочешь быть? — твори новое! Дай что-нибудь людямъ, дай имъ, ибо они жалки и бѣдны! Тогда какъ ты со мной, значить—ты объединился съ истиной. Ты будешь первый ученикъ мой — не плачь! Мы вмѣстѣ будемъ творить! Эй, ты, ребенокъ, ты слабъ еще! Ты тоже оскорбленъ? Ничего! Скоро ты возродишься къ жизни новой, къ жизни, въ которой мы будемъ принимать участіе и будемъ вслухъ, громко, безъ боязни говорить о всемъ, о чемъ хотимъ, а? Ты не вѣришь мнѣ, человѣкъ? Вѣрь! Хотя это кажется и несбыточнымъ, но вѣрь все-таки. Я твой добрый геній, я орелъ будущаго! Ручаюсь тебѣ, что всѣ слова твоего сердца и ума получатъ жизнь,

ихъ слышать, надъ ними будутъ думать, ихъ поймутъ, и ты получишь должное — славу человѣка, который жилъ для жизни и людей. Вѣрь мнѣ, мы напьемся изъ полной чаши жизни и всѣ наши чувства будутъ звучать звуками удовлетворенія. Знаешь ты, что сказалъ Григорій Богословъ о Юліанѣ, который и есть отвлеченная формула отступленія отъ истины и угнетенія вѣры? И ты, можетъ быть, какъ всѣ, тоже думалъ, что Юліанъ—это цезарь? Голубчикъ! Не вѣрь этой пошлой истинѣ, она стара; возьми изъ нея идею, но забудь о ней. Жизнь—въ будущемъ, и тамъ она наша. Въ прошломъ только идеи, тамъ нѣтъ лицъ. А мы съ тобой есть лица и потому возьмемъ идеи, которыя нужны намъ для ступенекъ къ лѣстницѣ счастья, по которой мы войдемъ въ вѣчное блаженство, какъ ангелы во снѣ Іакова, какъ творцы жизни, обновители духа!

Его торжественный шопотъ превратился, наконецъ, въ потокъ словъ, все рѣже и рѣже оживлявшійся мыслью, и, наконецъ, просто въ слова безъ смысла, связанные между собой, казалось, только единствомъ буквъ въ нихъ. Онъ говорилъ теперь возбужденно и внушительно, сверкая глазами на Кирилла Ивановича.

— Спасеніе... Паскаль... пока...

Очевидно, его мысли кипѣли и мчались куда-то такъ быстро, что онъ не успѣвалъ уже послѣдовательно заключать ихъ въ слова.

Кириллъ Ивановичъ давно уже поднялъ голову и всталъ передъ койкой на колѣни, все обнимая ноги Кравцова. Теперь онъ закинулъ голову немного назадъ и съ восхищеніемъ смотрѣлъ въ лицо Кравцова, не отрываясь ни на секунду отъ него.

На полу все еще лежала эта голубая хартія луны и тѣней, но начертанные на ней гіероглифы измѣнились, стали проще формой, но еще темнѣе цвѣтомъ. Вся комната была заполнена волнующимися звуками

торжественнаго шопота. Тихая и темная ночь смотрѣла въ окно.

Двѣ человѣческія фигуры, лицомъ къ лицу другъ съ другомъ, не обращали вниманія на то, что въ дверь поочередно заглядывали то голова женщины въ черномъ платкѣ, то голова мужчины въ шапкѣ и съ черною бородой. За дверью тоже слышался шопоть. А Кравцовъ, все такъ же упираясь руками въ койку, склонился къ лицу Кирилла Ивановича и все говорилъ говорилъ. Это продолжалось почти до разсвѣта. И уже когда мгла за окномъ посѣрѣла, онъ измученный свалился на подушку и сразу замеръ.

Кириллъ Ивановичъ быстро всталъ, пугливо оглянулся и подскочилъ къ нему. Разсвѣтало. Онъ сдержнулъ съ себя пальто, занавѣсилъ имъ окно и, снова подойдя къ койкѣ, прошепталъ:

— Ничего, говори!

Но Кравцовъ, должно быть, уже не могъ говорить; онъ только кивнулъ головой и, вздохнувъ, отвернулся къ стѣнѣ. Тогда Кириллъ Ивановичъ сѣлъ у него въ ногахъ на койку и, обнявъ свои колѣни руками, сталъ смотрѣть глазами любви и восторга на несчастнаго созидателя всеобщаго спасенія.

На четырехугольномъ бѣломъ пятнѣ подушки его черная голова сначала выдѣлялась рѣзко, а потомъ стала таять и растаяла. Тогда на мѣстѣ ея появилась желтая, безбрежная и сухая пустыня, и въ ней все трупы... много труповъ людей, лежащихъ въ разныхъ позахъ и отдыхающихъ отъ утомленія въ пути. А далеко на краю пустыни сіялъ кроваво-красный шаръ, спускаясь куда-то внизъ, а съ неба падали мягкія и темныя тѣни, окутывая усталыхъ людей... Потомъ все стало темно. Это наступила ночь, явился сонъ и раздался въ тишинѣ пустыни бредъ спящихъ. Среди нихъ одинъ человѣкъ не спалъ, стоя среди нихъ и зорко глядя въ небо, гдѣ было много звѣздъ, а ниже ихъ неподвижно стояли въ

воздухъ три черныя точки. Это были орлы пустыни, и человекъ смотрѣлъ на нихъ подозрительно и въ ожиданіи.

И потомъ Кирилль Ивановичъ видѣлъ дорогу, заполненную исходящими изъ плѣна жизни людьми. Ихъ было много. Среди нихъ были и дѣти; они плакали на рукахъ матерей и отцовъ. А отцы и матери молча шли въ пыли и въ рубищахъ, и черезъ ихъ глаза Кирилль Ивановичъ видѣлъ ихъ души въ тоскѣ и въ лохмотьяхъ, изорванные, изношенные души много страдавшихъ людей. Впереди всѣхъ шелъ онъ, великій человекъ, котораго всѣ слушались и на котораго смотрѣли съ надеждой, а рядомъ съ нимъ Кирилль Ивановичъ видѣлъ себя. Являлась тьма и все скрывала собой.

И онъ, Кирилль Ивановичъ, видѣлъ работу созиданія будки всеобщаго спасенія... и снова тьму... И видѣлъ торжественное возвращеніе въ жизнь... и снова тьму... И, наконецъ, только тьму, которой не было края и дна и которая дышала на него, въ лицо ему и въ душу печальнымъ холодомъ. Отъ дуновенія тьмы онъ качался, чувствовалъ, что онъ оторвется отъ земли и полетитъ куда-то, и жилъ этимъ острымъ чувствомъ, мѣшавшимъ ему сдѣлать малѣйшее движеніе. И ему было такъ тоскливо-больно, холодно, боязно.

Все крѣпче сжимаясь въ комокъ, онъ широко раскрывалъ глаза, стараясь увидѣть вдали тьмы то, что должно было случиться съ нимъ, ибо онъ чувствовалъ, что вотъ скоро, сейчасъ, въ будущую секунду, нѣчто освободитъ его изъ власти ужаса.

Лучи солнца упали ему въ лицо. Онъ вздрогнулъ, зажмурилъ глаза и улыбнулся блѣдною улыбкой больного ребенка.

И затѣмъ, такъ же неподвижно, какъ и раньше, но уже съ закрытыми глазами, сидѣлъ долго...

Потутру, часовъ въ семь, пришли Ляховъ, Минорный и человекъ въ золотыхъ очкахъ и съ самоувѣреннымъ

лицомъ. Они вошли въ дверь тихо, по одному, и за ними въ сѣняхъ остались какія-то странныя фигуры людей.

— Ну, что? Не буянили?—сказалъ Ляховъ, высокій человѣкъ съ печальнымъ и блѣднымъ лицомъ, Кириллу Ивановичу, который при ихъ появленіи спустилъ ноги съ койки и смотрѣлъ на нихъ съ ясною улыбкой.

Кириллъ Ивановичъ пожалъ протянутую ему руку Ляхова и съ тихимъ восторгомъ посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Вы уже пришли?... Значить, пора?

— Да...—произнесъ Ляховъ и пристально посмотрѣлъ въ лицо спящаго Кравцова.

— Какъ же, дождемся, когда проснется?—спросилъ Минорный господина въ очкахъ.

— Я полагаю, прямо такъ взять и въ карету. Идите сюда!

Онъ махнулъ рукой къ себѣ, и въ дверь вошли двое здоровыхъ ребятъ въ бѣлыхъ фартукахъ.

— Возьмите осторожно больного!

Тутъ Кириллъ Ивановичъ подошелъ къ койкѣ, всталъ у ея изголовья такъ, что закрылъ лицо Кравцова, удивленно посмотрѣлъ на всѣхъ и тихо, но внушительно спросилъ:

— Куда взять?... Его взять? Куда взять?

— Въ домъ, конечно, сказалъ Минорный.

— Въ лѣчебницу,—одновременно произнесъ докторъ и пристально уставился чрезъ очки въ лицо Кирилла Ивановича.

Ляховъ все смотрѣлъ на Кравцова за спину Кирилла Ивановича и кусалъ себѣ нижнюю губу.

Кириллъ Ивановичъ крѣпко потеръ себѣ лобъ, какъ бы съ усиліемъ вспоминая что-то.

— Д-да!... Въ лѣчебницу!... А зачѣмъ же, собственно?... И кто вы?—и Кириллъ Ивановичъ тихонько до-
тронулся до рукава доктора.

— Я — докторъ, завѣдующій домомъ для душевно-больныхъ, сказалъ господинъ въ очкахъ, не переставая разсматривать Кирилла Ивановича.

„Интеллигентный человѣкъ, значить!“ — сообразилъ Кириллъ Ивановичъ и протянулъ ему руку.

— Мнѣ пріятно видѣть васъ... и я радъ, что вы тоже идете за нимъ, — кивнулъ онъ на Кравцова.

— Мы пріѣхали въ каретѣ, — вмѣшался Минорный, тоже подозрительно оглядывая Кирилла Ивановича.

— Ну, это напрасно, — махнулъ рукой тотъ, — мы пойдемъ всѣ пѣшкомъ, онъ — особенно.

— Да, вѣдь, онъ буянить будетъ на улицѣ! — тихо воскликнулъ Минорный.

— То-есть какъ это? — удивился Кириллъ Ивановичъ.

— Да вы что, батенька?... Образумьтесь! Или вы тоже, какъ онъ, съ ума сошли?...

— Позвольте! — остановилъ докторъ Минорнаго.

Кириллъ Ивановичъ вспыхнулъ и оглянулъ всѣхъ съ улыбкой недовѣрія и со страхомъ въ глазахъ. Трое людей стояли и смотрѣли на него тоже съ какимъ-то боязливымъ любопытствомъ и догадкой. Кириллъ Ивановичъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ отъ какой-то внутренней работы. Улыбка исчезла изъ его глазъ, и они, странно расширившись, вдругъ ярко вспыхнули какою-то мыслью.

— Господа! — просительно зашепталъ онъ, сжимая руки и хрустя пальцами. — Господа! Что вы? Это ошибка! Вы считаете его безумнымъ? Это обидная ошибка, господа! Оскорбительная ошибка! Послушайте меня — оставьте его такъ, какъ онъ есть. Дайте ему исполнить задуманное имъ дѣло. Это великое, необходимое дѣло! Вы знакомы съ его идеей? Нѣтъ? Какъ же вы, господа, рѣшаетесь на такое рѣзкое отношеніе къ нему?... Это... странно! Вы послушайте! Я постигъ его, я усвоилъ его идею. Вѣдь согласитесь, я же разумный человѣкъ. Вотъ Бабкинъ засвидѣтельствуетъ это и господинъ Ляховъ.

Да!... Какъ же вы?... Это возмутительно! Это недостойно васъ! Вы вникните въ суть его ученія: мы подлѣемъ, умирая морально, мы умираемъ смертью безумія, мы пошло умираемъ физически. Все это отъ тоски по желаніямъ, отъ скорби одиночества, отъ недостатка жизни, въ которой намъ не даютъ мѣста. Развѣ я говорю неразумно? А, господа!... Намъ запрещено жить. Почему запрещено, господа? Развѣ мы преступны?... И еще скажите, развѣ онъ, предлагая намъ выйти съ нимъ за границы жизни въ песчаныя, необитаемыя пустыни, развѣ онъ не правъ? Онъ приведетъ насъ обратно сюда... когда мы воскреснемъ духомъ. Господа, господа!... Что вы хотите дѣлать... Вѣдь такъ у васъ всѣ сумасшедшіе, всѣ, кто хочетъ счастья другимъ и кто простираетъ руку помощи... кто горячо жалѣетъ и много любитъ бѣдныхъ, загнанныхъ жизнью и затравленныхъ другъ другомъ людей...

Наконецъ, онъ задохнулся и умолкъ, обводя всѣхъ испуганными глазами, изъ которыхъ текли крупныя слезы. Губы у него дрожали. Казалось, вотъ онъ сейчасъ зарыдаетъ. И у Минорнаго тоже дрожали губы.

— Вотъ... видите... какъ оно... заразительно...; а я двое сутокъ...—шепталъ онъ доктору.

Тотъ почесалъ себѣ пальцемъ переносицу, приподнявъ очки, и, видимо, тоже пораженный, пробормоталъ:

— Д-да, знаете... Страшный случай!

Ляховъ стоялъ и смотрѣлъ на всѣхъ, странно улыбаясь и все покусывая себѣ губу. Всѣ замолчали. Кирилль Ивановичъ смахивалъ со щекъ слезинки и стоялъ у койки съ убитымъ лицомъ. Въ его глазахъ свѣтилось цѣлое море меланхоли. Онъ стоялъ и обводилъ глазами комнату. За троицею людьми противъ него стояло еще двое въ бѣлыхъ фартукахъ, и за дверью въ сѣняхъ виднѣлись еще головы... И всѣ они упорно и молча ждали чего-то, ждали именно отъ него, ибо всѣ смот-

рѣли въ его сторону. Кирилль Ивановичъ печально улыбнулся и робко сказалъ:

— Простите меня, господа! Вы правы, такъ какъ васъ много! Я не оспариваю ваше право... и я уйду... если могу?

— Подождите минуточку!—любезнымъ жестомъ остановилъ его докторъ.

— Извольте!—и Кирилль Ивановичъ покорно сѣлъ на стулъ, согласно указанію доктора.

Проснулся Маркъ Кравцовъ. Онъ быстро поднялся, сѣлъ на койкѣ и, сурово оглянувъ публику, наполнявшую комнату, громко спросилъ:

— Вы кто?

— Слушай, Маркъ, хочешь кататься?—спросилъ его Ляховъ.

— Не обманывай меня, іезуитъ! Ты хочешь чего-то... Я знаю тебя... и всѣхъ васъ!... А! Вы пришли взять меня!... Но я не дамъ безъ борьбы! Нѣтъ! Я васъ разсѣю, какъ пыль!... Меня взять! Нѣтъ!...

Но на него уже накинули какой-то длинный мѣшокъ. Онъ барахтался въ немъ, пока его не спеленали въ немъ, какъ ребенка. Вотъ его подняли на руки и понесли, а онъ, рыдая и пзвиваясь всѣмъ корпусомъ, кричалъ:

— Нѣтъ!... Нѣтъ!... Нѣтъ!...

Въ комнатѣ остался Ляховъ. Онъ подошелъ къ стѣнѣ, снялъ съ нея какую-то фотографію и, обратясь къ Кириллу Ивановичу, который съ неподвижною до ужаса сосредоточенностію въ глазахъ смотрѣлъ куда-то въ уголъ, ласково сказалъ ему:

— Ну, пойдемте и мы!

Кирилль Ивановичъ покорно всталъ и, не сказавъ ни слова, пошелъ.

— Я ворочусь черезъ часъ!—сказалъ Ляховъ какой-то женщинѣ, запирая дверь комнаты Кравцова.

— Я ворочусь черезъ часъ!—какъ эхо повторилъ за

нимъ Кирилль Ивановичъ Ярославцевъ, взглянувъ на него своими мертвыми глазами.

Теперь они оба въ лѣчебницѣ—и Кирилль Ивановичъ Ярославцевъ, и Маркъ Даниловичъ Кравцовъ. На выздоровленіе Кравцова есть надежды, на выздоровленіе его ученика—нѣтъ никакихъ.

Они встрѣчаются другъ съ другомъ на прогулкахъ въ саду заведенія. Когда Кирилль Ивановичъ издали увидитъ черпоусое и всегда пылающее возбужденіемъ лицо Марка Даниловича, онъ мелкими шажками бѣжитъ къ нему и, снимая колпакъ, тихо шепчетъ:

— Говори, учитель!...

Кирилль Ивановичъ говоритъ очень мало и всегда не иначе, какъ робкимъ шопотомъ. Если Кравцовъ ходитъ, то Кирилль Ивановичъ, согнувшись, семенитъ за нимъ, а если онъ сидитъ, то Кирилль Ивановичъ садится у его ногъ, жалко смотритъ ему въ лицо и изрѣдка просительно шепчетъ:

— Говори, учитель!...

И учитель говоритъ своему ученику возмущенно и строго о гоненіяхъ духа и страданіяхъ духа, торжественно и важно о будѣ всеобщаго спасенія и съ гордостью о самомъ себѣ, великомъ учителѣ и пророкѣ разбитыхъ жизнью людей.

МОЙ СПУТНИКЪ.

(ИСТОРІЯ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВІЯ.)

(1896.)

I.

Встрѣтилъ я его въ одесской гавани. Дня три кряду мое вниманіе останавливала на себѣ его коренастая, плотная фигура, съ лицомъ кавказскаго типа, обрамленнымъ красивой бородкой. Онъ то и дѣло мелькать предо мной: я видѣлъ, какъ онъ по цѣлымъ часамъ стоялъ на гранитѣ мола, засунувъ въ ротъ набалдашникъ трости, и тоскливо разглядывалъ мутную воду гавани своими черными миндалевидными глазами; десять разъ въ день онъ проходилъ мимо меня походкой безпечнаго фланера. Кто онъ?... Я сталъ слѣдить за нимъ. Онъ же, какъ бы нарочно поддразнивая меня, все чаще и чаще попадался мнѣ на глаза, и наконецъ, я привыкъ различать его модный, клѣтчатый, свѣтлый костюмъ и черную шляпу художника, его лѣнивую походку и даже его тупой, скучный взглядъ. Онъ былъ положительно необъяснимъ здѣсь, въ гавани, среди свиста паровозовъ и локомотивовъ, звона цѣпей, криковъ рабочихъ, среди всей этой бѣшено-нервной сутолоки порта, охватывавшей человѣка со всѣхъ сторонъ, приглушавшей его умъ и нервы. Всѣ люди порта были поработаны гигантскими механизмами, требовавшими отъ нихъ неуспянаго вниманія и неустанной работы, всѣ суетились

около паромовъ и вагоновъ, нагружая и разгружая ихъ... Всѣ были озабочены, утомлены, всѣ бѣгали, кричали, ругались въ пыли, въ поту... среди трудовой сутолоки медленно расхаживала эта странная фигура съ мертвенно-скучнымъ лицомъ, равнодушная ко всему...

Наконецъ, уже на четвертый день, въ обѣдъ, я натолкнулся на него и рѣшилъ во что бы то ни стало узнать, кто онъ. Расположившись неподалеку отъ него съ арбузомъ и хлѣбомъ, я сталъ ѣсть и разсматривать его, придумывая, какъ бы поделикатнѣе завязать съ нимъ бесѣду.

Онъ стоялъ, прислонясь къ грудѣ цыбиковъ чая, и, безцѣльно поглядывая вокругъ себя, барабанилъ пальцами по своей трости, какъ по флейтѣ.

Мнѣ, человѣку въ костюмѣ босяка, съ лямкой грузчика на спинѣ и перепачканному въ угольной пыли, трудно было вызвать его, франта, на разговоръ. Но, къ моему удивленію, я увидалъ, что онъ не отрываетъ глазъ отъ меня и они разгораются у него такимъ неприятнымъ, жаднымъ, животнымъ огнемъ. Я рѣшилъ, что объектъ моихъ наблюденій голоденъ, и, быстро оглянувшись вокругъ, спросилъ его тихонько:

— Хотите ѣсть?

Онъ вздрогнулъ, алчно оскалилъ чуть не сотню плотныхъ, здоровыхъ зубовъ и тоже подозрительно оглянулся.

На насъ никто не обращалъ вниманія. Тогда я сунулъ ему полъ-арбуза и кусокъ пшеничнаго хлѣба. Онъ схватилъ все это и исчезъ, присѣвъ за груды товара. Иногда оттуда высовывалась его голова въ шляпѣ, сдвинутой на затылокъ и открывавшей смуглый, потный лобъ. Его лицо блестѣло отъ широкой улыбки, и онъ почему-то все подмигивалъ мнѣ, ни на секунду не переставая жевать. Я сдѣлалъ ему знакъ подождать меня, ушелъ купить мяса, купилъ, принесъ, отдалъ ему и всталъ около ящиковъ такъ, что совершенно загородилъ моего бѣднаго франта отъ постороннихъ взгля-

довъ. До этого онъ ѣлъ и все хищно оглядывался, точно боялся, что у него отнять кусокъ; теперь онъ сталъ ѣсть спокойно, но все-таки такъ быстро и жадно, что мнѣ стало больно смотрѣть на этого изголодавшегося человѣка, и я повернулся спиной къ нему.

— Благодарю! Очѣнь благодарю!—онъ потрясъ меня за плечо, потомъ схватилъ мою руку, стиснулъ ее и тоже жестоко сталъ трести.

Черезъ пять минутъ онъ уже рассказывалъ мнѣ, кто онъ.

Грузинъ, князь Шакро Птадзе, одинъ сынъ у отца, богатаго кутаисскаго помѣщика, онъ служилъ конторщикомъ на одной изъ станцій закавказской желѣзной дороги и жилъ вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ. Этотъ товарищъ вдругъ исчезъ, захвативъ съ собой деньги и цѣнныя вещи князя Шакро, и вотъ князь пустился догонять его. Какъ-то случайно онъ узналъ, что товарищъ взялъ билетъ до Батума; князь Шакро отправился туда же. Но въ Батумѣ оказалось, что товарищъ поѣхалъ въ Одессу. Тогда князь Шакро взялъ у нѣкоего Ваню Свапидзе, парикмахера, — тоже товарища, однихъ лѣтъ съ собой, но не похожаго по примѣтамъ, — паспортъ и двинулся въ Одессу. Тутъ онъ заявилъ полиціи о кражѣ, ему обѣщали найти, онъ ждалъ двѣ недѣли, проѣлъ всѣ свои деньги, и вотъ уже четвертая сутки не ѣлъ ни крошки.

Я слушалъ его рассказъ, звучавшій искренно, перемѣшанный съ ругательствами, смотрѣлъ на него, вѣрилъ ему, и мнѣ было жалко мальчика. Онъ былъ еще мальчикъ, ему шель двадцатый годъ, а по наивности ему можно было дать еще меньше. Онъ часто и съ глубокимъ негодованіемъ упоминалъ о крѣпкой дружбѣ, связывавшей его съ воромъ-товарищемъ, укравшимъ такія вещи, за которыя суровый отецъ Шакро навѣрное „зарѣжетъ“ сына „кынжаломъ“, если сынъ не найдетъ ихъ.—Я подумалъ, что если не помочь этому малому, жадный городъ засосетъ его. Я зналъ, какія иногда

ничтожныя случайности пополняютъ классъ босяковъ; а тутъ для князя Шакро были налицо все шансы попасть въ это почтенное, но не чтимое сословіе. Мнѣ захотѣлось помочь ему. Моего заработка не хватило бы на билетъ до Батума, поэтому я пошелъ по конторамъ просить бесплатнаго проѣзда для Шакро. Я доказывалъ необходимость помощи вѣско, — мнѣ вѣско отказывали. Я предложилъ Шакро пойти къ полицѣймейстеру просить билетъ, онъ замялся и сообщилъ мнѣ, что не пойдетъ. Почему? Оказалось, что онъ не заплатилъ денегъ хозяину номеровъ, въ которыхъ стоялъ, а когда съ него требовали денегъ, онъ ударилъ кого-то; потомъ онъ скрылся и теперь справедливо полагаетъ, что полиція не скажетъ ему спасибо за неплатежъ этихъ денегъ и за ударъ; да, кстати, онъ и не твердо помнитъ—одинъ ударъ или два дано имъ, три или четыре.

Положеніе осложнялось. Я рѣшилъ, что буду работать, пока не заработаю достаточно денегъ для него на проѣздъ до Батума, но увы! оказалось, что это случилось бы не скоро, очень не скоро, ибо проголодавшійся Шакро ѣлъ за троихъ и больше.

Въ то время, вслѣдствіе наплыва „голодающихъ“, поденныя цѣны въ гавани стояли низко, и изъ восьмидесяти копеекъ заработка мы вдвоемъ проѣдали шестьдесятъ. Къ тому же, еще до встрѣчи съ княземъ, я рѣшилъ пойти въ Крымъ, и мнѣ не хотѣлось оставаться надолго въ Одессѣ. Тогда я предложилъ князю Шакро пойти со мной пѣшкомъ на такихъ условіяхъ: если я не найду ему попутчика до Тифлиса, то самъ доведу его, а если найду, то мы распростимся.

Князь посмотрѣлъ на свои щегольскія ботинки, на шляпу, на брюки, погладилъ курточку, подумалъ, вздохнулъ не разъ и, наконецъ, согласился. И вотъ мы съ нимъ отправились изъ Одессы въ Тифлисъ пѣшкомъ.

II.

Когда мы пришли въ Херсонъ, я зналъ моего спутника, какъ малаго наивно-дикаго, крайне неразвитого, веселаго—когда онъ быть сытъ, унылаго—когда голоденъ, какъ сильное и добродушное животное.

Дорогой онъ рассказывалъ мнѣ о Кавказѣ, о жизни помѣщиковъ-грузинъ, о ихъ забавахъ и отношеніи къ крестьянамъ. Его рассказы были интересны, своеобразно красивы, но рисовали предо мной рассказчика крайне не лестно для него. Рассказываетъ онъ, напримѣръ, такой случай:

Къ одному богатому князю съѣхалмсь сосѣди на пирушку; пили вино, ѣли чурекъ и шашлыкъ, ѣли лавашь и пилавъ, и потомъ князь повелъ гостей въ конюшню. Осѣдлали коней. Князь взялъ себѣ лучшаго и пустилъ его по полю. Горячій конь былъ это! Гости хвалятъ его стати и быстроту, князь снова скачетъ, но вдругъ въ поле выносятся крестьянинъ на бѣлой лошади и обгоняетъ коня князя,—обгоняетъ и... гордо смѣется. Стыдно князю передъ гостями!... Сдвинулъ онъ сурово брови, подозвалъ жестомъ крестьянина, и когда тотъ подъѣхалъ къ нему, то ударомъ шашки князь срубилъ ему голову и выстрѣломъ изъ револьвера въ ухо убилъ коня, а потомъ объявилъ о своемъ поступкѣ властямъ. И его осудили въ каторгу...

Шакро передаетъ мнѣ это тономъ сожалѣнія о князѣ. Я пытаюсь ему доказать, что жалѣть тутъ нечего, но онъ поучительно говоритъ мнѣ:

— Князей мало, крестьянъ много. За одного крестьянина нельзя судить князя. Что такое крестьянинъ? Вотъ!—и Шакро показываетъ мнѣ комокъ земли. — А князь—какъ звѣзда!

Мы споримъ, и онъ сердится. Когда онъ сердится, то оскаливаетъ зубы, какъ волкъ, и лицо у него дѣлается острымъ.

— Молчи, Максимъ! Ты не знаешь кавказской жизни,—кричитъ онъ мнѣ.

Мои доводы безсильны предъ его непосредственностью, и то, что для меня ясно, ему смѣшно. Моя логика не задѣвала его мозга, и когда съ большимъ трудомъ я ставилъ его втупикъ доказательствами правильности моихъ воззрѣній и ихъ превосходства, онъ не долго задумывался и говорилъ мнѣ:

— Ступай на Кавказъ, живи тамъ. Увидишь, что я сказалъ правду. Всѣ такъ дѣлаютъ, значить — такъ нужно. Зачѣмъ я буду тебѣ вѣрить, если ты одинъ только говоришь: это не такъ, а тысячи говорятъ—это такъ?

Тогда я молчалъ, понимая, что нужно возражать не словами, а фактами ему, человѣку, который вѣритъ въ то, что жизнь, какова она есть, вполне законна и справедлива. Я молчалъ, а онъ торжествовалъ, такъ какъ твердо вѣрилъ въ свое знаніе жизни и считалъ его истиннымъ, непоколебимымъ, справедливымъ. И мое молчаніе давало ему право повышать тонъ своихъ разсказовъ о кавказской жизни, полной дикой красоты, полной огня и оригинальности. Эти разсказы, интересую и увлекая меня, въ то же время возмущали и бѣсили своей жестокостью, поклоненіемъ богатству и силѣ и отсутствіемъ того, что называютъ обязательной для каждаго человѣка моралью. Какъ-то разъ я спросилъ его, знаетъ ли онъ ученіе Христа?

— Конечно!—пожавъ плечами, отвѣтилъ онъ.

Но когда я разспросилъ его, то оказалось, что онъ знаетъ столько: былъ Христосъ, который возсталъ противъ еврейскихъ законовъ, и евреи распяли Его за это на крестѣ. Но Онъ былъ Богъ, и потому не умеръ на крестѣ, а вознесся на небо и тогда далъ людямъ новый законъ жизни...

— Какой?—спросилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ насмѣшливымъ недоумѣніемъ и спросилъ:

— Ты христіанинъ? Ну! Я тоже христіанинъ. На землѣ почти все христіане. Ну что же ты спрашиваешь? Видишь, какъ все живутъ... Это и есть законъ Христа.

Я, возбужденный, сталъ разсказывать ему о жизни Христа. Онъ слушалъ сначала со вниманіемъ, потомъ оно постепенно ослабѣвало и, наконецъ, заключилось зѣвкомъ.

Видя, что меня не слушаетъ его сердце, я снова обращался къ его уму и говорилъ съ нимъ о выгодахъ взаимопомощи, о выгодахъ знанія, о выгодахъ законности, о выгодахъ, все о выгодахъ...

— Кто силенъ, тотъ самъ себѣ законъ! Ему не нужно учиться, онъ, и слѣпой, найдетъ свой путь, — лѣнливо возразилъ мнѣ князь Шахро.

Онъ умѣлъ быть вѣрнымъ самому себѣ. Это возбуждало во мнѣ уваженіе къ нему; но онъ былъ дикъ, жестокъ, и я чувствовалъ, какъ у меня иногда вспыхивала искра ненависти къ князю Шахро. Но я не терялъ надежды найти точки соприкосновенія между нами и почву, на которой мы оба могли бы сойтись и понимать другъ друга.

Я сталъ проще говорить съ княземъ, старался подойти къ нему ближе. Онъ видѣлъ мои попытки и, должно быть, понимая ихъ, какъ сознаніе мною его превосходства надо мной, принималъ все болѣе покровительственный тонъ въ разговорѣ со мной. Я страдалъ, видя, какъ мои доводы разбиваются въ пыль о каменную стѣну его міропониманія...

Мы прошли Перекопъ и подходили къ крымскимъ горамъ. Уже второй день видѣли мы ихъ на горизонтѣ. Онѣ были голубыя и казались легкими грядами облаковъ. Я любовался ими издали и мечталъ о южномъ берегѣ Крыма. А князь напѣвалъ свои грузинскія пѣсни и былъ хмуръ. У насъ вышли всѣ деньги, и зарабатывать пока было негдѣ. Мы стремились въ Феодосію, гдѣ въ то время начинались работы по устройству гавани.

Князь говорилъ мнѣ, что и онъ тоже будетъ работать и что, заработавъ денегъ, мы поѣдемъ моремъ до Батума. Въ Батумѣ у него много знакомыхъ, и онъ сразу найдетъ мнѣ мѣсто... дворника или сторожа. Онъ хлопалъ меня по плечу и покровительственно говорилъ, сладко прищелкивая языкомъ:

— Я тѣбѣ устрою т-такую жизнь! цце, цце! Вино будешь пить—сколько хочешь, баранины—сколько хочешь! Женишься на грузинкѣ, на толстой грузинкѣ, цце, цце, цце!... Она тѣбѣ будетъ лавашъ печь, дѣтѣй родить, много дѣтѣй, цце, цце!

Это „цце, цце!“ сначала удивляло меня, потомъ стало раздражать, потомъ уже доводило до тоскливаго бѣшенства. Въ Россіи такимъ звукомъ подманиваютъ свиней на Кавказѣ имъ выражаютъ восхищеніе, сожалѣніе, удовольствіе, горе.

Шакро уже сильно потрепалъ свой модный костюмъ, и его ботинки лопнули во многихъ мѣстахъ. Трость и шляпу мы продали въ Херсонѣ. Въмѣсто шляпы онъ купилъ себѣ старую фуражку желѣзнодорожнаго чиновника.

Когда онъ въ первый разъ надѣлъ ее на голову,—надѣлъ сильно набекрень,—то спросилъ меня:

— Идѣтъ на мѣна? Красиво?

III.

И вотъ мы въ Крыму. Мы прошли Симферополь и направлялись къ Ялтѣ.

Я шелъ въ нѣмомъ восхищеніи передъ красотой природы этого дивнаго куска земли, отовсюду ласкаемаго моремъ. Князь вздыхалъ, горевалъ и, бросая вокругъ себя печальные взгляды, пытался набивать свой пустой желудокъ какими-то странными ягодами. Знакомство съ ихъ питательными свойствами не всегда схо-

дико ему съ рукъ благополучно, и часто онъ съ злымъ юморомъ говорилъ мнѣ:

— Если мѣна вывернѣтъ наизнанку, какъ пойду далѣе? а? скажи, какъ?

Возможности что-либо заработать намъ не представлялось, и мы, не имѣя ни гроша на хлѣбъ, питались фруктами и надеждами на будущее. А князь Шахро начиналъ уже упрекать меня въ непредпринимчивости и въ лѣни, и въ „роторазѣвайствѣ“, какъ онъ выражался. Онъ вообще становился тяжелъ, но больше всего угнеталъ меня разсказами о своемъ баснословномъ аппетитѣ. Оказывалось, что онъ, позавтракавъ въ 12 часовъ „маленькимъ барашкѣмъ“, съ тремя бутылками вина, въ 2 часа могъ безъ особыхъ усилій сѣдять за обѣдомъ три тарелки какой-то „чахахбили“ или „чихиртмы“, цѣлую миску пилава, цѣлый шампуръ *) шашлыка, „сколько хочешь толмы“ и еще много разныхъ кавказскихъ яствъ, и при этомъ выпивалъ вина— „сколько хотѣлъ“. Онъ по цѣлымъ днямъ разсказывалъ мнѣ о своихъ гастрономическихъ наклонностяхъ и познаніяхъ,—разсказывалъ, чмокая, съ горящими глазами, оскаливая зубы, скрипя ими, звучно втягивая въ себя и глотая голодную слюну, въ изобилии брызгавшую изъ его краснорѣчивыхъ устъ. Въ такіе моменты онъ внушалъ мнѣ отвращеніе, которое я съ трудомъ могъ скрывать отъ него.

Какъ-то разъ, около Ялты, я нанядся вычистить фруктовый садъ отъ срѣзанныхъ сучьевъ, взялъ впередъ за день плату и на всю полтину купилъ хлѣба и мяса. Когда я принесъ купленное, меня позвалъ садовникъ, и я ушелъ на зовъ, сдавъ покупки эти Шахро, который отказался отъ работы подъ предлогомъ головной боли. Возвратившись черезъ часъ, я убѣдился, что Шахро, говоря о своемъ аппетитѣ, не выходилъ изъ

*) Шампуръ—желѣзный пруть, на которомъ жарятъ шашлыкъ.

границъ правды: отъ купленаго мной не осталось ни крошки. Это былъ не товарищескій поступокъ, но я смолчалъ—на мое горе, какъ оказалось впоследствии.

Шакро замѣтилъ мое молчаніе и воспользовался имъ по-своему. Съ этого времени началось нѣчто удивительно нелѣпое. Я работалъ, а онъ, подъ разными предлогами отказываясь отъ работы, ѣлъ, спалъ и понукалъ меня. Я не толстолицъ. Мнѣ было смѣшно и грустно смотрѣть на него, здороваго парня, алчно смотрѣвшаго на меня, когда я, усталый, возвращался, кончивъ работу, къ нему, гдѣ-нибудь въ тѣнистомъ уголкѣ ожидавшемуся меня; но еще грустнѣе и обиднѣе было видѣть, что онъ смѣется надо мной за то, что я работаю. Онъ смѣялся, потому что выучился просить и потому что я въ его глазахъ былъ какой-то безжизненной чучелой. Когда онъ началъ собирать милостыню, то сначала конфузился меня, а потомъ, когда мы подходили къ татарской деревушкѣ, онъ сталъ на моихъ глазахъ приготавливаться къ сбору. Для этого онъ опирался на палку и волочилъ ногу по землѣ, какъ будто она у него болѣла, зная, что скупые татары не подадутъ здоровому парню. Я спорилъ съ нимъ, доказывалъ ему постыдность такого занятія... Онъ смѣялся.

— Я не умѣю работать!—кратко возражалъ онъ мнѣ.

Ему подавали скудно. Я въ то время начиналъ прихварывать. Путь становился труднѣе день ото дня и мои отношенія съ Шакро все тяжелѣй. Онъ теперь ужъ настоятельно требовалъ, чтобъ я его кормилъ.

— Ты мѣнѣ вѣдешь? Вѣди! Развѣ можно такъ далѣко мѣнѣ идти пѣшкомъ? а? я не привыкъ. Я умереть могу отъ этого! Что ты мѣнѣ мучаешь, убиваешь? Если я вумру, какъ будить всѣ? Мать будить плакать, атець будить плакать, товарицы будутъ плакать! Сколько это слезъ?

Я слушалъ такія рѣчи, но не сердился на нихъ. Въ то время во мнѣ начала закрадываться странная

мысль, побуждавшая меня выносить все это. Бывало—спитъ онъ, а я сижу рядомъ съ нимъ и, разсматривая его спокойное, неподвижное лицо, повторяю про-себя, какъ бы догадываясь о чемъ-то:

— Мой спутникъ... спутникъ мой..

И въ сознаніи моемъ порою смутно возникала мысль, что Шакро только пользуется своимъ правомъ, когда онъ такъ увѣренно и смѣло требуетъ отъ меня помощи ему и заботъ о немъ. Въ этомъ требованіи былъ характеръ, была сила. Онъ меня поработалъ, я ему поддавался и изучалъ его, слѣдилъ за каждой дрожью его фізіономіи, пытаюсь представить себѣ, гдѣ и на чемъ онъ остановится въ этомъ процессѣ захвата чужой личности. Онъ же чувствовалъ себя прекрасно, пѣлъ, спалъ и подсмѣивался надо мной, когда ему этого хотѣлось. Иногда мы съ нимъ расходились дня на два, на три въ разныя стороны; я снабжалъ его хлѣбомъ и деньгами, если онѣ были, и говорилъ, гдѣ ему ожидать меня. Когда мы сходились снова, то онъ, проводившій меня подозрительно и съ грустной злобой, встрѣчалъ такъ радостно, торжествующе и всегда, смѣясь, говорилъ.

— Я думалъ, ты убѣжалъ адынъ, бросилъ мѣня: Ха, ха, ха!...

Я давалъ ему ѣсть, рассказывалъ о красивыхъ мѣстахъ, которыя видѣлъ, и разъ, говоря о Бахчисараѣ, кстати рассказалъ о Пушкинѣ и привелъ его стихи. На него не производило все это никакого впечатлѣнія.

— Э, стихи! Это пѣсни, нѣ стихи! Я зналъ одного человека, грузина, Мато Лежава, тотъ пѣлъ пѣсни! Это пѣсни!... Запоетъ— ай, ай, ай!... Громко... оченъ громко пѣлъ! Точно у него въ горлѣ кинжаломъ ворочаютъ!... Онъ зарезалъ одного духаника, въ Сибирь теперъ пошелъ...

Послѣ каждаго возвращенія къ нему я все больше и ниже падалъ въ его мнѣніи, и онъ не умѣлъ скрывать этого отъ меня.

Дѣла наши шли далеко не хорошо. Я еле находить возможность заработать рубль — полтора въ недѣлю, и, само собою разумѣется, этого было менѣе чѣмъ мало двоимъ. Сборы Шакро не дѣлали экономіи въ пищѣ. Его желудокъ былъ маленькою пропастью, поглощавшей все безъ разбора — виноградъ, дыни, соленую рыбу хлѣбъ, сушеные фрукты — и отъ времени она какъ бы все увеличивалась въ объемъ и все больше требовала жертвъ.

Шакро сталъ торопить меня уходить изъ Крыма, резонно заявляя мнѣ, что скоро уже осень, а путь еще далекъ. Я согласился съ нимъ. Къ тому же я успѣлъ посмотреть эту часть Крыма, и мы пошли на Феодосію, въ чайнѣи „зашибить“ тамъ „деньгу“, которой у насъ все-таки не было. Снова приходилось питаться фруктами и надеждами на будущее...

Бѣдное будущее! Отъ избытка надеждъ, возлагаемыхъ людьми на него, оно теряетъ почти всю свою прелесть, чуть только становится настоящимъ!

Отойдя верстъ двадцать отъ Алушты, мы остановились ночевать. Я уговорилъ Шакро идти берегомъ, хотя это былъ длиннѣйшій путь, но мнѣ хотѣлось надыхаться моремъ. Мы разожгли костеръ и лежали около него. Вечеръ былъ дивный. Темно-зеленое море билось о скалы внизу подъ нами; голубое небо торжественно молчало вверху, а вокругъ насъ тихо шумѣли ароматическіе кустарники и деревья. Выходила луна. Отъ узорчатой зелени чинаръ пали тѣни и ползали по камнямъ. Пѣла какая-то птица, пѣла задорно и звучно. Ея серебряныя трели таяли въ воздухѣ, полнымъ тихаго и ласковаго шума волнъ, и, когда онѣ исчезали, слышалось нервное стрекотанье какого-то насѣкомаго. Костеръ горѣлъ весело, и его огонь казался большимъ пылающимъ букетомъ красныхъ и желтыхъ цвѣтовъ. Онъ тоже рождаетъ тѣни, и эти тѣни весело прыгали вокругъ насъ, какъ бы рисуясь своею живостью предъ

лѣнивыми тѣнями луны. Иногда раздавались въ воздухѣ странные звуки. Широкий горизонтъ моря былъ пустыненъ, небо надъ нимъ безоблачно, и я чувствовалъ себя на краю земли, созерцающимъ пространство—эту чарующую душу загадку... Упоенный торжественной красотой ночи, я какъ бы таялъ въ дивной гармоніи красокъ, звуковъ и запаховъ, пугливое чувство близости къ чему-то великому наполняло мою душу и сердце трепетно замирало отъ наслажденія жить...

Вдругъ, Шакро громко расхохотался:

— Ха, ха, ха!... Какая у тебя глупая рожа! Савсемъ какъ у барана! А, ха, ха, ха!...

Я испугался, точно надо мной внезапно грянуть громъ. Но это было хуже. Это было смѣшно, да, но какъ же это было обидно!... Онъ, Шакро, плакалъ отъ смѣха; я чувствовалъ себя готовымъ плакать отъ другой причины. У меня въ горлѣ стоялъ камень, я не могъ говорить и смотрѣлъ на него* дикими глазами, чѣмъ еще больше усиливалъ его смѣхъ. Онъ катался по землѣ, поджавъ животъ; я же все еще не могъ придти въ себя отъ нанесеннаго мнѣ оскорбленія... ибо мнѣ было нанесено тяжкое оскорбленіе, и тѣ немногіе, которые, я надѣюсь, поймутъ его,—потому что, можетъ быть, сами испытали нѣчто подобное,—тѣ снова взвѣсять въ своей душѣ эту тяжесть.

— Перестань!! — бѣшено крикнулъ я.

Онъ испугался, вздрогнулъ, но все еще не могъ сдержаться, пароксизмы смѣха все еще схватывали его, онъ надувалъ щеки, таращилъ глаза и вдругъ снова разражался хохотомъ. Тогда я всталъ и пошелъ прочь отъ него. Я шелъ долго, безъ думъ, почти безъ сознанія, полный жгучимъ ядомъ одиночества и обиды. Я обнималъ всю природу и, молча, всей душой объяснялся ей въ любви, въ горячей любви человѣка, который немножко поэтъ... а она, въ лицѣ Шакро, расхохоталась надо мной за мое увлеченіе! Я далеко

зашелъ бы въ составленіи обвинительнаго акта противъ природы, Шакро и всѣхъ порядковъ жизни, но за мной раздались быстрые шаги.

— Не сѣрдись!—сконфуженно произнесъ Шакро, тихонько касаясь моего плеча.—Ты молился? Я не зналъ. Я не молюсь самъ...

Онъ говорилъ робкимъ тономъ напавшаго ребенка, и я, несмотря на мое возбужденіе, не могъ не видѣть его жалкой фізіономіи, смѣшно искривленной смущеніемъ и страхомъ.

— Я тебя не трону болше. Вѣрно! Ныкогда!

Онъ отрицательно трясъ головой.

— Я выжу, ты смиренный. Работашь. Меня не заставляешь. Думаю — почему? Значить — глупый онъ, какъ баранъ...

Это онъ меня утѣшалъ! Это онъ извинялся предо мной! Конечно, послѣ такихъ утѣшеній и извиненій мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ простить ему не только прошлое, но и будущее.

Черезъ полчаса онъ крѣпко спалъ, а я сидѣлъ рядомъ съ нимъ и смотрѣлъ на него. Во снѣ даже сильный человѣкъ кажется беззащитнымъ и беспомощнымъ, а Шакро былъ жалокъ. Его толстыя губы были полуоткрыты и, вмѣстѣ съ поднятыми бровями, нарисовали на его лицѣ чисто-дѣтскую мину робкаго удивленія. Дышалъ онъ ровно, спокойно, но иногда возился и бредилъ, говоря просительно и торопливо цѣлыя фразы по-грузински. Вокругъ насъ царилъ та напряженная тишина, отъ которой всегда ждешь чего-то и которая, если бы могла продолжаться долго, сводила бы съ ума человѣка своимъ совершеннымъ покоемъ и отсутствіемъ звука, этой яркой тѣни движенія. Тихій шорохъ волнъ не долеталъ до насъ,—мы находились въ какой-то ямѣ, поросшей цѣпкими кустарниками и казавшейся мохнатымъ зѣвомъ окаменѣвшаго животнаго. Я смотрѣлъ на Шакро и думалъ: „Это мой спутникъ... Я могу бро-

силь его здѣсь, но не могу уйти отъ него, ибо имя его—легіонъ... Это спутникъ всей моей жизни... онъ до гроба проводить меня..."

IV.

Ееодосія обманула наши ожиданія. Когда мы пришли, тамъ было около четырехсотъ человѣкъ, чаявшихъ, какъ и мы, работы и тоже принужденныхъ удовлетвориться ролью зрителей постройки мола. Работали турки, греки, грузины, смоленцы, полтавцы, босяки. Всюду—и въ городѣ, и вокругъ него—бродили группами сѣрые, удрученные фигуры „голодающихъ“, и рыскали волчьей рысью азовскіе и таврическіе босяки.

Насъ тоже сначала приняла за голодающихъ и покормились—было около насъ, стянувъ въ толпѣ съ плечъ Шакро чекмень, купленный мной для него, и сѣзавъ у меня котомку, но, по нѣкоторомъ препирательствѣ, возвратили намъ все это, такъ какъ усмотрѣли духовное и общественное родство между собой и нами, а босяки—народъ благородный, хотя и продувныя бестіи...

Затѣмъ мы, видя, что тутъ намъ дѣлать нечего и что молъ хотять строить безъ насъ, обидѣлись и пошли въ Керчь.

Мой спутникъ держалъ свое слово и не трогалъ меня; но онъ сильно голодалъ и былъ мраченъ, какъ Дарьяльское ущелье. Онъ прямо-таки по-волчьи щелкалъ зубами, видя какъ кто-нибудь ѣлъ, и приводилъ меня въ ужасъ описаніями количествъ разной пищи, которую онъ готовъ былъ поглотить. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ началъ вспоминать о женщинахъ. Сначала вскользь, со вздохами сожалѣнія, потомъ чаще, съ алчными улыбками „восточнаго челавака“, онъ, наконецъ, дошелъ до того, что не могъ уже пропустить мимо себя ни одной особы женскаго пола, какихъ бы лѣтъ и наружности она ни была, чтобъ не подѣлиться со

мною какой-нибудь практически-философской сальностью по поводу той или другой ея статьи. Онъ трактовалъ о женщинахъ такъ свободно, съ такимъ знаніемъ предмета, и смотрѣлъ на нихъ съ такой удивительно прямой точки зрѣнія, что я только отплевывался... Однажды я попробовалъ доказать ему, что женщина—существо ничѣмъ не худшее его, но, видя, что онъ не только обижается на меня за мои взгляды, а даже готовъ придти въ бѣшенство за униженіе, каковому, по его мнѣнію, я подвергалъ его,—оставилъ мои попытки до поры, пока онъ, Шакро, будетъ жить.

На Керчь мы шли уже не берегомъ, а степью, въ видахъ сокращенія пути, и въ котомкѣ у насъ была всего только одна ячменная лепешка фунта въ три, купленная у татарина на послѣдній нашъ пятакъ. По этой грустной причинѣ, придя въ Керчь, мы были не только не въ состояніи искать работы, но прямо-таки еле двигали ногами. Попытки Шакро просить хлѣба по деревнямъ не приводили ни къ чему, вездѣ кратко отвѣчали: „много васъ!...“ Это была великая истина: дѣйствительно, до ужаса много было людей, искавшихъ куска хлѣба въ этотъ тяжелый годъ. Они шли пѣшкомъ, партіями отъ трехъ до двадцати и болѣе, шли съ ребятами, неся ихъ на рукахъ и таща за руки, и все это были такіе прозрачные ребята, съ синеватой кожей, подъ которой, казалось, текла не кровь, а какая-то нездоровая, тухлая и мутная жижица... И кости ихъ торчали изъ-подъ этой изношенной кожи такъ угловато краснорѣчиво, что при одномъ взглядѣ на нихъ въ сердце била тупая тоска, и оно было невыносимой, недоѣдливой болью.

Голодные, полуголые и истомленные дорогой, эти ребята даже и не кричали, они только поглядывали вокругъ острыми, разноцвѣтными глазенками, жадно поблескивавшими при видѣ бахчи или поля еще нескошенной пшеницы, и когда переводили съ тоской свои

взгляды на лица большихъ, тогда казалось, что они спрашиваютъ—зачѣмъ ихъ произвели на свѣтъ?... Иногда ѣхала телѣга, и въ ней качалась скелетообразная старуха, правя лошадей, а вокругъ нея торчали эти дѣтскія головки съ печальными глазами и выразительно молчали, поглядывая на чужую имъ землю. Лошадь, костлявая и вытертая, еле идетъ и такъ жалобно помахиваетъ своей ершистой головой съ запутанной гривой... А кругомъ нея и за ней идутъ вереницей „большіе“. Головы у нихъ опущены, руки—какъ плети и глаза, тусклые и растерянные, не сверкаютъ даже голодной лихорадкой, полные чѣмъ-то невыразимымъ, но поражающе скорбнымъ. И все это двигалось такъ крадучись, медленно и тихо по чужой землѣ, точно эти вышвырнутые несчастіемъ люди своимъ присутствіемъ боялись нарушить покой людей болѣе счастливыхъ, къ которымъ они пришли...

Ихъ много попадалось намъ—этихъ похоронныхъ процессій безъ покойниковъ... Бывало, поровнявшись съ нами или когда мы нагонимъ ихъ, они спросятъ насъ тихо и робко:

— Далече тутъ, ребята, до деревни?

И когда мы отвѣтимъ, они вздыхаютъ и молчатъ, поглядывая на насъ.

Мой спутникъ терпѣть не могъ этихъ непобѣдимыхъ конкурентовъ ему въ сборѣ милостыни. Запасъ его жизненныхъ силъ, несмотря на трудность пути и плохое питаніе, не позволялъ ему пріобрѣсти такого испитого и жалкаго вида, какимъ они, по справедливости, могли гордиться, какъ нѣкоторымъ совершенствомъ, и онъ, еще издали видя ихъ, говорилъ:

— Опять идутъ! Фу, фу, фу! Чѣго ходятъ? Чѣво ѣдутъ? Развѣ Россія тѣсна? Нѣ понимаю! Очень глупый народъ въ Россіи!

И когда я объяснялъ ему причины, побудившія глу-

пый русскій народъ ходить и ѣхать по Крыму, онъ, недовѣрчиво качая головой, возражалъ:

— Не понимаю! Какъ можно!... У насъ въ Грузіи не бываетъ такихъ глупостѣй!

Итакъ, мы прибыли въ Керчь сильно утомленными и голодными. Мы пришли поздно вечеромъ и принуждены были ночевать подъ мостками съ пароходной пристани на берегъ. Намъ не мѣшало спрятаться: мы знали, что изъ Керчи, незадолго до нашего прихода, былъ вывезенъ весь лишній народъ—босяки, и побаивались, что попадемъ въ полицію; а такъ какъ Шакро путешествовалъ съ чужимъ паспортомъ, то это могло повести къ серьезнымъ осложненіямъ въ нашей судьбѣ.

Волны пролива всю ночь щедро осыпали насъ брызгами, и на развѣтъ мы вылѣзли изъ-подъ мостковъ мокрые и иззябшіе. Цѣлый день ходили мы по берегу, и все, что удалось заработать,—это гривенникъ, полученный мною съ какой-то пощады, которой я отнесъ мѣшокъ дынь съ базара.

Теперь нужно было переправиться черезъ проливъ въ Тамань. Ни одинъ лодочникъ не соглашался взять насъ гребцами на тотъ берегъ, какъ я ни просилъ объ этомъ. Всѣ были возстановлены противъ босяковъ, не задолго передъ нами натворившихъ тутъ много геройскихъ подвиговъ, а насъ не безъ основанія причисляли къ ихъ категоріи.

Когда насталъ вечеръ, я, со зла на свои неудачи и на весь міръ, рѣшился на нѣсколько рискованную штуку и съ наступленіемъ ночи привелъ ее въ исполненіе.

V.

Ночью я и Шакро тихонько подошли къ таможенной брандвахтѣ, около которой стояли три шлюпки, привязанныя цѣпами къ кольцамъ, ввинченнымъ въ каменную стѣну набережной. Было темно, дулъ вѣтеръ, шлюпки

ки толкались одна о другую, цѣпи звенѣли... И мнѣ было легко и удобно раскатать кольцо и выдернуть его изъ камня.

Надъ нами, на высотѣ аршинъ пяти, ходилъ таможенный солдатъ-часовой и насвистывалъ сквозъ зубы. Когда онъ останавливался близко къ намъ, я прекращалъ работу, но это было излишней осторожностью; онъ не могъ предположить, что человѣкъ сидитъ по горло въ водѣ, рискуя быть оторваннымъ волной. Къ тому же цѣпи звучали непрерывно и безъ моей помощи. Шакро уже растянулся на днѣ шлюпки и шепталъ мнѣ что-то, чего я не могъ разобрать за шумомъ волнъ. Кольцо въ моихъ рукахъ... Волна схватила лодку и сразу отбросила ее сажень на пять отъ берега. Я держался за цѣпь и плылъ рядомъ съ ней, потомъ влѣзъ въ нее. Мы сняли двѣ настовыя доски и, укрѣпивъ ихъ въ уключинахъ вмѣсто веселъ, поплыли...

Надъ нами летѣли тучи, подъ нами метались волны, и Шакро, сидѣвшій на кормѣ, то пропадалъ изъ моихъ глазъ, проваливаясь вмѣстѣ съ кормой лодки въ водяныя ямы, то подымался высоко надо мной и, крича, почти падалъ на меня. Я посоветовалъ ему привязать свои ноги къ скамьѣ лодки, что уже сдѣлалъ самъ, и не кричать, коли онъ не хочетъ, чтобы часовой услышалъ его. Тогда онъ замолчалъ. Я видѣлъ бѣлое пятно на мѣстѣ его лица. Онъ все время держалъ руль. Намъ некогда было перемѣниться ролями и мы боялись переходить по лодкѣ съ мѣста на мѣсто. Я кричалъ ему, какъ ставить лодку, и онъ, сразу понимая меня, дѣлалъ все такъ быстро, какъ будто родился морякомъ. Доски, замѣнявшія весла, мало помогали мнѣ и только натирали мозоли на рукахъ. Вѣтеръ дулъ въ корму намъ, и я мало заботился о томъ, куда насъ несетъ, стараясь только о томъ, чтобы носъ стоялъ поперекъ пролива. Это было легко установить, такъ какъ еще были видны огни Керчи. Волны заглядывали къ намъ черезъ борта

и гнѣвно шумѣли, сталкиваясь другъ съ другомъ; чѣмъ больше выносило насъ въ проливъ, тѣмъ онѣ становились сильнѣй и шумнѣй. Уже слышался какой-то ревъ, гипнотизировавшій умъ и душу... А лодка все неслась—быстрѣй и быстрѣй, и становилось очень трудно держать курсъ. Мы то и дѣло проваливались въ глубокія ямы и взлетали на водяные бугры, а ночь становилась все темнѣй и тучи опускались ниже. Огни за кормой пропали во мракѣ, и тогда стало страшно. Казалось, что это пространство гнѣвной воды не имѣло уже больше границъ. Ничего не было видно, кромѣ волнъ, летѣвшихъ изъ мрака навстрѣчу лодкѣ. Онѣ съ трескомъ вышибли одну доску изъ моей руки, я самъ бросилъ другую на дно лодки и крѣпко схватился обѣими руками за борта. Шарко вылъ дикимъ голосомъ каждый разъ, какъ лодка подпрыгивала вверхъ. Я чувствовалъ себя жалкимъ и безсильнымъ въ этомъ мракѣ, окруженный разгнѣванной стихіей и оглушенный ея шумомъ. Я смотрѣлъ въ тупой и холодной тоскѣ и видѣлъ вокругъ себя страшное однообразіе—всюду только эти волны съ бѣловатыми гривами, разсыпавшимися въ солёныя брызги, и тучи надо мной, густыя, лохматые, тоже были похожи на волны... Я понималъ только одно: все, что творится вокругъ меня, можетъ быть неизмѣримо сильнѣе и страшнѣе, и мнѣ было обидно, что оно сдерживается и не хочетъ быть такимъ. Смерть неизбежна. Но этотъ безстрастный, все нивелирующий законъ необходимо чѣмъ-нибудь скрашивать, такъ какъ ужъ очень онъ тяжелъ и грубъ. Если бы мнѣ предстояло сгорѣть въ огнѣ или утонуть въ болотной трясины, я постарался бы выбрать первое—все-таки какъ-то приличнѣе...

— Поставимъ парусъ!—крикнулъ Шарко.

— Гдѣ онъ?—спросилъ я.

— Изъ моего чѣмѣня...

— Бросай его сюда! Не выпускай руля!...

Шарко молча завозился на кормѣ.

— Держи!...

Онъ бросилъ мнѣ свой чекмень. Кое-какъ ползая по дну лодки, я оторвалъ отъ наста еще доску, надѣлъ на нее рукавъ плотной одежды, поставилъ ее къ скамьѣ лодки, приперъ ногами и только-что взять въ руки другой рукавъ и полу, какъ случилось нѣчто неожиданное... Лодка прыгнула какъ-то высоко, потомъ полетѣла внизъ, и я очутился въ водѣ, держа въ одной рукѣ чекмень, а другой уцѣпившись за веревку, протянутую по внѣшней сторонѣ борта. Волны съ шумомъ прыгали черезъ мою голову и я глоталъ соленогорькую воду. Она наполнила мои уши, ротъ, носъ... Крѣпко уцѣпившись руками въ веревку, я поднимался и опускался на водѣ, стучаясь головой о бортъ, и, вскинувъ чекмень на дно лодки, старался впрыгнуть на него самъ. Одно изъ десятка моихъ усилій удалось, я осѣдлалъ лодку и тотчасъ же увидѣлъ Шакро, который кувыркался въ водѣ, уцѣпившись обѣими руками за тѣ же веревки, которыя я только-что выпустилъ. Онѣ, оказалось, обходили всю лодку кругомъ, продѣтыя въ желѣзные кольца, ввинченныя въ борта.

— Живъ!—крикнулъ я ему.

Въ этотъ моментъ онъ высоко подпрыгнулъ надъ водой и также брякнулся на дно лодки. Я подхватилъ его, и мы очутились лицомъ къ лицу, другъ съ другомъ. Я сидѣлъ на лодкѣ, какъ на конѣ, всунувъ ноги въ бечевки, какъ въ стремяна, — но это было ненадежно: любая волна могла легко выбить меня изъ сѣдла. Шакро уцѣпился руками за мои колѣни и ткнулся головой мнѣ въ грудь. Онъ весь дрожалъ, и я чувствовалъ, какъ тряслись его челюсти. Нужно было что-нибудь дѣлать. Дно было скользко, точно смазанное масломъ. Я сказалъ Шакро, чтобъ онъ спускался снова въ воду и держался за веревки съ одного борта, а я такъ

же устроюсь на другомъ. Въмѣсто отвѣта, онъ началъ толкать меня головой въ грудь. Волны въ дикой пляскѣ то и дѣло прыгали черезъ насъ, и мы еле держались; одну ногу мнѣ страшно рѣзало веревкой. Всюду въ полѣ зрѣнія рождались высокіе бугры воды и съ шумомъ исчезали.

Я повторилъ Шакро сказанное уже тономъ приказанія. Онъ еще сильнѣе сталъ стучать меня своей головой въ грудь. Медлить было нельзя. Я оторвалъ отъ себя его руки одну за другой и сталъ толкать его въ воду, стараясь, чтобъ онъ задѣлъ своими руками за веревки. И тутъ произошло нѣчто, испугавшее меня больше всего въ эту ночь.

— Топишь меня?—прошепталъ Шакро и взглянулъ мнѣ въ лицо.

Это было дѣйствительно страшно! Страшенъ былъ его вопросъ, еще страшнѣе тонъ вопроса, въ которомъ звучала и робкая покорность факту, и робкая просьба пощады, и послѣдній вздохъ человѣка, потерявшаго надежду избѣжать рокового конца. Но еще страшнѣе были глаза на мертвенно-блѣдномъ мокромъ лицѣ!...

Я крикнулъ ему:

— Держись крѣпче!—и спустился въ воду самъ, держась за веревку. Я ударился о что-то ногой, и въ первый моментъ не могъ ничего понять отъ боли. Но потомъ понялъ. Во мнѣ вспыхнуло что-то горячее, я опьянѣлъ и почувствовалъ себя сильнымъ, какъ никогда...

— Земля!—крикнулъ я.

Можетъ быть, великіе мореплаватели, открывавшіе новыя земли, при видѣ ихъ кричали это слово съ большимъ чувствомъ, чѣмъ я, но сомнѣваюсь, чтобъ они могли кричать громче меня. Шакро завылъ, и мы бросились въ воду. Но мы оба быстро охладѣли; воды было еще по грудь намъ, и нигдѣ не видѣлось какихъ-либо болѣе существенныхъ признаковъ сухого берега. Волны здѣсь были слабѣе и уже не прыгали, а лѣниво

перекатывались черезъ насъ. Къ счастью, я не выпустилъ изъ рукъ шлюпки. И вотъ, мы съ Шакро стали по ея бортамъ и, держась за спасательныя веревки, осторожно пошли куда-то, ведя за собой лодку, уже приведенную нами въ естественное положеніе.

Шакро бормоталъ что-то и смѣялся. Я озабоченно поглядывалъ вокругъ. Было темно. Сзади и сирава отъ насъ шумъ волнъ былъ сильнѣе, впереди и влѣво—тише; мы пошли влѣво. Почва была твердая, песчаная, но вся въ ямахъ; иногда мы не доставали дна и гребли ногами и одной рукой, другой держась за лодку; иногда воды было только по колѣно. На глубокихъ мѣстахъ Шакро вылъ, а я дрожалъ въ страхѣ. И вдругъ спасеніе—впереди насъ засверкалъ огонь...

Шакро заоралъ что есть мочи; но я твердо помнилъ, что лодка казенная, и тотчасъ же заставилъ его вспомнить объ этомъ. Онъ замолчалъ, но черезъ нѣсколько минутъ раздались его рыданія. Я не могъ успокоить его—нечѣмъ было.

Воды все становились меньше... по колѣно... по щиколотокъ... Воды нѣтъ ужъ больше! Мы съ Шакро, все тащили казенную лодку; но тутъ у насъ не стало силъ, и бросили ее. На пути у насъ лежала какая-то черная коряга. Мы перепрыгнули черезъ нее—и оба босыми ногами попали въ какую-то колючую траву. Это было больно и со стороны земли негостепріимно, но мы не обращали на это вниманія и побѣжали на огонь. Онъ былъ въ верстѣ отъ насъ и, весело пылая, казалось, смѣялся на встрѣчу намъ, а тѣмъ страшно колыхалась вокругъ него...

VI.

...Три громадныя, кудластыя собаки, выскочивъ откуда-то изъ тѣмы, бросились на насъ. Шакро, все время судорожно рыдавшій, страшно взвылъ и упалъ на землю. Я швырнулъ въ собакъ мокрымъ чекменемъ и

наклонился, шаря рукой камня или палки. Ничего не было, только трава колола руки. Собаки дружно насккивали. Я засвисталъ что есть мочи, вложивъ въ ротъ два пальца. Онѣ отскочили, и тотчасъ же послышался топотъ и говоръ бѣгущихъ людей.

Чрезъ нѣсколько минутъ мы были у костра въ кругу изъ четырехъ чабановъ, одѣтыхъ въ овчины шерстью вверху. Они молча, пристально и подозрительно смотрѣли на насъ и слушали мой рассказъ.

Двое сидѣли на землѣ и курили, выпуская дымъ громадными клубами; одинъ—высокій, съ густой черной бородой и въ высокой казацкой папахѣ—стоялъ сзади насъ, опершись на палку съ громадной шишкой изъ корня на концѣ; четвертый, молодой русый парень, помогать плакавшему Шакро раздѣваться. Неподалеку отъ каждаго изъ нихъ лежали ихъ, внушавшія уваженіе палки. Саженьяхъ въ пяти отъ насъ земля на большомъ пространствѣ была покрыта толстымъ пластомъ чего-то густого, сѣраго и волнообразнаго, похожаго на весенній, уже начавшій таять снѣгъ. Только долго и пристально всматриваясь, можно было разобрать отдѣльныя фигуры овецъ, плотно прильнувшихъ одна къ другой. Ихъ было тутъ не одинъ десятокъ тысячъ, плотно сдавленныхъ сномъ и мракомъ ночи въ густой, теплый и толстый пласть, покрывавшій степь. Иногда онѣ блеяли жалобно и пугливо...

Я сушилъ чекмень надъ огнемъ и говорилъ чабанамъ все по правдѣ, рассказаль и о способѣ, которымъ добылъ лодку.

— Гдѣ жъ она, та лодка?—спросилъ меня суровый сѣдой старикъ, не сводившій съ меня глазъ.

Я сказалъ имъ.

— Пойди, Михаль, пошукай!...

Михаль, тотъ чернобородый, вскинулъ палку на плечо и отправился къ берегу.

Чекмень высохъ. Шакро надѣлъ было его на голое тѣло, но старикъ сказалъ:

— Поди! побѣгай прежде, чтобъ разогрѣть кровь. Бѣги вокругъ костра, ну!

Шакро сначала не понялъ, но потомъ вдругъ сорвался съ мѣста и, голый, началъ танцовать невообразимо дикій танецъ, мячикомъ перелетая черезъ костеръ, кружась на одномъ мѣстѣ, топая ногами о землю, крича во всю мочь, размахивая руками. Это была уморительная картина. Двое чабановъ покатывались по землѣ, хохоча во все горло, а старикъ съ серьезнымъ, невозмутимымъ лицомъ старался отбивать ладонями тактъ пляски, но не могъ его уловить, присматривался къ танцу Шакро, качая головой и шевеля усами, и все покрикивалъ густымъ басомъ:

— Гай-га! Такъ, такъ! Гай-га! Буцъ, буцъ!

Освѣщенный огнемъ костра, Шакро извивался змѣей, принималъ самыя разнообразныя позы, прыгалъ на одной ногѣ, выбивалъ частую дробь обѣими, и его блестящее въ огнѣ тѣло покрывалось крупными каплями пота. Эти капли отъ огня казались красными, какъ кровь.

Теперь уже всѣ трое чабановъ били въ ладони, а я, дрожа отъ холода, сушился у костра и думалъ, что переживаемое приключеніе сдѣлало бы счастливымъ какого-нибудь поклонника Купера и Жюля-Верна: есть и кораблекрушеніе, и гостепріимные аборигены, и пляска дикихъ вокругъ костра... И думая такъ, я очень безпокоился о томъ, каково будетъ самое лучшее мѣсто всякаго приключенія—его конецъ.

Шакро уже сидѣлъ на землѣ, закутанный въ чекмень, и ѣлъ что-то, поглядывая на меня своими черными глазами, въ которыхъ искрилось нѣчто, возбуждавшее во мнѣ непріятное чувство. Его одежда сушилась, повѣшенная на палки, воткнутыя въ землю около костра. Мнѣ тоже дали ѣсть хлѣба и соленого сала.

Пришелъ Михалъ и, молча, сѣлъ рядомъ со старикомъ.

— Ну?—спросилъ старикъ.

— Есть лодка!—кратко сказалъ Михалъ.

— Ее не смоетъ?

— Нѣтъ!

И они все замолчали, снова разглядывая меня.

— Что жъ,—спросилъ Михалъ, ни къ кому собственно не обращаясь,—свести ихъ въ станицу къ атаману?—А можетъ, прямо къ таможеннымъ?

„Вотъ и конецъ!“—подумалъ я. Михалу не отвѣчалъ никто. Шакро ѣлъ-себѣ и помалкивалъ.

— Можно къ атаману свести... и къ таможеннымъ тоже... И то гарно, и другое,—сказать, помолчавъ, старикъ.

— Коли они украли казенную штуку, то и слѣдуетъ имъ за это дать гонку...

— Погоди, дѣдь...—началъ я.

Но онъ не обратилъ на меня никакого вниманія.

— Не кради! Да! А если имъ гонки не дать, то они и еще сдѣлаютъ такое...

Старикъ говорилъ возмутительно равнодушно, и когда онъ кончилъ, его товарищи молча кивнули головами.

— Вотъ такъ-то! Укралъ, ну, и терпи, коли попался... да! Михалъ! Это штука... лодка, тамъ?

— Эге, тамъ.

— Что жъ... ее не смоетъ вода?

— Ни... не смоетъ.

— Такъ и пускай ее стоитъ тамъ. А завтра лодочники поѣдутъ до Керчи и захватятъ ее съ собой. Что жъ бы имъ не захватить пустую лодку? Э?

— Ну, вотъ... А теперь вы... хлопцы-рванцы... того... якъ его?... Не боялись вы оба? Нѣтъ? те-те!... А еще бы полверсты, то и быть бы вамъ въ морѣ. Что жъ бы вы подѣлали, коли бъ выкинуло въ море? А? Утонули бы, какъ топоры оба... да! Утонули бы, и все тутъ.

Старикъ замолчалъ и сталъ съ насмѣшливой улыбкой въ усахъ смотрѣть на меня.

— Что жъ ты молчишь, парнюга?—спросилъ онъ меня.

Мнѣ надоѣли его разсужденія, которыя я, не понимая, принималъ за издѣвательство надъ нами.

— Да вотъ слушаю тебя!—сказалъ я довольно сердито.

— Ну, и что жъ?—поинтересовался старикъ.

— Ну, и ничего.

— А чего жъ ты дразнишься? Развѣ то порядокъ дразнить старшаго, чѣмъ самъ ты?

Я молчалъ, сознавая, что дѣйствительно не порядокъ.

— А ѣсть ты не хочешь еще?—продолжалъ старикъ.

— Не хочу.

— Ну, не ѣшь. Не хочешь—и не ѣшь. А можетъ, на дорогу взялъ бы хлѣба?

Я вздрогнулъ отъ радости, но не выдалъ себя.

— На дорогу взялъ бы...—спокойно сказалъ я.

— Эге!... Такъ дайте жъ имъ на дорогу хлѣба и сала тамъ... А можетъ, еще что есть? то и этого дайте.

— А развѣ жъ они пойдутъ?—спросилъ Михаль.

Остальные двое подняли глаза на старика.

— А чего жъ бы имъ съ нами дѣлать?

— Да вѣдь къ атаману мы ихъ хотѣли... а то къ таможеннымъ...—разочарованно заявилъ Михаль.

Шакро завозился около костра и любопытно высунулъ голову изъ чекменя. Онъ былъ покоенъ.

— Что жъ имъ дѣлать у атамана? Нечего, пожалуй, имъ у него дѣлать. Послѣ ужъ они пойдутъ къ нему... коли захотятъ.

— А лодка какъ же?—не уступалъ Михаль.

— Лодка?—переспросилъ старикъ.—Что жъ лодка? Стоитъ она тамъ?

— Стоитъ...—отвѣтилъ Михаль.

— Ну, и пусть ее стоитъ. А утромъ вотъ Ивашка сгонитъ ее къ пристани... тамъ ее возьмутъ до Керчи. Больше и нечего дѣлать съ лодкой.

Я пристально смотрѣлъ на стараго и не могъ уловить ни малѣйшаго движенія на его флегматичномъ, загорѣломъ и обвѣтренномъ лицѣ, по которому прыгали тѣни отъ костра.

— А не вышло бы грѣха какого часомъ...— началъ сдаваться Михалъ.

— Коли ты не дашь воли языку, то грѣха не должно бы, пожалуй, выйти. А если ихъ довести до атамана, то это, думаю я, безпокойно будетъ и намъ, и имъ. Намъ надо свое дѣло дѣлать, имъ—идти—Эй! далеко еще вамъ идти?—спросилъ старикъ, хотя я уже говорилъ ему, какъ далеко.

— До Тифлиса...

— Много пути! Вотъ видишь, а атаманъ задержать ихъ; а коли онъ задержать, когда они придутъ? Такъ ужъ пусть же они идутъ себѣ, куда имъ дорога. А?

— А что жъ? Пускай идутъ!—согласились товарищи старика, когда онъ, кончивъ свои медленные рѣчи, плотно сжалъ губы и вопросительно оглянулъ всѣхъ ихъ, крутя пальцами свою сивую бороду.

— Ну, такъ идите же къ Богу, ребята!—махнулъ рукой старикъ.—А лодку мы отправимъ на мѣсто. Такъ ли?

— Спасибо тебѣ, дѣдъ!—скинулъ я шапку.

— А за что жъ спасибо?

— Спасибо, братъ, спасибо!—взволнованно повторилъ я.

— Да за что жъ спасибо? Вотъ чудно! Я говорю—идите къ Богу, а онъ мнѣ—спасибо! Развѣ ты боялся, что я къ дьяволу тебя пошлю, э?

— Былъ грѣхъ, боялся!...—сказалъ я.

— О!...—и старикъ поднялъ брови.—Зачѣмъ же мнѣ направлять человѣка по дурному пути? Ужъ лучше я его по тому пошлю, которымъ самъ иду. Можетъ быть, еще встрѣтимся, такъ ужъ знакомы будемъ. Часомъ помочь другъ другу придется... До свидкі...

Онъ снялъ свою мохнатую баранью шапку и поклонился намъ. Поклонились и его товарищи. Мы спросили дорогу на Анапу и пошли. Шакро смѣялся надъ чѣмъ-то...

VII.

--- Ты чему смѣешься? — спросилъ я его.

Я былъ въ восхищеніи отъ стараго чабана и его жизненной морали, я былъ въ восхищеніи и отъ свѣжаго предразсвѣтнаго вѣтерка, вѣявшаго прямо намъ въ грудь, и отъ того, что небо очистилось отъ тучъ, скоро разсвѣтаетъ, на ясное небо выйдетъ солнце и родится блестящій красавецъ-день...

Шакро хитро подмигнулъ мнѣ глазомъ и расхохотался еще сильнѣй. Я тоже улыбался, слыша его веселый, здоровый смѣхъ. Два - три часа, проведенные нами у костра чабановъ, и вкусный хлѣбъ съ саломъ оставили отъ утомительнаго путешествія только легонькую ломоту въ костяхъ; но это ощущеніе должно было исчезнуть отъ ходьбы.

— Ну, чего жъ ты смѣешься? Радъ, что живъ остался, да? Живъ, да еще и сытъ?

Шакро отрицательно мотнулъ головой, толкнулъ меня локтемъ въ бокъ, сдѣлалъ мнѣ гримасу, снова расхохотался и, наконецъ, заговорилъ своимъ ломанымъ языкомъ:

— Нѣ панымаишь, почему смѣшно? Нѣтъ? Сѣчасъ будишь знать! Знаишь, что я сдѣлалъ бы, когда бы насъ павэли къ этому атаману-таможану? Нѣ знаишь? Я бы сказалъ про тѣбя: онъ мѣня утопитъ хотѣлъ! И сталъ бы плакать. Тогда бы мѣня стали жалѣть и не посадили бы въ турму! Панымаишь?

Я хотѣлъ сначала понять это какъ шутку, но, увы! онъ сумѣлъ меня убѣдить въ серьезности своего намѣренія. Онъ такъ основательно и ясно убѣждалъ меня

въ этомъ, что я, вмѣсто того, чтобы взбѣситься на него за этотъ наивный цинизмъ, пренесполнился къ нему, и ужъ кстати—къ себѣ, чувствомъ глубокой жалости. Что иное можно чувствовать къ человѣку, который съ свѣтлѣйшей улыбкой и самымъ искреннимъ тономъ рассказываетъ тебѣ о своемъ намѣреніи убить тебя? Что съ нимъ дѣлать, если онъ смотритъ на этотъ поступокъ, какъ на милую и остроумную шутку?

Я съ жаромъ пустился доказывать ему всю безнравственность его намѣренія. Онъ очень просто возражалъ мнѣ, что я не понимаю его выгодъ и забываю о проживаніи по чужому билету и о томъ, что за это не хвалить...

Вдругъ у меня блеснула одна жестокая мысль...

— погоди, — сказала я, — да ты вѣришь въ то, что я дѣйствительно хотѣлъ топить тебя?

— Нѣтъ!... Когда ты меня въ воду толкалъ—вѣрилъ, когда самъ ты пошелъ—нѣ вѣрилъ!

— Слава Богу!—воскликнулъ я.—Ну, и за это спасибо!

— Нѣтъ, нѣ гавари спасибо! Я тебѣ скажу спасибо! Тамъ, у костра, тебѣ холодно было, мнѣ холодно было... Чѣмъ твой,—ты нѣ взялъ его сѣбѣ. Ты его высушилъ и далъ мнѣ. А сѣбѣ нычѣго нѣ взялъ. Вотъ тебѣ спасибо! Ты очень хорошій человекъ — я панимаю. Придемъ въ Тыфлысъ, за все палучишь. Къ отцу тебѣ павѣду. Скажу отцу—вотъ человекъ! Карми его, пои его, а меня къ ишакамъ въ хлѣвъ запри! Вотъ какъ скажу! Жить у насъ будѣшь, садовникомъ будѣшь, пить будѣшь вино, ѣсть чего хочѣшь!... ахъ, ахъ, ахъ!... очень харашо будѣтъ тебѣ жить! Очень просто!... Пей, ѣшь изъ адной чашки со мной!...

Онъ долго и подробно рисовалъ прелести жизни, которую собирался устроить мнѣ у себя въ Тыфлисѣ. А я подъ его говоръ думалъ о великомъ несчастіи тѣхъ людей, которые, вооружившись новой моралью,

новыми желаніями, одиноко ушли впередъ и потерялись въ жизни и встрѣчаютъ на дорогѣ своей спутниковъ, чуждыхъ имъ, неспособныхъ понимать ихъ... Тяжела жизнь такихъ одинокихъ! Безвольно носятся они въ воздухѣ... Но они носятся въ немъ какъ сѣмена добрыхъ злаковъ, хотя и рѣдко сгниваютъ въ почвѣ плодотворной...

Свѣтало. Даль моря уже блестѣла розоватымъ золотомъ.

— Я спать хочу!—сказалъ Шакро.

Мы остановились. Онъ легъ въ яму, вырытую вѣтромъ въ сухомъ пескѣ недалеко отъ берега, и, съ головою закутавшись въ чекмень, скоро заснулъ. Я сидѣлъ рядомъ съ нимъ и смотрѣлъ въ море.

Оно жило своей широкой жизнью, полной мощнаго движенія. Стан волнъ съ шумомъ катились на берегъ и разбивались о песокъ, а онъ слабо шипѣлъ, впитывая воду. Взмахивая бѣлыми гривами, передовыя волны съ шумомъ ударялись грудью о берегъ и отступали, отраженные имъ, а ихъ уже встрѣчали другія, шедшія поддержать ихъ. Обнявшись крѣпко въ пѣнѣ и брызгахъ, онъ снова катились на берегъ и били его въ стремленіи расширить предѣлы своей жизни. Отъ горизонта до берега, на всемъ протяженіи моря, рождались эти гибкія и сильныя волны и все шли, шли плотной массой, тѣсно связанныя другъ съ другомъ единствомъ цѣли... Солнце все ярче освѣщало ихъ хребты, и у далекихъ волнъ, на горизонтѣ, они казались кроваво-красными. Ни одной капли не пропадало безслѣдно въ этомъ титаническомъ движеніи водной массы, которая, казалось, воодушевлена какой-то сознательной цѣлью и вотъ достигаетъ ея этими широкими, ритмичными ударами. Увлекательна была красивая храбрость передовыхъ, задорно прыгавшихъ на молчаливый берегъ, и хорошо было смотрѣть, какъ вслѣдъ за ними спокойно и дружно идетъ все море, могучее море, уже

окрашенное солнцемъ во всѣ цвѣта радуги и полное сдержаннаго сознанія своей красоты и силы...

Изъ-за мыса, разсѣкая волны, выплылъ громадный пароходъ и, важно качаясь на взволнованномъ лонѣ моря, понесся по хребтамъ волнъ, бѣшено бросавшихся на его борта. Красивый и сильный, блестящій на солнцѣ своимъ металломъ, въ другое время онъ, пожалуй, могъ бы навести на мысль о гордомъ творчествѣ людей, поработающихъ стихіи... Но рядомъ со мной лежалъ человѣкъ-стихія.

VIII.

Мы шли по Терской области. Шакро былъ растрепанъ и оборванъ на диво и былъ чертовски золъ, хотя уже не голодалъ теперь, такъ какъ заработка было достаточно. Онъ оказался неспособнымъ къ какой-либо работѣ. Однажды попробовалъ стать къ молотилкѣ отгребать солому и черезъ полдня сошелъ, натеревъ граблями кровавыя мозоли на ладоняхъ. Другой разъ стали корчевать держи-дерево, и онъ сорвалъ себѣ мотыгой кожу съ шеи.

Шли мы довольно медленно, — дня два работаешь, а день идешь. Бѣтъ Шакро крайне несдержанно, и, по милости его сластолюбія, я никакъ не могъ скопить столько денегъ, чтобъ имѣть возможность приобрести ему какую-либо часть костюма. А у него всѣ части — сомнище разнообразныхъ дыръ, дико скомбинированныхъ разноцвѣтными заплатами. Я уговаривалъ его не заходить въ станичные трактиры и не пить тамъ его излюбленнаго вина, но онъ не обращалъ на меня вниманія.

Однажды въ какой-то станицѣ онъ вытащилъ изъ моей котомки съ большимъ трудомъ, тайно отъ него, но для него же скопленные пять рублей и вечеромъ явился въ домъ, гдѣ я работалъ въ огородѣ, пьяный и съ какой-то толстой бабой-казачкой, которая поздоровалась со мною такъ:

— Здравствуй, еретикъ проклятый!

А когда я, удивленный такимъ эпитетомъ, спросилъ ее, почему же я еретикъ, она съ апломбомъ отвѣтила мнѣ:

— А потому, дьяволъ, что запрещаешь парню женскій полъ любить! Развѣ ты можешь запрещать, коли законъ позволяетъ?... Анаема ты!...

Шакро стоялъ рядомъ съ ней и утвердительно кивалъ головой. Онъ былъ очень пьянъ и когда дѣлалъ какое-либо движеніе, то весь развинченно качался. Нижняя губа у него отвисла. Тусклые глаза смотрѣли мнѣ въ лицо безсмысленно-упорно.

— Ну, ты, чего жъ вытаращилъ зенки на насъ? Давай его деньги!—закричала храбрая баба.

— Какія деньги?—изумился я.

— Давай, давай! А то я тебя въ войсковую сведу! Давай тѣ полтора ста рублей, что взялъ у него въ Одессѣ!

Что мнѣ было дѣлать? Чортова баба съ пьяныхъ глазъ въ самомъ дѣлѣ могла пойти въ войсковую избу, и тогда станичное начальство, строгое къ разному странствующему люду, арестовало бы насъ. Кто знаетъ, что могло выйти изъ этого ареста для меня и Шакро! И вотъ, я началъ дипломатически обходить бабу, что, конечно, не стоило большихъ усилій. Кое-какъ при помощи трехъ бутылокъ вина я умиротворилъ ее. Она свалилась на землю между арбузовъ и заснула. Я уложилъ Шакро, а рано утромъ другого дня мы съ нимъ вышли изъ станицы, оставивъ бабу съ арбузами.

Полубольной съ похмелья, съ нзмѣтымъ и опухшимъ лицомъ, Шакро ежеминутно плевался и тяжело вздыхалъ. Я пробовалъ разговаривать съ нимъ, но онъ не отвѣчалъ мнѣ и только помахивалъ своей кудлатой головой, какъ усталая лошадь.

День становился жаркимъ, и воздухъ былъ наполненъ тяжелыми испареніями сырой почвы, поросшей

травой, густой и высокой, чуть не по плечи намъ. Всюду кругомъ насъ неподвижно стояло зеленое бархатное море и дышало въ знойное небо сочными ароматами, отъ которыхъ кружилась голова...

Для сокращенія пути, мы шли узкой тропинкой, по которой взадъ и впередъ ползали маленькія красныя змѣйки, извиваясь у насъ подъ ногами. Справа, отъ насъ, на горизонтѣ, тянулась гряда облаковъ, сверкавшихъ на солнцѣ серебромъ, — то былъ Дагестанскій хребетъ. Тишина, царившая вокругъ, усыпляла и погружала въ мечтательно-дремотное состояніе. Слѣдомъ за нами, по небу медленно двигались черныя густыя стаи тучъ. Сливаясь другъ съ другомъ, онѣ покрыли все небо сзади насъ, тогда какъ впереди оно было еще ясно, хотя уже клочья облаковъ выбѣжали въ него и рѣзво неслись куда-то впередъ, обгоняя насъ и все гуще покрывая небо. Далеко гдѣ-то рокоталъ громъ и его ворчливые звуки все приближались. Крупныя капли дождя стали падать и ударяться о траву. Трава металлически шелестѣла.

Намъ негдѣ было укрыться. Вотъ стало темно, и шелестъ травы зазвучалъ хоть и громче, но какъ-то испуганно. Грянулъ громъ—и тучи дрогнули, охваченныя синимъ огнемъ. Потомъ стало темно, и серебристая цѣпь горъ пропала во тьмѣ. Крупный дождь полился ручьями, и одинъ за другимъ удары грома начали грозно и непрерывно рокотать въ пустынной степи. Трава, сгибаемая ударами вѣтра и дождя, ложилась на землю и шуршала блѣднымъ звукомъ. И все дрожало, волновалось. Молніи, слѣпя глаза, рвали тучи... Въ голубомъ блескѣ ихъ вдали вставала горная цѣпь, сверкая синими огнями, серебряная и холодная, а когда молніи гасли, она исчезала, какъ бы проваливаясь въ темную пропасть. Все гремѣло, вздрагивало, отталкивало звуки и родило ихъ.—Точно небо, мутное и гнѣвное, огнемъ очищало себя отъ пыли и всякой мерзости, подняв-

шейся до него съ земли, и земля, казалось, дрожить въ страхѣ предъ гнѣвомъ его.

Шакро дрожалъ и ворчалъ, какъ испуганная собака. А мнѣ было весело, и я какъ-то приподнялся надъ обыкновеннымъ, наблюдая эту могучую и мрачную картину степной грозы. Дивный хаосъ увлекалъ и настраивалъ на героическій ладъ, охватывая душу грозной и дикой гармоніей...

И мнѣ захотѣлось принять участіе въ ней, выразить чѣмъ-нибудь переполнявшее меня чувство восхищенія передъ этой тайной силой, сокрушающей тьму и тучи. Голубое пламя, охватывавшее небо, казалось, горѣло и въ моей груди; и чѣмъ мнѣ было выразить мое великое волненіе и мой восторгъ предъ грандіозной картиной природы?... Я запѣлъ — громко, во всю силу. Ревѣлъ громъ, блистали молніи, шуршала трава, а я пѣлъ и чувствовалъ себя въ полномъ родствѣ со всѣми звуками... Я безумствовалъ; это простительно, ибо не вредило никому, кромѣ меня. Я былъ полонъ желанія какъ можно больше схватить и впитать въ себя живой и могучей красоты и силы, бушевавшей въ степи, и стать ближе къ ней... Буря на морѣ и гроза въ степи!—я не знаю болѣе грандіозныхъ явленій въ природѣ.

Итакъ, я кричалъ себѣ, будучи твердо увѣренъ, что не обезпокою никого такимъ поведеніемъ и никого не поставлю въ необходимость подвергнуть строгой критикѣ мой образъ дѣйствій. Но вдругъ меня сильно дернули за ноги, и я невольно и буквально сѣлъ въ лужу...

Въ лицо мнѣ смотрѣлъ Шакро серьезными и гнѣвными глазами.

— Ты сошелъ съ ума? Нѣ сошелъ? Нѣтъ? Ну, за-амалчи! нѣ кричи! я тѣбѣ разорву глотку! панымайшь?

Я изумился и сначала спросилъ его, чѣмъ я ему мѣшаю...

— Пугайшь! понялъ? Громъ гремитъ—Богъ гаворитъ, а ты арьешь... Что ты о себѣ думаешь?

Я заявилъ ему, что я имѣю право пѣть, если хочу, равно какъ и онъ.

— А я нѣ хачу!—категорически сказалъ онъ.

— Не пой!—согласился я.

— И ты нѣ пой!—строго внушалъ Шакро.

— Нѣтъ, я ужъ лучше буду...

— Послушай, что ты думаешь?—гнѣвно заговорилъ Шакро.—Кто есть ты такой? есть у тѣбѣ домѣ? Есть у тѣбѣ мать? отѣцъ? Есть родные? зѣмли? Кто ты на зѣмлѣ? Ты—человѣкъ, думаешь? Это я человѣкъ! У мѣнѣ все есть!...—Онъ постукалъ себя въ грудь.—Я князь!... А ты... ты — ничего! Ничего нѣтъ! Ты говоришь — я тотъ-то!... Кто еще это скажитъ?! А мѣнѣ знать Кутаисъ, Тыфлысъ!... Панимаешь? Ты нѣ иди протывъ мѣнѣ! Ты мнѣ служишь?—Будышь доволенъ! Я заплачу тѣбѣ въ десять разъ! Ты такъ дѣлаешь мнѣ? Ты нѣ можешь дѣлать иное; ты самъ гаварылъ, что Богъ велѣлъ служить всѣмъ бѣзъ награды! Я тѣбѣ награжу! За чѣмъ ты мѣнѣ мучаешь? учишь, пугаешь? Хочешь, чтобы я былъ, какъ ты? Это нѣ хорошо! Нѣльзя дѣлать пахожимъ на сѣбѣ!... Эхъ, эхъ, эхъ!... Фу, фу!...

Онъ говорилъ, чмокалъ, фыркалъ, вздыхалъ... Я смотрѣлъ ему въ лицо, разинувъ ротъ отъ изумленія. Онъ, очевидно, выливалъ предо мной всѣ возмущенія, обиды и недовольства мною, накопленные за все время нашего путешествія. Для вящей убѣдительности онъ тыкалъ мнѣ пальцемъ въ грудь и трясъ меня за плечо и, въ особенно сильныхъ мѣстахъ, налѣзалъ на меня своей тупею. Насъ поливалъ дождь, надъ нами непрерывно грохоталъ громъ, и Шакро, чтобъ быть услышаннымъ мною, кричалъ во все горло.

Трагикомизмъ моего положенія выступилъ предо мной яснѣе всего и заставилъ меня расхохотаться что было моихъ силъ...

Шакро, плюнувъ, отвернулся отъ меня.

IX.

...Чѣмъ ближе мы подходили къ Тифлису, тѣмъ Шакро становился сосредоточеннѣе и угрюмѣе. Что-то новое появилось на его исхудаломъ, но все-таки неподвижномъ лицѣ. Недалеко отъ Владикавказа мы зашли въ черкесскій аулъ и подрядились тамъ собирать кукурузу.

Проработавъ два дня среди черкесовъ, почти не говорившихъ по-русски и безпрестанно смѣявшихся надъ нами и ругавшихъ насъ по-своему, мы рѣшили уйти изъ аула, испуганные все возрастающимъ среди аульниковъ враждебнымъ отношеніемъ къ намъ. Мы отошли верстъ десять отъ аула, когда Шакро вдругъ вытащилъ изъ-за пазухи свертокъ лезгинской кисеи и съ торжествомъ показалъ мнѣ, воскликнувъ:

— Больши нѣ надо работать! Продадимъ—купимъ всего! Хватить до Тыфлыса! Панымаишь?

Я былъ возмущенъ до бѣшенства и, вырвавъ кисею, бросилъ ее въ сторону и оглянулся назадъ. Черкесы не шутятъ. Незадолго предъ этимъ мы слышали отъ казаковъ такую исторію: одинъ босякъ, уходя изъ аула, гдѣ работалъ, захватилъ съ собой желѣзную ложку. Черкесы догнали его, обыскали, нашли при немъ эту ложку и, распоровъ ему кинжаломъ животъ, сунули глубоко въ рану ложку, а потомъ спокойно уѣхали, оставивъ его въ степи, гдѣ казаки и подняли его полуживымъ. Онъ разсказалъ это имъ и умеръ на дорогѣ въ станицу. Казаки неразъ и очень строго предостерегали насъ отъ черкесовъ, разсказывая такія и иныя въ этомъ духѣ поучительныя исторіи,—не вѣрить имъ я не имѣлъ основанія.

Я сталъ напоминать Шакро о нихъ. Онъ стоялъ предо мной, слушалъ и вдругъ, молча, оскаливъ зубы и сощутивъ глаза, кошкой бросился на меня. Минутъ

пять мы основательно колотили другъ друга, и, наконецъ, Шакро съ гнѣвомъ крикнулъ мнѣ:

— Будеть!..

Измученные, мы долго молчали, сидя другъ противъ друга... Шакро жалко посмотрѣлъ туда, куда я швырнулъ красную кисею, и заговорилъ:

— За что дрались? Фа, фа, фа!.. Очень глупо. Развѣ я у тѣбѣ укралъ? Что тѣбѣ жалко? Минѣ тѣбѣ жалко, патаму и укралъ... Работайшь ты, я нѣ умѣю... Что минѣ дѣлать? Хотѣлъ помочь тѣбѣ... Цце, цце!..

Я попытался объяснить ему, что есть кража...

— Пожалуйста, ма-алчи! У тѣбѣ галава какъ дерево...—презрительно отнесся онъ ко мнѣ и объяснилъ:

— Умирать будишь—красть будишь? Ну! А развѣ это жизнь? Малчи!

Боясь снова раздражить его, я молчалъ. Это былъ уже второй случай кражи. Еще раньше, когда мы были въ Черноморѣ, онъ стащилъ у грековъ-рыбаковъ карманные вѣсы. Тогда мы тоже едва не подрались.

— Ну, идемъ дальше?—сказалъ онъ, когда оба мы нѣсколько успокоились, примирились и отдохнули.

Мы пошли дальше. Онъ съ каждымъ днемъ становился все мрачнѣй и смотрѣлъ на меня странно, исподлобья. Какъ-то разъ, когда мы уже прошли Дарьяльское ущелье и спускались съ Гудаура, онъ заговорилъ:

— Днѣ—два пройдетъ—въ Тыфлысь придемъ. Цце, цце, — почмоколъ онъ языкомъ и расцвѣлъ весь удовольствіемъ.—Приду домой,—гдѣ былъ? Путѣшествовалъ! Въ баню пайду... ага! Ёсть буду много... ахъ, много! Скажу матѣри—очень хачу ёсть. Скажу отцу—просты мѣнѣ! я видѣлъ много горя и жизнь видѣлъ... разнаго рода! Босяки очень харрошій народъ! Встрѣчу когда, дамъ рубль, павѣду въ духанъ, скажу—пей вино, я самъ былъ босякъ! Скажу отцу еще про тѣбѣ... Вотъ человекъ, — былъ минѣ какъ старшій братъ. Училъ мѣнѣ. Билъ мѣнѣ, собака... Кормилъ. И тѣперъ, скажу, корми

ты его за это. Годъ корми. Годъ корми—вотъ сколько! Слышишь, Максимъ?

Я любилъ слушать, когда онъ говорилъ такъ; онъ приобръталъ въ такіе моменты нѣчто простое и дѣтское. Такія рѣчи были мнѣ и потому интересны, что я не имѣлъ въ Тифлисѣ ни одного человѣка знакомаго, а близилась зима—на Гудаурѣ насъ уже встрѣтила вьюга. Я надѣялся немного на Шакро.

Мы шли быстро. Вотъ и Мцхетъ—древняя столица Иберіи. Завтра придемъ въ Тифлисъ.

Еще издали, верстъ за пять, я увидалъ столицу Кавказа, сжатую между двухъ горъ. Конецъ пути! Я былъ радъ чему-то, Шакро—равнодушенъ. Онъ тупыми глазами смотрѣлъ впередъ и сплевывалъ въ сторону голодную слюну, то и дѣло съ болѣзненной гримасой хватаясь за животъ. Это онъ неосторожно поѣлъ сырой морковки, нарванной по дорогѣ.

— Ты думаешь, я—грузинскій дворянинъ — пайду въ мой городъ днемъ такой, какъ я есть, рванный и грязный? Нѣ-этъ!... Мы падаждемъ вѣчера. Стой!

Мы сѣли у стѣны какого-то пустого зданія и, свернувъ по послѣдней папирскѣ, дрожа отъ холода, покурпили. Съ военно-грузинской дороги дулъ рѣзкій и сильный вѣтеръ. Шакро сидѣлъ, напѣвая сквозь зубы какую-то грустную пѣсню... Я думалъ о теплой комнатѣ и о другихъ преимуществахъ осѣдлой жизни предъ жизнью кочевой.

— Идемъ!—поднялся Шакро съ рѣшительнымъ лицомъ.

Стемнѣло. Городъ зажигалъ огни. Это было красиво: огоньки постепенно, одинъ за другимъ, выпрыгивали откуда-то во тьму, глухо окутавшую долину, въ которую спрятался городъ.

— Слушай! ты дай мэнэ этотъ башлыкъ, чтобъ я закрыть лицо... а то узнають мэнэ знакомые, можетъ быть...

Я далъ башлыкъ. Мы идемъ по Ольгинской улицѣ. Шадро насвистываетъ нѣчто рѣшительное.

— Максимъ! Видишь станцію конки — Верейскій мостъ? Сыди тутъ, жди! Пажалуста, жди! Я зайду въ адынъ домъ, спрошу товарища про своихъ, отца, мать...

— Ты недолго?

— Сѣйчасъ! Адынъ моментъ!...

Онъ быстро сунулся въ какой-то темный и узкій переулокъ и исчезъ въ немъ... навсегда.

Я никогда больше не встрѣчалъ этого человѣка — моего спутника въ теченіе почти четырехъ мѣсяцевъ жизни, но я часто вспоминаю о немъ съ добрымъ чувствомъ и веселымъ смѣхомъ.

Онъ научилъ меня многому, чего не найдешь въ толстыхъ фоліантахъ, написанныхъ мудрецами, — ибо мудрость жизни всегда глубже и обширнѣе мудрости людей.

ДѢЛО СЪ ЗАСТЕЖКАМИ.

(1896.)

...Насъ было трое пріятелей — Семка Каргуза, я и Мишка — бородатый гигантъ съ большими синими глазами, вѣчно ласково улыбающимися всему и вѣчно опухшими отъ пьянства. Мы обитали въ полѣ, за городомъ, въ старомъ полуразрушенномъ зданіи, почему то называвшемся „стекляннымъ заводомъ“, — можетъ быть, потому, что въ его окнахъ не было ни одного цѣлаго стекла, — и брались за разныя работы, не брезгуя ничѣмъ: чистили дворы, рыли канавы, погреба, помойныя ямы, разбирали старыя зданія и заборы и однажды даже попробовали построить курятникъ. Но это намъ не удалось — Семка, всегда относившійся педантически честно къ взятымъ на себя обязанностямъ, усомнился въ нашемъ знакомствѣ съ архитектурой курятниковъ и — однажды въ полдень, когда мы отдыхали, взялъ да и снесъ въ кабакъ выданные намъ гвозди, двѣ новыя доски и топоръ работодателя. За это насъ прогнали съ работы; но такъ какъ взять съ насъ было нечего — къ намъ не предъявили никакихъ претензій въ удовлетвореніе нанесеннаго нами ущерба. Мы перебивались „съ хлѣба на воду“ и все трое ощущали вполне естественное и законное въ такомъ положеніи недовольство нашей судьбой.

Иногда оно принимало острую форму, вызывавшую

въ насъ враждебное чувство ко всему окружающему и увлекавшее на подвиги довольно буйственные и предусмотрѣнные „Уложеніемъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“; но вообще мы были меланхолично тупы, озабочены пріисканіемъ заработка и крайне слабо реагировали на всѣ тѣ впечатлѣнія бытія, отъ которыхъ нельзя было чѣмъ-либо поживиться.

Въ свободное отъ занятій время, — а его было всегда больше, чѣмъ намъ требовалось, — мы мечтали.

Семка, самый старшій и положительный человѣкъ изъ насъ, коренастый пензякъ, бывшій огородникъ, волею судьбы совершенно спившійся и съ годъ тому назадъ, по пути въ Нижній на ярмарку, гдѣ онъ надѣялся какимъ-то образомъ „поправиться“, застрявшій въ К... — Семка, озлобленный скептикъ, мечталъ опредѣленно и ясно. Онъ хотѣлъ немногого:

— Эхъ, ты, мать твою поймать, да за отца замужъ отдать!—говорилъ онъ, бывало, когда мы, положивъ наши пустые животы на землю, растягивались гдѣ-нибудь въ тѣни за городомъ и пытались освѣтить наше будущее, полегоньку, но настойчиво заглядывая въ его мракъ. — Ежели бы махнуть въ Сибирь! Я бы тамъ нашелъ свою дорогу. Встрѣлъ бы хорошаго человѣка и сейчасъ къ нему въ науку... Другъ, молъ, ты милый, возьми въ долю свою!—Тюрьма вмѣстѣ и сума пополамъ. Оборудовали бы мы съ нимъ послѣ того два-три дѣльца... и я бы, значить, былъ покоенъ... н-да...

— Зачѣмъ же непременно въ Сибирь идти нужно?—спросилъ я его какъ-то разъ.

— Зачѣмъ? Тамъ, братъ, настоящій фатовый народъ и есть... Много его... легко найти... А здѣсь... здѣсь ни въ жисть не встрѣнешь хорошаго человѣка... А ежели въ одиночку взяться... даромъ пропадешь — на выку пѣтъ... рука не набита...

Мишка не умѣлъ мечтать вслухъ, но не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ упорно и много мечтаетъ

про-себя. Стоило только взглянуть на его добръйшіе синіе глаза, всегда устремленные куда-то вдаль, и увидеть тихую, пьяную улыбку, постоянно шевелившую его густые усы и бороду, постоянно вмѣщавшую въ себѣ разные предметы, не имѣвшіе съ ней ничего общаго, вродѣ птичьихъ перьевъ, соломы, стружекъ, крошечкъ хлѣба, яичныхъ скорлупъ и т. п., — стоило разъ взглянуть въ его простое открытое лицо, чтобъ сразу увидеть въ немъ, Мишкѣ, типичнѣйшаго мечтателя-мужика.

Я тоже мечталъ... но направленіе моихъ мечтаній и по сей день интересно только для меня одного...

Мы всѣ трое встрѣтились въ ночлежномъ домѣ недѣли за двѣ до факта, о которомъ я хочу рассказать, считая его интереснымъ.

Черезъ два-три дня мы были уже друзьями, т.-е. ходили всюду вмѣстѣ, повѣряли другъ другу свои намѣренія и желанія, дѣлили поровну все, что перепало кому-либо одному изъ насъ, и вообще заключили между собой безмолвный оборонительный и наступательный союзъ противъ жизни, обращавшейся съ нами крайне враждебно.

Мы весьма усердно отыскивали въ теченіе дня возможность что ни то разобрать, распилить, выкопать, перетаскать, и если таковая возможность представлялась, то сначала довольно ревностно принимались за работу.

Но потому, должно быть, что въ душѣ каждый изъ насъ считалъ себя предназначеннымъ для выполнения болѣе высшихъ функцій, чѣмъ, на примѣръ, копаніе помойныхъ ямъ или чистка ихъ, — что еще хуже, прибавляю для непосвященныхъ въ это дѣло, — часа черезъ два работы намъ она переставала нравиться. Потомъ Семка начиналъ сомнѣваться въ ея надобности для жизни.

— Копаютъ яму... А для чего? Для помоевъ. А просто бы такъ лить на дворъ? Нельзя, вишь. Пахнуть,

дескать, будетъ. Ишь ты! Помоги будутъ пахнуть! Скажутъ тоже у бездѣля-то. Выброси, наприимѣръ, огурецъ соленый—чѣмъ онъ будетъ пахнуть, коли онъ маленький? Полежить день—и нѣтъ его... сгнилъ. Это вотъ ежели человѣка мертваго выбросить на солнце, онъ, дѣйствительно, попахнетъ, потому—гадина крупная.

Такія Семкины сентенціи и умозаключенія сильно охлаждали нашъ трудовой пылъ... И это было довольно выгодно для насъ, если работа была взята поденно; но при сдѣльной работѣ всегда выходило такъ, что плата за нее забиралась и проѣдалась нами ранѣе, чѣмъ работа была доведена до конца. Тогда мы шли къ хозяину просить „прибавки“; онъ же въ большинствѣ случаевъ гналъ насъ вонъ и грозилъ съ помощью полиціи заставить насъ докончить трудъ, уже оплаченный имъ. Мы возражали, что голодные мы не можемъ работать, и болѣе или менѣе возбужденно настаивали на прибавкѣ, чего въ большинствѣ случаевъ и достигали.

Конечно, это было непорядочно, но, право же, это было очень выгодно, и мы не при чемъ, если въ жизни все устроено такъ неловко, что порядочность поступка всегда почти стоитъ противъ выгоды его.

Пререканія съ работодателями всегда бралъ на себя Семка и, поистинѣ, артистически-ловко велъ ихъ, излагая доказательства своей правоты тономъ человѣка, измученнаго работой и изнывающаго подъ тяжестью ея...

А Мишка смотрѣлъ, молчалъ и хлопалъ своими глубокими глазами, то и дѣло улыбаясь доброй, умиряющей улыбкой, какъ бы пытаясь сказать что-то и не находя въ себѣ рѣшимости. Онъ говорилъ вообще очень мало и только въ пьяномъ видѣ бывалъ способенъ сказать нѣчто вроде спича.

— Братцы мои!—восклицалъ онъ тогда, улыбаясь, и при этомъ его губы странно вздрагивали, въ горлѣ

першило, и онъ нѣсколько времени послѣ начала рѣчи кашлялъ, прижимая горло рукой...

— Н-ну? — досадливо и нетерпѣливо поощрять его Семка.

— Братцы вы мои! Живемъ мы, какъ собаки... И даже не въ примѣръ хуже... А за что? Неизвѣстно. Но, надо полагать, по волѣ Господа Бога. Все дѣлается по Его волѣ... а, братцы? Ну, вотъ... Значить, мы достойны собачьяго положенія, потому что люди мы плохіе. Плохіе мы люди, а? Ну, вотъ... Я и говорю теперь: такъ намъ, псамъ, и надо. Вѣрно я вѣрю? Выходить — это намъ по дѣламъ нашимъ. Значить, должны мы терпѣть нашу судьбу... а? Вѣрно?

— Дуракъ! — кратко и равнодушно отвѣчалъ Семка на тревожные и пытливые вопросы товарища.

А тотъ виновато ежился, робко улыбался и молчалъ, моргая слипавшимися отъ опьянѣнія глазами.

Однажды намъ „пофартило“.

Мы, ожидая спроса на наши руки, толкались по базару и наткнулись на маленькую, сухую старушку съ лицомъ сморщеннымъ и строгимъ. Голова у нея тряслась, и на совинкомъ носѣ попрыгивали большія очки въ тяжелой серебряной оправѣ; она ихъ постоянно поправляла, сверкая маленькими, сухо блестящими глазками.

— Вы что — свободны? Работы ищете? — спросила она насъ, когда мы всѣ трое съ вождѣніемъ уставились на нее.

— Хорошо, — сказала она, получивъ отъ Семки быстрый, почтительный и утвердительный отвѣтъ. — Вотъ мнѣ надо бы разломать старую баню и вычистить колодець... Сколько бы вы взяли за это?

— Надо посмотрѣть, барыня, какая такая будетъ у нихъ, т.-е. у баньки вашей, величина... — вѣжливо и резонно сказалъ Семка. — И опять же колодець... Разные они бываютъ. Иногда очень глубокіе...

Насъ пригласили посмотрѣть, и черезъ часъ мы, уже вооруженные топорами и дреколіемъ, лихо раскачивали стропила бани, взявшись разрушить ее и вычистить колодезь за пять рублей. Баня помѣщалась въ углу стараго запущеннаго сада. Невдалекѣ отъ нея въ кустахъ вишни стояла бесѣдка, и съ потолка бани мы видѣли, что старушка сидитъ въ бесѣдкѣ на скамьѣ и, держа на колѣняхъ большую развернутую книгу, внимательно читаетъ ее... Иногда она бросала въ нашу сторону внимательный и острый взглядъ, книга на ея колѣняхъ шевелилась, и на солнцѣ блестѣли ея массивныя, очевидно, серебряныя застѣжки...

Нѣтъ работы спорѣ, чѣмъ работа, разрушенія...

Мы усердно возились въ клубахъ сухой и ѣдкой пыли, поминутно чихая, кашляя, сморкаясь и протирая глаза; баня трещала и разсыпалась, полусгнившая и старая, какъ ея хозяйка...

— Ну-ка, наляжъ, братцы, дружно-о! — командовалъ Семка, и вѣнецъ надъ вѣнцомъ кряхтя падалъ на землю.

— Какая бы это у нея книга? Толстенная такая, — задумчиво спросилъ Мишка, опираясь на стѣгу и отирая ладонью потъ съ лица. Мгновенно превратившись въ мулата, онъ поплевалъ на руки, размахнувшись стягомъ, желая всадить его въ щель между бревнами, всадилъ и добавилъ также задумчиво: — Ежели Евангиле—больно толсто будто...

— А тебѣ что?—полюбопытствовалъ Семка...

— Мнѣ-то? Ничего... Люблю я послушать книгу... священную ежели... У насъ въ деревнѣ былъ солдатъ Африканъ, такъ тотъ бывало какъ начнетъ псалтырь честь... ровно барабанъ бьетъ... Ловко читалъ!

— Ну, такъ что жъ?—снова спросилъ Семка, свертывая папироску...

— Ничего... Хорошо больно... Хоть оно непонятно... а все-таки слово этакое... на улицѣ ты его не услышишь...

Непонятно оно, а все-таки чувствуешь, что это слово для души.

— Непонятно, ты говоришь... а все-таки видно, что глупъ ты, какъ пень лѣсной...—передразнилъ Семка товарища.

— Извѣстно... ты всегда ругаешься... — вздохнуть тотъ.

— А съ дураками какъ говорить? Развѣ они могутъ что понимать? Валяй-ка вотъ эту гнилушину... о-о!

Баня разсыпалась, окружаясь обломками и утопая въ тучахъ пыли, отъ которой листья ближайшихъ деревьевъ уже посѣрѣли. Юльское солнце не щадило нашихъ спина и плечъ, распаривая ихъ... По нашимъ пестрымъ отъ пота и грязи физиономіямъ нельзя бы было опредѣлить, къ которой именно изъ четырехъ цвѣтныхъ расъ мы принадлежимъ.

— А книга-то въ серебрѣ,—снова заговорилъ Мишка.

Семка поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ въ сторону бесѣдки.

— Похоже,—кратко изрекъ онъ...

— Значитъ, Евангиле...

— Ну, и Евангиле... Такъ что?

— Ничего...

— Этого добра у меня полны карманы. А ты бы... коли священное писаніе любишь, пошелъ бы, да и сказалъ ей: почитайте, молъ, мнѣ, бабушка. Намъ, молъ, этого взять неоткуда... Въ церкви мы, по неприличности и грязнотѣ нашей, не ходимъ... а душа, молъ, у насъ тоже... какъ слѣдуетъ... на своемъ мѣстѣ... Подъ-ка, ступай!

— А и впрямь... пойду?

— И пойдн...

Мишка бросилъ стягъ, одернулъ рубаху, размазалъ ея рукавомъ пыль по рожѣ и спрыгнулъ съ бани внизъ.

— Турнетъ она тебя, лѣшмана...—проворчалъ Семка, скептически улыбаясь, но съ крайнимъ любопытствомъ провожая фигуру товарища, пробиравашагося среди лопуховъ къ бесѣдкѣ. Онъ, высокій, согнувшійся, съ обнаженными грязными руками, грузно раскачиваясь на ходу и задѣвая за кусты, тяжело двигался впередъ и улыбался смущенно и кротко. Старушка подняла голову навстрѣчу подходившему босяку и спокойно мѣрила его глазами.

На стеклахъ ея очковъ и на ихъ серебряной оправѣ играли лучи солнца.

Она не „турнула“ его; вопреки предположенію Семки. Намъ не слышно было за шумомъ листвы, о чемъ говорилъ Мишка съ хозяйкой; но вотъ мы видимъ, что онъ грузно опускается на землю къ ногамъ старухи, и такъ, что его носъ почти касается раскрытой книги. Его лицо степенно и спокойно; онъ—мы видимъ—дуетъ въ свою бороду, стараясь согнать съ нея пыль, возится и, наконецъ, усаживается въ неуклюжей позѣ, вытянувъ шею впередъ и выжидающе разсматривая сухія маленькія руки старушки, методично перевортывающія листы книги...

— Ишь ты... лохматый песъ!... Отдыхъ себѣ сдѣлалъ... Айда—и мы? Чего такъ-то? Онъ тамъ будетъ прокладываться, а мы лопи за него. Айда?

Черезъ двѣ-три минуты мы съ Семкой тоже сидѣли на землѣ по оба бока нашего товарища. Старушка ни слова не сказала встрѣчу намъ, она только посмотрѣла на насъ пристально и сухо и снова начала перекидывать листы книги, ища въ ней чего-то... Мы сидѣли въ пышномъ зеленомъ кольцѣ свѣжей пахучей листвы, и надъ нами было раскинуто, ласковое и мягкое, безоблачное небо. Иногда пролеталъ вѣтерокъ, и листья начинали шелестѣть тѣмъ таинственнымъ звукомъ, который всегда такъ смягчаетъ душу, родитъ въ ней тихое, умиротворяющее чувство и заставляетъ задумываться о

чемъ-то неясномъ, но близкомъ человѣку, очищающемъ его отъ внутренней грязи, или, по меньшей мѣрѣ, заставляющемъ временно забывать о ней и дышать легко и ново...

— „Павель, рабъ Іисуса Христа...“—раздался голосъ старушки. Онъ старчески дребезжалъ и прерывался, но былъ полонъ благочестія и суровой важности. При первыхъ звукахъ его Мишка истово перекрестился, Семка заерзалъ по землѣ, выскивая болѣе удобную позу. Старушка окинула его глазами, не переставая читать.

— „Я весьма желаю увидѣть васъ, чтобы преподать вамъ нѣкое дарованіе духовное къ утвержденію вашему, т.-е. утѣшаться съ вами вѣрою общеою, вашею и моею“.

Семка, какъ истинный язычникъ, громко зѣвнулъ его товарищъ укоризненно вскинулъ на него синими глазами и низко опустилъ свою лохматую голову, всю въ пыли...

Старушка, не переставая читать, тоже строго взглянула на Семку, и это его смутило. Онъ повелъ носомъ, скосилъ глаза и—должно быть, желая изгладить впечатлѣніе своего зѣвка—глубоко и благочестиво вздохнулъ.

Нѣсколько минутъ прошли спокойно. Вразумительное и монотонное чтеніе дѣйствовало успокоительно.

— „Ибо открывается гнѣвъ Божій съ неба на всякое нечестіе и...“

— Что тебѣ нужно? — вдругъ крикнула чтица на Семку.

— А... а ничего! Вы извольте читать,—я слушаю!—смирненно объяснилъ онъ.

— Зачѣмъ ты трогаешь застѣжки своей грязной ручицей?—сердилась старушка.

— Любопытно... потому—работа очень ужъ тонкая! А я это понимаю—слесарное дѣло мнѣ извѣстно... Вотъ я и пощупалъ.

— Слушай! — сухо приказала старушка. — Скажи мнѣ—о чемъ я тебѣ читала?

— Это извольте! Я вѣдь понимаю...

— Ну, говори...

— Проповѣдь... стало быть, поученіе насчетъ вѣры, а также и нечестія... Очень просто и... все вѣрно! Такъ за душу и щиплетъ!

Старушка печально потрясла головой и оглядѣла всѣхъ насъ съ укоромъ.

— Погибшіе... Камни вы... Ступайте работать!

— Она, тово... разсердилась будто бы?—виновато улыбаясь, заявилъ Мишка.

А Семка почесался, зѣвнуль и, посмотрѣвъ вслѣдъ хозяйки, не оборачиваясь удалявшейся по узкой дорожкѣ сада, раздумчиво произнесъ:

— А застѣжки-то у книжицы серебряныя...

И онъ улыбнулся во всю рожу, какъ бы предвкушая что-то.

Переночевавъ въ саду около развалинъ бани, уже совершенно разрушенной нами за день, къ полудню другого дня мы вычистили колодезь, вымочились въ водѣ, выпачкались въ грязи и, въ ожиданіи расчета, сидѣли на дворѣ у крыльца, разговаривая другъ съ другомъ и рисуя себѣ сытный обѣдъ и ужинъ въ близкомъ будущемъ; заглядывать же въ болѣе отдаленное никто изъ насъ не имѣлъ охоты...

— Ну, какого чорта старая вѣдьма не идетъ еще,—нетерпѣливо, но вполголоса возмущался Семка. — Подохла, что ли?

— Экъ онъ ругается!—укоризненно покачалъ головой Мишка.—И чего, напимѣръ, ругается? Старушка—настоящая Божья. А онъ ее ругаетъ. Этакій характеръ у человѣка...

— Разсудить...—усмѣхнулся его товарищъ... Пугало... огородное...

Эта пріятная и интересная бесѣда друзей была прервана появленіемъ хозяйки. Она подошла къ намъ и, протягивая руку съ деньгами, презрительно сказала:

— Получите и... убирайтесь. Хотѣла я вамъ отдать баню распилить на дрова, да вы не стоите этого.

Неудостоенные чести распилить баню, въ чемъ, впрочемъ, мы и не нуждались теперь, мы молча взяли деньги и пошли.

— Ахъ ты, старая кикимора!—началь Семка, чуть только мы вышли за ворота.—На-ко-ся! Не стоимъ! Жаба дохлая!—Ну-ка, вотъ скрипи теперь надъ своей книгой...

Моментально сунувъ руку въ карманъ, онъ выдернулъ изъ него двѣ блестящія металлическія штучки и, торжествуя, показалъ ихъ намъ.

Мишка остановился, любопытно вытягивая голову впередъ и вверхъ къ поднятой рукѣ Семки.

— Застежки отломалъ?—спросилъ онъ удивленно...

— Онѣ самыя... Серебряныя!.. Кому не надо—рубль дастъ.

— Ахъ, ты! Когда это ты? Спрячь... отъ грѣха...

— И спрячу...

Мы молча пошли дальше по улицѣ.

— Ловко...—задумчиво говорилъ Мишка самъ себѣ.—Взялъ да и отломилъ... Н-да... А книга-то хорошая... Старуха... обидится, чай, на насъ...

— Нѣтъ... что ты! Вотъ она насъ позоветъ назадъ, да на чай дастъ...—трунилъ Семка.

— А сколько ты за нихъ хошь?

— Послѣдняя цѣна—девять гривенъ. Ни гроша не уступлю... себѣ дороже... Видишь—ноготь сломалъ!

— Продай мнѣ...—робко спросилъ Мишка.

— Тебѣ? Ты что — запонки хочешь завести себѣ?... Купи, ха-арошія запонки выйдутъ... какъ разъ къ твоей харѣ.

— Нѣтъ, право, продай!—и Мишка понизилъ тонъ просьбы...

— Купи, говорю... Сколько дашь?

— Бери... сколько тамъ есть на мою долю?

— Рубль двадцать...

— А тебѣ сколь за нихъ?...

— Рубль!...

— Чай, уступи... для друга!...

— Дура нетрепанная! На кой-те ихъ дьяволь?

— Да ужъ ты продавай знай!...

Наконецъ торгъ былъ заключенъ, и застѣжки перешли за девяносто копѣекъ въ руки Мишки.

Онъ остановился и сталъ вертѣть ихъ въ рукахъ, наклонивъ кудластую голову и наморщивъ брови и пристально разсматривая два кусочка серебра.

— Нацѣпи ихъ на носъ себѣ!...—посоветоваль ему Семка...

— Зачѣмъ?—серьезно возразилъ Мишка!...—Не надо. Я ихъ старушкѣ стащу. Вотъ, молъ, мы, старушка, нечаянно захватили эти штуковины, такъ ты ихъ... опять пристрой къ мѣсту... къ книгѣ этой самой!... Только вотъ ты ихъ съ мясомъ выдраль!... это какъ теперь?

— Да ты, чортъ, взаправду понесешь?—разинулъ ротъ Семка.

— А какъ?... Видишь ты, такая книга... нужно, чтобъ она въ полной цѣлости была... ломать отъ нея куски разные не годится!... И старушка тоже!... обидится!... А ей умирать надо!... Вотъ я и того!... Вы меня, братцы, подождите съ минутку!... а я добѣгу назадъ!...

И раньше чѣмъ мы успѣли удержать его, онъ крупными шагами исчезъ за поворотомъ улицы!...

— Ну, и мокрица-человѣкъ! Жиделяга грязная!—возмутился Семка, понявъ суть факта и его возможные послѣдствія.

И отчаянно ругаясь черезъ два слова въ третье, онъ началъ убѣждать меня:

— Айда, скорѣй! Провалить онъ насъ!... Теперь сидить, чай, поди, руки у него назадъ!... а старая корга ужъ и за будочникомъ послала!... Вотъ-те и водись съ такимъ пакостникомъ! Да онъ не за сизо-перышко въ тюрьму тебя вопресть! Нѣтъ, каковъ мерзавецъ-чело-

вѣкъ?! Какая подлой души тварь съ товарищемъ такъ поступить можетъ?! Ахъ, ты, Господи! Ну, и люди стали! Айда, чортъ, чего ты растяпился! Ждешь? Жди, чортъ васъ всѣхъ, мошенниковъ, возьми! Тьфу, анаемы! Не идешь? Ну такъ...

Посуливъ мнѣ нѣчто невѣроятно скверное, Семка ожесточенно ткнулъ меня кулакомъ въ бокъ и быстро пошелъ прочь...

Мнѣ хотѣлось знать, что дѣлаетъ Мишка съ нашей бывшей хозяйкой, и я тихонько отправился къ ея дому. Мнѣ не думалось, что я подвергаюсь какой-либо опасности или непріятности.

И я не ошибся.

Подойдя къ дому и приложившись глазомъ къ щели въ заборѣ, я увидѣлъ и слышалъ только слѣдующее: старуха сидѣла на ступенькахъ крыльца, держала въ рукахъ „выдранныя съ мясомъ“ застежки своей библии и черезъ очки пылливо и строго смотрѣла въ лицо Мишки, стоявшаго ко мнѣ задомъ...

Несмотря на строгій и сухой блескъ ея острыхъ глазъ, по угламъ губъ у нея образовалась мягкая складка кожи; видно было, что старушка хочетъ скрыть добрую улыбку,—улыбку прощенья.

Изъ-за спины старухи смотрѣли какія-то три рожи: двѣ женскія, одна красная и повязанная пестрымъ платкомъ, другая простоволосая, съ бѣлымъ на лѣвомъ глазу, а изъ-за ея плечъ высовывалась фізіономія мужчины, клинообразная, въ сѣдыхъ бачкахъ и съ вихромъ на лбу... Она то и дѣло странно подмаргивала обоими глазами, какъ бы говоря Мишкѣ:

— Утекай, братъ, скорѣй!

Мишка мямлилъ, пытаясь объяснить:

— ...Такая рѣдкостная книга. Вы, говорить, всѣ — скоты и псы... собаки. Я и думаю... Господи—вѣрно!

Такъ надо говорить по правдѣ... сволочи мы и окаянные люди... подлецы. И опять же, думаю: барыня—старушка, можетъ, у ней и утѣха одна, что вотъ книга—да и все тутъ... Теперь застѣжки... много ли за нихъ, дадутъ? А ежели при книгѣ, то онѣ—вещь! Я и помыслилъ... дай-ка, молъ, я обрадую старушку Божію, отнесу ей вещь назадъ... Ктому же мы, слава те Господи, заработали малу толику на пропитаніе. Счастливо оставаться! Я ужъ пойду.

— Погоди!—остановила его старуха.—Понялъ ты, что я вчера читала?...

— Я-то? Гдѣ мнѣ понять! Слышу—это такъ... да и то какъ слышу? Развѣ у насъ уши для слова Божія? Намъ оно непонятно. Сердцемъ это точно что слышишь, а ухо не принимаетъ у насъ... Прощевайте...

— Та-акъ!—протянула старуха...—Нѣтъ, ты погоди...

Мишка тоскливо вздохнулъ на весь дворъ и по-медвѣжьи затоптался на мѣстѣ. Его уже, очевидно, тяготило это объясненіе...

— А хочешь ты, чтобъ я еще почитала тебѣ?

— Ммъ... товарищи ждуть...

— Ты плюнь на нихъ... Ты хорошій малый... брось ихъ.

— Хорошо...—тихо согласился Мишка.

— Бросишь? Да?

— Брошу...

— Ну, вотъ... умница!... Совсѣмъ ты дитя... а борода вонъ какая... до пояса почти... Женать ты?...

— Вдовый... померла жена-то...

— А зачѣмъ ты пьешь? Вѣдь ты пьяница?

— Пьяница... Пью.

— Зачѣмъ?

— Пью-то? По глупости пью. Глупъ, ну и пью. Конечно, ежели бы человѣку умъ... да рази бы онъ самъ себя портилъ?—уныло говорилъ Мишка.

— Вѣрно разсудить... Ну вотъ, ты и копи умъ...

накопи, да и поправься... ходи въ церковь... слушай Божіе слово... въ немъ вся мудрость.

— Оно, конечно...—почти простоналъ Мишка.

— А я еще почитаю тебѣ... хочешь?...

— Извольте...—умиралъ отъ тоски Мишка.

Старуха достала откуда-то изъ-за себя библію, порылась въ ней, и дворъ огласился ея дрожащимъ голосомъ:

— „Итакъ, неизвинителенъ ты, всякій человѣкъ, судящій другого, ибо тѣмъ же судомъ, какимъ судишь другого, осуждаешь себя, потому что, сѣдя другого, дѣлаешь то же!“

Мишка тряхнулъ головой и почесалъ себѣ лѣвое плечо.

— „...Неужели думаешь ты, человѣкъ, что избѣжишь суда Божія?“

— Барыня!—плачевно заговорилъ Мишка, — отпустите меня для Бога... Я вдругорядъ лучше приду послушаю... а теперь больно мнѣ ѣсть хочется... такъ-те вотъ и пучить животъ-отъ... Съ вечера мы не ѣмши...

Барыня сильно хлопнула книгой.

— Ступай! Иди!—отрывисто и рѣзко прозвучало на дворѣ...

— Покорнѣйше благодаримъ!...—И онъ чуть не бѣгомъ направился къ воротамъ...

— Нераскаянные души... Звѣриныя сердца,—шипѣло по двору вслѣдъ ему...

Черезъ полчаса мы съ нимъ сидѣли въ трактирѣ и пили чай съ калачомъ.

— Какъ буравомъ она меня сверлила...—говорилъ Мишка, ласково улыбаясь мнѣ своими милыми глазами.—Стою я и думаю... Ахъ, ты, Господи! И зачѣмъ только пошелъ я? На муку пошелъ... Гдѣ бы ей взять у меня эти застѣжки, да и отпустить меня,—она разго-

воръ затѣяла. Экій народъ-чудакъ! Съ ними хочешь по совѣсти поступать, а они свое гнуть... Я по простотѣ души говорю ей: вотъ-те барыня твои застежки, не жалуйся на меня... а она говорить: нѣтъ, погоди, ты разскажи, зачѣмъ ты ихъ мнѣ принесъ? И пошла жилы изъ меня тянуть... Я ажъ взопрѣлъ отъ ея разговору... право ей Богу.

И онъ все улыбался своей безконечно-кроткой улыбкой...

Семка, надутый, взъерошенный и угрюмый, серьезно сказалъ ему, когда онъ кончилъ свою Одиссею:

— Умри ты лучше, пень милый! А то завтра тебя съ такими твоими выкрутасами мухи али тараканы съѣдятъ...

— Ну ужъ! Ты скажешь слово. Дава-ко выпьемте по стакашку... за окончаніе дѣла!

И мы дружно выпили по стакашку за окончаніе этого курьезнаго дѣла.

ПѢСНЯ О СОКОЛѢ.

(1896.)

Море дремлетъ.

Огромное, лѣниво вздыхающее здѣсь у берега, оно уже уснуло и неподвижно вдали, облитой голубымъ сіяніемъ луны. Бархатисто-мягкое и черное, оно слилось тамъ съ синимъ южнымъ небомъ и крѣпко спитъ, отражая въ себѣ прозрачную ткань перистыхъ облаковъ, неподвижныхъ и не скрывающихъ собою золотыхъ узоровъ звѣздъ. Кажется, что небо все ниже наклоняется надъ моремъ, желая понять то, о чемъ шепчутъ неугомонныя волны, сонно всползая на берегъ.

Горы, поросшія деревьями, фантастически изогнутыми нордъ-остомъ, рѣзкими взмахами подымали свои вершины въ синюю пустыню надъ ними, и сухіе, суровые контуры ихъ округлились, одѣтые теплой и ласковой мглой южной ночи.

Горы важно-задумчивы. Съ нихъ на пышные зеленые гребни волнъ упали черныя тѣни и одѣваютъ ихъ, какъ бы желая остановить это единственное движеніе и заглушить немолчный плескъ воды и вздохи пѣны,—все звуки, которые нарушаютъ тайную тишину, разлитую вокругъ вмѣстѣ съ голубымъ серебромъ сіянія луны, еще скрытой за горными вершинами.

— А-а-а-ахъ-а-акбаръ!.. — тихо вздыхаетъ Надыръ-

Рагимъ-Оглы, старый крымскій чабанъ, всегда минорно настроенный, высокій, сѣдой, сожженный южнымъ солнцемъ, сухой и мудрый старикъ

Мы съ нимъ лежимъ на пескѣ у громаднаго камня, оторвавшагося отъ родной ему горы, одѣтаго тѣнью, поросшаго мхомъ и такого печальнаго, хмураго. На тотъ его бокъ, который обращенъ къ морю, волны набросали тины и водорослей, обвѣшанный ими камень кажется привязаннымъ къ узкой песчаной полоскѣ, отдѣляющей море отъ горъ. Пламя нашего костра освѣщаетъ его со стороны, обращенной къ горѣ, оно вздрагиваетъ, и по старому камню, изрѣзанному часто сѣтью глубокихъ трещинъ, бѣгаютъ тѣни. Онъ кажется думающимъ и чувствующимъ...

Мы съ Рагимомъ варимъ уху изъ только-что наловленныхъ бычковъ и оба находимся въ томъ исключительномъ настроеніи, когда все кажется призрачнымъ, одухотвореннымъ, позволяющимъ проникать въ себя, когда на сердцѣ такъ чисто, легко и нѣтъ иныхъ желаній, кромѣ желанія думать.

А море ластится къ берегу, и волны звучатъ такъ меланхолично-ласково, точно просятъ погрѣться къ костру. Иногда въ общей гармоніи плеска слышится болѣе повышенная и такая шаловливо-коварная нота—это одна изъ волнъ посмѣлѣе подползла ближе къ намъ. Рагимъ уже сравнилъ волны съ женщинами и заподозрилъ ихъ въ желаніи обнять и расцѣловать насъ.

Онъ лежитъ грудью на пескѣ, головой къ морю, и вдумчиво смотритъ въ мутную даль, опершись локтями и положивъ голову на ладони. Мохнатая баранья шапка сѣхала ему на затылокъ, и съ моря вѣетъ свѣжестью въ его высокій лобъ, весь въ мелкихъ морщинахъ. Онъ философствуетъ, не справляясь, слушаю ли я его, и не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія, точно онъ говоритъ съ моремъ:

— „Вѣрный Богу человѣкъ идетъ въ рай. А кото-

рый не служить Богу и пророку? Можетъ, онъ вотъ въ этой пѣнѣ... И тѣ серебряныя пятна на водѣ, можетъ, онъ же... кто знаетъ?"

Темное, могуче размахнувшееся море свѣтлѣетъ, мѣстами на немъ появляются небрежно брошенные блики луны. Она уже выплыла изъ-за мохнатыхъ вершинъ горъ и теперь задумчиво льетъ свой свѣтъ на море, тихо вздыхающее ей навстрѣчу.

— Рагимъ!... Расскажи сказку...—прошу я старика.

— Зачѣмъ?—спрашиваетъ Рагимъ, не оборачиваясь ко мнѣ.

— Такъ! Я люблю твои сказки.

— Я тебѣ всё ужъ рассказалъ... Больше не знаю... Это онъ хочетъ, чтобы я попросилъ его. Я прошу.

— Хочешь, я расскажу тебѣ пѣсню?—соглашается Рагимъ.

Я хочу слышать старую пѣсню, и онъ унылымъ речитативомъ, стараясь сохранить своеобразную степную мелодію пѣсни и странно коверкая русскія слова, рассказываетъ.

I.

„Высоко въ горы вползъ Ужъ и легъ тамъ въ сыромъ ущельѣ, свернувшись въ узелъ и глядя въ море.

„Высоко въ небѣ сіяло солнце, и горы зноемъ дышали въ небо, и бились волны внизу о камень...

„И по ущелью, во тьмѣ и въ брызгахъ, потокъ стремился навстрѣчу морю, скача черезъ камни.

„Весь въ бѣлой пѣнѣ, сѣдой и сильный, онъ рѣзалъ гору и падалъ въ море, сердито воя.

„Вдругъ въ то ущелье, гдѣ Ужъ свернулся, палъ съ неба Соколъ съ разбитой грудью, въ крови на перьяхъ...

„Съ короткимъ крикомъ онъ палъ на землю и бился грудью въ безсильномъ тнѣвѣ о твердый камень...

„Ужъ испугался, отползъ проворно, но скоро понялъ, что жизни птицы двѣ-три минуты...”

„Подползъ онъ ближе къ разбитой птицѣ и прошипѣлъ онъ ей прямо въ очи:

— „Что, умираешь?

— „Да, умираю!—отвѣтилъ Соколъ, вздохнувъ глупо. — Я славно пожилъ!... Я знаю счастье!... Я храбро бился!... Я видѣлъ небо... Ты не увидишь его такъ близко!... Эхъ, ты, бѣдняга!

— „Ну, что же небо?—пустое мѣсто... Какъ мнѣ тамъ ползать? Мнѣ здѣсь прекрасно... тепло и сыро!

„Такъ Ужъ отвѣтилъ свободной птицѣ и усмѣхнулся въ душѣ надъ нею за эти бредни.

„И такъ подумалъ: „летай или ползай, конецъ извѣстенъ: всѣ въ землю лягутъ, все прахомъ будетъ...”

„Но Соколъ смѣлый вдругъ встрепенулся, привсталъ немного и по ущелью повелъ очами.

„Сквозь сѣрый камень вода сочилась, и было душно въ ущельѣ темномъ и пахло гнилью.

„И крикнулъ Соколъ съ тоской и болью, собравъ всѣ силы:

— „О, если бѣ въ небо хоть разъ подняться!... Врага прижалъ бы я... къ ранамъ груди и... захлебнулся бѣ моей онъ кровью!... О, счастье битвы!...”

„А Ужъ подумалъ: „должно быть, въ небѣ и въ самомъ дѣлѣ пожить пріятно, коль онъ такъ стонетъ!...”

„И предложилъ онъ свободной птицѣ: „А ты подвинься на край ущелья и внизъ бросайся”.

„Быть можетъ, крылья тебя поднимутъ и поживешь еще немного въ твоей стихіи.

„И дрогнулъ Соколъ и, слабо крикнувъ, пошелъ къ обрыву, скользя когтями по слизи камня.

„И подошелъ онъ, расправилъ крылья, вздохнулъ всей грудью, сверкнулъ очами и внизъ скатился.

„И самъ, какъ камень, скользя по скаламъ, онъ быстро падалъ, ломая крылья, теряя перья...”

„Волна потока его схватила и, кровь омывши, одѣла въ пѣну, умчала въ море.

„А волны моря съ печальнымъ ревомъ о камень бились... И трупъ птицы не видно было въ морскомъ пространствѣ...

II.

„Въ ущельи лежа, Ужъ долго думалъ о смерти птицы, о страсти къ небу.

„И вотъ взглянулъ онъ въ ту даль, что вѣчно ласкаетъ очи мечтой о счастьѣ.

— „А что онъ видѣлъ, умершій Соколъ, въ пустынѣ этой безъ дна и края? Зачѣмъ такіе, какъ онъ, умерши, смущаютъ душу своей любовью къ полетамъ въ небо? Что имъ тамъ ясно? А я вѣдь могъ бы узнать все это, взлетѣвши въ небо хоть не надолго.

„Сказалъ и — сдѣлалъ. Въ кольцо свернувшись, онъ прынулъ въ воздухъ и узкой лентой блеснулъ на солнцѣ.

„Рожденный ползать — летать не можетъ!... Забывъ объ этомъ, онъ палъ на камни, но не убится, а разсмѣялся...

— „Такъ вотъ въ чемъ прелесть полетовъ въ небо! Она — въ паденьи!.. Смѣшныя птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, онѣ стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ знойной. Тамъ только пусто. Тамъ много свѣта, но нѣтъ тамъ пищи и нѣтъ опоры живому тѣлу. Зачѣмъ же гордость? Зачѣмъ укоры? Затѣмъ, чтобъ ею прикрыть безумство своихъ желаній и скрыть за ними свою негодность для дѣла жизни? Смѣшныя птицы!.. Но не обмануть теперь ужъ больше меня ихъ рѣчи! Я самъ все знаю! Я — видѣлъ небо... Взлеталъ въ него я, его измѣрилъ, позналъ паденье, но не разбился, а только крѣпче въ себя я вѣрю. Пусть тѣ, что землю любить не могутъ, живутъ обманомъ.. Я знаю правду.

И ихъ призывамъ я не повѣрю. Земли творенье — землей живу я.

„И онъ свернулся въ клубокъ на камнѣ, гордясь собою.

„Блестѣло море все въ яркомъ свѣтѣ, и грозно волны о берегъ бились.

„Въ ихъ львиномъ ревѣ гремѣла пѣсня о гордой птицѣ, дрожали скалы отъ ихъ ударовъ, дрожало небо отъ грозной пѣсни:

„Безумству храбрыхъ поемъ мы славу!

„Безумство храбрыхъ — вотъ мудрость жизни! О смѣлый Соколъ! Въ бою съ врагами истекъ ты кровью... Но будетъ время — и капли крови твоей горячей, какъ искры, вспыхнутъ во мракѣ жизни и много смѣлыхъ сердецъ зажгутъ безумной жаждой свободы, свѣта!

„Пускай ты умеръ!... Но въ пѣснѣ смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь живымъ примѣромъ, призывомъ гордымъ къ свободѣ, къ свѣту!

„Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню!...“

...Молчить опаловая даль моря, меланхолично плещутъ волны на песокъ, и я молчу, глядя на Рагима, кончившаго рассказывать морю пѣсню о Соколѣ. На водѣ все больше серебряныхъ пятенъ отъ лунныхъ лучей... Нашъ котелокъ тихо закипаетъ.

Одна изъ волнъ игриво вскатывается на берегъ и, вызываяще шумя, ползетъ къ головѣ Рагима.

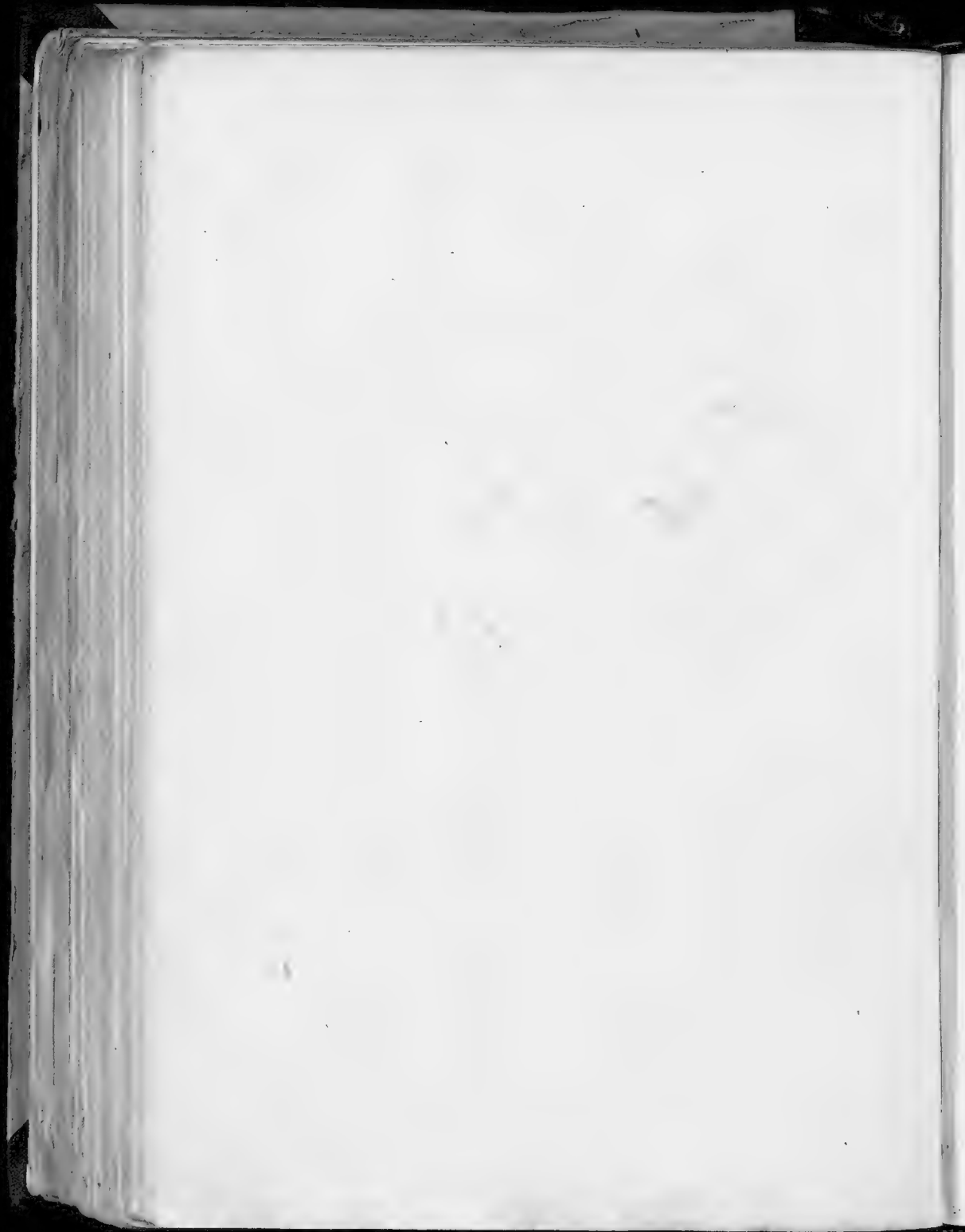
— Куда идешь?... Пшла! — машетъ на нее Рагимъ рукой, и она покорно скатывается обратно въ море.

Мнѣ нimalo не смѣшна и не страшна выходка Рагима, одухотворяющаго волны. Все кругомъ смотритъ странно-живо, мягко, ласково. Море такъ внушительно спокойно, и чувствуется, что въ свѣжемъ дыханіи его на горы, еще не остывшія отъ дневного зноя, скрыто

много мощной, сдержанной силы. По темно-синему небу золотымъ узоромъ звѣздъ написано нѣчто торжественное, чарующее душу, смущающее умъ сладкимъ ожиданіемъ какого-то откровенія.

Все дремлетъ, но дремлетъ напряженно-чутко, и кажется, что вотъ въ слѣдующую секунду все встрепнется и зазвучитъ въ стройной гармоніи неизъяснимо сладкихъ звуковъ. Эти звуки расскажутъ про тайны міра, разъяснятъ ихъ уму, а потомъ погасятъ его, какъ призрачный огонекъ, и увлекутъ съ собою душу высоко въ темно-синюю бездну, откуда навстрѣчу ей трепетные узоры звѣздъ тоже будутъ звучать дивной музыкой откровенія...

НА ПЛОТАХЪ.

(1896.)

I.

...Грузныя тучи медленно ползутъ надъ сонной рѣкой; кажется, что онѣ спускаются все ниже и ниже; кажется, что вдали ихъ сѣрые лохмотья коснулись поверхности быстрыхъ и мутныхъ весеннихъ волнъ, и что тамъ, гдѣ они коснулись воды—встала до небесъ непроницаемая стѣна облаковъ, заградившая собою теченіе рѣки и путь плотамъ.

И волны безуспѣшно, подмывая эту стѣну, бьются о нее съ тихимъ, жалобнымъ рокотомъ, бьются и, отброшенные ею, разбѣгаются вправо и влево, гдѣ лежить сырая тьма весенней свѣжей ночи.

Но плоты плывутъ впередъ, и даль отодвигается предъ ними въ пространство, полное тяжелыхъ облачныхъ массъ.

Береговъ не видать—ихъ скрыла ночь и оттолкнули куда-то широкія волны разлива.

Рѣка—какъ море. И небо надъ нею, все окутанное облаками, тяжело, сыро и скучно.

Ни воздуха, ни яркихъ красокъ нѣтъ въ этой сѣрой и мутной картинѣ.

Плоты скользят по водѣ быстро и безшумно, а навстрѣчу имъ изъ тьмы выдвигается пароходъ, выбрасывая изъ трубы веселую толпу искръ и глухо ударяя по водѣ плицами колесъ...

Два красныхъ фонаря на отводахъ все увеличиваются, становятся ярче, а фонарь на мачтѣ тихо покачивается изъ стороны въ сторону и таинственно подмигиваетъ тьмѣ.

Пространство наполнено шумомъ разбиваемой воды и тяжелыми вздохами машины.

— По-оглядывай!—раздается на плотяхъ сильный грудной окликъ.

У рулевыхъ веселъ, въ хвостѣ плота, стоятъ двое: Митя—сынъ сплавщика, русый, хилый, задумчивый паренъ лѣтъ 22-хъ, и Сергѣй—работникъ, хмурый, здоровый дѣтина въ рыжей бородѣ; изъ ея рамки выдаются крѣпкіе, крупные зубы, не закрытые верхней губой, насмѣшливо вздернутой кверху.

— Клади лѣво!—снова сотрясаетъ тьму громкій крикъ спереди плотовъ.

— Знамъ и сами! чего орешь?—недовольно ворчитъ Сергѣй и, вздыхая, наваливается грудью на весло.

— О—ухъ! Вороти крѣпчае, Митюкъ!

Митрій, упираясь ногами въ сырыя брёвна, тянетъ къ себѣ тонкими руками тяжелую жердь—руль и хрипло кашляетъ.

— Гни!... бери лѣвѣй!... черти, дьяволы!—кричатъ спереди тревожно и озлобленно.

— Ори! Твой-то чахлый сынъ соломинку о колѣно не переломить, а ты его на руль ставишь, да и орешь потомъ на всю рѣку. Жаль было еще работника нанять кощею-снохачу. Ну, и рви теперь глотку-то!...

Сергѣй ворчитъ уже громко, очевидно, не опасаясь, что его услышать, и даже какъ бы желая этого...

Пароходъ мчится мимо плотовъ, съ ропотомъ выметывая изъ-подъ колесъ пѣнистыя волны. Брёвна рас-

качиваются на водѣ, и скрученные изъ сучьевъ связи скрипятъ жалобнымъ и сырýmъ звукомъ.

Освѣщенные окна парохода смотрять на рѣку, и плоты, какъ рядъ огненныхъ глазъ, отражаются на взволнованной водѣ свѣтлыми, трепещущими пятнами и исчезаютъ.

Волны сильно плещутъ на плоты, брёвна прыгаютъ, и Митрій, покачиваясь на погахъ, крѣпко прижимается къ рулю, боясь упасть.

— Ну, ну! — насмѣшливо урчитъ Сергѣй, — заплесалъ. Вотъ отецъ-то гарнетъ тебѣ опять... А то пойдётъ, да всадить тебѣ въ бокъ-то раза, тогда не такъ заплешешь! Бери право! Ой—ну! О, о!...

И упругими, какъ стальные пружины, руками Сергѣй мощно ворочаетъ свое весло, глубоко разрывая имъ воду...

Энергичный, высокій, немного злой и насмѣшливый, онъ стоитъ такъ, точно приросъ къ бревнамъ босыми ногами, и въ сильно напряженной позѣ, готовый каждую секунду поворотить плоты, зорко смотреть впередъ.

— Ишь, отецъ-то у тебя какъ обнимать Марьку-то! Ну-ну, и дьяволы же! Ни стыда, ни совѣсти! И чего ты, Митряй, не уйдешь куда отъ нихъ, чертей поганныхъ?... а? Слышь, что ли?

— Слышу! — вполголоса говоритъ Митрій, не глядя туда, гдѣ Сергѣй, сквозь тьму, видитъ его отца.

— Слышу-у! Эхъ, ты, тюря! — дразнится Сергѣй и иронически хохочетъ.

— Дѣла! — продолжаетъ онъ, подзадориваемый апатіей Митрія. Ну, и старикъ чортъ! Женить сына, отбить сноху и — правъ! Старый галманъ!

Митрій молчитъ и смотритъ назадъ по рѣкѣ, гдѣ тоже образовалась стѣна густыхъ облаковъ.

Теперь облака вездѣ, и кажется, что плоты не плывутъ, а неподвижно стоятъ въ этой густой и черной водѣ, подавленной тяжелыми темно-сѣрыми грудами

тучъ, упавшими въ нее съ неба и заградившими ей путь.

Рѣка кажется бездоннымъ омутомъ, со всѣхъ сторонъ окруженнымъ горами, высокими до неба и одѣтыми густымъ покровомъ тумана.

Кругомъ—томительно тихо, и вода точно ждетъ чего-то, уже слабо поплескивая на плоты. Много грусти, и какой-то робкій вопросъ слышится въ этомъ бѣдномъ звукѣ, единственномъ среди ночи и еще болѣе отъняющемъ ея тишину...

— Вѣтру бы теперь дунуть...—говорить Сергѣй.— Нѣтъ, не надо вѣтру—потому онъ дождя нагонитъ,—возражаетъ онъ самъ себѣ и начинаетъ набивать трубку, покряхтывая.

Вспыхиваетъ спичка, слышно хрипѣніе въ засоренномъ чубукѣ, и красный огонекъ, то разгораясь, то угасая, освѣщаетъ какъ бы ныряющее во тѣмѣ широкое лицо Сергѣя.

— Митрій!—раздается его голосъ. Теперь онъ менѣе угрюмъ и въ немъ яснѣе звучитъ смѣшливая нота.

— А? —вполголоса отвѣчаетъ Митрій, не отводя глазъ изъ далѣ, гдѣ онъ пристально разсматриваетъ что-то своими большими и грустными глазами.

— Какъ же это, братъ ты мой, а?

— Чего?—отзывается Митрій недовольно.

— Женился-то?! Смѣхи! Какъ это было-то? Ну, пошли вы, значить, съ женой спать? Ну, какъ же?! Ха, ха, ха!

— Эй, вы! Ржете тамъ! По-оглядывай-ай!—угрожающе пронеслось надъ рѣкой.

— Ишь, реветъ, снохачъ анаемскій!—съ восхищеніемъ отмѣчаетъ Сергѣй и снова возвращается къ интересующей его темѣ.

— Ну, скажи, что ли? Мить! Скажи ужъ, чай! а?

— Отстань, Серега!—говорилъ ужъ вѣдь!—проси

тельно шепчетъ Митрій; по, должно быть, зная, что отъ Сергѣя не отвѣжешься, торопливо начинаетъ:

— Ну, пришли мы спать. Я и говорю ей: не могу, молъ, я мужевать съ тобой, Марья. Ты дѣвка здоровая, я человѣкъ больной, хилый. И совсѣмъ, молъ, я жениться не желаю, а батюшка, молъ, силкомъ меня—женюсь, говоритъ, да и все! Я, молъ, вашу сестру не люблю, а тебя больше всѣхъ. Бойка больно... Да... И ничего я этого не могу... понимаешь... Пакость одна, да грѣхъ... Дѣти тоже... За нихъ отвѣтъ Богу дать надо...

— Пакость!—взвизгиваетъ Сергѣй и громогласно хохочетъ.—Ну, и что жъ она, Марья-то? а?

— Ну... Что же, говоритъ, мнѣ дѣлать теперь? Плачетъ сидитъ. Чѣмъ, говоритъ, я тебѣ не по сердцу? Алл, говоритъ, я уродина какая? Безстыдница она, Серега!... и злая. Что же, говоритъ, мнѣ съ моимъ здоровьемъ къ свекру что ли идти? Я говорю: какъ хошь, молъ... Куда хошь иди. Мнѣ, молъ, супротивъ души невозможно поступить... Любовь кабы была! А такъ—что же? Дѣдушка Иванъ говорилъ—смертныи грѣхъ это дѣло. Скоты мы съ тобой, что ли, молъ? Плачетъ все. Загубили, говоритъ, мою дѣвичью красоту. Жалко ее было мнѣ. Ничего, молъ, какъ-нибудь обойдесся. А то, молъ, въ монастырь иди. Она ругаться: дуракъ ты, говоритъ, Митька, подлець...

— А, батюшки!—восхищеннымъ шопотомъ шипитъ Сергѣй.—Такъ ты ей и откололъ—въ монастырь?

— Такъ и сказалъ!—просто говоритъ Митя.

— А она тебя—дуракомъ?—повышаетъ тонъ Сергѣй.

— Да... обругала.

— За дѣло, братъ! А-ахъ и за дѣло! Вздуть бы еще надо!—вдругъ мѣняетъ тонъ Сергѣй. Теперь онъ говоритъ строго и внушительно.

— Развѣ ты можешь супротивъ закону идти? А ты—пошелъ! Установлено—ну, значить, и шабашъ! Не могли

спорить. А ты на-ко-ся! Экъ выворотить корягу. Въ монастырь! Дурья голова! Вѣдь дѣвкѣ-то что надо? Али монастырь? Ну, и люди нынче! Ты подумай—что вышло? Самъ ты ни бѣ, ни мѣ, ни ку-ка-ре-ку, дѣвку погубилъ... полюбовницей стариковой стала—старика во грѣхъ снохаческій ввель. Сколько ты закону нарушилъ? Го-олова!

— Законъ-то, Сергѣй, въ душѣ. Одинъ законъ про всѣхъ: не дѣлай такого, что противъ души твоей, и никакого ты худа на землѣ не сдѣлаешь,—тихо и умиротворяюще проговорилъ Митрій, тряхнувъ головой.

— А ты вотъ сдѣлалъ!—энергично возразилъ Сергѣй.—Въ душѣ! Экъ тоже... Мало ли что въ душѣ-то есть. Всему запрета не полагать—нельзя. Душа, душа... Ее, братъ, понимать надо, а потомъ ужъ и того...

— Нѣтъ, ты это не такъ, Сергѣй!—горячо заговорилъ Митрій, точно всыхнулъ вдругъ.—Душа-то, братъ, всегда чиста, какъ росинка. Въ скорлупкѣ она, вотъ что! Глубоко она. А коли ты къ ней прислушаешься, такъ не ошибешься. Всегда по-божески будетъ, коли по душѣ сдѣлано. Въ душѣ вѣдь Богъ-то, и законъ, значить, въ ней. Богомъ она создана, Богомъ въ человѣка вдунута. Нужно только въ нее заглянуть умѣть. Нужно только не жалѣючи себя...

— Эй, вы! Деймоны сонные! Гляди въ оба!—раскатисто загремѣло и поплыло по рѣкѣ.

По силѣ звука чувствовалось, что кричитъ человѣкъ здоровый, энергичный, довольный собой, человѣкъ съ большой и ясно сознанной имъ жизнеспособностью. Кричалось не потому, что окрикъ былъ вызванъ сплавщиками, а потому, что душа была полна чѣмъ-то радостнымъ и сильнымъ, и оно—это радостное и сильное—просилось вонъ, на волю, и вотъ—вырвалось въ этомъ гремящемъ, энергичномъ звукѣ.

— Ишь, какъ тьякнулъ, старый чортъ!—съ удоволь-

ствіемъ отмѣтили Сергѣй и зорко посмотрѣлъ впередъ, усмѣхаясь.

— Милуются голубки! Завидно не бывать, Митька?

Митрій равнодушно посмотрѣлъ туда, къ переднимъ весламъ, гдѣ, работая, двѣ человѣческія фигуры перебѣгали по плотамъ справа палѣво и, останавливаясь близко другъ къ другу, иногда сливались въ одну плотную, темную массу.

— Не завидно, молъ?—повторилъ Сергѣй.

— Что мнѣ? Ихъ грѣхъ—ихъ отвѣтъ,—тихо сказала Митя.

— Та-акъ!—иронически протянулъ Сергѣй и подложилъ табаку въ трубку. Снова во тьмѣ заблестѣлъ красный огонекъ.

А ночь становилась все гуще, и сѣрыя тучи, черныя, все ниже спускались надъ тихой, широкой рѣкой.

— Гдѣ жъ это ты, Митрій, нахваталъ такой мудрости великой, а? Али ужъ у тебя это врожденная? Не въ отца ты, братокъ. Герой у тебя отецъ-отъ. Смотри-ка—52 ему, а онъ какую кралечку милуетъ! Сокъ одинъ баба. И любитъ она его,—что ужъ тутъ! Любитъ, братъ. Нельзя не любить козыря такого. Король козырей, бардадынь отецъ-отъ у тебя. Работаетъ—любо глядѣть, достатокъ большой; почета—хощь отбавляй, и голова на мѣстѣ. Н-да. А ты вотъ ни въ мать, ни въ отца. Мить? А что бы отецъ-отъ сдѣлалъ, кабы покойница Анепса жива была? Чудно! Посмотрѣлъ бы я, какъ она его... Тоже баба была—бой, matka-то твоя... Подъ пару Силану-то.

Митрій молчалъ, облокотясь на весло и глядя въ воду.

Сергѣй тоже замолчалъ. Спереди плотовъ доносились звонкій женскій смѣхъ. Ему вторилъ басовитый смѣхъ мужчины. Затканная мглой ихъ фигуры были еле видны Сергѣю, съ любопытствомъ и зорко смотрѣвшему на нихъ сквозь тьму. Можно было видѣть, что мужчина

высокъ и стоитъ у весла, широко разставивъ ноги, въ полъ-оборота къ кругленькой, маленькой женщинѣ, при-слонившейся грудью къ другому веслу саженьяхъ въ полтора отъ перваго. Она грозитъ мужчинѣ пальцемъ, рассыпчато и задорно посмѣиваясь. Сергѣй отвернулся со вздохомъ сокрушенія и, сосредоточенно помолчавъ, заговорилъ опять:

— Эхма! И ладно же имъ тамъ. Мило! Мнѣ бы вотъ такъ-то бобылю—шаталъ! Ни въ жисть бы отъ такой бабы не ушелъ! Эхъ, ты! Такъ бы все и мялъ ее въ рукахъ, не выпускалъ. Нѣ, чувствуй, какъ люблю... Чортъ-те! Не везетъ вотъ мнѣ на бабу... Не любятъ, видно, бабы рыжихъ-то. Н-да. Капризная она—баба эта... А шельма! Жадна жисть. Митя! Эй, спишь?

— Нѣтъ,—тихо отвѣтилъ Митя.

— То-то! Какъ же ты, братъ, жизнь проходитъ будешь! Вѣдь ежели говорить правду—одинъ ты, какъ перстъ. Тяжело! Куда жъ ты себя теперь опредѣлишь? Житья тебѣ настоящаго на людяхъ не найти. Смѣшонтъ больно. Али это человѣкъ, который постоятъ за себя не умѣетъ! Нужно, братъ, зубы да когти. Всякій тебя будетъ забижать. Рази ты можешь оборониться? Чѣмъ тебѣ оборониться? Эхэ-хэ! Чудень! Куда жъ ты?

— Я-то?—вновь встрепенулся Митя.—Я уйду. Я, братъ, осенью нынѣ—на Кавказъ и—кончено! Господи! Только бы скорѣе отъ васъ! Бездушные! Безбожные вы всѣ люди, бѣжать отъ васъ—одно спасенье! Зачѣмъ вы живете? Гдѣ у васъ Богъ? Слово у васъ одно... Али вы во Христѣ живете? Эхъ вы, волки вы! А тамъ иные люди, живы души ихъ во Христѣ, и сердца ихъ содержатъ любовь и о спасеніи міра страдаютъ. А вы? Эхъ, вы! Звѣри, пакость рыкающіе. Есть иные люди. Видѣлъ я ихъ. Звали меня. Къ нимъ и уйду. Книгу святаго Писанія принесли мнѣ они. Читай, говорить, человѣкъ Божій, братъ нашъ любезный, читай слово истинно... И читалъ я, и обновилась душа моя отъ

слова Божія. Уйду. Брошу васъ, волки безумные;—отъ плоти другъ друга питаетесь вы. Анаѳема вамъ!

Митрій говорилъ это страстнымъ шопотомъ и задыхался отъ переполнявшаго его чувства презрительной злобы къ безумнымъ волкамъ и отъ жажды тѣхъ людей, души которыхъ мыслятъ о спасеніи міра.

Сергѣй былъ ошеломленъ. Онъ помолчалъ, широко открывъ ротъ и держа въ рукѣ свою трубку, подумалъ, оглянулся кругомъ и изрекъ густымъ и угрюмымъ голосомъ:

— Ишь, какъ взѣлся!... Злой тоже. Напрасно чѣлъ книгу-то. Кто ѣ знаетъ, какая тамъ она? Ну... вали, вали, утекай, а то совсѣмъ испортиться можешь. Айда! бѣги, пока не озвѣрѣлъ совсѣмъ... А что жъ это за люди тамъ на Кавказѣ? Монахи? Аль, можетъ, старовѣры? Они молоканы что ли? а?

Но Митрій потухъ уже такъ же быстро, какъ и вспыхнулъ. Онъ ворочалъ весломъ, задыхаясь отъ усилий, и что-то шепталъ быстро и нервно.

Сергѣй долго ждалъ его отвѣта и не дождался. Его здоровую, несложную натуру давила эта мрачная, мертво-тихая почъ, ему хотѣлось напомнить себѣ самому о жизни, будить эту тишину звуками и всячески тревожить и вспугивать это притаившееся созерцательное молчаніе тяжелой массы воды, медленно лившейся въ море, и уныло застывшія въ воздухѣ неподвижныя груды облаковъ. На томъ концѣ плота жили и его возбуждали къ жизни.

Оттуда то и дѣло долеталъ то тихій, довольный смѣхъ, то отрывочныя восклицанія, стусеванныя тишиной и тьмой этой ночи, полной запаха весны, возбуждавшаго горячее желаніе жить.

— Брось, Митрій, куда воротишь? Ругнетъ старикъ-то, смотри,—замѣтилъ онъ, наконецъ, не вынося болѣе молчанія и видя, что Митрій безцѣльно буравитъ воду

весломъ. Митрій остановился, отеръ вспотѣвшій лобъ и замеръ, прислонясь грудью къ веслу и тяжело дыша.

— Мало сегодня пароходовъ, чего-то... Кой часъ плывемъ, а всего одинъ встрѣтился.

И видя, что Митрій не собирается отвѣтить на это замѣчаніе, Сергѣй резонно объяснилъ самъ себѣ:

— Это потому, что навигація еще не открылась. Начинается только еще. А живо мы сплывемъ въ Казань-то—здорово тащить Волга. Хребетъ у нея богатырскій—все подниметь. Ты чего стоишь? Осерчалъ, что ли, а? Мить? Эй!

— Ну, что?—недовольно спросилъ Митрій.

— Ничего, чудакъ человѣкъ... Чего, молъ, молчишь? Думаешь все? Брось. Вредно это человѣку. Эхъ, ты, мудрецъ, мудришь ты, мудришь, а что разума-то у тебя нѣтъ, это тебѣ и невдомекъ! Ха, ха!

И Сергѣй, посмѣявшись, въ сознаніи своего превосходства крѣпко крякнулъ, помолчалъ, засвисталъ было, но оборвалъ свистъ и продолжалъ развивать свою мысль далѣе.

— Думы! Ха! Али это для простого человѣка занятіе? Вонъ, глянь-ко, отецъ-отъ твой не мудритъ—живеть. Милуетъ твою жену, да подсмѣивается съ ней надъ тобой, дуракомъ мудрымъ. Такъ-то! Чу, какъ они? Ахъ, ты, дуй ихъ горой! Поди, уже беременна Марька-то! Не бойсь, не въ тебя дите-то будетъ. Такой же, надо полагать, ухарь, какъ и самъ Силанъ Петровъ. А твоимъ вѣдь зачислится ребенокъ-то. Дѣла! Ха, ха! „Тятка“,—скажетъ тебѣ. А ты ему, значитъ, не тятка, а братъ будешь. А тятка-то у него—дѣдушка! Эхъ, ты, ловко! Эки пакостники! А удалыцы народы! а? Такъ вѣдь, Митя?

— Сергѣй! — раздался страстный, взволнованный, чуть не рыдающій шопотъ.—Христа-ради прошу, не рви ты мою душу, не жги меня, отстань! Молчи! Христомъ-Богомъ прошу, не говори со мной, не растравляй меня, не соси мою кровь. Брошусь въ рѣку я, грѣхъ ляжетъ

на тебя большой! Душу мою загублю я. не тронь ты меня! Богомъ клянусь—прошу!...

Тишину почти разорвалъ болѣзненно-визгливый вопль, и Митрій, какъ стоялъ, опустился на брёвна, точно его пришибло что-то тяжелое, упавшее на него сверху изъ угрюмыхъ тучъ, нависшихъ надъ черной рѣкой.

— Ну, ну, ну!—боязливо заворчалъ Сергѣй, поглядывая, какъ его товарищъ метался по бревнамъ, точно обожженный огнемъ.

— Чудакъ человекъ! Этакій чудакъ... сказалъ бы, чай... коли не тово тебѣ... не этово...

— Всю дорогу ты мучишь меня... за что? Ворогъ я тебѣ? а? ворогъ?—горячо шепталъ Митя...

— Чудакъ ты, братъ! Ахъ, какой чудакъ!—смущенно и обиженно бормоталъ Сергѣй.—Рази я зналъ что? Мнѣ твоя душа невѣдома, чай!

— Забыть я хочу это, пойми! Забыть на всю жизнь! Позоръ мой... мука лютая... Свирѣпые вы люди! Уйду я! Навѣкъ уйду... Не въ мочь мнѣ...

— Да уходи!—гаркнулъ Сергѣй на всю рѣку, подкрѣпивъ восклицаніе громоподобнымъ циничнымъ ругательствомъ и сразу осѣкся, какъ-то съежился и присѣлъ, очевидно, тоже подавленный развернувшейся предъ нимъ душевной драмой, не понимать которой теперь онъ не могъ уже.

— Эй вы! Вамъ орутъ! Оглохли, что ль!?—носился надъ рѣкой голосъ Силана Петрова.—Что у васъ? Чего лаете? а-эй!

Должно быть, Силану Петрову нравилось шумѣть на рѣкѣ среди тяжелаго молчанія своимъ густымъ и крѣпкимъ басомъ, полнымъ мощнаго здоровья. Окрики слились одинъ за другимъ, сотрясая воздухъ, теплый и сырой, подавляя своей жизненной силой тщедушную фигуру Митрія, уже снова стоявшаго у весла. Сергѣй, во всю мочь отвѣчая хозяину, въ то же время вполголоса ругалъ его крѣпкой и соленой русской руганью.

Два голоса рвали тишину ночи, будили ее, встряхивали и то сливались въ одну густую ноту, сочную, какъ звукъ большой мѣдной трубы, то, возвышаясь до фальцета, плавали въ воздухѣ, гасли и гибли. Потомъ— снова стало тихо.

Сквозь разрывъ въ тучахъ на темную воду пали желтыя пятна лунныхъ лучей и, посверкавъ съ минутой, исчезли, стерты сырой тьмой.

Плоты плыли дальше посреди тьмы и молчанія.

II.

У одного изъ переднихъ весель стоялъ Силанъ Петровъ, въ широкой красной рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, обнажавшимъ его могучую шею и волосатую, прочную, какъ наковальня, грудь. Шалка сивыхъ волосъ нависла ему на лобъ, и изъ-подъ нея усмѣхались большіе, горячіе каріе глаза. По локоть засученные рукава рубахи обнажали жилистыя руки, крѣпко державшія весло, и, немного подавшись корпусомъ впередъ, Силанъ что-то зорко высматривалъ въ густой тьмѣ дали.

Марька стояла въ трехъ шагахъ отъ него, къ теченію бокомъ, и съ довольной улыбкой поглядывала на широкогрудую фигуру милаго. Оба молчали, занятые наблюденіемъ: онъ—за далью, она—за игрой его живого бородатаго лица.

— Костеръ рыбацкій, должно!—поворотился онъ къ ней лицомъ.—Ничего. Держимъ прямо! О-охъ!—выдохнулъ онъ изъ себя цѣлый столбъ горячаго воздуха, ровно ударивъ весломъ влѣво и мощно проводя имъ по водѣ.

— Не натужься больно-то, Машурка!—замѣтилъ онъ, видя, что и она дѣлаетъ тоже ловкое движеніе своимъ весломъ.

Кругленькая, полная, съ черными бойкими глазами и румянцемъ во всю щеку, босая, въ одномъ мокромъ

сарафанъ, приставшемъ къ ея тѣлу и ясно обрисовывавшемъ его,—она повернулась къ Силану лицомъ и, ласково улыбаясь, сказала:

— Ужъ больно ты бережешь меня. Чай, я слава-те Господи!

— Цѣлую — не берегу! — передернулъ плечами Силанъ.

— И не слѣдъ! — вызывающе прошептала она.

И оба они замолчали, оглядывая другъ друга жадными взглядами.

Подъ плотами мелодично журчала вода. Справа, далеко гдѣ-то, заплѣли пѣтухи.

Чуть замѣтно колыхаясь подъ ногами, плоты плыли впередъ, туда, гдѣ тьма уже рѣдѣла и таяла, а облака принимали болѣе рѣзкія очертанія и свѣтлые оттѣнки.

— Силанъ Петровичъ! Знаешь, чего они тамъ визжали? Я знаю, право-слово, знаю! Это Митрій жалился на насъ Сережкѣ, да и проскулилъ такъ-то жалобно съ тоски, а Сережка-то и ругнулъ насъ.

Марья пылливо уставилась въ лицо Силана, теперь, послѣ ея словъ — суровое и холодно-упрямое.

— Ну, такъ что? — коротко спросилъ онъ.

— Такъ, моль. Ничего.

— А коли ничего, такъ и говорить было нечего.

— Да ты не серчай!

— На тебя-то? И радъ бы иной разъ, да не въ силу.

— Любишь Машку? — шаловливо прошептала она, наклонясь къ нему.

— Э-эхъ! — выразительно крякнулъ Силанъ и, протянувъ къ ней свои сильныя руки, сквозь зубы сказалъ:

— Иди что ли... Не задорь...

Она изогнулась, какъ кошка, и мягко прильнула къ нему.

— Опять собьемъ плоты-то! — шепталъ онъ, цѣлуя ея лицо, горѣвшее подъ его губами.

— Будетъ ужъ! Свѣтаетъ... Видно насъ съ того конца.

И кивнувъ головой въ задъ плотовъ, она попыталась оттолкнуться отъ него. Но онъ еще крѣпче прижалъ ее одной рукою, а другой взялъ за руль.

— Видно? Пускай видятъ! Пускай все видятъ! Плюю на всѣхъ. Грѣхъ дѣлаю, точно. Знаю. Ну-къ что жъ? Подержу отвѣтъ Господу. А все жъ таки женой ты его не была. Свободная, стало быть, ты, сама своя... Тяжко ему? Знаю. А мнѣ? Али снохачомъ быть лестно? Хотя оно, положимъ, ты не жена ему... А все жъ! Съ моимъ-то почетомъ—каково мнѣ теперь? А передъ Богомъ не грѣхъ? Грѣхъ! Все знаю! И все преступилъ. Потому—стоитъ! Одинъ разъ на свѣтѣ-то живутъ, и кажинный день умереть можно. Эхъ, Марья! Мѣсяцъ бы мнѣ одинъ погодить Митьку-то женить! Ничего бы этого не было. Сейчасъ бы послѣ смерти Анѣсы сватовъ я къ тебѣ заслалъ—и шабашъ! Въ законѣ. Безъ грѣха, безъ стыда. Ошибка моя была. Сгрызетъ она мнѣ лѣтъ пятокъ—десятокъ; ошибка эта. Умрешь отъ нея раньше смерти...

Силанъ Петровъ говорилъ спокойно, рѣшительно, и на его энергичномъ лицѣ отражалось желѣзное упорство, точно онъ сейчасъ вотъ собирался отстаивать предъ кѣмъ-то свое право любить.

— Ну, ладно, брось, не тревожь себя. Было говорено про это неразъ ужъ,—прошептала Марья и, тихонько освободившись отъ его объятий, подошла къ своему веслу. Онъ сталъ работать порывисто и сильно, какъ бы желая дать исходъ той тяжести, что легла ему на грудь и омрачила его красное лицо.

Свѣтало.

И тучи, рѣдѣя, лѣниво расплзались по небу, какъ бы не желая дать мѣста всходившему солнцу. Вода рѣки стала свѣтлой и приобрѣла холодный блескъ матовой стали.

— Опять онъ, намедни, толковалъ. Батюшка, говорить, али это не стыдъ-позоръ тебѣ и мнѣ? Брось ты ее, тебя-то то-есть, — усмѣхнулся Силанъ Петровъ,—

брось, говорить, войди въ мѣру. Сыиъ, молю, мой милый, отойди прочь, коли живъ быть хошь! Разорву въ куски, какъ тряпичу гнилую. Ничего отъ твоей добродѣтели не останется. На муку, молю, себѣ родиль я тебя, выродка. Дрожишь. Батюшка! али, говорить, я виновать? Виновать, молю, комаръ пискливый, — потому камень ты на моей дорогѣ. Виновать, молю, потому постоять за себя не умѣешь. Мертвечина, молю, ты, стерва тухлая. Кабы, молю, ты здоровъ былъ, — хоть бы убить тебя можно было, а то и этого нѣтъ. Жалко тебя, кикимору несчастную. Воешь! — Эхъ, Марья! Плохи люди стали! Другой бы — э-эхма! Выбился бы изъ петли-то скоро. А мы — въ ней! Да, можетъ, такъ и затынемъ другъ друга.

— Это ты о чемъ? — робко спросила Марья, съ испугомъ глядя на него, суроваго, мощнаго и холоднаго.

— Такъ... Умеръ бы онъ... Вотъ что. Кабы умеръ... ловко бы! Все бы въ колею вскочило. Отдалъ бы твоимъ землю, замазалъ бы имъ глотки-то, а съ тобой — въ Сибирь... али на Кубань! Кто такая? Жена моя! Поняла? Документъ бы такой достали... бумагу. Лавку бы открылъ въ деревнѣ гдѣ. И жили бы. И грѣхъ нашъ передъ Господомъ замолили бы. Много ли намъ надо? Помогли бы людямъ жить, а они бы помогли намъ совѣсть успокоить... Хорошо? а? Маша!?

— Да-а! — вздохнула она и крѣпко, зажмуривъ глаза, задумалась о чемъ-то.

Они помолчали... Журчала вода...

— Чахлъ онъ... Можетъ, скоро умереть, — глухо сказалъ Силанъ Петровъ.

— Дай-ко Ты, Господи, поскорѣе бы! — молитвенно произнесла Марья и перекрестилась.

Брызнули сквозь тучи лучи весенняго солнца и заиграли на водѣ золотомъ и радугой. Дунуль вѣтеръ, все дрогнуло, ожило и засмѣялось. Голубое небо между

тучь тоже улыбалось раскрашенной солнцемъ водѣ. А тучи остались уже сзади плотовъ.

Тамъ, собравшись въ тяжелую темную массу, онѣ раздумчиво и неподвижно стояли надъ широкой рѣкой, точно выбирая путь, которымъ скорѣе уйдешь отъ живого солнца весны, богатаго блескомъ и радостью, и врага имъ, матерямъ зимнихъ вьюгъ, запоздавшимъ отступить предъ весной.

Впереди плотовъ сіяло чистое, ясное небо, и солнце, еще холодное по-утреннему, но нестерпимо яркое по-весеннему, важно и красиво всходило все выше въ голубую пустыню неба изъ пурпурно-золотыхъ волнъ рѣки.

Справа отъ плотовъ былъ виденъ коричневый горный берегъ въ зеленой бахромѣ лѣса, слѣва—блѣдно-изумрудный коверъ луговъ блестялъ брилліантами росы.

Въ воздухѣ поплылъ сочный запахъ земли, только-что рожденной травы и смолистый ароматъ хвои.

Силанъ Петровъ посмотрѣлъ на заднія вѣсла.

Сергѣй и Митрій точно приросли къ нимъ. Но еще трудно было, за далью, видѣть выраженіе ихъ лицъ.

Онъ перевелъ глаза на Марью.

Ей было холодно. Стоя у весла, она сжалась въ комокъ и стала совсѣмъ круглой. Вся облитая солнцемъ, она смотрѣла впередъ задумчивыми глазами, и на ея губахъ играла та загадочная и чарующая улыбка, которая и некрасивую женщину дѣлаетъ обаятельной и желанной.

— Поглядывай въ оба, ребятушки-и! О-о!...—во всю мочь громыхнулъ Силанъ Петровъ, чувствуя мощный приливъ энергіи и бодрости въ своей широкой груди.

И отъ его крика все кругомъ какъ бы колыхнулось. Долго по горному берегу звучало эхо.

БОЛЕСЬ.

(1896.)

Одинъ знакомый какъ-то разъ вотъ что разсказаль мнѣ:

„Когда я былъ въ Москвѣ студентомъ, мнѣ довелось жить рядомъ съ одной изъ „этихъ“... знаешь? Она была полька, звали ее Тереза. Высокая такая, сильная брюнетка, съ черными, сросшимися бровями и съ лицомъ большимъ, грубымъ, точно вырубленнымъ топоромъ—она приводила меня въ ужасъ животнымъ блескомъ своихъ темныхъ глазъ, густымъ, басовитымъ голосомъ, извозчичьими ухватками, всей своей громадной мускулистой фигурой рыночной торговли... Я жилъ на чердакѣ, и ея дверь была противъ моей. Я, бывало, никогда не отворялъ моей двери, если зналъ, что она дома. Но это, конечно, случалось рѣдко. Иногда мнѣ приходилось встрѣчаться съ ней на лѣстницѣ, на дворѣ, и она улыбалась мнѣ улыбкой, которую я считалъ хищной и циничной. Неразъ я видѣлъ ее пьяной, съ осовѣлыми глазами, растрепанной, улыбающейся какъ-то особенно безобразно... Въ такихъ случаяхъ она говорила мнѣ:

—„Бывайте здоровы, пане студентъ!—и глупо хохотала, увеличивая мое отвращеніе къ себѣ. Я бы съѣхалъ съ квартиры, чтобъ избавиться отъ такихъ встрѣчъ и привѣтствій, но у меня была такая миленькая комнатка

съ широкимъ видомъ изъ окна, и такъ тихо было въ этой улицѣ... Я терпѣлъ.

И вдругъ, однажды утромъ валяюсь я на койкѣ, стараясь найти какія-либо основанія для того, чтобъ не идти на лекціи,—отворяется дверь, и эта отвратительная Тереза возглашаетъ съ порога басомъ:

— „Бывайте здоровы, пане студентъ!

— „Что вамъ угодно? — говорю. Вижу — лицо у нея смущенное, просительное... Необычное для нея лицо.

— „Видите ли, пане, буду я васъ просить объ одномъ дѣлѣ... Ужъ вы сдѣлайте мнѣ его!

„Я лежу, молчу и думаю:

„Подвохъ! Покушеніе на мою чистоту, ни больше ни меньше!

„Крѣпись, Егоръ.

— „Нужно бы мнѣ, видите, письмо послать на родину,—говоритъ она, и такъ умоляюще, тихо, робко.

„Э, думаю, чортъ съ тобой, изволь! Всталъ, сѣлъ къ столу, взялъ бумагу и говорю:

— „Проходите сюда, садитесь и диктуйте...

„Она проходитъ, осторожно садится на стулъ и съ виноватымъ видомъ смотритъ на меня.

— „Ну-съ, кому письмо?

— „По варшавской дорогѣ, въ городъ Свѣянцаны, Болеславу Кашпугу...

— „Что писать... Говорите...

— „Милый мой Болесь... сердце мое... Мой вѣрный возлюбленный... Да сохранить тебя Матерь Божія! Золотое мое сердце, почему ты такъ давно не писалъ своей тоскующей голубкѣ Терезѣ...

Я чуть-чуть не расхохотался. „Тоскующая голубка“ двѣнадцати вершковъ роста, съ пудовымъ кулачищемъ и съ такой черной рожей, какъ будто голубка всю жизнь трубы чистила и ни разу не умывалась! Сдержался кое-какъ, спрашиваю:

— „Онъ кто, этотъ Болесь?

— „Болесь, пане студентъ, — какъ будто обидѣлась она на меня за то, что я исковеркалъ имя. — Онъ, Болесь, женихъ мой...

— „Женихъ??

— „А чего же панъ такъ удивился? Развѣ жъ у меня, у дѣвушки, не можетъ быть жениха?

„У нея, у дѣвушки?!... Хорошо?

— „О, почему же! Все бываетъ... А давно онъ вашъ женихъ?...

— „Шестой годъ...

„Ого-го!—думаю я. Ну, написали мы письмо. Такое, я вамъ скажу, нѣжное и любовное, что я бы самъ, пожалуй, помѣнялся мѣстомъ съ этимъ Болесемъ, если бѣ корреспонденткой была не Тереза, а что-нибудь другое, поменьше ея.

— „Вотъ отъ души спасибо вамъ, пане, за услугу!—говорить мнѣ Тереза, кланяясь.—Можетъ, и я могу вамъ чѣмъ послужить?

— „Нѣтъ ужъ, покорно благодарю!

— „А можетъ, у пана рубаха или штаны въ дыркахъ?

„Чувствую, что этотъ мастодонтъ въ юбкѣ вогналъ меня въ краску, и довольно рѣзко заявляю, что не нуждаюсь въ ея услугахъ.

„Ушла.

„Прошло недѣли съ двѣ... Вечеръ. Сажу подъ окномъ и свищу, думая, чѣмъ бы мнѣ отвлечь себя отъ себя? Скучно, а погода скверная, идти никуда не хочется, и отъ скуки я занимался самоанализомъ, помню. Это тоже довольно-таки скучно, но больше ничего дѣлать не хотѣлось. Отворяется дверь—слава Богу! кто-то пришелъ...

— „А что, панъ студентъ не займется никакимъ спѣшнымъ дѣломъ?

„Тереза! Гмъ...

— „Нѣтъ... а что?

— „Хотѣла бы попросить пана еще письмо написать...

— „Извольте... Къ Болесю?...

— „Нѣтъ, теперь ужъ отъ него...

— „Что-о?

— „О, глупая женщина! Не такъ я, пане, сказала, простите! Теперь ужъ, видите ли, нужно не мнѣ, а одной подругѣ... т.-е. не подругѣ, а... одному знакомому... Онъ самъ не пишетъ... а у него есть невѣста, какъ я же вотъ... Тереза... Такъ вотъ, можетъ быть, панъ напишетъ письмо къ той Терезѣ?

„Смотрю я на нее—рожа у нея смущенная, пальцы дрожать, путается чего-то—и... догадываюсь!

— „Вотъ что, сударыня,—говорю,—никакихъ Болесей и Терезъ у васъ нѣтъ и все это вы врите. А около меня вамъ не обрыбиться и въ знакомство вступать я съ вами не хочу... Поняли?

„Она вдругъ какъ-то странно испугалась, растерялась, начала топтаться на одномъ мѣстѣ и стала смѣшно шлепать губами, желая что-то сказать и ничего не говоря.—Я жду, что изъ всего этого воспослѣдуетъ, и вижу, и чувствую, что, кажется, немного ошибся, заподозривъ ее въ желаніи совратить меня съ путей благочестія. Тутъ, какъ будто бы, что-то другое.

— „Панъ студентъ,—начала она, и вдругъ, махнувъ рукой, круто повернулась къ двери и ушла. Я остался съ очень сквернымъ чувствомъ на душѣ, слышу—у нея хлопнула дверь, громко такъ—разсердилась, видно, бабища... Подумалъ и рѣшилъ—пойду къ ней и, позвавъ ее сюда, напишу ей все, что тамъ надо.

„Вхожу въ ея комнату—вижу, она сидитъ у стола, облокотилась на него и голову сжала руками.

— „Послушайте,—говорю...

„.... Всегда вотъ, когда я рассказываю эту исторію и дойду до этого мѣста, ужасно нелѣпо чувствую себя... такая глупость! Да-а...

— „Послушайте, говорю...

„Она вскакиваетъ съ мѣста, идетъ на меня, сверкая

глазами, и начинаеть, положивъ мнѣ руки на плечи, шептать... вѣрнѣе, гудѣть своимъ басомъ...

— „Ну что жъ? Ну? Такъ! Нѣтъ никакого Болеса, нѣтъ... И Терезы тоже нѣтъ! А вамъ что? Вамъ трудно поводить перомъ по бумагѣ, да? Эхъ, вы! А еще такой... бѣленькій! Никого нѣтъ, ни Болеса, ни Терезы, только я одна есть!—Ну, что жъ, ну?

— „Позвольте,—говорю я, ошеломленный этимъ приемомъ,—въ чемъ дѣло?—Болеса нѣтъ?

— „Да, нѣтъ! Такъ что жъ?

— „А Терезы—тоже нѣтъ?

— „И Терезы нѣтъ! Я—Тереза!

„Ничего не понимаю! Тарашу на нее глаза и пытаюсь опредѣлить, кто изъ насъ сошелъ съ ума? А она ушла опять къ столу, порылась тамъ, идетъ ко мнѣ и обиженно говорить:

— „Если вамъ ужъ такъ трудно было написать Болесю, то вотъ оно, ваше писанье, возьмите! А мнѣ и другіе напишутъ...

„Вижу—въ рукѣ у меня письмо къ Болесю. Ф-фю!.

— „Слушайте, Тереза! Что все это значить? Зачѣмъ вамъ нужно, чтобы писали другіе, если я вотъ написать, а вы его не послали?

— „Куда?

— „А къ этому... къ Болесю?

— „Да его же нѣтъ!

„Рѣшительно ничего не понимаю! Оставалось только плюнуть и уйти. Но она объяснилась.

— „Что же?—обиженно заговорила она.—Нѣтъ его, такъ и нѣтъ! И развела руками, какъ бы не понимая, почему же это его нѣтъ.

— „А мнѣ хочется, чтобъ онъ былъ... Развѣ жъ я не человѣкъ, какъ всѣ? Конечно, я... я знаю... Но вѣдь никому нѣтъ вреда отъ того, что я пишу ему...

— „Позвольте—кому?

— „Да Болесю жъ!

— „Да вѣдь его нѣтъ?

— „Ахъ, Іезусъ-Марія! Ну что же, что нѣтъ, — ну? Нѣтъ, а будто бы есть!... Я пишу къ нему, ну, и выходить, какъ бы онъ есть... А Тереза—это я, и онъ мнѣ отвѣчаетъ, а я опять ему...

„Я понялъ... Мнѣ стало такъ больно, такъ скверно, такъ стыдно чего-то. Рядомъ со мной, въ трехъ шагахъ отъ меня живетъ человѣкъ, у котораго нѣтъ на землѣ никого, кто бы могъ отнестись къ нему любовно, сердечно, и этотъ человѣкъ выдумываетъ себѣ друга!

— „Вотъ вы мнѣ написали письмо къ Болесю, а я его дала другому прочитать, и когда мнѣ читають, я слушаю и думаю, что Болесь есть! И прошу написать письмо отъ Болеса къ Терезѣ... ко мнѣ. Когда такое письмо мнѣ напишутъ да читають, я ужъ совсѣмъ думаю, что Болесь есть. А отъ этого мнѣ легче живется...

„... Да-съ... Чортъ возьми!... Ну, я съ той поры аккурратно сталъ два раза въ недѣлю писать письма къ Болесю и отвѣтъ отъ Болеса къ Терезѣ. Хорошо я писалъ эти отвѣты... Она, бывало, слушаетъ ихъ и реветъ... басомъ этакимъ ревѣла. И за то, что я вызывалъ у нея письмами къ ней отъ воображаемаго Болеса слезы, она мнѣ зачнила всѣ дырки на носкахъ, рубахахъ и прочемъ... Потомъ, мѣсяца черезъ три послѣ этой исторіи, ее посадили за что-то въ тюрьму. А теперь она навѣрное умерла.“

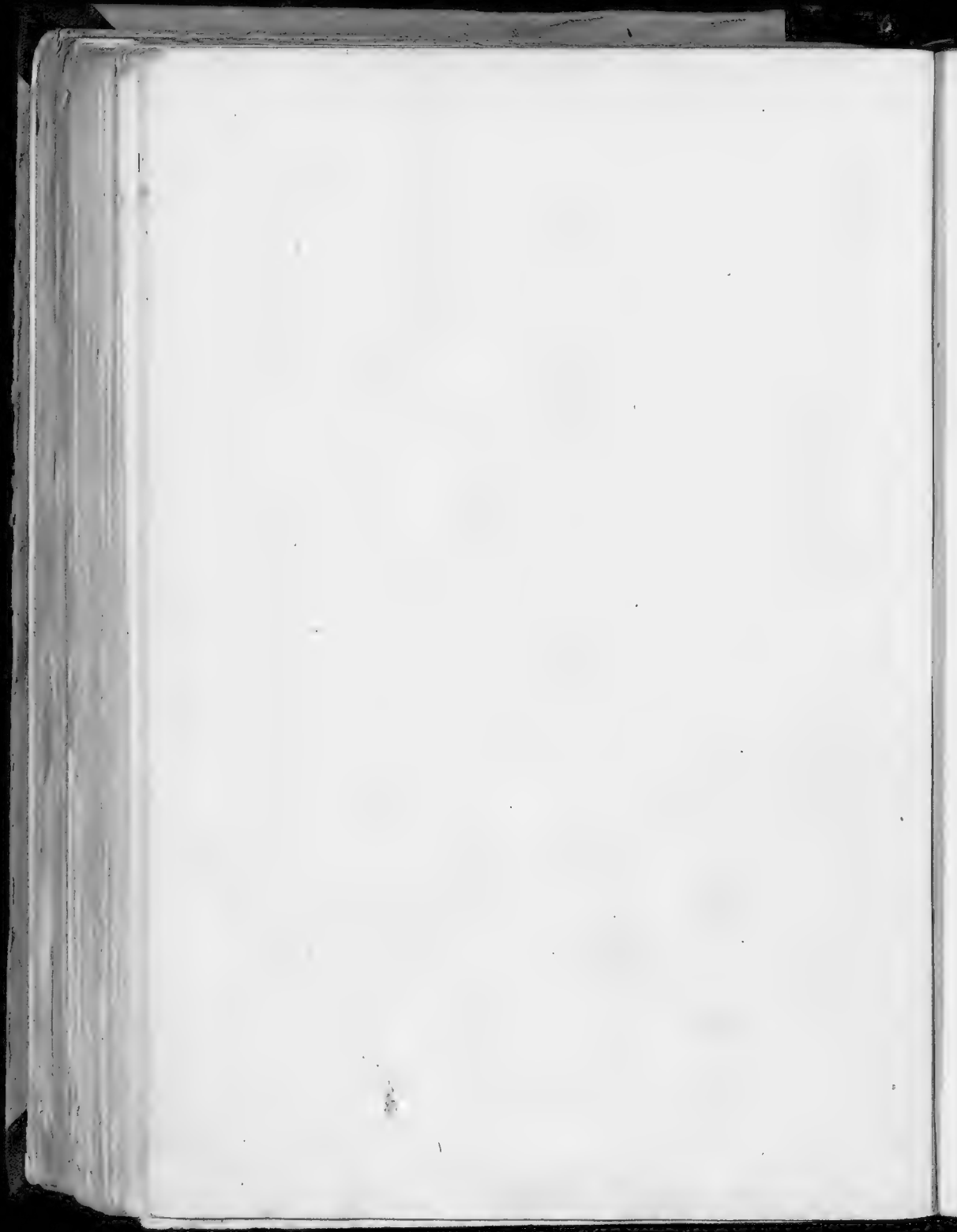
... Мой знакомый сдунулъ пепель съ папиросы, задумчиво посмотрѣлъ въ небо и закончилъ:

„Н-да-съ... Чѣмъ больше человѣкъ вкусилъ горькаго, тѣмъ свирѣпѣе жаждетъ онъ сладкаго. А мы этого не понимаемъ, облеченные въ наши ветхія добродѣтели и глядя другъ на друга сквозь дымку самомнѣнія и убѣжденія въ нашей всяческой непогрѣшимости..

„Выходитъ довольно глупо и... очень жестоко. Дескать, падшіе люди... А что такое падшіе люди? Прежде всего—люди, та же самая кость, кровь, то же мясо и тѣ

же нервы, какъ и у насъ. Говорятъ намъ объ этомъ цѣ-
лые вѣка изо дня въ день. А мы слушаемъ и... чортъ
знаетъ, какъ это все нелѣпо! Или мы уже совершенно
оглохли отъ громкой проповѣди гуманизма?... Въ сущ-
ности, сами-то мы тоже-падшіе и, пожалуй, очень даже
глубоко падшіе... въ пропасть всяческаго самомнѣнія
и убѣжденія въ превосходствѣ нашихъ нервовъ и моз-
говъ надъ мозгами и нервами тѣхъ людей, которые
только менѣе хитры, чѣмъ мы, хуже умѣютъ притво-
ряться хорошими, чѣмъ мы притворяемся... А впрочемъ,
будетъ объ этомъ. Такъ все это старо... что даже со-
вѣстно говорить... Очень старо... да!..“

Т О С К А.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ЖИЗНИ ОДНОГО МЕЛЬНИКА.

(1896.)

... Помолившись Богу, Тихонъ Павловичъ медленно раздѣлся и, почесывая спину, подошелъ къ кровати, наглухо закрытой нестрымъ ситцевымъ пологомъ.

— Господи, благослови! — прошепталъ онъ, затѣмъ широко зѣвнуль, перекрестивъ ротъ, отдернулъ пологъ и сталъ смотрѣть на мощную, покрытую мягкими складками простыни, фигуру своей жены.

Сосредоточенно и подробно разсмотрѣвъ эту неподвижную, задавленную сномъ кучу жирнаго тѣла, Тихонъ Павловичъ сурово нахмурилъ брови и вполголоса сказалъ:

— Машина!...

Потомъ отвернулся къ столу, погасилъ лампу и снова заворчалъ:

— Сказалъ вѣдь я тебѣ, чорту: идемъ спать на сѣницу; нѣтъ, не пошла! Колода дубовая! Ну-ка, подвинься малость!

И назидательно ткнувъ жену кулакомъ въ бокъ, онъ улегся съ ней рядомъ, не покрываясь простыней, а затѣмъ еще разъ крѣпко толкнулъ жену локтемъ. Она замычала, завозилась, повернулась къ нему спиной и снова захрапѣла. Тихонъ Павловичъ огорченно вздох-

нуль и уставился глазами сквозь щель полога въ потолокъ, гдѣ дрожали тѣни, рожденныя луной и неугасимой лампадой, горѣвшей въ углу передъ иконою Спаса Нерукотвореннаго. Въ раскрытое окно лился изъ сада, вмѣстѣ съ тихимъ и теплымъ ночнымъ вѣтромъ, шелестъ листьевъ, запахъ земли и сырой кожи, только что сегодня утромъ содранной съ Гнѣдка и распяленной на стѣнѣ амбара. Доносился мягкій звукъ паденія капель воды съ мельничнаго колеса; въ роуцѣ, за плотинной, гукала выпь; мрачный, стонущій звукъ тихо плавалъ въ воздухѣ; когда онъ пропадалъ — листва деревьевъ шумѣла сильнѣе, точно испуганная имъ, и откуда-то доносилась звонкая пѣснь комара.

Послѣдивъ за тѣнями, что дрожали на потолкѣ, Тихонъ Павловичъ перевелъ глаза въ передній уголъ комнаты. Тамъ, колеблемый вѣтромъ, тихо мигалъ огонекъ лампадки; отъ этого темное лицо Спасителя то проявлялось, то темнѣло, и оно показалось Тихону Павловичу думающимъ большую и тяжелую думу. Онъ вздохнулъ и истово перекрестился.

Гдѣ-то прокричалъ пѣтухъ.

— Неужели двѣнадцать ужъ?—спросилъ самъ себя Тихонъ Павловичъ. Прокричалъ другой пѣтухъ, третій... еще и еще. Наконецъ, гдѣ-то за стѣной во всю мочь гаркнулъ Рыжій, изъ птичника ему отвѣтилъ Черный, и весь птичникъ всполошился, громко и задорно возвѣщая полночь.

— О, черти, — сердито завозился Тихонъ Павловичъ, — заснуть не могу... чтобъ вамъ треснуть!

Когда онъ обругался, ему стало какъ-то легче: проклятая, непонятная грусть, одолевшая его съ послѣдней побѣдки въ городъ, меньше давила его, когда онъ сердился,—а когда онъ сердился сильно, такъ и совсѣмъ пропадала. Но за эти дни дома все шло такъ ровно, гладко, что и поругаться-то хорошенько, чтобъ полнотью отвести душу,—было нельзя—не съ кѣмъ и не

за что—всѣ подтянулись, замѣтивъ, что „самъ“ сильно не въ духѣ. Тихонъ Павловичъ видѣлъ, что домашніе боятся его и ждутъ грозы, и — чего раньше съ нимъ никогда не было—чувствовать себя виноватымъ предъ всѣми. Ему было стыдно за то, что всѣ такіе хмурые и бѣгаютъ отъ него, и еще больше овладѣвало имъ тяжелое, непонятное чувство, привезенное изъ города.

Даже Кузьма Косякъ, новый засыпка, орловецъ, зубоскаль и задира, молодой парень, веселый и могучій, съ веселыми синими глазами и ровнымъ рядомъ мелкихъ и бѣлыхъ, какъ кипень, зубовъ, всегда оскаленныхъ задорной улыбкой,—даже этотъ Кузька, съ которымъ всегда было за что всласть поругаться, и онъ какъ-то появля за послѣднее время, сталъ почтителенъ и услужливъ, пѣсенъ, на которыя былъ большой мастеръ, больше не пѣлъ, мѣткими прибаутками во всѣ стороны не сыпалъ, и Тихонъ Павловичъ, замѣчая за нимъ все это, недовольно думалъ про себя: „хорошъ, видно, я чортъ сталъ!“ И думая такъ, все болѣе подчинялся чему-то, неотвязно сосавшему его сердце.

Тихонъ Павловичъ любилъ чувствовать себя довольнымъ собою и своей жизнью, и когда чувствовалъ такъ, то намѣренно и искусственно усиливалъ свое настроеніе постояннымъ напоминаніемъ себѣ о своей зажиточности, объ уваженіи къ нему сосѣдей и обо всемъ другомъ, что могло возвысить его въ своихъ глазахъ. Всѣ домашніе знали за нимъ эту слабость, которая могла и не быть честолюбіемъ, а только желаніемъ сытаго и здороваго существа, какъ можно полнѣй усладить себя ощущеніемъ своей сытости и здоровья. Это настроеніе порождало у Тихона Павловича нѣкоторую добродушную точку зрѣнія на вещи и хотя не позволяло ему упускать своего, но создало среди знакомыхъ репутацію сердечнаго и широкаго человѣка. И вотъ, вдругъ это стойкое, жизнерадостное чувство куда-то провалилось, улетѣло, погасло

и на мѣсто его явилось нѣчто новое, тяжелое, непонятное и темное.

— Фу, ты, Господи!—прошепталъ Тихонъ Павловичъ, лежа рядомъ съ женой и прислушиваясь къ мягкимъ вздохамъ ночи за окномъ. Отъ согрѣтой пуховой перины ему стало жарко, душно; онъ безпокойно повозился, передалъ супругу анаѣмъ, спустилъ ноги на полъ и сѣлъ на кровать, отирая потное лицо.

Въ Болотномъ, селѣ верстахъ въ пяти отъ мельницы, раздались удары сторожевого колокола. Унылые мѣдныя звуки, слетая съ колокольни, тихо плавали въ воздухѣ и безслѣдно таяли. Въ саду хрустнула вѣтка; а въ рощѣ снова загудала выпѣ, точно смѣясь надъ чѣмъ-то глухимъ и мрачнымъ смѣхомъ.

Тихонъ Павловичъ всталъ, подошелъ къ окну и сѣлъ въ глубокое кожаное кресло, недавно купленное имъ за два рубля у разорившейся сосѣдки, старушки-помѣщицы. Когда холодная кожа прикоснулась къ его тѣлу, онъ вздрогнулъ и оглянулся.

Было жутко. Сквозь цвѣты на подоконникѣ и вѣтви клена передъ окномъ проникли въ комнату лучи луны и нарисовали на полу тѣневой дрожащій узоръ. Одно изъ пятенъ, въ центрѣ узора, очень походило на голову хозяйки кресла. Какъ и тогда, при торгѣ, эта голова, въ темномъ, мохнатомъ чепцѣ, укоризненно качается, и старческія губы шамкаютъ ему, мельнику:

— „Побойся Бога, батюшка! Кресло покойникъ Ѳедоръ Петровичъ передъ самой смертью купилъ, 18 рублей далъ. А давно ли онъ умеръ-то? Совѣмъ новая вещь, а ты полтора рубля даешь!..“

И покойникъ Ѳедоръ Петровичъ тутъ же, на полу: вотъ его большая, кудластая голова съ густыми хохлацкими усами.

— Господи, помилуй!—вдохнулъ Тихонъ Павловичъ. Потомъ онъ всталъ съ кресла, составилъ цвѣты съ подо-

конника на полѣ, а самъ уѣхалъ на ихъ мѣсто. Тѣни на полу сдѣлались рѣзче и яснѣе.

За окномъ было тихо и грустно. Деревья сада стояли неподвижно, слитыя ночью въ сплошную, темную стѣну, за которой чудилось что-то страшное. А съ колеса мельницы звонко и монотонно капала вода, точно отсчитывая время. Подъ самымъ окномъ сонно покачивались длинныя стебли мальвы. Тихонъ Павловичъ перекрестился и закрылъ глаза. Тогда въ его воображеніи стала медленно формироваться городская исторія, выбившая его изъ колен.

По пыльной, залитой знойными лучами солнца, улицѣ тихо движется похоронная процессія. Ризы священника и діакона слѣпятъ глаза своимъ блескомъ; въ рукахъ діакона позвякиваетъ кадило, маленькіе клубы голубого дыма таютъ въ воздухѣ.

— Свя-я...—тоненькимъ теноромъ выводитъ маленькій, сѣденькій священникъ.

— Тый!—громовымъ басомъ гудитъ діаконъ, высокій, черный мужчина, въ густой шапкѣ черныхъ волосъ и съ большими глазами, добрыми, то и дѣло улыбающимися.

— Бо-о-же,—сливаются оба голоса вмѣстѣ и оба уносятся въ безоблачную высь къ ослѣпительно сверкающему солнцу, гдѣ все такъ пустынно и покойно.

— Безсме-е-ртный!—реветъ діаконъ, покрывая своимъ могучимъ голосомъ все звуки улицы, дребезгъ пролетокъ, шумъ шаговъ по мостовой и сдержанный говоръ большой толпы, провожающей покойника,—реветъ и, широко раскрывая глаза, поворачиваетъ свое бородатое лицо къ публикѣ, точно хочетъ сказать ей:

— Эхва! Какъ я здорово вывелъ нуту-то!?

Въ гробу лежитъ господинъ въ сюртукѣ, съ худымъ и острымъ лицомъ. На этомъ лицѣ застыла важная, спокойная мина. Гробъ несутъ неровно, и голова покойника сосредоточенно покачивается съ боку на бокъ.

Тихонъ Павловичъ взглянулъ на лицо покойника, вздохнулъ, перекрестился и, увлекаемый толпой, пошелъ за гробомъ, посматривая на діакона, заинтересовавшаго его массивностью голоса и фигуры. Діаконъ шелъ и пѣлъ, а если не пѣлъ, то разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь изъ шедшихъ рядомъ съ нимъ. Очевидно, человѣкъ, лежавшій въ гробу, не возбуждалъ у діакона печальныхъ думъ о томъ, что и онъ подлежитъ этой натуральной повинности, что придетъ время, и его вотъ также понесутъ по улицѣ для того, чтобы зарыть въ землю; а онъ, лежа въ гробу, будетъ вотъ такъ же потряхивать головой, и не возьметъ ужъ въ то время ни одной, даже и самой простой ноты.

И Тихону Павловичу стало непріятно смотрѣть на веселаго діакона; онъ остановился и, пропустивъ мимо себя много публики, спросилъ у какого-то гимназиста:

— Кого это хоронятъ, милый?

Тотъ взмахнулъ на него глазами и ничего не сказалъ въ отвѣтъ. Это обидѣло Тихона Павловича...

— Такой молоденькій мальчишка и не имѣетъ никакого вниманія къ старшимъ! Драть бы васъ! Ты что думаешь, я не узнаю, что мнѣ надо? Фря какая!

Онъ пошелъ дальше и снова очутился около гроба. Гробъ несли четверо, при чемъ шли очень быстро и не въ ногу. У одного изъ неспихъ все сваливалось съ носа пенсна, и онъ, скидывая его снова на переносицу, непремѣнно взмахивалъ при этомъ густой гривой рыжихъ волосъ.

— А покойникъ-то, видно, легонькій, — подумалъ Тихонъ Павловичъ; — чиновникъ, надо думать — они больше поджарые...

Шли такъ быстро, точно человѣкъ, лежавшій въ гробу, еще при жизни успѣлъ всѣмъ страшно надоѣсть, и всѣ теперь старались какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ него. Тихонъ Павловичъ замѣтилъ это.

— Экъ ихъ гонять! Куда торопятся? Тоже люди

Божии! Чай, поди-ка, какъ живъ былъ человекъ, такъ и то, и се, а умеръ—вали скорѣе въ яму: намъ некогда!

И Тихону Павловичу стало грустно: будетъ время, и его вотъ такъ потащатъ. Можетъ быть, скоро ужъ—ему сорокъ семь лѣтъ.

— А это что такое?—спросилъ самъ себя Тихонъ Павловичъ, увидѣвъ на крышкѣ гроба вѣнки, ленты съ надписями золотыми буквами и цвѣты.

— Н-да... Значитъ, персона все-таки важная. А вотъ провожатые—оборвышъ-народъ. Бѣднота все, видно... Кого это хоронятъ?—спросилъ мельникъ поровнявшася съ нимъ благообразнаго господица въ очкахъ и съ курчавой бородой.

— Писателя...—тихо отвѣтилъ тотъ и, окинувъ фигуру Тихона Павловича взглядомъ, вразумительно добавилъ:—Сочинителя...

— Понимаемъ,—быстро откликнулся Тихонъ Павловичъ.—„Ниву“ выписываемъ, доченка читала насчетъ ихъ. Изъ важныхъ будутъ покойные-то?

— Н-пѣтъ... не изъ важныхъ...—улыбнулся его собесѣдникъ.

— Такъ... Ничего... Все-таки заслуженный міру человекъ. Ина слава солнцу, ина слава лунѣ... звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ... Однако, вѣнки... А жарко сегодня!

У Тихона Павловича неизвѣстно почему щемило сердце, скверно такъ щемило—то будто ущипнетъ его, то какъ-то сдавить.

А голосистый діаконъ все пѣлъ:

— Свя-тый безсмертный!...

И дребезжащій теноръ священника, чуть пробиваясь сквозь діаконова баса, робко и тихо просилъ:

— По-омилуй на-асъ...

Глухо топотала ногами толпа провожатыхъ, поднимая съ дороги пыль; покойникъ все качалъ головой, и

надо всѣмъ этимъ безстрастно сіяло знойное, іюльское небо.

И вотъ Тихона Павловича охватило какое-то угнетеніе—не хотѣлось ни думать, ни разговаривать. Онъ примѣнился къ шагамъ сосѣдей и, охваченный общимъ смутнымъ настроеніемъ толпы, шелъ съ ней, чувствуя только одно это надоѣдливое нытье гдѣ-то глубоко въ груди и не находя ни силъ, ни желанья отдѣлаться отъ него.

Пришли на кладбище, остановились у ямы и поставили гробъ на бугоръ вынутой изъ ямы земли. Сдѣлали это какъ-то неловко, неумѣло. Покойникъ подвалился къ боку гроба, потомъ снова принялъ прежнюю позу; казалось, онъ посмотрѣлъ вокругъ и остался доволенъ тѣмъ, что его перестали трясти и скоро перестанутъ жарить на солнцѣ. Діаконъ все усердствовалъ, сотрясая воздухъ; священникъ не отставалъ отъ него; кто-то изъ толпы подпѣвалъ глухимъ голосомъ. Звуки носились по кладбищу и, путаясь между крестами да чахлыми деревьями, давили Тихона Павловича.

И вотъ оно—самое главное.

Благообразный господинъ, у котораго Тихонъ Павловичъ спрашивалъ о покойникѣ, подошелъ къ краю могилы и, проведя рукой по волосамъ, сказалъ:

— Господа!...

Онъ такъ это сказалъ, что мельникъ даже вздохнулъ, вздрогнулъ и уставился на него. Глаза у господина странно сверкали. Онъ то опускалъ ихъ въ гробъ, то оглядывалъ публику, и пауза между его восклицаніемъ и началомъ рѣчи была такъ длинна, что всѣ, кто былъ на кладбищѣ, успѣли притихнуть и какъ-то замереть въ ожиданіи. И вотъ раздался мягкій, грудной, такой вдумчивый и печальный голосъ. Говорившій плавно помахивалъ рукой въ тактъ своимъ словамъ; его глаза горѣли подъ очками, и хотя Тихонъ Павловичъ плохо понималъ то, что говорилъ этотъ

господинъ, однако; онъ узналъ изъ его рѣчи, что покойникъ былъ бѣденъ, хотя двадцать лѣтъ онъ неустанно трудился на пользу людей, что у него не было семьи, что при жизни никто имъ не интересовался и никто его не цѣнилъ, и что онъ умеръ отъ истощенія, въ больницѣ, одинокій, какимъ онъ былъ всю свою жизнь. Тихону Павловичу сталъ жале покойника, и ноющая боль въ груди усилилась. Онъ пристально уставился на него, измѣрилъ глазами его худое, изможденное лицо, маленькую, тонкую и прямую фигурку и вдругъ нашелъ, что этотъ покойникъ похожъ на гвоздь. Онъ улыбнулся своей мысли. И въ то же время благообразный господинъ, повесивъ голосъ, произнесъ: „Удары судьбы одинъ за другимъ падали на его голову, и вотъ она, наконецъ, забила этого человѣка, посвятившаго всего себя неблагодарной, черной подготовительной работѣ по устройству на землѣ хорошей жизни для людей! Для всѣхъ людей, безъ разбора...“

Какъ разъ въ это время глаза оратора остановились на лицѣ Тихона Павловича и, поймавъ его улыбку, сурово сверкнули. Мельникъ смутился и попятился назадъ, чувствуя себя виноватымъ и предъ покойникомъ, и предъ тѣмъ человѣкомъ, что рассказывалъ о немъ.

Солнце пекло безпощадно, синее небо смотрѣло спокойно-глубоко на ниву мертвыхъ, на толпу вокругъ свѣжей могилы, а голосъ оратора все звучалъ, печальный и задумчивый.

Тихонъ Павловичъ вертѣлъ головой, разглядывалъ сумрачныя лица слушателей и чувствовалъ, что не его одного, всѣхъ охватываетъ тоска.

— „Засыпали мы наши души хламомъ повседневныхъ заботъ и привыкли жить безъ души, до того привыкли, что и не замѣчаемъ, какіе всѣ мы стали деревянные, безчувственные, мертвые. И люди такіе, какъ онъ, непонятны намъ“...—слушалъ Тихонъ Павловичъ. „Онъ“—это покойникъ, и всѣ, значить, покойники,

коли вѣрить этому благообразному господину,—всѣ, потому что у всѣхъ души засыпаны хламомъ.

— Вѣрно!—сказалъ онъ тогда про себя.—Это такъ... Развѣ я не забыть про свою душу!? Господи!—Тихонъ Павловичъ вздохнулъ и открылъ глаза. Струя теплаго воздуха влилась въ окно изъ сада и обдала замечтавагося человѣка запахомъ росистой травы, цвѣтовъ и затхлой воды изъ пруда. Тѣни на полу дрожали сильнѣе, точно пробуя подняться и улетѣть. Мельникъ всталъ съ подоконника, снова придвинулъ кресло къ окну и подошелъ къ кровати. Размѣтавши по перинѣ, жена сопѣла и всхрапывала, широко раскинувъ пухлыя руки. Эти руки и обнаженная грудь показались Тихону Павловичу чѣмъ-то неумѣстнымъ въ эту ночь и какъ бы задиравшимъ его. Сердито набросивъ на тѣло жены простыню, онъ взялъ подушку и снова, подойдя къ окну, сѣлъ въ кресло, положилъ подушку на подоконникъ, облокотился на нее и сталъ думать. Съ этихъ похоронъ родилось въ немъ что-то такое, что позволяло ему смотрѣть на себя какъ бы совсѣмъ на другого человѣка, хоть и хорошо знакомаго ему, но въ то же время чѣмъ-то новаго.

— Ай, ай, ай, Тихонъ, ай, ай, ай!—прошепталь онъ, покачавъ головой.—Что же это ты, братецъ мой, а?—упрекнулъ онъ себя не то за старую, не то за новую охватившую его тоскливую жизнь. И ему почему-то вдругъ вспомнилась стая бѣлыхъ голубей, плававшая высоко въ небѣ надъ кладбищемъ въ памятный день похоронъ. Онъ, закрывъ глаза, представилъ себѣ эти бѣлыя точки въ голубомъ небѣ... и снова молча упрекнулъ себя...

— Что, братъ, видно приспичило? Вотъ и живи теперь... майся.

А кругомъ все было такъ отчетливо ясно и въ то же время боязливо тихо, точно ждало чего-то. И внѣбиходныя, безпокойныя, тормозящія правильное теченіе

жизни думы все шевелились въ непривычной къ нимъ головѣ мельника, одна за другой являлись, исчезали и снова являлись, но уже въ большемъ объемѣ, болѣе тяжелыя. Такъ въ ясный лѣтній день по небу пробѣжить легкій обрывокъ облака и скроется, растая гдѣ-то въ лучахъ солнца... но вотъ еще одинъ... еще... еще... и хмурая грозовая туча, насупясь и глухо ворча, медленно ползетъ надъ землей. У мельника отъ его думъ явилась какая-то особая, незнакомая ему раньше, способность все подмѣчать и запоминать и ко всему прилагать вопросъ: „а зачѣмъ это нужно?“

Никто изъ людей не застрахованъ отъ наплыва думъ, потрясающихъ привычную имъ жизнь, и всѣхъ одинаково легко можетъ довести до тоски суровый вопросъ: „зачѣмъ?“

— Угнѣтаемъ мы душу!—вспомнилъ мельникъ восклицаніе оратора и поежился. Тотъ человѣкъ крикнулъ эти слова такимъ чувствительнымъ голосомъ и потомъ печально улыбнулся. И Тихонъ Павловичъ чувствуетъ правоту его словъ.

— Вѣрно—не живетъ душа-то. Дѣла все—главная причина; о душѣ-то подумать некогда. А она вдругъ и тово... и возстала, значить. Пустой часъ уллучила, да и воспряла... Вотъ-те и дѣла! И къ чему очень ужъ много дѣловъ затѣвать, коли все равно умрешь? Для чего готовимъ себя, ежели гольемъ жизнь-то взять? Для... смерти... Съ чѣмъ пойдемъ предъ лицо Господа? Вотъ душа-то и напоминаетъ: встрепыхнись, дескать, человѣкъ, потому что часъ твой тебѣ невѣдомъ... Господи, помилуй!—Тихонъ Павловичъ вздрогнулъ, перекрестился и посмотрѣлъ въ уголъ на ликъ Спасителя. Тѣни отъ лампы все дрожали на немъ, онъ былъ такъ теменъ и строгъ и, казалось, все думалъ свою большую думу. У мельника въ груди стало холодно. А вдругъ онъ сейчасъ вотъ... или нѣтъ, завтра... Вдругъ онъ завтра

умреть! Это бываетъ съ человѣкомъ—сразу, безъ всякой болѣзни упаль, да и умеръ...

— Анна!—громко зоветъ Тихонъ Павловичъ.—Анна, проснись ты хоть на минутку, ради Бога. Человѣкъ мучается, а она спитъ!

Но жена не слышитъ, подавленная сномъ. И не дождавшись ея отвѣта, Тихонъ Павловичъ всталъ, одѣлся и, сопровождаемый ея храпомъ, вышелъ изъ комнаты на крыльцо, постоялъ на немъ съ минуту и тихонько отправился въ садъ. Уже свѣтало. Востокъ блѣднѣлъ, и узкая алая полоса зари лежала на краю сизой тучи, неподвижно застывшей на горизонтѣ. Клены и липы тихонько качали вершинами; роса падала невидимыми глазомъ каплями; гдѣ-то далеко трещалъ коростель, а за прудомъ въ рощѣ грустно посвистывалъ скворецъ. Свѣжо... И скворцу, должно быть, хорошо...

— А и голова у этого барина! Большія у него думы... Вотъ бы съ нимъ по душѣ поговорить. Онъ бы мнѣ и объяснилъ, какъ и что... А развѣ я самъ что могу? Совсѣмъ и не къ тому у меня голова приспособлена!

Мельникъ печально поникъ своей неприспособленной къ большимъ думамъ головой и все-таки продолжалъ думать.

— Съѣздить развѣ мнѣ къ учителю въ Ямки? Онъ тоже тово... гвоздь. Попъ Алексѣй говорить, что это онъ меня пропечаталъ въ газетѣ. Ишь, желторылый аспидъ!

Тихонъ Павловичъ вспомнилъ, какъ ему было стыдно, когда дочь прочитала въ газетѣ о его удалой операціи съ кирюшинскими мужиками, и какъ она, закрывъ лицо газетой, тихонько спросила:

— Папаша, развѣ это такъ было?

Онъ разозлился тогда.

— Развѣ грабитель отецъ-то твой? Такъ было! Дура, чему учишься въ гимназій-то?

А было-то именно такъ, какъ написалъ учитель. Но не сознаваться же въ этомъ передъ дочерью! Чего она

понимаетъ? Теперь онъ квитъ съ кирюшинскими: когда у него плотину чуть не размыло, и они ее крѣпили—половину своего воротили назадъ: по три цѣлковыхъ за день на рыло содрали съ него. Война! Сплошалъ — и кончено—крышка тебѣ. Да... Учитель-то при этомъ присутствовалъ.

— Что, — говорить, — купецъ, и васъ прижали? И смѣется. Лицо у него сухое, желтое, строгое.

— Плохи же вы, все-таки, купецъ... Жадны, а плоховаты.

Мельникъ сердится и чувствуетъ — правда! И жаденъ—правда, и плохъ—тоже правда.

— Скоро ли, о, Господи, разсвѣтетъ?—съ тоской подумалъ онъ. — Скоро ужъ:—алая полоса на краю тучи стала и ярче, и шире.

Вотъ гдѣ-то разговариваютъ люди. Мельникъ подошелъ къ плетню и легъ на скамью возлѣ него, чувствуя, что ему не можется отъ бессонницы. А голоса людей, звучно разносясь въ звонкомъ предутреннемъ воздухѣ, все приближались...

— Не проси, Мотря, не теряй попусту словъ—не останусь!

Тихонъ Павловичъ вздрогнулъ и привсталъ на скамѣ, опершись на локоть. Говорили близко, тутъ сейчасъ же за плетнемъ, въ кустахъ бузины. Это Кузьма Косякъ, засыпка, съ кѣмъ-то.

— Не проси, говорю! Не въ моей это силѣ, чтобы здѣсь остаться; уйду я за Кубань...

— А я-то какъ же, Кузя? Ты подумай, какъ я безъ тебя-то буду? Вѣдь люблю я тебя, соколика, лю-люблю, вольный ты мой! — отвѣчалъ Кузькѣ низкій женскій контральто.

— Э, Мотря! Многія меня ужъ любили, со всѣми я распрощался, и ничего себѣ — повыходили замужъ да позакисли въ работѣ! Встрѣтишь иной разъ, посмотришь—своимъ глазамъ вѣры нѣтъ. Да развѣ это онъ—

тѣ самыя, которыхъ я цѣловаль да миловаль? Ну-ну! Одна другой вѣдьмистѣй. Нѣтъ ужъ, Мотря, не мнѣ на роду писано жениться, да, дурашка, не мнѣ. Волю мою ни на какую жену, ни на какія хаты не смѣняю. Родился я, слышь, подъ заборомъ и помру подъ нимъ. Судьба такая. По сѣдые волосы вдоль да поперекъ шлаться буду... А на одномъ мѣстѣ скучно мнѣ...

— А меня-то? Кузя, меня-то? Я-то куда дѣнусь отъ тебя? Подумай-ка! Али ты меня не любишь ужъ? Али ты меня не жалѣешь?

— Тебя-то, тебя-то... А тебя я здѣсь оставляю... за вдоваго Чекмарева замужъ выйдешь. Дѣти у него есть... да ничего, самъ онъ мужикъ хорошій.

— Не лю-любишь ты меня!... — какъ-то выдохнула изъ себя, а не сказала женщина.

— Не люблю!... Видно вотъ люблю, коли разговари-ваю. Не любилъ бы, такъ не возился бы. Съ дѣвками потому и время теряютъ, что любятъ ихъ, а ежели ихъ не любить — куда онѣ тогда? И жалко мнѣ тебя.. да вѣдь какъ кого ни жалко, а себя всегда жалчѣй. Было бы, поди-ка, гораздо хуже, если мы съ тобой, поругавшись, разстались. Вѣрно вѣдь? А теперь вотъ по душамъ — любовно, ласково все выходитъ. Я, значить, въ свою пойду сторону, ты—въ свою, кому куда судьба. Эхма, чего тутъ толковать! Цѣлуй, что ли, еще разокъ, горlinka!

Звуки поцѣлуевъ коснулись слуха Тихона Павловича и растаяли въ шелестѣ листвы. Скворецъ распѣлся громче и веселѣй, пѣтухи за мельницей встрѣчали разсвѣтъ, и онъ быстро шелъ навстрѣчу пробуждавшейся землѣ.

— Охъ, милый ты мой, Кузя... хорошій ты мой! Возьми ты меня, горящу!— снова громко зашептала дѣвушка.

— Вотъ-те и на! Она опять за свое... Я ее цѣлую,

милую, какъ путную, а она мнѣ камнемъ на шею висеть. Ну дѣвка! И всегда вотъ эта канитель съ вами.

— Да, али я не человѣкъ?...

— Ну, человѣкъ. Ну? А я? Я, значить, не человѣкъ? Скажете тоже... Сошлись мы съ тобой по-любѣ... ну, и пришло вотъ время разойтись. Также надо по-любѣ. Тебѣ жить надо, и мнѣ тоже; путать другъ друга намъ не слѣдъ... Жить надо и такъ, и этакъ—во всю чтобы! А ты нюнишь! Дурашка! А ты вспомни: сладко цѣловаться со мной? Ну? Эхъ, ты... аладыя...

Снова зазвучали поцѣлуй, прерываемые страстнымъ, задыхающимся шопотомъ и глубокими стонущими вздохами.

Вдругъ вершины деревьевъ и все кругомъ и само небо точно дрогнуло и улыбнулось свѣжей, румяной улыбкой — это первый солнечный лучъ глянулъ на землю. И какъ бы привѣтствуя его, раздался ласковый шумъ пробужденія соннаго сада, дунулъ вѣтерокъ, свѣжій, бодрящій, полный разнообразныхъ запаховъ.

Звучныя, теноровыя рѣчи Кузьки Косяка, полныя сознанія независимости и увѣренности въ правотѣ своей, тоскливо страстный контральто дѣвушки какъ бы смягчили ноющую боль въ груди Тихона Павловича.

— Ахъ, чортъ!—мысленно восклицать онъ по адресу засыпки.—Ахъ ты, ухобака!

И онъ почувствовалъ зависть къ этому веселому, вольному человѣку за его умѣнье жить, за его увѣренность въ своей правотѣ; а потомъ мельнику стало стыдно чего-то: не то того, что подслушалъ эту сцену, не то того, что позавидовалъ. Онъ всталъ, вздохнулъ и хотѣлъ пойти домой.

— Пора, Мотря! Пора мнѣ на работу! Смотри, приди ужо!

— Не пришла бы, да не въ мочь мнѣ не придти-то, соколъ мой!—какъ-то простонала дѣвушка.

— Э, не горюй! Время придетъ — слезы утереть. А

до той поры мы еще повидаемся не разъ. Такъ ли? Сдобнушка! Прощевай!

За спиной Тихона Павловича затрепалъ плетень.

„Какъ по степи вѣтеръ

„Носится, играетъ...

— Эт!... Добрый день, хозяинъ!

Тихонъ Павловичъ снялъ съ головы картузь и смущенно посмотрѣлъ на работника.

— Здорово!

Тотъ стоялъ передъ нимъ въ свободно-сильной позѣ: изъ-подъ разстегнутой красной рубахи видна была широкая, смуглая грудь, дышавшая глубоко и ровно, рыжіе усы насмѣшливо пошевеливались, бѣлые, частые зубы сверкали изъ-подъ усовъ, синіе, большіе глаза хитро прищурились, и весь Кузьма показался своему хозяину такимъ гордымъ и важнымъ, что мельнику захотѣлось поскорѣе уйти отъ него, чтобъ засыпка не замѣтила своего превосходства надъ хозяиномъ.

— Все гуляешь?

— Пока охота да время — чего не гулять? Иное время придетъ — работать буду! Чью нынче засыплю? Домолоть попову рожь али что? Да насчетъ круподерной машины надо бы похлопотать! Дереть-то она дереть, да больно глубоко беретъ...

— Да, это можно... Вотъ я тово...—проговорилъ Тихонъ Павловичъ и вдругъ какъ-то помимо воли докончилъ: — А я, братъ, тово... лежалъ тутъ на скамейкѣ, да и слышалъ, какъ ты... съ дѣвкой-то... обходился... Ловко ты съ ними умѣешь...

— Дѣло знакомое!—пошевелилъ усами Кузьма.

— Много, чай, ты ихъ, дѣвокъ-то, перепортилъ?

— А не считалъ... Какая порча? Чай, я не увѣчу ихъ...

— Оно такъ, а все-таки... Напримѣръ, неужто тебѣ, Кузьма, не жалко дѣвку-то?...

— Жалко... всегда бывает жалко... Ну, а себя все ужъ жалчѣй!

— А ежели, къ примѣру, ребенокъ? Бывало, вѣдь, а?

— Чай, бывало,—кто ихъ знаетъ...

Кузьмѣ, очевидно, начиналъ надоѣдать допросъ. Онъ переступалъ съ ноги на ногу и, досадливо сжавъ губы, крякнулъ.

А Тихону Павловичу понравилось то, что работникъ смущается его допросомъ, и онъ, уже строго нахмутивъ брови, продолжалъ:

— А грѣхъ—какъ? Вѣдь грѣхъ, чай!

— Чего грѣхъ?

— А такъ-то дѣйствовать...

— Да вѣдь ребята-то однимъ, поди-ка, порядкомъ родятся, что отъ мужа онъ, что отъ прохожаго, — сказалъ Кузьма и скептически сплюнулъ въ сторону.

— Это ты совсѣмъ напрасно. Отъ мужа—онъ въ законѣ, а ежели отъ тебя—куда его? Она, дѣвка-то, возьметъ да отъ сраму въ прудъ дитя-то и сунетъ. А на тебѣ—грѣхъ!—донималъ мельникъ работника, чувствуя при этомъ какое-то удовольствіе.

— Да вѣдь, хозяинъ, коли покрѣпче подумать, — серьезно и сухо заговорилъ Кузьма, — такъ выходитъ, что, какъ ни живи, все грѣшно! И такъ грѣшно, и вотъ этакъ грѣшно, — пояснилъ Кузьма, махнувъ рукой вправо и влево. — Сказалъ—грѣшно, промолчалъ—грѣшно, сдѣлалъ — грѣшно и не сдѣлалъ — грѣшно. Рази тутъ разберешь? Въ монастырь, что ли, идти! Чай, неохота.

Помолчали. Отъ свѣжести утра Кузьма вздрогнулъ.

— Веселая у тебя жизнь, братъ, легкая, — вздохнулъ Тихонъ Павловичъ. .

— Не жалуюсь, — сказалъ Кузьма, передергивая плечами.

— Жизнь пріятная... да... Ну, что же? Иди инъ засыпай!

— Попову?

— Сынь попову. Я приду тамъ послѣ... Какъ ты это просто разсуждаешь... право! Все грѣшно... Н-да... Легкій ты, Кузьма... какъ пузырь.

— Пузырь? А пожалуй, и пузырь...

Кузьма внимательно посмотрѣлъ на хозяина.

— Ей Богу. Вонъ Митька у меня пускаетъ: надуетъ его на соломинку, а онъ весь этакій—радугой играетъ и летитъ, полетитъ и лопнетъ.

Кузьма усмѣхнулся.

— Ишь прировняли къ чему!

— Вѣрно вѣдь. А уйдешь ты отъ меня?

— Уйду.

— Да куда тебѣ? Жилъ бы, жалованья-то прибавлю.

— Нѣтъ, не надо. Тошно здѣсь, все равно уйду.

— Жалко мнѣ тебя отпускать-то: работникъ ты хорошій,—задумчиво сказалъ Тихонъ Павловичъ.

— Нѣтъ, я ужъ уйду. Въ степь надо — приволье тамъ... эхъ ты! И мнѣ тоже васъ будетъ жалко—привыкъ. А уйду, потому тянетъ! Самому противъ себя не надо спорить. Коли кто противъ себя заспоритъ, пиши—пропалъ человекъ.

— Вотъ это вѣрно, Кузьма. Ахъ, вѣрно! — Тихонъ Павловичъ даже вспыхнулъ весь и потрясъ головой, крѣпко зажмуривъ глаза.—Вотъ я тоже... спорю...

— Тихонъ Павлы-ичъ! иди чай пить, — вскричала откуда-то жена.

— Иду! Иди и ты, Кузьма, начинай съ Богомъ.

Кузьма искоса взглянулъ въ лицо хозяина и пошелъ, посвистывая.

Въ просторной, чистой комнатѣ у окна стоялъ столъ съ шумѣвшимъ на немъ самоваромъ, ковригой бѣлаго хлѣба и кринкой молока. За столомъ сидѣла жена, здоровая, свѣжая, румяная, благодущная, и всюду въ ком-

натѣ было много ласковаго и нежаркаго утренняго солнца.

Тихонъ Павловичъ медленно, покусывая бороду, подошелъ къ столу, держа руки назади и хмуро поглядывая въ спину жены.

— Съ добрымъ утромъ, Павлычъ!—сказала она, обирачивая къ нему голову и привѣтливо улыбаясь.— Что это ты опять сегодня ночью-то не спалъ? Ты бы полѣчился чѣмъ. А то думно ужъ мнѣ стало...

— То-то ты съ думъ-то и гудѣла всю ночь, какъ фабричная труба,—усмѣхнулся мельникъ.—А я все догадывался, съ чего, молъ, это у меня Анна-то такъ за-свистывается? Анъ это съ думъ...

— Ужъ ты скажешь... Слава Господу, хоть улыбнулся, а то ужъ ты послѣдніе-то дни и не смѣешься, совсѣмъ пропалъ смѣхъ-то у тебя... Сердитый все.

— Пропадетъ, небось, отъ такой жизни,—вполголоса сказалъ Тихонъ Павловичъ.

— Али что неладно въ дѣлахъ-то?—тревожно спросила жена.

— Не о хлѣбѣ единомъ, сказано въ Писаніи... Ну вотъ и оправдалось. Схватило за сердце и сосетъ... и будетъ сосать, пока простора не дашь душѣ... Завалили мы душу-то всякимъ хламомъ, она и стонетъ безъ воздуха-то.

— Въ церковь надо чего ни то пожертвовать—вотъ и пройдетъ все,—посоветовала жена.

Мельникъ молчалъ, думая про батюшку Алексѣя. Очень жадный попъ; много разъ онъ подставлялъ ногу мельнику въ его операціяхъ съ окрестными крестьянами...

— А то еще сироту взять...

— Вотъ это пожалуй. У Дябилкиныхъ, къ примѣру.

— Налить еще чаю-то? Ты чего накрылъ стаканъ?

— Не хочу.

Тихонъ Павловичъ смотрѣлъ въ лицо жены, и она

казалась ему такой жирной, приторной, глупой. Чего она улыбается все?

— А доктора все же бы надо позвать. Позвать?

— Поди ты и съ докторомъ вмѣстѣ, — зло сказалъ мельникъ, и, выйдя въ другую комнату, наткнулся на сына, спавшаго на полу. Тихонъ Павловичъ остановился надъ нимъ и сталъ пристально смотрѣть на черную курчавую голову, утонувшую въ складкахъ подушки и сбитой въ кучу простыни. На смуглыхъ щекахъ и на лбу ребенка выступили мелкія капельки пота.

— Ишь ты.. развалился, — подумалъ Тихонъ Павловичъ. — Спишь... Акакая тебѣ въ жизни дорога лежить?...

— Тихонъ Павлы-ичъ! Васъ Кузьма кличетъ!

Это кричить съ круподерки косоротая Мареутка. Мельникъ у нея въ прошломъ году ненарокомъ всю семью разорилъ и теперь вспомнилъ это. Ома, Мареуткинъ отецъ, уходя на заработки куда-то, говорилъ ему, стоя у крыльца:

— Нельзя, значить, отсрочку-то? Та-акъ... Ну, ишь ладно. Прощай, значить, Павлычъ! Богъ тебѣ судья. Полагать надо; отзовутся тебѣ наши сиротскія слезы, взвоешь, значить, и ты, другъ милой! Прощай!

И долго Ома стоялъ передъ крыльцомъ, почесывая то бокъ, то спину, и съ напряженнымъ лицомъ повторяя одно и то же слово по пяти разъ, тянулъ за душу Тихона Павловича.

— Не полагается отсрочки? Та-акъ... — Наконецъ, мельникъ его прогналъ...

— Да, разныя дѣла бываютъ, — думалъ онъ теперь. — Иное, дѣйствительно, не по закону. А не сдѣлать его нельзя. Уронъ репутаціи будетъ.

Но его не успокоило это разсужденіе. Думы, скопляясь, давили грудь все тяжелѣе.

— Поѣду въ Ямки, — вдругъ рѣшилъ онъ. — Марее, скажи Егору — пусть лошадь заложить.

У дверей въ круподерку стоялъ Кузьма, весь сѣдой отъ пыли, и посвистывая смотрѣлъ въ небо, гдѣ въ лучахъ солнца таяла маленькая пыльная тучка. Въ круподеркѣ что-то бухало и скрипѣло; изъ-за нея съ мельницы летѣли серебряные всплески воды и густой шорохъ. Весь воздухъ былъ наполненъ тяжелыми, охающими звуками и застланъ тонкой дымкой пыли.

— Тихонъ Павлычъ, ремень-то, того гляди, перетрется,—сказалъ Кузьма, сплевывая въ сторону.

— Возьми тамъ у жены новый... Идутъ дѣла?—спросилъ Тихонъ Павловичъ у работника и тотчасъ же замѣтилъ за собой, что никогда онъ раньше не говорилъ съ работникомъ такъ ласково, какъ сегодня.

— Вертятся,—отвѣтилъ Кузьма, исподлобья наблюдая за хозяиномъ.

— Ну, и хорошо... А ты—пузырь, значить?

— Ну, пузырь, коли хотите,—неохотно согласился Кузьма и повелъ плечами.

— Легкая у тебя жизнь!... да...

— А на что она тяжелая-то?

— Вѣрно,—согласился мельникъ и вздохнулъ. Онъ никакъ не могъ поймать словами ту думу, о которой хотѣлъ спросить у Кузьмы, и чувствовалъ, что, стоя передъ нимъ такъ—молча и съ опущенной головой—онъ роняетъ въ глазахъ работника свое хозяйское достоинство.

— А ежели... умирать придется... Тогда какъ?

— Придется—ляжемъ и умремъ,—все болѣе подозрительно оглядывая хозяина, отвѣтилъ Кузьма.

— Та-акъ. А другіе-прочіе люди?

— А что другіе? И они умрутъ, придетъ и ихъ время...

— Да-а!—вздохнулъ Тихонъ Павловичъ.—Это такъ—все умрутъ... Грустно это для человѣка...

Кузьма пошевелилъ усами, запустилъ одну руку въ свои рыжіе волосы, другую сунулъ въ карманъ шаро-

варъ и, переступивъ съ ноги на ногу, вдругъ широко улыбнулся.

— Вы бы, хозяинъ, поѣхали до города, да и кутнули тамъ во всю; вотъ оно вамъ и помогло бы! А то у васъ, видно, на душѣ-то, какъ у трубочиста за пазухой. Такъ ли?

И Кузьма дотронулся рукою до плеча хозяина и захохоталъ. Его движеніе и смѣхъ поразили мельника. Онъ какъ бы потерялъ сознаніе своей личности и глупо улыбался работнику, въ то же время чувствуя себя до боли обиженнымъ имъ.

— Ахъ ты, Кузьма... Какъ ты это? Въ Ямки я поѣду, это точно... къ учителю... за разговоромъ...

— Валяйте-ка! Тамъ Дуняша Дикова такимъ васъ разговоромъ угостить, что изъ васъ всѣ мысли повискочутъ, какъ блохи изъ огня,—напутствовалъ Кузьма уходящаго отъ него хозяина.

Минуть черезъ пять сытый гнѣдко Лукичъ солидной развалистой рысцой бѣжалъ по извилистой, мягкой дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ глухо заросшей кустами орѣшника и калины. Гибкія вѣтки задѣвали Тихона Павловича за голову, заглядывали ему въ лицо, и когда листъ попадалъ въ губы, мельникъ поворачивалъ головой, отплевывался и все думалъ о своей пошатнувшейся жизни.

„Плохо все, плохо“,—думается ему.

„Тоже... жизнь! Живешь себѣ какъ въѣ, и ничего бы... А вдругъ нашла вотъ на тебя этакая раздумчивая полоса, и все перевернулось вверхъ тормашками“.

Въ странномъ, прыгающемъ безпорядкѣ осаждаютъ думы голову человѣка, не приспособленнаго къ нимъ, и всѣ онѣ непривычны, чужды, новы ему. И ему жалко прежнихъ спокойныхъ дней, когда все было такъ ясно и хорошо.

Бывало, послѣ вечерняго чая, сидя на крыльцѣ, онъ заставлялъ Митьку читать страшные рассказы изъ „Вокругъ Свѣта“. Около него все семейство: жена, дочь, а

кругомъ такъ тихо, родственно и дорого. Душа чиста и спокойна, думать не о чемъ. Иногда попадется интересная картинка: изображены на ней деревья съ такими громадными узорчатыми листьями; рѣка течетъ; ширь, даль, просторъ, не наши русскіе—пустынные и скучные — а такіе заманчивые. И семейство разсуждаетъ: „вотъ бы гдѣ мельницу-то поставить!“ Поговоривъ объ этомъ, снова всѣ утонуть въ чемъ-то такомъ тепломъ и мягкомъ, какъ пуховикъ, и уже говорить не хочется ни о чемъ больше. Такъ бы все и сидѣлъ, молча и не двигаясь.

Показались Ямки. Разсыпанные по пригорку овины, клѣтушки и избенки, казалось, были кѣмъ-то сразу брошены на землю, да такъ и прихилились испуганно и убито, не смѣя выстроиться въ одну ровную линію. Грязно-сырые, ничтожные, они казались еще жалче и бѣднѣй подъ покровомъ безстрастного, глубокаго неба, раскинувшагося надъ ними задумчиво и важно.

— Ишь ты, тоже человѣческое жильё!—думалъ Тихонъ Павловичъ, подѣзжая къ нимъ.—Въ каждой такой хороминѣ тоже человѣческая душа живетъ, даромъ что постройка-то комариная. Ну, ну, Лукичъ, пошевеливайся!

— Къ учителю ѣду... А зачѣмъ? Для разговоу... Чудно... Какой же это будетъ разговоръ? Будетъ онъ меня попрекать, скажетъ: „охъ, ты, человѣкъ, подумай о душѣ-то!“—и объяснить мнѣ меня. А я ему — вали, не стѣсняйся!... Каюсь—грѣшенъ... Въ газеты ты написалъ правильно... объегорилъ я ихъ. И хоть и они меня объегорили, но они меня одинъ разъ, а я ихъ—три! Хочешь писать—пиши! Валяй! Но допрежде объясни, почему я раньше жилъ и ничего у меня, никакой дурости не было, а нынѣ вотъ я замотался? Предѣль это человѣку или его собственное неразуміе? Положено судьбой или самъ онъ выдумалъ?... Н-но, Лукичъ!

Лукичъ фыркалъ отъ пыли, забившейся ему въ носъ.

ри, помахивалъ головой и, солидно вскидывая ноги, подвозилъ своего грѣшнаго хозяина къ Ямкамъ.

Вотъ и школа, похожая больше на бѣлянцѹ, опрокинутую вверхъ дномъ, чѣмъ на храмъ науки. У одного изъ ея трехъ оконъ сидитъ учитель, строгая покомъ какую-то палочку, и равнодушно смотритъ на подъѣхавшаго мельника.

— Добраго здравія, Александръ Ивановичъ! Въ гости къ тебѣ прискакалъ; примешь, что ли?

— Милости прошу,—сказалъ учитель и ушелъ отъ окна.

Сухой тонъ учителя и его серьезное, худое, жесткое лицо смутили Тихона Павловича, и его сердце непріятно сжалось.

Онъ долго копался около телѣжки, завязывая вожжи за облучокъ, прежде чѣмъ войти въ школу, а проходя мимо одного окна, увидѣлъ, что учитель ставитъ на полку какую-то толстую книжицу и улыбается, ѣдко такъ улыбается.

— Еще разъ здравствуй!—съ принужденной развязностью сказалъ мельникъ, протягивая руку учителю.— Ф-фу, какъ жарко!

Учитель молча сунулъ ему холодные, костлявые пальцы и, какъ-то особенно кивнувъ головой на лавку, кратко бросилъ:

— Садитесь...

— Сядемъ,—согласился мельникъ и сѣлъ на скамью у окна, гдѣ прежде сидѣлъ учитель, который теперь, заложивъ руки за спину и покашливая, уже расхаживалъ по комнатѣ, все ускоряя шаги.

Молчаніе. Тихонъ Павловичъ сидѣлъ и, независимо потирая лѣвой рукой колѣно, а пальцами правой расчесывая себѣ бороду, внимательно осматривалъ убогую обстановку маленькой комнаты съ двумя дверьми, одной въ сѣни, а другой въ большую сараеобразную школу. Въ комнатѣ всей мебели—столъ, два стула, койка,

полка съ книгами и деревянный обрубокъ, на которомъ онъ усѣлся. Вотъ учитель подошелъ къ полкѣ и сталъ разсматривать книги на ней, точно желая убѣдиться, тѣ ли это книги, которыя стояли тутъ до пріѣзда гостя. Обоимъ имъ неловко, и оба они ясно это чувствуютъ, отчего имъ еще болѣе неловко, и ихъ молчаніе становится съ каждой минутой все тяжелѣе.

— Дѣло какое имѣете до меня?—спрашиваетъ учитель, подходя отъ полки къ гостю и въ упоръ глядя на него. Лобъ у него наморщенъ, брови хмуро съежились. Ему хочется кашлять, но онъ почему-то удерживается отъ этого, плотно сжавъ губы, что вызываетъ на лицѣ его бурныя пятна и заставляетъ худую, ввалившуюся грудь вздыматься высоко и нервно.

— Хм-мм...—тянетъ мельникъ, отводя глаза въ сторону отъ учителя, и думаетъ про-себя:

— Ледащій какой!... Не долго ты, братъ, покашляешь...

Ему вспоминается тотъ „гвоздь“, надъ которымъ въ городѣ благообразный господинъ говорилъ рѣчь.

— Какъ бы тебѣ, Александръ Ивановичъ, сказать?

И говоря это, мельникъ все думаетъ:—Надъ этимъ словъ говорить некому будетъ... Такъ въ одиночку и психизнетъ. Закопаютъ его мужички въ землю—и вся недолга. И больше ничего... Хотя и онъ тоже пишетъ... однако, у него кишка слаба, видно. Пишетъ—и въ деревнѣ живетъ... Какъ бы мнѣ это начать разговоръ?

— Можетъ, чай станете пить?—спросилъ учитель и, наконецъ, страшно закашлялся, схватившись за грудь руками. Лицо у него стало сѣрое, весь онъ изгибался, и въ груди что-то свистѣло, бухало, скрипѣло, точно тамъ были спрятаны старые стѣнные часы и теперь они собирались бить.

— Можно и чаю попить,—рѣшаетъ Тихонъ Павловичъ.—А здорово ты кашляешь! Кажись, съ чего бы это? Время лѣтнее—тепло... а?

— Такъ ужъ... — говоритъ учитель, опускаясь на

стуль, и въ этихъ двухъ словахъ звучить что-то такое очень грустное. Мельникъ почувствовалъ, что на него повѣяло холодной скукой отъ этихъ простыхъ и ничего не говорящихъ словъ.

— Ивановна! поставьте самоваръ;—кричитъ учитель въ окно. Вскорѣ въ сѣняхъ раздается шумъ желѣза, и Тихонъ Павловичъ знаетъ, что это гремитъ самоварная труба, но не знаетъ, съ чего начать разговоръ съ учителемъ.

Тотъ тоже молчитъ, хмуря брови и уставившись лбомъ въ полъ. И снова это молчаніе длится долго и злится ихъ обоимъ.

— Труба упала,—сообщаетъ Тихонъ Павловичъ учителю. Тотъ всталъ и, подойдя къ двери, говоритъ:

— Ивановна, труба упала!

— Вижу, чай. Тутъ вѣдь я,—ворчливо отвѣчаютъ ему.

Паденіе трубы какъ бы ободряетъ этихъ двухъ людей, давившихъ другъ друга.

— Ну-съ, такъ вотъ... — говоритъ учитель, потирая лѣвый бокъ.—Вы, значить, хотите говорить со мной...

— Это самое... — соглашается мельникъ, кивая головой.

— Хорошо... Я догадываюсь, о чемъ именно...

— Ну?—подымая брови, спрашиваетъ Тихонъ Павловичъ и недовѣрчиво улыбается.

— Конечно, о томъ, что я написалъ про васъ въ газетѣ,—сдвигая брови, говоритъ учитель и зачѣмъ-то озабоченно отдуваетъ щеки и еще суровѣе хмуритъ лобъ.

— Такъ я и думалъ, что это ты писалъ!—воскликнулъ мельникъ.—Ахъ ты...

Учитель, очевидно, не ожидалъ этого восклицанія: онъ широко открылъ глаза и пристально взглянулъ въ лицо гостя.

— Думали!?

— Думалъ! Непремѣнно, молъ, это онъ! Потому толь-

ко двое могутъ это... ты, да попъ Алексѣй. Онъ тоже сердить на меня...

— Т.-е., какъ же это тоже? Развѣ я на васъ сердить?—удивился учитель.

— А то какъ же!

— Да за что?

— А кто тебя знаетъ! Написалъ—да и все; а я понимаю, какъ хочу...

— Позвольте! Я писалъ не по личной неприязни къ вамъ, а изъ чувства справедливости, — вздрагивая и какъ-то точно загораясь, проговорилъ учитель и, поднявъ тонъ, добавилъ:

— Вы не имѣете никакого права говорить, что я написалъ потому, что былъ сердить... да!

— Толкуй!—скептически махнулъ рукой мельникъ.— А зачѣмъ же ты писалъ?

— Затѣмъ, что вы поступили съ кирюшинскими крестьянами... не честно!

— О! вотъ какъ ахнулъ! Не честно! А они, когда у меня плотину прорвало, честно дѣлали? Небойсь, ты про нихъ не написалъ вотъ!?

— Но, позвольте!—все болѣе разгорался учитель.

Лицо у него покрылось пятнами, и онъ сталъ какъ-то заикаться, очевидно, желая сказать много, но не зная, съ чего начать. У него странно вздрагивали уши, сверкали глаза, и все его нервное, худое лицо то и дѣло измѣнялось. И мельникъ глядя на него, тоже закипалъ.

— Чего позвольте! Про меня написалъ—и про нихъ ниши. Коли я съ ними поступилъ не по совѣсти, такъ ты самъ знаешь, что и они со мной поступили этакъ же; на твоихъ глазахъ было. Однако, вотъ ты молчишь! А говоришь—изъ справедливости! Эхъ ты...

— Ну-съ, дальше что же? — спросилъ учитель, и вдругъ, какъ-то весь изогнувшись, кашляя и торопясь, быстро глотая слова, зачастилъ:

— Вы не понимаете... я не могъ... т.-е. я... Вы подозреваете меня чортъ знаетъ въ чемъ! Какая у меня можетъ быть... къ вамъ вражда? Т.-е. нѣтъ... она есть! Она всегда будетъ!—вдругъ высоко выкрикнулъ онъ.

— Ну, вотъ! Ага! А говоришь: по спра-аведливости! Какъ же по справедливости, коли изъ злобы? Эхъ ты! И жить-то тебѣ не долго осталось, а ты людей мутишь! Меня дочь какъ этой твоей писулей смазала! Родная дочь—пойми! За что?

— Позвольте!—уже кричалъ учитель. — Какое мнѣ дѣло до вашей дочери? Я не говорю: я къ вамъ лично чувствую вражду, а говорю—къ группѣ, классу.

— Ты мнѣ мудреныхъ словъ не говори, не надо! Я и такъ тебя понимаю хорошо.

— Нѣтъ, я... Вы оскорбляете меня вашими подозрѣніями! Вы можете опровергнуть меня фактами, доказать, что я невѣрно понялъ событіе, что я не правъ... но говорить...

— Я все съ тобой могу говорить, — стукнувъ себя въ грудь ладонью и, вставая со стула, съ сознаніемъ собственного достоинства заявилъ мельникъ:—Я—лицо въ округѣ... Меня на сто верстъ кругомъ знаютъ и уважаютъ, а тебѣ вся цѣна восемнадцать рублей въ мѣсяцъ...

— Я не хочу...—Учитель топнулъ ногой и, весь дрожа, задохнулся отъ волненія и приступа кашля. И пока онъ кашлялъ, со стономъ корчась отъ боли и недостатка воздуха въ пораженныхъ легкихъ, Тихонъ Павловичъ, стоя передъ нимъ въ важной позѣ побѣдителя, но великодушнаго человѣка, громко и отчетливо, съ краснымъ, возбужденнымъ лицомъ и сознаніемъ своей правоты и силы въ тонѣ, отчеканивалъ ему:

— Эхъ ты, справедливый человѣкъ! Обличаешь другого, а самъ себя тоже вотъ обличилъ! Какая тебѣ цѣна послѣ этого? Я, было, къ тебѣ, какъ къ умному, съ разговоромъ пріѣхалъ... поговорить по душѣ про то...

какъ и что... потому какъ душа у меня смутилась... А ты что? Понялъ ты меня? Написалъ? Ну, и что жъ? И написалъ! А кто читалъ? Одинъ погъ читалъ... Я все такой же, какъ былъ, такъ и остался... н-да... Я къ тебѣ прѣхалъ съ душой, а не съ враждой, а ты гнешь себѣ свое, да кричишь на меня. Можешь ты на меня кричать? 18 руб. въ мѣсяцъ получаетъ, живетъ безъ всякаго закона, одинъ, какъ перстъ, а туда же—справедливость! Э-эхъ! Прощай, братъ! Не обижаясь я на тебя за твою дерзость, а жаль мнѣ тебя... жаль... Прощай! Плохая твоя жизнь, и всѣ мы умремъ... не надо этого забывать... да!

Тихону Павловичу подъ конецъ его рѣчи сдѣлалось чуть не до слезъ грустно. Учитель, охваченный припадкомъ кашля, сидѣлъ на стулѣ согнувшись и, низко наклонивъ впередъ голову, весь дрожалъ. Одной рукой онъ держался за бокъ, а другой судорожно махалъ въ воздухъ, должно быть желая остановить расхаживающаго купца.

Мельнику было жалко смотрѣть на него и въ то же время ему хотѣлось сказать что-то такое чувствительное, что зацемило бы сердце учителя тѣмъ же чувствомъ, которымъ полно его, мельниково, сердце. Но ничего такого у него не выходило. Чувствительныхъ словъ не было, хотя голосъ дрожалъ и переливался нотами низкими и какъ бы плачущими. Мельникъ сознавалъ, что все, что произошло между нимъ и учителемъ, очень обидно для обоихъ ихъ, и ему захотѣлось прекратить скорѣе эту тяжелую сцену.

— Прощай! Не поминай лихомъ... предстанешь предъ Господомъ...—И, махнувъ рукой, онъ глубоко напятилъ на голову картузь и поспѣшно вышелъ вонъ.

— Нѣтъ, позвольте...—раздалось вслѣдъ ему хриплое, возбужденное восклицаніе учителя.

— Ладно!—буркнулъ себѣ подъ носъ мельникъ, отвязывая вожжи.

— Воротитесь... Мы должны...—появился учитель у окна. Онъ высунулся до половины на улицу, держась одной рукой за косякъ, а другой сильно жестикулируя.

— Никто ничего не долженъ... Всѣ мы — люди... — бормоталъ Тихонъ Павловичъ, занося ногу на подножку телѣжки.

— Воротитесь!—крикнулъ учитель.

Онъ очень странно крикнулъ. Тихонъ Павловичъ обернулся и посмотрѣлъ на него. Лицо у него было страшное, глаза мутные, лобъ въ поту и горло спазматически сжималось.

Мельника кольнуло что-то.

— Э... другорядъ пріѣду! Все равно!

И отчаянно махнувъ рукой, онъ больно хлестнулъ вожжами Лукича, сразу подхватившаго телѣжку въ бойкую рысь. Учитель что-то кричалъ вдогонку.

— Катай!—крикнулъ Тихонъ Павловичъ еще разъ, ударивъ лошадь, и даже скрипнулъ зубами, желая заглушить въ себѣ горькое чувство, наполнявшее его.

Выѣхавъ за деревню, онъ нѣсколько остылъ. Лукичъ быстро семенилъ ногами по извилистой дорогѣ среди золотой пустыни вызрѣвшаго хлѣба. Впереди дороги, на горизонтѣ, собиралась туча: темно-сизыя, лохматая облака сползались въ тяжелую, почти черную массу, и она двигалась навстрѣчу мельнику, бросая отъ себя на землю густую тѣнь. И на душу ему ложились снова тѣни. Онъ дернулъ вожжами и, не думая, своротилъ влѣво, на болѣе широкую и убитую колею. Туча осталась теперь справа, а впереди въ желтомъ морѣ хлѣба былъ виденъ маленькій, темный островокъ лѣса и кое-гдѣ среди холмистой пустыни, ярко залитой солнцемъ, бросались въ глаза широкія, черныя ленты вспаханной земли, одинокія въ богатой нивѣ, бѣдныя, унылыя. Съ нихъ на душу мельника вѣяло чѣмъ-то родственнымъ ей. А хлѣбъ, волнуемый вѣтромъ, тихо шумѣлъ, шепча синему небу надъ нимъ. Лукичъ бѣжалъ, и на-

встрѣчу ему, зеленѣя, приближался островокъ лѣса, обрисовываясь все рельефнѣе на ярко-желтомъ фонѣ нивы и мутно-голубомъ небѣ.

— А вѣдь это я на станцію ѣду!—подумалъ мельникъ, когда изъ-за холма показалась линія телеграфныхъ столбовъ и коричневый уголь сторожевой будки, утонувшей въ кучѣ земли вокругъ нея.

— А не поѣхать ли мнѣ въ городъ? Лошадь со станціи домой отошла съ кѣмъ-нибудь... Н-да. Къ учителю съѣздить, поговорить. Х-хе! Учитель! А ты учить-то—учи, да и самъ тоже поучивайся, понимай вокругъ-то себя, какъ и что. Какой бы это лѣпшій загналъ меня къ тебѣ, кабы душа къ тому не понудила? И долженъ ты, учитель, всегда на такой точкѣ стоять, чтобы человѣку до тебя, не уродуя себя, взобраться можно было. А то—эка вотъ!—вперся со строгостью-то своей выше печной трубы, да и пошелъ оттуда пророчить... Добродѣтели стопудовыя!

Чѣмъ дольше онъ думалъ, тѣмъ яснѣе становилось, что учитель виноватъ. Дѣло было какъ? Онъ, Тихонъ Павловичъ, нарочно далъ ходъ разговору о корреспонденціи для того, чтобы пристыдить и смягчить сердитаго учителя, показавъ ему, какъ у него, мельника, тяжело на душѣ отъ этой корреспонденціи и какъ онъ понимаетъ свою вину. И если бы учитель былъ помягче, онъ бы изобразилъ ему свои думы. А вышло, что учитель-то занесся въ облака... Когда мельникъ убѣдилъ себя, что все это именно такъ и было, ему стало очень больно и обидно.

— Эхъ, люди! Не можете вы обращать вниманія на другого, коли онъ вамъ не нуженъ и вы его не боитесь. Куда какъ хорошо это! А еще учителя—ученые люди! Видно, соблюденіе-то своей строгости дороже вамъ чужой души...

И чувствуя, какъ свободно у него въ головѣ форми-

руются разные мысли, Тихонъ Павловичъ вдругъ произнесъ вслухъ:

— Теперь бы вотъ намъ съ тобой повоевать, учитель! Неизвѣстно, чья бы еще взяла.

Лукичъ бодро подбѣгалъ къ выплывшей изъ-за холмовъ станціи, а навстрѣчу ему, свистя и разметывая въ воздухъ толстый жгутъ бѣлаго пара, приближался поѣздъ, наполняя воздухъ тяжелымъ грохотомъ.

И грохоту поѣзда отвѣчали раскаты грома изъ тучи, охватившей мракомъ уже почти двѣ трети неба. Черезъ нѣсколько минутъ Тихонъ Павловичъ сидѣлъ въ вагонѣ и мчался степью, слѣдя глазами за мелькавшими мимо оконъ полосами хлѣба и вспаханной земли.

Черное небо то и дѣло рвали огненные стрѣлы молніи, и громъ гудѣлъ надъ быстро летѣвшимъ поѣздомъ. Шумъ колесъ на стыкахъ рельсъ и лязгъ сцѣпленій пропадали въ ревъ грома, а неуловимо быстрыя молніи, мелькая мимо оконъ, слѣпили глаза.

— Куда я ѣду?—подумалъ Тихонъ Павловичъ, робко прижимаясь въ уголь сидѣнья.

Тамъ, на волѣ, все гремяло и сотрясалось, точно совершалась какая-то гигантская работа разрушенія...

— Зачѣмъ мнѣ въ городъ?—тоскливо спрашивалъ себя мельникъ.

Его встряхивало, покачивало; блескъ молніи заставлялъ его то и дѣло щурить глаза, грохотъ грома—вздрагивать и креститься. И, наконецъ, онъ задремалъ, жалко прижавшись въ своемъ углу.

II.

— Куда же бы мнѣ пойти? Къ кому?—спросилъ себя Тихонъ Павловичъ, отходя отъ вокзала два квартала, и почувствовалъ, что никого изъ знакомыхъ ему не хочется видѣть, да и вообще ничего не хочется.

Всю дорогу онъ спалъ; пріѣхавъ въ городъ, пошелъ

въ гостинницу, ѣлъ тамъ семянку, пилъ чай и смотрѣлъ въ окно, какъ шелъ дождь.

Дождь шелъ крупный, и долго онъ шелъ—часа три, и всѣ эти три часа мельникъ провелъ въ своихъ думкахъ, навѣявшихъ на него какое-то оцѣпенѣніе. Потомъ онъ рѣшилъ уѣхать обратно домой, но когда пришелъ на вокзалъ, оказалось, что поѣздъ уже отправился. Онъ сѣлъ на платформѣ вокзала и смотрѣлъ, какъ маневрировали поѣзда и суетились разные чумазы, пахучіе люди—смазчики, составители, сдѣлщики, кондуктора товарныхъ поѣздовъ. Поѣзда приходили и уходили, и Тихону Павловичу вся эта суматоха станціонной жизни казалась какой-то неосновательной, непродуманной. Зачѣмъ нужно такъ суетиться и хлопотать, такъ много отвозить и привозить, коли всѣ люди умрутъ, придетъ время? А оно, можетъ быть, завтра придетъ... Нужно бы больше заботиться о покоѣ... И мельнику снова страшно захотѣлось покоя, глубокаго, соннаго покоя, безъ думъ и безъ заботъ. И это желаніе потянуло его куда-то. Тогда онъ снова пошелъ въ городъ, и шелъ теперь холодный и безучастный ко всему, кромѣ того, что смутно шевелилось въ его душѣ, что было такъ непонятно ему и такъ мѣшало жить.

На улицѣ—тихо и темно. Фонарей почему-то еще не зажгли, а уже всходила луна. По небу быстро летѣли обрывки тучъ, а по мостовой и по стѣнамъ домовъ ползли густыя тѣни. Воздухъ былъ влаженъ и душенъ, нахло свѣжимъ листомъ, прѣлой землей и еще чѣмъ-то тяжелымъ—обычнымъ запахомъ города. Пролетая надъ садами, вѣтеръ шелестилъ листвою деревьевъ, и отъ этого тихій и мягкій шопотъ носился въ воздухѣ. Этотъ шопотъ и тѣни отъ тучъ на все бросали колоритъ грусти и утомленія. Улица была узка, пустынна и подавлена этой задумчивой тишиной, а глухой грохотъ пролетки, раздававшійся гдѣ-то вдали, звучалъ въ тишинѣ какъ-то оскорбительно-нахально. Мельникъ шелъ тихо, залю-

живъ руки за спину, и несъ съ собой свои безформенныя полудумы, полуощущенія, одѣвавшія его сердце въ холодъ и туманъ.

Вдругъ въ тишину откуда-то ворвалась толпа странныхъ, точно сдѣлпившихся между собой нотъ духовой музыки и понеслась надъ городомъ въ бѣшено-громкомъ, но гармоничномъ вальсѣ. Одна нота была такая тяжелая, обрывистая—уфъ, уфъ! Она совсѣмъ не вязалась съ остальными и, тяжело вздыхая, рвалась выше всѣхъ остальныхъ... Казалось, что-то большое и тяжелое грузными прыжками пробуетъ вырваться на волю и не можетъ.

— Зайти, что ли?—спросилъ себя мельникъ, остановившись у отворенныхъ воротъ съ двумя ярко горѣвшими фонарями. Прямо изъ воротъ куда-то вдаль тянулась аллея акацій. И еще не рѣшивъ, слѣдуетъ ему идти въ садъ, или не нужно, Тихонъ Павловичъ уже шелъ по ней, глядя на фонари, развѣшенные вдоль аллеи на проволоку и, покачиваясь отъ вѣтра, бросающіе на бурю дорожку разноцвѣтные пятна. Аллея круто повернула направо, и Тихонъ Павловичъ увидѣлъ эстраду, на которой игралъ военный оркестръ, передъ эстрадой—лавочки, на нихъ какія-то темныя фигуры. Ему не захотѣлось идти туда,—онъ сѣлъ на одну изъ скамей, стоявшихъ по бокамъ аллеи.

Шумѣли деревья, и надъ ними по небу, все болѣе очищая его, мчались клочки тучъ. Какая-то женщина прошла мимо Тихона Павловича... Онъ равнодушно посмотрѣлъ ей въ спину, она воротилась и снова прошла мимо. Тогда онъ про-себя обругалъ ее... Вдругъ она направилась къ нему, сѣла съ нимъ рядомъ и заглянула ему въ лицо. Передъ нимъ мелькнули темные, пытливые глаза, большія красныя губы и прямой, красивый носъ. Онъ степенно и брезгливо отодвинулся, и ему стало какъ-то еще скучнѣе.

— Скучно, купецъ?—спросила его сосѣдка.

— Да-а...—протянулъ онъ, но сейчасъ же спохватился и хмуро сказалъ ей:—Проваливай... нечего даромъ-то ласы точить... Не таковский...

Она засмѣялась глубокимъ, груднымъ смѣхомъ.

— Сердитый... Не бойся, не трону... Мнѣ самой скучно, вотъ... я и спросила...

Онъ помолчалъ, ожидая, что она встанетъ и уйдетъ. Но она не уходила, а позѣвывая, продолжала сидѣть рядомъ съ нимъ. Онъ искоса посмотрѣлъ на нее и увидалъ, что она еще очень молода и красива. Долго длилось молчаніе. Музыка перестала играть и снова начала, на этотъ разъ что-то уже менѣ шумное.

— Что же ты торчишь тутъ, если тебѣ скучно?—вдругъ какъ-то незамѣтно спросилъ Тихонъ Павловичъ свою сосѣдку.

— А ты чего?—не глядя на него, кротко бросила она.

— Я пріѣзжій... куда я пойду?...

— Въ номеръ, гдѣ остановился, и иди, а то въ трактиръ.

— Ишь ты!—сказалъ Тихонъ Павловичъ и, помолчавъ, прибавилъ:—Чай, тамъ тоже скучно одному-то...

— Компанію найди...

— На улицѣ, что ли, мнѣ ее подбирать?

— Въ трактирѣ всегда компанія есть.

— Это, положимъ, такъ...—вздыхнулъ мельникъ и подумалъ:—А что, въ самомъ дѣлѣ,—не пойти ли мнѣ въ трактиръ? И ее... эту взять съ собой... Можетъ, что и выйдетъ?—Ты пойдешь со мной въ трактиръ-то?—спросилъ онъ.

Она отвѣтила не сразу, какъ-то замялась.

— Пожалуй... Человѣкъ только тутъ одинъ будетъ искать меня.

— Ну, какой тамъ человѣкъ?

— Нѣтъ, вѣрно... Мастеровой одинъ...

— На что онъ тебѣ? Плюнь, пойдёмъ...

Ему положительно стала улыбаться мысль о хорошей пирожкѣ.

— Да я иду... Онъ, чай, навстрѣчу попадетъ...

— Больно нужно!—сказалъ мельникъ, поднимаясь со скамьи.—Айда!

Она встала и пошла, высокая и стройная, въ бѣломъ платочкѣ на головѣ, рядомъ съ нимъ, кряжистымъ человѣкомъ, въ поддевкѣ почти до пятъ.

— Нѣтъ, кабы встрѣтить его, хорошо бы было,—говорила она, и зачѣмъ-то пояснила:—Это безрукій...

— Это какъ?

— Оторвало ему руки-то на машинѣ.

— Такъ на что тебѣ его?—нѣсколько удивился Тихонъ Павловичъ.

— А онъ поетъ больно хорошо.

— Ну?

— Мы съ нимъ сегодня хотѣли на рѣку пойти въ рошу...

— Такъ...—усмѣхнулся мельникъ.—Ну, такъ что же теперь?

— А ничего,—кратко сказала она.

Они вышли изъ сада, и мельникъ, спросивъ, куда надо идти, крикнувъ извозчика. Подпрыгивая по неровной мостовой, пролетка съ дребезгомъ покатила между двумя рядами домовъ. Было еще не поздно. Изъ оконъ на улицу лился свѣтъ лампъ и звуки голосовъ. Проѣзжая мимо одного маленькаго бѣлаго дома за палисадникомъ, Тихонъ Павловичъ услышалъ раскаты басистаго смѣха, которому вторилъ смѣхъ женщины, звонкій и задумчивый.

— Живутъ люди... не дурятъ, не мудрствуютъ,—подумалъ онъ съ огорченіемъ, и ему стало обидно за себя.

— Такъ говоришь—безъ рукъ?—помолчавъ, спросилъ онъ женщину.

Она плотно прижалась къ нему, держась одной рукой за крыло пролетки, а другой за его колено.

— Миша-то? Да...—сказала она.

— Такъ. Онъ кто же тебѣ будетъ? Милый другъ, что ли?

— Н-ну! Тоже... Онъ уже старѣй, больной. Онъ давнишній нашъ знакомый—маленькую меня, бывало, на рукахъ таскалъ.

— Ишь ты что! А отецъ-то у тебя кто?

— Маляръ былъ.

— Умеръ?

— Въ холеру померъ... Скоро и прѣдемъ.

— Такъ... А ты до этого чѣмъ занималась?—любопытствовалъ мельникъ, чувствуя, что когда онъ говорить, такъ ему какъ бы легче.

— Швейка,—отвѣтила она на его вопросъ.

— Вонъ куда подѣзжай.

Черезъ нѣсколько минутъ они сидѣли въ углу большаго трактирнаго зала. Трактиръ былъ грязный, тѣсный, пахучій. Посреди зала за однимъ изъ столовъ шумѣла компанія пьяныхъ извозчиковъ; у одного изъ оконъ, заставленныхъ горшками герани и фуксій, пили чай два какіе-то подозрительные человѣка: одинъ—лысый, съ ястребинымъ носомъ, поминутно кашлявшій; другой—черный, съ солдатскими усами, меланхолично свистѣвшій сквозь зубы, глядя въ свой стаканъ. Въ углу у изразцовой печки сидѣлъ сѣденькій старичокъ съ благочестивымъ, истомленнымъ лицомъ и сладко прищуренными глазками. Было еще нѣсколько человѣкъ,—все они очень странно были разбросаны по большой, закоптѣлой комнатѣ и никто не обращалъ вниманія другъ на друга.

Мельникъ съ своей подругой усѣлись въ темномъ углу у двери въ маленькую комнатку, и имъ хорошо былъ виденъ весь трактиръ, освѣщенный пятью стѣнными лампами. Ихъ столъ стоялъ у окна; оно было открыто, и съ улицы на нихъ вѣялъ теплый вѣтеръ, густой отъ разныхъ смѣшанныхъ запаховъ.

— Тебя какъ звать-то, красавица?

— Анной.

— Ну-ка, Аннушка, выпьемъ для знакомства.

Онъ налилъ изъ поставленной передъ нимъ бутылки двѣ рюмки водки; они чокнулись и выпили. Аннушка сняла съ головы платокъ и стала красивѣе: волосы у нея были густые, волнистые, каштановые, глаза—продолговатые, каріе, и глубоко въ нихъ горѣла такая хорошая, живая искорка. Она то прищуривала ихъ, то открывала, перебирая пальцами полной и бѣлой руки сборки ситцевой кофточки на груди.

— А плясать ты умѣешь русскую?—спросилъ Тихонъ Павловичъ, разсмотрѣвъ ее и найдя, что она должна быть особенно хороша въ пляскѣ, когда идетъ этакъ бокомъ и поводитъ плечами, подманивая къ себѣ глазамъ...

— Пляшу...—отвѣтила она, снова наливая рюмки.

— И выпиваешь-таки, видно?—усмѣхнулся мельникъ.

— А какъ же? Такая жизнь... Намъ не пить нельзя...—спокойно заявила она.

— Развѣ ужъ больно тяжело?—допрашивалъ мельникъ, не скрывая недовѣрія къ ней и все продолжая насмѣшливо улыбаться.

Она отвѣтила не сразу: сначала повела плечами, оправила волосы на головѣ, отломила ломтикъ чернаго хлѣба, понюхала его съ видомъ записной пьяницы, потомъ положила въ ротъ и, медленно пережевывая, заговорила:

— Чай, если и васъ заставить цѣловаться со всякой бабой, какая того отъ васъ захочетъ, такъ и вамъ, даромъ что вы мужчина, противно это станетъ. А наша сестра должна... потому хлѣбъ. А вѣдь среди васъ хорошихъ-то больно мало, больше все... такіе, что, того и гляди, стошнить. Опять же и грѣхъ... Мы не безчувственные какія — Бога помнимъ все-таки... совѣстно. Иногда — особенно съ похмелья — такъ жутко станетъ, что вотъ

взяла бы да и сунула голову въ петлю... Ну, сейчасъ возьмишь полбутылки, да и оглушишь себя натошакъ-то... И втянешься... Безъ водки на такое дѣло нельзя выходить—не сможешь... затоскуешься...

Еще съ начала ея рѣчи Тихонъ Павловичъ почувствовалъ, что ея глаза съ этой искрой въ нихъ какъ-то щиплютъ его за сердце, остановившись на его лицѣ и какъ бы стараясь запомнить его. Когда она сказала свое „такіе“... и сдѣлала паузу послѣ этого слова—онъ почувствовалъ, что въ этой паузѣ много обиднаго для него. А потомъ она заговорила о Богѣ. Онъ пригласилъ ее съ собой совѣмъ не для этого. И тогда въ душѣ его вспыхнуло раздраженіе противъ нея. Онъ строго и вѣско заговорилъ:

— Кому что назначено, тотъ и долженъ нести свою тяжесть... н-да. А вотъ я пріѣхалъ съ тобой сюда для веселья, а не для постныхъ разговоровъ. Разговоръ такой—совѣмъ не при чемъ въ нашемъ дѣлѣ. Желая я разгуляться и чтобы съ трескомъ... понятно? Сто цѣлковыхъ брошу, но чтобы былъ отдыхъ душѣ. Чтобы вихрь былъ! Можешь ты мнѣ въ этомъ дѣлѣ способствовать? Дѣйствуй — десятку дамъ! Но чтобы — вотъ какъ было! И съ глазами, внезапно загорѣвшимися дикимъ огнемъ, онъ повелъ рукой по шеѣ и мотнулъ головой, зашуривъ глаза.

Она поняла его и тоже какъ бы сразу вспыхнула вся. До этой поры онъ ей казался мямлей, солиднымъ бородачомъ-семьяниномъ, который и согрѣшить желаетъ только до извѣстнаго предѣла; но теперь ей стало ясно, что онъ можетъ развернуться широко. И блеснувъ глазами, она встала со стула, накидывая на голову платокъ и говоря:

— Такъ бы вы сразу и сказали, а то чешете языкъ, и невозможно понять—зачѣмъ. Посидите, я въ минуту ворочусь. Сейчасъ будетъ гармонистъ, пѣсни будемъ пѣть, спляшемъ... А вы, пока я хожу, переберитесь-ка

вотъ сюда...—она указала рукой на сосѣдную комнату,— да закажите чаю, водки еще и закуски... Ну те-ка, я тяпну еще одну!

Она „тяпнула“ рюмку водки, улыбнулась и исчезла.

Онъ подозвалъ полового, сказалъ ему все, что было нужно, и перешелъ въ сосѣдную комнату. Она представляла изъ себя что-то вродѣ коридора—не по длинѣ узкая и прокопченная. Въ ней было три окна, всѣ на улицу; въ одномъ простѣнкѣ висѣла картинка, изображавшая охоту на медвѣдя, въ другомъ—голую женщину. Тихонъ Павловичъ посмотрѣлъ на нихъ и сѣлъ за круглый столикъ, стоявшій передъ широкимъ кожанымъ диваномъ, надъ которымъ опять-таки висѣла картина, изображавшая не то некошеные луга, не то море въ тихую погоду. Въ центрѣ картины помѣщалось коричневое пятно, которое съ удобствомъ можно было счесть и за избушку, и за корабль. По бокамъ рамы горѣли двѣ лампы. Въ сосѣдней комнатѣ гудѣла публика, все прибывавшая, звенѣли стаканы, хлопали пробки откупориваемыхъ бутылокъ.

— Попробуемъ встряхнуться... — думалъ Тихонъ Павловичъ, наливая себѣ водки и проглатывая ее.— Авось, послѣ встряски и оживемъ. Будетъ, поваландался съ собой. Кабы можно было мнѣ понимать какъ и что—дѣло другое. Но понимать я не могу. Томить меня, а что томить?—неизвѣстно это мнѣ. Сосеть—и все... Ну, положимъ, умеръ человѣкъ—что же такое? Дѣло ясное—жить, оттого и умеръ. И я умру... Душу забывать не надо—это точно. Но чего она хочетъ? Кабы я могъ это понимать!—Ему вспомнился Кузька.—Онъ вотъ даетъ просторъ себѣ. Живетъ и знать ничего не хочетъ... и никакимъ думамъ не подверженъ. А вѣдь у него тоже душа, ежели правильно разсудить. И у учителя душа. Однако, всѣ люди—разные. Вотъ и эта... бабенка говоритъ тоже: жить—говорить—совѣстно. А почему совѣстно, ежели судьба? Безъ Божьей воли

и волосъ съ твоей головы не падеть...—Тутъ ему снова вспомнилось что-то отдаленное, неясное, но что снова одѣло его голову и сердце сырымъ и тяжелымъ туманомъ.

Онъ тяжело вздохнулъ, выпилъ и, откинувшись на спинку дивана, прислушался къ себѣ.

Почему-то ему представилась большая труба военной музыки въ саду.

— Уфъ, уфъ!—рычала она, выбиваясь изъ толпы другихъ нотъ. Потомъ онъ ясно вспомнилъ дребезгъ пролетки, что такъ грубо нарушалъ грустную тишину вечера.

— Развѣ можно самого себя понимать, коли человекъ, можно сказать, какъ мельница: цѣлый день разныя разности перетираетъ своимъ умомъ?—съ обидой на кого-то подумалъ Тихонъ Павловичъ.—Хорошо тѣмъ, которые могутъ понимать—какъ и что; ну, а намъ гдѣ же? Мы—люди ущемленные, темные. Душа... я понимаю! Но какой есть мой настоящій путь—какъ я это могу разобрать? Вотъ и загвоздка...

Однако, въ немъ, гдѣ-то тамъ глубоко, все ныло что-то, все покалывало его какое-то острое ощущеніе. И ему казалось, что онъ какъ бы раздвоился: одна его половина незамѣтно для другой старается куда-то столкнуть ее, или какъ бы онъ осторожно обходитъ самъ себя, какъ обходилъ онъ разныхъ мужичковъ, вступавшихъ съ нимъ въ сдѣлки.

— Вѣдь развѣ я спорю?—доказывалъ онъ самъ себѣ, хмурия лобъ. — Грѣшенъ и закоснѣлъ — понимаю... Но какъ мнѣ распрощаться-то? Придетъ постъ—буду говѣть, а до той поры—ужъ какъ ни то—надо сносить.

И все-таки въ концѣ-концовъ онъ ясно чувствовалъ, что одному ему не годится оставаться здѣсь долго, что его опять понемногу охватываетъ и засасываетъ тоска. Онъ боялся ея возвращенія. Она было утихла тамъ, въ саду и по дорогѣ сюда, а теперь вотъ снова является,

растетъ, отуманиваетъ его и заставляетъ чувствовать какую-то неловкость и смущеніе. Онъ всталъ, налилъ рюмку водки, выпилъ и вышелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ раньше.

— И чего эта чортова кукла провалилась?—съ негодованіемъ подумалъ онъ.

На него уставилось нѣсколько паръ любопытныхъ глазъ. Черный человѣкъ съ солдатскими усами измѣрялъ его пристальнымъ взглядомъ, въ которомъ свѣтилось что-то недоброе. Онъ повернулся назадъ и отшатнулся въ сторону. Передъ нимъ стоялъ высокій человѣкъ въ красной рубахѣ, пустые рукава которой свободно болтались по бокамъ, ниспадая отъ плечъ. Клинообразная русая борода удлиняла его блѣдное, испитое лицо съ лихорадочно-блестѣвшими сѣрыми глазами; длинная шея съ изогнутымъ и вытянувшимся впередъ кадыкомъ придавала этой странной фигурѣ что-то журавлиное. На ногахъ у него были валенки и плисовые шаровары, вытертые на колѣняхъ. Ему было, навѣрное, лѣтъ подъ пятьдесятъ, но глаза молодили его. Онъ смѣрилъ Тихона Павловича глазами и прошелъ мимо него въ длинную комнату.

— Значить, вы и есть купецъ?...—сказалъ онъ, когда увидалъ, что мельникъ вошелъ за нимъ.

— Я...

— Налейте мнѣ рюмочку.

— Изволь.

— И поднесите.

— Могу.

Мельникъ налилъ водки, поднесъ ее къ губамъ безрукаго, и тотъ сразу, потянувъ въ себя воздухъ, съ какимъ-то особеннымъ свистомъ выхлебнулъ ея содержимое все до капли.

— Закуски надо?

— Не употребляю послѣ первой рюмки.

— Налить еще?

— Покорно благодарю...

Онъ говорилъ высокимъ металлическимъ голосомъ, и послѣ двухъ рюмокъ глаза его заблестѣли еще ярче, а на лицѣ вспыхнули два пятна. Тихонъ Павловичъ далъ ему кусокъ хлѣба съ какой-то рыбой, тотъ взялъ его губами, сѣлъ на диванъ и, наклонивъ голову надъ столомъ, положилъ закуску на край стола и ѣлъ, быстро сгибая шею. Кусая, онъ далеко вытягивалъ нижнюю губу и удерживалъ ею пищу отъ паденія на полъ. Тихонъ Павловичъ смотрѣлъ на него, и ему было жалко этого изуродованнаго человѣка.

— Какъ это руки-то?... — спросилъ онъ съ соболѣзнующей нотой въ тонѣ вопроса.

— Очень просто: попалъ въ пьяномъ видѣ въ приводной ремень—разъ, два!—три мѣсяца въ больницѣ. и пошелъ въ нищю! — быстро рассказывалъ калѣка, вдоль и поперекъ измѣряя своими глазами мельника.

— Больно-то, чай, какъ было!—воскликнулъ Тихонъ Павловичъ, чмокая губами.

— Было... но это прошло. А что прошло, того и нѣтъ. Скверно вотъ то, что есть, а то бы все наплевать.

— Т.-е. какъ?—не понялъ Тихонъ Павловичъ.

— Очень просто: жить безъ рукъ невозможно. Даже милостынн принять нечѣмъ — вотъ какая подлость! Ртомъ ловить—зубы вышибуть.

— Это вѣрно,—засмѣялся Тихонъ Павловичъ.

Въ калѣкѣ было что-то живое, бойкое, бодрящее, и его глаза сверкали такъ умно. Тихонъ Павловичъ подумалъ, что, должно быть, онъ хорошій и веселый парень, даромъ что безъ рукъ.

— Чего вѣришь... — кивнулъ головой безрукій и громко откашлялся.

— А Аннушка скоро?—спросилъ мельникъ.

Безрукій быстро вскинулъ голову и остро посмотрѣлъ въ лицо Тихона Павловича. Тому показалось, что

это какой-то особенный, непріязненный взглядъ, и онъ скосилъ глаза въ сторону, немного смущенный.

— Вы гдѣ ее... подцѣпили?—спросилъ безрукій.

— Въ саду... встрѣтились...—счелъ нужнымъ мельникъ удлинить свой отвѣтъ.

— А!...

— А что?

— Такъ...

— Красивая дѣвица...—сказалъ Тихонъ Павловичъ, чувствуя, что непріязнь къ нему все возрастаетъ у его собесѣдника.

— Тоже калѣка...—кратко бросилъ тотъ.

— Т.-е. какъ?

— Души нѣтъ. У меня машиной рѣки вырвало, а у нея душу — жизнью. Жизнь у бѣдныхъ людей проклятая — калѣчить безъ всякаго резона. Жестокая жизнь.

Помолчали. Безрукій ерзалъ по дивану, точно разжигаемый какимъ-то нетерпѣніемъ, а Тихонъ Павловичъ, исподлобья поглядывая на него, чувствовалъ себя неловко и злился, и чего-то боялся, и снова начиналъ чувствовать внутри себя эти уже знакомые ему уколы. Во время разговора чувствуешь себя лучше—не замѣчаешь ничего внутри себя, если говоришь о томъ, что внѣ.

— Еще рюмочку?

— Давайте... Но больше не надо, а то не буду пѣть.

— Въ пѣвчихъ были?

— Я? Всѣмъ былъ—часовыхъ дѣлъ мастеромъ былъ, пѣвчимъ былъ, смазчикомъ на желѣзной дорогѣ былъ, роговыми издѣліями торговалъ, приказчикомъ былъ по лѣсной части... всего не упомяну. Давно живу!

— Н-да... Вонъ какъ...—сказалъ Тихонъ Павловичъ, поражаемый бойкостью собесѣдника. Снова помолчали.

— А долго не идетъ она, Аннушка-то?...

— Анюта?—какъ-то весь перекоксился безрукій... —

Придетъ!—И онъ сухо засмѣялся.—Непремѣнно придетъ... Вы ей десять цѣлковыхъ хотѣли дать? Придетъ—еще бы! За десять-то цѣлковыхъ, когда она за рр... эхъ! Онъ, извиваясь своимъ длиннымъ тѣломъ, закашлялся. —Знаете, я эту Анюту съ шести лѣтъ знаю. Н-да... каково-съ? Я ее на рукахъ носилъ, пряники ей покупалъ, а теперь самъ вотъ живу подъ ея охраной... Я ей, бывало, пряники, а она мнѣ теперь хлѣбъ и водку... Времена переменчивы... а люди—скоты. Впрочемъ, все держится въ своихъ законахъ, и человѣкъ на землѣ не болѣе, какъ ничтожная гнида. Все въ порядкѣ, ныть и плакать не стоитъ — ни къ чему не поведетъ. Живи и ожидай, когда тебя изломаетъ, а если изломало уже—жди смерти! Только и есть на землѣ всѣхъ умныхъ словъ. Поняли? И Аня, и я, и вы—всѣ мы съ молодости нашей потеряли все, а нашіли до сей поры шишъ съ масломъ! Вѣрно-съ! И больше никакихъ. Всякіе разговоры — пустяки и чепуха. Я прежде былъ другого взгляда на жизнь и очень беспокоился за себя и за другихъ—какъ, молъ, и что, и какой смыслъ, и въ чемъ суть, и зачѣмъ, и почему... Нынче — наплевать! Проходитъ жизнь извѣстнымъ порядкомъ, ну, и проходи,—такъ, значить, надо, и я тутъ не при чемъ. Законы-съ; противъ нихъ невозможно идти... И незачѣмъ, потому что даже и тотъ, кто все знаетъ, ничего не знаетъ. Ужъ повѣрьте мнѣ въ этомъ случаѣ — съ умнѣйшими людьми вель по этимъ дѣламъ бесѣды — со студентами и со многими священнослужителями церкви. Х-хе! Разсуждаютъ люди о томъ, о другомъ и прочее... глупо-съ! очень глупо! О чемъ разсуждать, когда существуютъ законы и силы? И какъ можно имъ противиться, ежели у насъ всѣ орудія въ умѣ нашемъ, а онъ тоже подлежитъ законамъ и силамъ? Вы понимаете? Очень просто. Значить, живи и не кобенься, а то тебя сейчасъ же разрушить впрахъ сила, состоящая изъ собственныхъ твоихъ свойствъ и намѣреній и изъ дви-

женіи жизни! Это называется — фи-ло-со-фія-сь дѣйстви-
тельной жизни... Понятно?—Онъ горѣлъ и кипятился,
этотъ безрукій калѣка, кидая одну за другой свои от-
рывистыя и туманныя фразы Тихону Павловичу. Тонъ
его рѣчи былъ страненъ: въ немъ звучала и горькая
обида, и полная безнадежность, и насмѣшка надъ
чѣмъ-то или надъ кѣмъ-то, и какой-то мистическій
страхъ предъ этими законами и силами—словами, ко-
торые онъ произносилъ съ какимъ-то особеннымъ под-
черкиваніемъ и пониженіемъ голоса.

Тихонъ Павловичъ мало понялъ изъ его рѣчи, но
она сообщила ему какую-то нервную робость, и онъ
чувствовалъ, что она что-то объясняетъ ему. И когда
безрукій сдѣлалъ паузу, задыхаясь отъ всего сказан-
наго, онъ робко и задумчиво спросилъ его:

— Значить, человѣку некуда податься?

— Ни на вершокъ! — сверкнувъ глазами, сказалъ
безрукій и, подавшись всѣмъ корпусомъ въ сторону
Тихона Павловича, добавилъ голосомъ сдавленнымъ и
строгимъ: — Законы! Тайныя причины и силы—пони-
маете?—Онъ поднималъ кверху брови и многозначительно
качнулъ головой. — Никому ничего неизвѣстно... Тьма!
Онъ съежился, вобравъ въ себя голову, и мельнику
представилось, что если бъ его собесѣдникъ имѣлъ руки,
то онъ навѣрное погрозилъ бы ему пальцемъ.—И зна-
чить, живи, но не жалуйся и корись! Больше ни-
чего...

— Н-да-а! — протянулъ мельникъ, задумчиво те-
ряя бороду и наморщивая лобъ. — Ну, а какъ же
душа?

— Душа?... Младенцевъ, малыхъ ребятъ въ каба-
кахъ и другихъ такихъ мѣстахъ видали? Вотъ—душа
на землѣ! Испытаніе ей дано...

— Значить, какъ же теперь, ежели совѣсть?...

— Вонъ—идуть...—кивнулъ головой безрукій.

Въ дверяхъ стояла Аннушка, раскраснѣвшаяся и

тяжело дышавшая; изъ-за ея плеча высывалась усатая физиономія въ фуражкѣ, ухарски сдвинутой на ухо, и съ насмѣшливо-прищуренными глазами.

— Михайлъ Антонычъ! Костя пришелъ... А я устала!

— Костя? — встрепенулся безрукій. — Дѣльно! Это, значитъ, будетъ восторгъ одинъ! Костя, иди сюда!... Вотъ, купецъ, человѣкъ, такъ сказать, талантъ! Вотъ душа!

Изъ-подъ локтя Аннушки вынырнулъ худой и желтый юноша, сутулый, съ ввалившейся грудью, съ тонкими губами; онѣ были у него полуоткрыты, и изъ-за нихъ видно было два ряда зубовъ, черныхъ, поврежденных виннымъ камнемъ.

Въ комнатѣ сразу стало шумно—пришедшіе внесли съ собой цѣлую волну разнообразныхъ звуковъ. Усатый человѣкъ съ насмѣшливыми глазами оказался гармонистомъ; онъ сейчасъ же сѣлъ въ уголъ дивана и поставилъ себѣ на колѣни большую гармонику съ безчисленнымъ количествомъ клапановъ и взялъ какой-то чрезвычайно высокій и бойкій аккордъ, послѣ чего побѣдоносно взглянулъ на Тихона Павловича и налилъ себѣ рюмку водки.

Кромѣ Аннушки, пришла еще дѣвица—Таня, какъ называлъ ее какой-то молодой человѣкъ въ пиджакѣ, не то ремесленникъ-„чистякъ“, не то мелкій приказчикъ. Они усѣлись къ окну, а Аннушка, гармонистъ, Тихонъ Павловичъ, безрукій и Костя составили группу у стола. Тамъ, въ большой комнатѣ, народу набралось уже много, почти все столы были заняты и гудѣлъ могучій, пьяный шумъ, сливаясь въ оглушительную гармонию.

Безрукій и Костя говорили что-то между собой вполголоса; лицо Кости освѣщалось глубоко ввалившимися голубыми глазами, подъ ними были большія, темныя пятна. Онъ былъ въ поддевкѣ, въ красной рубахѣ и сапогахъ съ наборомъ. Аннушка что-то шептала гармонисту, лукаво улыбаясь, а тотъ слушать ее и равнодушно поглядывать на мельника.

Всѣ чувствовали себя нѣсколько стѣсненными, особенно Тихонъ Павловичъ, потерявшійся при видѣ столькихъ незнакомыхъ лицъ, мало обращавшихъ на него вниманія. Онъ сразу почувствовалъ себя точно выдернутымъ откуда-то, и хотя отъ выпитой водки и разговора съ безрукимъ голова у него налилась какъ бы туманомъ, однако онъ сообразилъ, что онъ долженъ играть роль хозяина. Теперь Аннушка и Таня перемигнулись другъ съ другомъ, стали хохотать надъ чѣмъ-то; имъ вторилъ человѣкъ въ пиджакѣ, смѣявшійся громко и добродушно; гармонистъ вытягивалъ изъ своего инструмента длинныя, визгливыя ноты, а безрукій и Костя перебрасывались какими-то односложными словами.

Тихонъ Павловичъ крикнулъ, желая обратить на себя вниманіе, и его поняли. Всѣ какъ-то засуетились, сразу сдвинулись плотнѣе къ столу; Аннушка вскочила съ дивана и сѣла рядомъ съ мельникомъ на стулъ; пара отъ окна тоже подошла къ столу.

— Для начала выпьемъ, господа компанія! — возгласилъ Тихонъ Павловичъ, и ему очень понравилось то, что онъ сказалъ эти слова такъ степенно, солидно, вѣско.

Выпили. Безрукому подалъ Костя, сидѣвшій рядомъ съ нимъ.

— Вы, значить, — обратился Тихонъ Павловичъ къ безрукому, — какъ человѣкъ этакій... — Онъ замялся, взглянувъ на плечи этакого человѣка. — Вы и командуйте всѣмъ. Чтобы было весело, чтобы ходуномъ ходило все... Выпьемъ еще по одной для развязки!

— Можно, — согласился безрукій. По мѣрѣ того, какъ онъ пилъ, у него все болѣе расширялись глаза и въ кадыкѣ начинало что-то клокотать. — Выпьемъ и споемъ хоромъ! Идетъ? Хорошо будетъ! Ты, Костя, подвывай, подголашивай, Аннушка заведетъ, а вы, Маркъ Ивановичъ, подтяните на гармоникѣ.

Всѣ заговорили сразу. Юноша въ пиджакѣ нахо-

дилъ, что хора не выйдетъ—мало голосовъ; гармонистъ согласился съ нимъ и, очевидно, желая показаться свѣдущимъ, употреблялъ разные спеціальныя термины.

— Никакъ не выйдетъ; потому все мажорныя, т.-е. громкіе голоса, и будетъ одинъ крикъ. Триё—вотъ это будетъ вразъ, втроемъ, значить, нужно пѣть.

Аннушка, выпившая и возбужденная, ластилась, какъ кошка, къ мельнику. Онъ старался сохранить солидность, но уже масляно улыбался и уцѣпнулъ ее за бокъ. Она тихонько взвизгнула и ударила его по рукѣ. Они увлеклись понемногу, а вокругъ нихъ все горячѣе разгорался споръ о томъ, что и какъ пѣть.

Въ дверь то и дѣло заглядывали разныя трактирныя фізіономіи, заглядывали и исчезали, уступая мѣсто другимъ.

— Маркъ Ивановичъ, это не такъ!—съ тоской въ голосѣ восклицалъ безрукій.

— Нѣтъ, такъ!—глухимъ басомъ рубилъ гармонистъ.

Костя не принималъ участія въ спорѣ: отвалившись спиной въ уголъ дивана, онъ выпятилъ грудь, полузакрывъ глаза и вдругъ почему-то поблѣднѣлъ.

— Костюшка, запѣвай!—крикнула Таня высокимъ контральто и облокотилась на столъ, подперевъ щеку рукой. Ея кавалеръ началъ что-то шептать ей на ухо, скашивая глаза въ сторону мельника, обнявшаго свою сосѣдку за талію и подносившаго къ ея рту рюмку рябиновой. Она жеманилась, отворачивая голову въ сторону. Таня посмотрѣла на нее лѣнивымъ взоромъ тусклыхъ синихъ глазъ и снова приняла прежнюю позу, кинувъ гармонисту:

— Будетъ вамъ, чай, ужъ!

А безрукій, наклонившись къ нему корпусомъ и брызгая слюной, громкимъ звенящимъ голосомъ кричалъ:

— И опять нѣ такъ! Нужно начинать съ грусти, чтобы привести душу въ порядокъ, заставить ее прислушаться.

— Т.-е. это какъ же?—скептически возражалъ гармонистъ, хмуря брови и поводя усамп.

— А такъ—она чувствительна къ грусти... Понимаете? Вотъ вы ей сейчасъ и закиньте удочку — „Лучинushкой“, къ примѣру, или „Заходило солнце красное“—она и пріостановится, замретъ. А тутъ вы ее хватите сразу „Чоботами“ или „Во лузяхъ“, да съ дробью, съ пламенемъ, съ плясомъ—чтобы жгло! Ожгете ее, она и встрепенется! Тогда и пошло все въ дѣйствіе. Тутъ ужъ начнется прямо бѣшенство—чего-то хочется и ничего не надо! Тоска и радость—такъ все и заиграетъ радугой!...

Безрукій задыхался отъ возбужденія и странно раскачивалъ корпусомъ, точно собираясь нырнуть на полъ, подъ ноги гармониста. Шумъ въ трактирѣ становился все болѣе хаотичнымъ, оглушающимъ, пьянымъ.

И вдругъ въ него впиалась высокая теноровая нота, болѣзненно вибрирующая, протяжная, унылая:

„Эхъ, да въ непогоду-у...“

— Ш-ш-ш!—змѣей зашипѣлъ безрукій, вскинувъ вверхъ голову и обводя публику широко раскрытыми глазами съ выраженіемъ въ нихъ и просьбы, и какой-то боязни, и удовольствія. Публика сразу притихла и уставилась на Костю, сидѣвшаго на диванѣ съ блѣднымъ лицомъ и судорожно открытыми губами, изъ которыхъ, дрожа и взвиваясь все выше, лились одинъ за другимъ звуки, сильные, но надломленные и — было ясно—рожденные болью грудью.

— Таня, подхвати, голубушка!—шепталъ молящимъ шопотомъ безрукій.

„Вѣтеръ воетъ, завываетъ...“

сразу перешелъ Костя на речитативъ.

Таня равнодушно, съ видомъ челоуѣка, говорящаго: „могу—мнѣ все равно!“, посмотрѣла на Костю и, крѣпче

приложивъ руку къ щекъ, подхватила прежде, чѣмъ Костя кончилъ свой речитативъ:

„А мою голо-овушку“

— „Злая грусть терзаетъ!...“ продолжалъ Костя, неподвижный и весь углубившійся въ себя. Маленькій онъ былъ, сухой, желтый, и было странно убѣждаться, что это именно въ его съезженной и изогнутой фигуркѣ хранятся такіе красивые, сильные звуки. Пѣсня лилась нота за нотой. Голосъ Кости, высокій, металлическій теноръ, вибрировалъ, какъ бы рыдая, и замиралъ, но прежде чѣмъ онъ успѣвалъ погаснуть, раздавалось густое контральто Тани и оно задумчиво и печально плыло изъ ея горла, ровное, безнадежно-спокойное, что дѣлало слова еще болѣе грустными. Въ дверяхъ комнаты стояла толпа людей съ красными, возбужденными и потными физіономіями; за ней гдѣ-то тамъ, въ комнатѣ, попрежнему звучали стаканы и гудѣли пьяные голоса, но они все ослабѣвали, а толпа у дверей протискивалась все дальше въ комнату.

„Эхъ, да и пойду я въ степи...“

грустно рассказывалъ Костя съ красными пятнами на своемъ лицѣ—

„Въ степи-и...“

подхватила Таня, и голосъ ея звучалъ только какъ равнодушное эхо чужой скорби:

„Пойду тамъ доли...“

Голоса слились и дружной, теплой и ослабляющей душу струей ровно потекли по комнатѣ, пропитанной запахомъ водки, табаку и пота, вдругъ задрожали, забились, зарыдали, точно имъ стало тѣсно и тошно тутъ. Потомъ голосъ Кости оборвался и умолкъ, а Таня продолжала:

„Матушка-пустыня-а...“

— „Матушка-пустыня!“—снова вступилъ Костя то-скливымъ крикомъ:

„Пріюти сиротку-у...“

— „Пріюти сиротку“,—вступилъ третій, новый голосъ. Это походило на флажолетъ скрипки: голосъ былъ почти фальцетъ, но въ немъ было много чувства и выраженія, онъ такъ искренно плакалъ, былъ такимъ роднымъ голосу Кости, такъ тоскливо просилъ пріюта. Онъ слился съ голосомъ Кости и, уже звуча въ униссонъ ему, гибкій, тоже дрожащій, являвшійся какъ бы эхомъ, тѣнью основного звука, заплакалъ и застоналъ, выпѣвая только одиѣ гласныя. Это пѣлъ безрукій, закрывъ глаза и выгнувъ свой кадыкъ. Контральто Тани звучало... низкое, ровное, густое, и оно стало чѣмъ-то вродѣ широкой полосы бархата, извивавшейся въ пространствѣ, а на немъ, на этомъ бархатѣ, въ фантастическихъ узорахъ дрожали золотыя и серебряныя нити голосовъ безрукаго и Кости.

Публика была подавлена этимъ разсказомъ сироты о поискахъ своей доли. Тихонъ Павловичъ давно уже неподвижно сидѣлъ на стулѣ, низко свѣсивъ на грудь голову и жадно вслушиваясь въ звуки пѣсни. Они снова будили въ немъ его тоску, но теперь къ ней примѣшивалось что-то ѣдко-сладкое, щекочущее сердце. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто его обливало что-то теплое и густое, какъ парное молоко, обливало и, проникая внутрь его существа, наполняло собой всѣ жилы, очищало кровь, тревожило его тоску и, развивая ее и увеличивая, все болѣе смягчало. Было еще что-то жгучее и щиплющее во всѣхъ этихъ ощущеніяхъ—оно было въ каждомъ изъ нихъ и, соединяясь, образовало въ душѣ мельника странную сладкую боль, точно большая, давившая его сердце, льдина таяла, распадалась на куски и они кололи его тамъ, внутри.

Аннушка положила на плечо сосѣда свою голову и замерла въ этой позѣ, потупивъ глаза въ землю. Гармонистъ задумчиво покручивалъ усы, а человѣкъ въ пиджакѣ отошелъ къ окну и сталъ тамъ, прислонясь къ стѣнѣ и смѣшно вытянувъ голову по направленію

къ пѣвцамъ, точно онъ ртомъ ловилъ звуки пѣснн. Толпа въ дверяхъ шуршала платьемъ и глухо ворчала, слившись въ одно большое животное.

Трое пѣвцовъ пѣли, сами себя очаровавъ своей пѣсней, и она звучала, то мрачная и страстная, какъ молитва кающагося грѣшника, то печальная и кроткая, какъ плачь больного ребенка, то полная отчаянной и безнадежной тоски, какъ всякая хорошая русская пѣсня.

„Э я сижу-у-мо-оря-а...“

рыдалъ Костя, у котораго отъ напряженія выступилъ потъ на лбу и катился по щекамъ, какъ слезы;

„Эо-а, э-оо-э-о-а!“

вторилъ ему безрукій одиѣми гласными. Онъ плотно зажмурилъ глаза, и ноздри его нервно дрожали, дрожали и губы, и подбородокъ.

„Долн себѣ жду-у!“

голосомъ, полнымъ безнадежности и покачивая головой, пѣла Таня и улыбалась такой тоскливой, острой улыбкой.

„Душу мою...“

звенѣлъ и плакалъ теноръ Кости.

„Слезы-и-и...“

„Слезы жгучи моютъ!...“

дрожалъ голосъ безрукаго.

Звукн все плакали,плыли; казалось, что вотъ-вотъ они оборвутся и умрутъ, но они снова возрождались, оживляя умирающую ноту, снова поднимали ее куда-то высоко; тамъ она билась и плакала, падала внизъ; фальцетъ безрукаго отгѣнялъ ея агонію, а Таня все пѣла, и Костя опять рыдалъ, то обгоняя ея слова, то повторяя ихъ, и должно быть, не было бы конца у этой плачущей и молящей пѣсни—разказа о поискахъ долн спротои-человѣкомъ.

— Братцы!—глухо крикнулъ Тихонъ Павловичъ, вскакивая со стула.—Больше не могу! Христа ради, больше не могу!

Лицо у него было красно и все въ слезахъ, борода, смоченная ими, скомкалась, и въ глазахъ, широко открытыхъ, испуганныхъ, полныхъ болѣзненного напряженія, сверкало что-то дикое и восторженное, жалкое и горячее. Вставая, онъ оттолкнулъ Аннушку; она чуть не упала, оправилась и, точно проснувшись, смотрѣла на безрукаго глазами, тусклыми и тупыми—тяжелымъ взглядомъ уставшаго животнаго.

— Душу мою пронзили! Будетъ—тоска моя! Тронули вы меня за больное сердце... то-есть, часу у меня такого не было еще въ жизни!

Таня тупо смотрѣла на него, и изъ ея губъ все лились ровныя, сочныя ноты, теплыя, но безъ огня.

— Братцы! Какъ угли горять во мнѣ теперь—вотъ какая тоска! Что теперь я сдѣлаю? На ножъ пойду!—глухо гудѣлъ мельникъ, страшно тараща глаза и растирая грудь обѣими руками.—Кутимъ! Съ трескомъ! Эхъ ты, жизнь!

Безрукій и Таня оборвали пѣсню. Таня сейчасъ же налила себѣ полстакана водки и выплеснула ее себѣ въ ротъ съ такой быстротой, точно у нея тамъ угли горѣли и она хотѣла скорѣе потушить ихъ. Вздволнованный и уставшій безрукій молча отдувался. Онъ какъ-то сразу осунулся, у него ввалились щеки, и глаза смотрѣли тупо, тускло и безсмысленно.

— Налей-ка мнѣ рябиновой, Маркъ Ивановичъ!

— Славно пѣли...—тихо сказалъ гармонистъ, поднося къ его рту стаканъ.

Толпа очнулась, и поднялся хаотическій шумъ и говоръ. Послышались одобрительныя восклицанія, ласковыя ругательства.

„Доля, моя доля, гдѣ жъ ты...“

вдругъ снова зарыдалъ теноръ Кости.

Онъ все время пѣлъ съ закрытыми глазами и, гипнотизированный своей пѣсней, должно быть, не слышалъ ничего, сдѣлалъ паузу и вотъ—снова запѣлъ.

Раздался хохотъ. Хохотали тѣ, что стояли у двери, и съ ними хохотала Таня. Показалось смѣшнымъ это увлеченіе Кости, и смѣхъ разбудилъ его. Широко открывъ глаза, горящій и нервный, онъ посмотрѣлъ на смѣющіяся фізіономіи, съежился, поблѣднѣлъ и какъ-то сразу погасъ, превратился въ того худого, желтаго паренька, какимъ онъ вошелъ сюда.

— Лапушка, пей!—угощай Тихонъ Павловичъ Аннушку.—Пей, гуляй! Кучу! Сокрушилъ бы я себя самого...

Гармонистъ взялъ въ руки гармонику, подумалъ, поднявъ голову вверхъ, и заигралъ что-то бойкое.

— Вотъ какъ тронули душу у купца! а!?—толкалъ его безрукій подъ столомъ ногой. Гармонистъ молча кивалъ головой. Таня исчезла куда-то, а человѣкъ въ пиджакѣ, стоя у двери въ большую комнату, смотрѣлъ на шумливую публику. Около стола Тихона Павловича появились какія-то нахальныя фигуры и пили его водку. Онъ пилъ со всѣми и быстро пьянѣлъ. И Аннушка пьянѣла.

— Плясать хочу, Маркъ, играй камаринскаго!—кричала она, поводя плечами. Безрукій, нахмурившись, смотрѣлъ на нее съ дивана и кусалъ себѣ губы.

— Ну, Михайлъ Антонычъ, не сердись! Все равно вѣдь!—улыбнулась она ему, замѣтивъ его мину.—Одинъ разъ жить на свѣтѣ...

— Баба, хоть четыре жизни живи, все скотиной будешь!—зло кинулъ онъ ей.

— Другъ! не ругайся! Она—милая дѣвица, я ее люблю!—бушевалъ мельникъ.—Тронули вы мнѣ душу и очистили ее. Чувствую я теперь себя—ахъ, какъ! Въ огонь бы полѣзъ...

— Человѣкъ никуда не долженъ лѣзть... Ты вотъ налей-ка мнѣ!

— Не лѣзть никуда? Это—вѣрно! Руку! Да, руки у тебя пѣтъ... Ну, поцѣлуемся. Онъ обнялъ безрукаго и сталъ цѣловать его. Костя наливалъ себѣ водки и пилъ ее рюмку за рюмкой, видя, что никто за нимъ не слѣдитъ.

— Играй русскую! Хочу плясать!—все еще стояла на своемъ Аннушка. Гармонистъ грянулъ какой-то удивительный аккордъ и заигралъ „По улицѣ мостовой“.

Уперевъ руки въ боки и поводя плечами, Аннушка, соблазнительно красивая и горящая отъ возбужденія, павой проплыла мимо разгоряченнаго виномъ мельника и вызывающе подмигнула ему глазомъ.

— Ихъ ты! Пошелъ и я!—ухарски крикнулъ онъ и, громко топая ногами, пустился вслѣдъ за ней.

Безрукій смотрѣлъ на него, страшно оскаливъ зубы и вращая бѣлками.

Снова собралась толпа и грохотала, глядя на пляшущихъ.

— Загулялъ Тихонъ!—угрожающе выкрикнулъ мельникъ.—Возобновился человѣкъ! Э-эхма!

Ночью на пятый день послѣ описаннаго Тихонъ Павловичъ возвращался со станціи домой, на хуторъ.

Съ больной головой, разбитый и мрачный, онъ трясся въ телѣгѣ и чувствовалъ въ груди мерзкій, горькій осадокъ послѣ четырехдневной кутежки. Представляя себѣ, какъ жена встрѣтитъ его и заноситъ: „Что, батюшка, снова сорвался съ цѣпи-то?“ и начнетъ говорить о лѣтахъ, сѣдой бородѣ, дѣтяхъ, стыдѣ, о своей несчастной жизни,—Тихонъ Павловичъ сжимался и озлобленно плевалъ на дорогу, глухо бормоча:

— Н-ну, и жизнь!...

— Что вы-съ?—спрашивалъ его возница, словоохотливый „Пантелей со станціи“, именовавшійся такъ въ отличіе отъ другого Пантелея—„пришлаго“.

— Ничего, ничего! Вези, знай!—сердито ворчалъ Тихонъ Павловичъ.

— Ага! Это бываетъ: думаетъ, думаетъ человѣкъ и заговорить самъ съ собой вслухъ. Бываетъ это отъ многихъ думъ, ежели...—не унимался возница.

Помалкивай себѣ!—обрывалъ его Тихонъ Павловичъ.

— Что жъ! Можно и помолчать...—соглашался Пантелей и черезъ нѣсколько времени снова заговаривалъ.

Хмурая ночь окутала всю степь тяжелымъ мракомъ и въ небѣ неподвижно стояли еще сѣрыя облака. Въ одномъ мѣстѣ ихъ было бѣлесоватое, странное пятно—это луна хотѣла пробиться сквозь тучи и не могла. Приѣхали къ плотинѣ.

— Стой!—сказалъ Тихонъ Павловичъ, вышелъ изъ тележки и посмотрѣлъ кругомъ. Шагахъ въ сорока отъ него темной, угловатой кучей рисовался во мракѣ ночи хуторъ; справа рядомъ съ нимъ—запруда. Темная вода въ ней была неподвижна и страшила этой неподвижностью. Все кругомъ было такъ тихо и жутко. Густо одѣтая тѣнью ливы на плотинѣ стояли такъ прямо, строго и сурово. Гдѣ-то падали капли... Вдругъ на запруду налетѣлъ вѣтеръ изъ роуцъ; вода испуганно всколыхнулась и раздался тихій, жалобный плескъ... И ливы, стряхивая сонъ, тоже зашумѣли.

Тихонъ Павловичъ посмотрѣлъ, какъ вода, тронутая вѣтромъ, снова засыпала, успокаиваясь постепенно, но еще пока, покрытая мелкой рябью и точно дрожавшая, посмотрѣлъ, глубоко вздохнулъ и пошелъ къ хутору, глухо бормоча:

— Жизнь... Колѣбаніе одно только... рябь. Поймешь тутъ что ни то, какъ же!?

Но его не успокаивало это бормотанье, и, чувствуя себя виноватымъ предъ всѣми и предъ самимъ собой, онъ остановился, взялъ въ руки бороду и, дернувъ себя за нее, качнулъ головой и громко произнесъ:

— Старый ты чортъ, Тишка!...

— Что-съ?—откликнулся изъ мрака „Пантелей со станціи“.

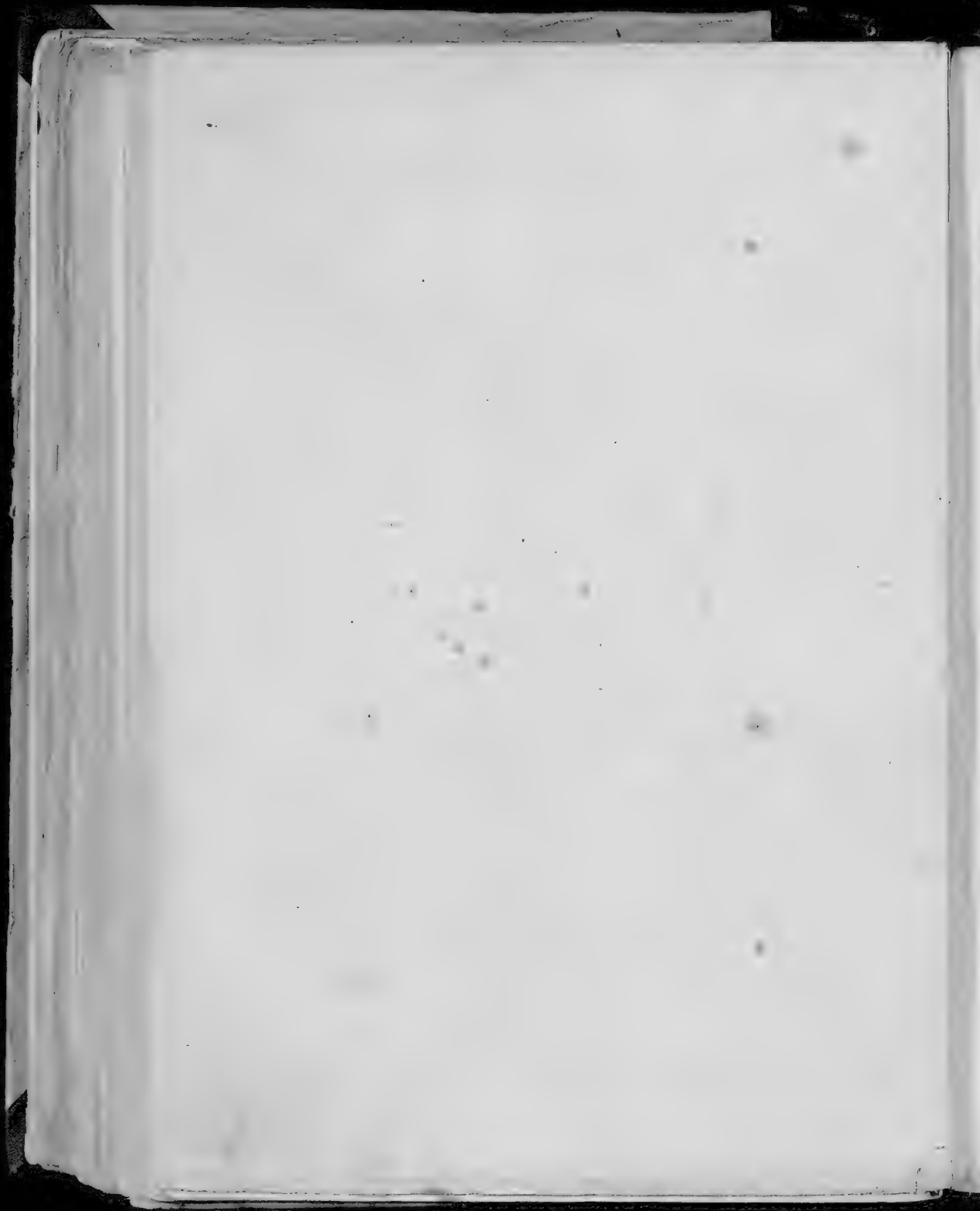
— Ничего, шелъ ты...

Гдѣ-то пѣтухи пропѣли...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

изд. Гос. М. н. р.

изд. Горького

1871
Jan 1st
to the
1872

